

Евгений Иванов

Затиски

ОПЕРА

ОСОБОГО ОТДЕЛА

В отдаленном заполярном гарнизоне ВВС Северного флота командир полка разработал универсальную методику нетрадиционного поиска подводных лодок, аналогов которой в мире не существует. О его научных изысканиях в гарнизоне не известно никому. Почти никому... Однако советская разведка получает сведения о том, что спецслужба соседнего государства уже располагает копией этой секретной разработки. Найти канал утечки данной информации берется молодой сотрудник военной контрразведки КГБ капитан Игорь Чернов.

Евгений Иванов

ЗАПИСКИ ОПЕРА ОСОБОГО ОТДЕЛА

За окном медленно падал белый снег.

Когда-то, в детстве, он очень любил такую погоду; ему нравилось кататься с горы на санках, играть в снежки и строить снежные крепости. В военном училище снег уже не приносил былой радости, он был причиной раннего подъема и расчистки плаца. Здесь, в Мурманской области, снег, особенно в апреле, нагонял тоску.

Капитан Игорь Чернов недавно был переведен в Особый отдел ВВС Северного флота и южного украинского города Приазовска и поэтому еще не мог привыкнуть к реалиям сурового Севера. Ему еще не было тридцати лет, но за плечами были годы военного училища, служба в частях ВВС, учеба на высших курсах военной контрразведки и три года оперативной работы. По возрасту и служебному опыту он относился к категории молодых сотрудников, но определенные показатели в работе позволили ему в прошлом году подняться в должности до старшего оперуполномоченного. Однако здесь, на Севере, ему приходилось начинать все сначала. Специфика службы противолодочной авиации в корне отличалась от особенностей транспортной авиации, где прошла большая часть службы Чернова. Да и взаимоотношения в коллективе тоже оставались сложными. Для тех, кто попал на Север сразу после военного училища, такие, как Чернов, были людьми пришлыми, поэтому и отношение к ним было, как к временщикам.

Игорь сидел за столом и смотрел на голый, почти лунный пейзаж за окном. Ему вспоминалась прошлая жизнь: Азовское море, залитые солнцем пляжи, каштановые аллеи и незабываемый запах сирени.

— Товарищи офицеры, — прервал воспоминания голос секретаря отдела, — прошу всех пройти в актовЫй зал на совещание.

В Особых отделах КГБ СССР ежемесячно проводились плановые трехдневные сборы оперсостава, на которых подводились индивидуальные итоги работы, принимались зачеты по специальной и военной подготовке, доводились последние приказы и указания руководства, а также неотъемлемой частью всегда было партийное собрание. Оперативные работники считали эти дни вырванными из рабочего процесса, но это была единственная возможность собраться всем вместе, поделиться наработками и втайне от начальников выпить по сто граммов «своей фирменной». В конце 80-х — начале 90-х на Севере водка уже не продавалась, поэтому каждый офицер пытался сделать настойку на спирту исключительно по своему рецепту.

— Товарищи офицеры, — продолжил совещание начальник Особого отдела ВВС полковник Иващенко Иван Петрович, — в завершение наших сборов хочу довести до вашего сведения ориентировку 3-го Главного Управления КГБ СССР. Третьим отделом Главка получены данные о том, что спецслужбы НАТО располагают сведениями о разработке метода нетрадиционного поиска подводных лодок с помощью сил и средств морской авиации. У кого из присутствующих офицеров в оперативном обслуживании находятся противолодочные полки? — он осмотрел всех присутствующих в зале.

Со своих мест поднялись четыре офицера: майор Мухин, майор Леонов, капитан Пшеничный и капитан Чернов. Полковник внимательно осмотрел каждого из них и после непродолжительной паузы спросил:

— Кто из вас сейчас мне сможет доложить о подобных испытаниях в вверенных вам

полках?

В зале воцарилась гробовая тишина. Иващенко вышел из-за стола и молча подошел к каждому из стоявших, внимательно заглядывая им в глаза. Затем, вернувшись за трибуну, продолжил:

— Очень плохо, что четверо опытных старших оперуполномоченных не владеют ситуацией на своих объектах. В связи с этим до субботы я требую, чтобы вы подготовили обобщенные справки обо всех работах в данном направлении с указанием сроков их проведения, списком задействованных лиц и возможном наличии компроматериалов на них. Прошу в докладах указать негласные позиции в этой среде и ваши предложения по перекрытию каналов возможной утечки информации. Если еще осталось чему утекать.

Царившую в зале тишину нарушил начальник отделения подполковник Можайский Андрей Викторович. Ранее он проходил службу в Москве в аппарате 3-го Главного управления КГБ и поэтому не испытывал скованности в общении с вышестоящим руководством.

— Разрешите доложить, товарищ полковник? — получив согласие, он продолжил: — Наша авиация на протяжении ряда последних лет осуществляет поиск подводных лодок с помощью гидроакустических буев вертолетами Ка-25, Ка-27 и магнитометрическим методом с помощью самолетов Ил-38 и Бе-12. Но эта методика довольно стара, чтобы представлять интерес для спецслужб. За последние пять лет никаких испытаний или работ по данной тематике на базе наших полков не проводилось. Не может ли данное указание быть преувеличением флотских разведчиков, ставшее следствием сверхчастого появления норвежского разведывательного судна «Марьятта» вблизи наших территориальных вод? Все мы помним, — не унимался Можайский, — ориентировку ГРУ об устремлениях спецслужб НАТО к комплектации индивидуальных армейских аптечек...

— Садитесь, Андрей Викторович, — прервал его на полуслове Иващенко. — Во-первых я спрашивал не вас, а оперсостав. А во-вторых, я не собираюсь ставить под сомнение компетентность указаний вышестоящего руководства, а тем более дискутировать на эту тему. Я требую немедленного исполнения поставленной задачи. Чтобы через три дня обобщенный документ лежал у меня на столе. Кому нечего будет изложить в справке, пусть сразу думает, что ему написать в объяснительной на мое имя. Всем все ясно? — обратился Иващенко к офицерам и, опять не услышав ответа, дал команду всем отбыть по рабочим местам.

— Андрей Викторович, — обратился к Можайскому Иващенко, собирая документы со стола, — зайдите ко мне в кабинет.

Иван Петрович Иващенко прибыл на Северный флот два месяца назад с должности заместителя начальника Особого отдела КГБ по ВВС Балтийского флота. Он не имел военного образования и в КГБ попал в начале 70-х из партийных органов. Тогда на должности заместителей начальников подразделений призывались бывшие партийные функционеры для осуществления «партийного контроля». Вместе с тем благодаря своей настойчивости и целеустремленности, а также многочисленным связям среди вышестоящего руководства он быстро сделал карьеру в новой для себя структуре и спустя непродолжительное время чувствовал себя настоящим профессионалом и компетентным начальником. Возрастом за пятьдесят, он был достаточно тучным — весом около сто сорока килограммов при росте сто девяносто сантиметров и с абсолютно лысой головой. Его внешность в сочетании с густым басом не вызывала умиления окружающих, а наоборот,

некоторых вводила даже в ступор, чем Иващенко нередко успешно пользовался.

Он предложил Можайскому присесть на диван, а сам остался в рабочем кресле.

— Я позвал вас для того, — начал хозяин кабинета, — чтобы вы осознали серьезность стоящей перед нами задачи. Моя первая реакция на данную ориентировку была такой же, как у вас. На Балтике также осуществлялся поиск подлодок традиционными методами. И ничего нового пока там тоже не использовали. Я сегодня звонил товарищам в Москву, чтобы они дали мне кое-какие разъяснения. Получается интересная картина. По линии разведки получена информация о том, что норвежские спецслужбы уже располагают сведениями о наших разработках по данной тематике. Но ни Министерство обороны, ни НИИ, работающие в интересах «оборонки», сведениями о таких работах или испытаниях не располагают.

— А как реально такое может быть? — не поверив услышанному, спросил Можайский.

— Мы будем искать то, не зная что?

— Я уже думал об этом, — закурив сигарету, продолжил Иващенко. — Сейчас в стране перестройка, Горбачев провозгласил, что разрешено все, что не запрещено законом. Поэтому каждый теперь может делать все, что хочет, но в рамках закона. Рационализаторов у нас всегда было, хоть отбавляй. Чего-чего, а недостатка в кулибиных Русь никогда не испытывала. У нас в частях масса инженеров, которые, возможно, прорабатывают в свободное время эту тему, чтобы потом оформить ее как рацпредложение. Масса заочников-«академиков», которые могут собирать материал для курсовой или дипломной работы. Короче, вариантов может быть много, и если решить этот ребус не смогли наверху, мы его должны проработать снизу. Дыма без огня не бывает. Что касается информации о той злополучной аптечке... Тогда поступила ориентировка, что спецслужбы НАТО проявляют интерес, а в нашем случае — располагают данными. Это разные вещи.

Он затянулся сигаретой и посмотрел на часы. Обычно после обеда он позволял себе получасовой сон, но сборы вывели его из привычного ритма. Иващенко стряхнул пепел в пепельницу и, заканчивая разговор, сказал Можайскому:

— Передайте оперсоставу, что для нас сейчас это задача номер один. Я чувствую, что здесь что-то не так.

В оперативном обеспечении Игоря Чернова был вертолетный полк корабельного базирования, одной из задач которого был поиск подводных лодок. Поэтому указание, прозвучавшее на совещании, касалось непосредственно его. После совещания в отделе он, не заходя домой, вернулся в свой кабинет, чтобы еще раз просмотреть аналитические справки по объекту. Однако открывать сейф не было желания, хотелось заняться чем-то отвлеченным. За прошедшие семь месяцев службы в Заполярье в полку произошло два чрезвычайных происшествия, связанных с гибелью людей и техники. Учитывая непродолжительное нахождение в должности, претензий к Чернову руководство отдела пока не предъявляло, но уже указали на слабое знание оперативной обстановки. В этом году у Игоря выходил срок для получения очередного воинского звания, и поэтому еще один прокол мог существенно приостановить его карьеру...

Первое, что ему пришло в голову, — это зайти к своему соседу по этажу Владимиру Петровичу Сизову поиграть в шахматы. В этот день в полку были запланированы ночные полеты, и после обеда в штабе не было никого из командования.

Сизов в прошлом был перспективным летчиком, но пристрастие к «шилу», как в авиации называют спирт, сделало свое черное дело. Сначала его понизили в должности, потом сняли с летной работы, и теперь он занимал должность помощника начальника штаба, в обязанности которого входила подготовка различных графиков и схем. Не уволили его с флота только потому, что на должность командира полка после академии прибыл его бывший однокашник и друг по Сызранскому летному училищу полковник Шкилев Леонид Павлович.

— Заходи, — увидев в дверях Чернова, доброжелательно пригласил Сизов. В силу своего возраста (ему было далеко за сорок) и особенностей репутации (выпивал он ежедневно), он испытывал дефицит общения с людьми. В его каморку размером два на три метра редко кто заходил просто так, поэтому он был рад любому, кто к нему навещался.

— Чаю хочешь? — предложил он и, не дожидаясь ответа, стал доставать из тумбочки кружки и кипятыльник. — Кстати, может, ликера моего попробуешь? Я его на бруснике варю.

— Спасибо, сейчас не то настроение, — ответил Игорь.

— Я вижу по твоей кислой физиономии, — улыбнулся он к Чернову. — Неприятности какие?

— Да нет. В отделе накрутили хвост, понаставили задач, а все должно быть выполнено еще вчера. С чего начинать — не знаю.

Рассказывать о своих проблемах постороннему человеку не хотелось, но и возвращаться домой в плохом настроении тоже не было желания.

— На то и начальство, чтобы хвост накручивать. Ты еще молодой; если на все так будешь реагировать, то долго не протянешь. В конце концов, немцы фронт не прорвали, — отметил Сизов и сам засмеялся своей шутке. Он испытывающее посмотрел на молодого особиста, отставил в сторону кружку с горячим чаем, вытащил из тумбочки бутылку и чистый стакан. — Извини, Игорек, коль ты не хочешь, я налью себе пятьдесят граммов.

Старый майор налил стакан до половины и, сделав зычный выдох, сразу осушил его. Затем, посмотрев на собеседника, произнес:

— Ты не подумай, я не алкаш, мне это нужно из медицинских соображений. — Он положил ногу на ногу, зажег спичкой папиросу и, выпустив облако дыма, стал рассказывать: — В конце 60-х, когда я был еще зеленым лейтенантом, наш полк выполнял специальные задания Министерства обороны. Мы тогда еще не были моряками и замыкались на ВВС. На Новой Земле проводили ядерные испытания. И вот в один из дней, когда подводная лодка должна была ядерной торпедой сделать проход в подводных скалах, наш отряд послали в зону взрыва для замера уровней радиации. Представь, три вертолета, в каждом по четыре человека экипажа, включая фельдшеров. Все были в ОЗК — общевоинском защитном костюме. Показания снимала спецаппаратура, но то, что фон там был очень высокий, мы сразу почувствовали. У всех сразу заболели горло и голова. Поставленную задачу мы, конечно, выполнили. По прилету мы с фельдшером по его же рекомендации напились до чертиков, а все остальные отказались, сославшись на плохое самочувствие. Так что ты думаешь? Через пять лет в живых из всего отряда остались только мы с фельдшером. Правда, в тот год я быстро изменил прическу, — Сизов провел рукой по блестящей лысине, — но зато во всем остальном все осталось в пределах нормы.

Подобные ситуации были не редкостью среди летчиков 60-х, о них Чернов слышал и от сослуживцев отца, и от преподавателей в училище, но сегодня Игорю хотелось найти повод, чтобы перейти к обсуждению интересующей его темы.

— А что было потом? — осторожно спросил он.

— На следующий день нас наказали за пьянку. Потом все забылось, тогда употребление спиртных напитков было нормальным явлением. А потом ядерные испытания стали все реже и реже, нас перестали привлекать к этим мероприятиям, особенно после начавшихся болезней у летчиков. Полк передали в подчинение ВМФ, и мы стали выполнять задачи по поиску подводных лодок.

В беседе со старшими людьми Чернов не боялся казаться дилетантом, тем более что по основной военной специальности не был ни вертолетчиком, ни моряком. Поэтому, особенно не мудрствуя, спросил прямо:

— А как экипажи вертолетов осуществляют поиск подводных лодок в море?

Сизов сделал небольшой глоток из кружки и зажег вторую папиросу. Как старый летчик, он традиционно предпочитал «Беломор» сигаретам с фильтром. Ему было приятно, что к нему вновь кто-то обратился за консультацией. Выпустив колечко дыма, он стал подробно рассказывать, как это делается, при этом часто употребляя вертолетную и морскую аббревиатуру. Если авиационная терминология Чернову была знакома, то морская звучала, как иностранный язык. По ходу повествования он просил разъяснить ему значение некоторых терминов, чем доставлял истинное удовольствие своему собеседнику. Игорь прибыл в гарнизон осенью прошлого года и уже успел в общих чертах ознакомиться со спецификой полка, поэтому нового для себя ничего не услышал. Наконец, окончательно разочаровавшись, он перебил рассказчика:

— Ну, все это вчерашний день, неужели нет ничего нового или это никому не нужно?

Сделав театральную паузу, Сизов с определенной гордостью заявил:

— А ты обратись к моему однокашнику, он тебе много чего сможет рассказать. — За глаза он всегда так называл командира полка, умышленно подчеркивая их близость в прошлом.

— Что именно? — с недоверием переспросил Игорь.

— Дело в том, — стал разъяснять Петрович, — что Шкилев разработал метод

использования бортовых РЛС в поиске подлодок и сейчас на эту тему пишет диссертацию.

— Какую диссертацию? — не поверил своим ушам Чернов.

— Кандидатскую, какую еще. Стыдно оперу не знать таких сведений о командире. Не первый день в полку. Если он напишет и защитит эту диссертацию, его возьмут на кафедру в Военно-морскую академию. Дело в том, что он всегда тяготел к науке. Когда он попал в корабельный полк (до этого Шкилев летал в армейской авиации), то часто высказывал недовольства устаревшей методикой деятельности морской корабельной авиации. В частности, его возмущал низкий радиус поиска при использовании гидроакустических буев. Он говорил, что для того чтобы засечь подлодку, нужно как минимум пролететь над ней. А его метод позволяет расширить радиус поиска на десятки миль. Деталей я не знаю, так что обратись к Палычу, если интересно, он, я думаю, тебе расскажет.

Обращаться за разъяснениями к командиру Игорь не видел смысла, потому что если иностранным спецслужбам уже стало известно о его разработках, то исключать самого командира как источник утечки информации нельзя. А получить максимум информации очень хотелось, тем более что Сизов уходить домой не торопился. Едва сдерживая свои эмоции, он наконец сделал несколько глотков и, стараясь выглядеть как можно более равнодушным, спросил:

— А кто Шкилеву пишет эту диссертацию? Ведь не царское это дело — командиру самому корпеть над бумагами.

— Да в том-то и дело, что сам! — не скрывая гордости за бывшего однокашника, заявил майор и, сделав очередную затяжку, продолжил: — Диссертация имеет гриф «Совершенно секретно», поэтому работает над ней он лично и только в рабочем кабинете.

Последняя фраза была сказана больше для собеседника, нежели ради повествования. Как офицер штаба, при всей своей доброжелательности он не забывал, что особисты всегда контролировали режим секретности в части и не хотел бросать тень подозрений на командира.

После всего услышанного Игорь захотел немедленно пойти в «секретку» и по карточке-заместителю проверить, кто имел доступ к диссертации. Но вовремя остановился. Старые опера его научили, что перед тем как докладывать информацию начальнику или принимать по ней решение, с ней нужно переночевать. А принимать решение уже утром на свежую голову. Тут он вспомнил, что уже вечер, а еще даже не обедал. Попрощавшись с Сизовым, Чернов вернулся закрыть свой кабинет и отправился домой.

Его дом находился в трех минутах ходьбы от штаба, гарнизон был небольшим, и поэтому здесь все было рядом. Ступив на порог квартиры, Игорь услышал детский смех и восторженные возгласы жены Люды. Она выбежала в коридор и с радостью сообщила:

— Игорь, у нас радость, Леночка сделала первые шаги!

Когда Игоря перевели на Север, младшей дочери Черновых исполнилось четыре месяца, а старшей, Олечке, шел шестой год. Для Людмилы это был уже второй переезд к месту службы мужа, но здесь ей было гораздо сложнее, чем на прежнем месте. Полярная ночь действовала на нее угнетающе, часто по ночам беспокоили дети. Помимо этого после вторых родов у нее начались проблемы с позвоночником, в результате чего приходилось терпеть постоянную ноющую боль. Она видела, как нелегко на новом месте мужу, и поэтому старалась держать все в себе, чтобы лишний раз его не расстраивать.

В этот вечер у них был настоящий праздник; после того как уложили детей спать, они устроили романтический ужин при свечах и с шампанским.

Утром Игорь проснулся в хорошем настроении. Он всегда себя чувствовал хорошо в окружении семьи, но сегодня как никогда хотел быстрее попасть на службу. В его оперативной практике впервые появился материал, реально связанный со шпионажем, и в нем проснулся охотничий азарт.

Через час он уже сидел на докладе в кабинете Иващенко. Выслушав информацию, начальник отдела перевел довольный взгляд на Можайского, давая понять, что его версия нашла подтверждение.

— Итак, у кого будут какие мнения, что делать дальше? У вас есть, товарищ Чернов, какие-то мысли по этому поводу?

— Так точно, — по-военному ответил Игорь, — прежде всего, нужно определиться, кто имел доступ к диссертации командира, и взять их в проверку. Для начала нужно в секретной части по карточке-заместителю проверить, кто ее брал. Для этого, чтобы не выдавать свою заинтересованность, предлагаю провести проверку режима секретности в полку восьмым отделом штаба ВВС.

— Зачем все так усложнять? — перебил Чернова Можайский. — Вы можете затребовать в секретной части перечень совершенно секретных и особой важности документов и список лиц, имевшим к ним доступ. В любом случае подобные документы хранятся в отдельных папках и опечатываются ответственными лицами-исполнителями. Я больше чем уверен, что, кроме командира, ее никто не смотрел, во всяком случае, официально.

— Тогда получается, что, кроме Шкилева, никто другой не мог допустить утечку информации, — попытался возразить Чернов.

— В том-то и дело, что именно он и допустил утечку информации, но наша задача, а точнее — теперь ваша — выяснить, как информация о тематике диссертации попала к спецслужбам вероятного противника. Начните с автора. Я жду ваших докладов ежедневно к семнадцати часам. Идите работать, — закончил Иващенко.

Когда они остались одни, Иващенко заметил Можайскому:

— А рациональное зерно в предложении капитана все-таки есть. В «секретку» нужно послать нашего человека. Я согласен, что выяснить круг лиц, осведомленных в деталях диссертации, мы не сможем, но, по крайней мере, определимся, когда началась работа над ней и как часто она пополнялась новыми материалами. Это нам даст возможность приблизительно определить период времени возможной утечки информации. Короче, поставьте задачу своему источнику из режимно-секретного отдела, пусть посмотрит в вертолетном полку порядок хранения совершенно секретных документов и обратит внимание на то, когда поставлена на учет диссертация, сколько раз ее брали, когда сдавали, сколько раз пополняли, короче, все, что можно узнать по карточке-заместителю. Желательно, чтобы он сделал это как можно быстрее. Сами понимаете, времени на раскачку у нас нет.

Майор Нечипорук проходил службу в восьмом отделе ВВС Северного флота со дня окончания Краснодарского военного училища. Сотрудник Особого отдела установил с ним оперативный контакт еще в курсантские годы. Тогда подобное сотрудничество для него было вынужденной мерой. С одной стороны, он не хотел «стучать» на своих, с другой — понимал, что это поможет ему в продвижении по служебной лестнице. С тех пор поменялось много особистов, и моральные аспекты этой работы ушли далеко на задний план. Поэтому, когда Можайский высказал ему свою просьбу, он отнесся к ней спокойно и,

не задавая лишних вопросов, пообещал выполнить ее в самое ближайшее время.

Игорь возвращался в полк в надежде, что быстро найдет канал утечки информации. Ему казалось, что все получится очень просто и быстро. Гарнизон находится в режимной зоне, поэтому посторонние появиться здесь не могли. Отправлять документы по почте было бы глупо со стороны Шкилева, но исключать такую возможность нельзя. Если передача состоялась в Мурманске, то проверить его контакт с иностранцами через возможности территориального управления КГБ не составляло большого труда. Оставался самый сложный момент — отпуск. Здесь проверить передвижение командира полка и его контакты было уже сложнее.

Незаметно прошло время в пути. Чернов вышел из «уазика» и направился в штаб. На пороге как всегда курили офицеры и что-то бурно обсуждали. Игорь зашел в штаб и в вестибюле встретился лицом к лицу с полковником Шкилевым. Учитывая последние события, разговаривать с ним, а особенно смотреть в глаза, желания не было. Где-то в глубине души у него тлело чувство вины перед этим человеком.

— Хочешь завтра полететь со мной на Кильдин? — предложил Игорю командир. — Я планирую проверить на острове нашу комендатуру и готовность аэродрома. Насколько я знаю, ты там еще не был, заодно на вертолете покатаешься. Никогда не летал на Ка-29? Ну, так как?

— Я с превеликим удовольствием, но нужно поставить в известность мое руководство, — ответил Игорь.

— Давай быстрее решай и дай мне знать, чтобы я внес тебя в полетный лист, — с улыбкой сказал Шкилев и поспешил к своей машине.

Войдя в кабинет и едва успев снять шинель, Чернов сразу же позвонил Можайскому:

— Андрей Викторович, разрешите мне завтра полететь вместе со Шкилевым на Кильдин? Он сам предложил, — как бы извиняясь, спросил Игорь.

— Ну, вы же знаете, что не имеете права летать на ПЛА-шных вертолетах без парашютной подготовки и разрешения командующего. Зачем лишний раз себя подставлять?

— Андрей Викторович, — не унимался Чернов, — мы полетим на транспортном вертолете Ка-29, на нем разрешена перевозка пассажиров. А что касается парашютных прыжков, то у меня их десять, еще с армейской службы.

— Что, ностальгия? — усмехнулся Можайский. — Ну ладно, лети, голубь сизокрылый, только попроси Шкилева, чтобы на всякий случай взяли и на тебя парашют. Сам знаешь, какая у нас техника. По прилету заодно отпишешься о готовности запасного аэродрома.

Довольный тем, что завтра он опять окунется в свою стихию, Игорь даже забыл о произошедшем в Особом отделе разговоре. Он очень любил летать, учеба в штурманском училище проходила для него легко. Впереди были мечты о небе, воздушных трассах и дальних командировках. В летных училищах запрещались занятия боксом и тяжелой атлетикой, но, тем не менее, вечерами Игорь посещал секцию каратэ, которую на добровольных началах вел их командир взвода. Полученная на тренировке травма сначала никак не сказалась на здоровье будущего штурмана, но через год после окончания училища Игорь стал замечать, что видит не так четко, как раньше. Диагноз врачей для Игоря был неутешительным, впереди его ждало списание с летной работы. В этот период волею судьбы случай его свел с особистом местного авиаполка, который и предложил ему перейти на

службу в КГБ, тем более что имеющийся процент зрения был допустимым к оперативной работе.

Приятные воспоминания прервал треск телефона внутренней связи.

— Капитан Чернов, слушаю вас, — снял трубку Игорь.

— Ну, что, решил вопрос с начальством по поводу завтрашнего вылета? — услышал он знакомый голос командира полка.

— Да, все нормально, разрешили, но с условием, что вы и на меня возьмете парашют, — с усмешкой передал Игорь рекомендацию своего начальника.

— Не волнуйся, если ни дай бог что — возьмешь мой, — засмеялся Шкилев. — Короче, завтра ты должен быть как штык в девять часов утра на аэродроме, борт N 29, только без опозданий, ждать никто не будет. Давай.

— До завтра, — ответил Чернов и положил трубку.

Не понятно почему, но настроение Игоря стало портиться. По-человечески Шкилев вызывал у него симпатию и уважение. Им часто приходилось общаться по служебным вопросам, и они всегда находили общий язык. Леонид Петрович был интеллигентным человеком, очень выдержанным и тактичным. Он никогда не разговаривал с подчиненными на повышенных тонах и никогда никого не оскорблял, но попадать к нему «на ковер» боялись все. Однажды Игорь слышал реакцию одного провинившегося офицера, вышедшего из кабинета командира: «Лучше бы дал по морде или матом обложил». За все время, проведенное в гарнизоне, Игорь ни разу не слышал о нем плохого слова. Это редкий случай, когда командир устраивал практически всех. Поэтому Шкилев никак не уживался в сознании Чернова в роли предателя. А самое главное, абсолютно не просматривался мотив для предательства. Как командир полка, прослуживший более трех лет на Севере, с учетом полярных надбавок, он получал зарплату, какую не получали генералы на Большой земле. Он был на хорошем счету у командования ВВС флота. Его жена была лишена амбиций, присущих «первой леди». Единственный сын заканчивал обучение в летном училище. Обдумывая все произошедшее за эти дни, Игорь стал склоняться к мысли, что не все так просто, как ему показалось сначала. Но новые идеи в голову не приходили.

На следующее утро, без четверти девять, Чернов вместе с членами экипажа ждал командира возле вертолета. Тот прибыл ровно к девяти, принял доклад командира экипажа и дал команду всем занять рабочие места. Уже в вертолете он обратился к командиру экипажа:

— Толя, у тебя сегодня выходной, поспи в салоне, полечу я, — он сел в командирское кресло, привычно положив правую руку на штурвал, а левую на рычаг шага. Через пару минут засвистел двигатель, и вертолет оторвался от земли. Игорь смотрел в иллюминатор и поражался безграничным просторам белого безмолвия, где на многие километры не было никаких признаков жизни. Кругом белели только сопки, лишённые растительности. Через двадцать минут полета земля резко закончилась, и внизу неожиданно показалась бухта, усеянная стоящими у причалов подлодками. Рядом виднелись четырехэтажные дома.

— Это что за гарнизон? — спросил Чернов у дремлющего рядом командира экипажа.

— Гремиха, — не открывая глаз, ответил тот.

— А как же люди сюда добираются? Я не видел ни одной дороги внизу.

— По морю. Раз в месяц из Мурманска сюда ходит паром, — ответил немногословный летчик.

Когда-то в детстве Игорь хотел быть моряком. Теперь, глядя на морской гарнизон

сверху, он порадовался, что любовь к авиации оказалась сильнее.

Впереди был остров Кильдин. До этого Чернову ни разу не приходилось бывать на островах, и это подогревало его интерес. Через несколько минут полета вертолет «по-самолетному», на зависая в воздухе, сел на взлетно-посадочную полосу острова, уложенную металлическими плитами. Шкилев дал возможность выйти всем членам экипажа из вертолета, а затем вылез из кабины сам. В морской авиации были морские традиции. В отличие от обычной авиации, где командир выходил из самолета первым, в морской авиации командир экипажа, как капитан, покидал судно последним.

На аэродроме его уже ждал комендант. Он подбежал к командиру полка и представился:

— Товарищ полковник, начальник комендатуры капитан Горохов, здравия желаю.

— Здравствуй, Григорий Фомич, — поздоровался с ним за руку командир полка. Все члены экипажа последовали его примеру. Чернов с Гороховым уже знакомились, когда последний прилетал в гарнизон на подведение итогов. Пожимая руку коменданту, Игорь почувствовал сильный запах перегара. Видимо, пить Горохов закончил уже сегодня, потому что он усиленно пытался не показывать своего «тяжелого» состояния, однако красные глаза его предательски выдавали.

Обменявшись несколькими общими фразами, Шкилев взял Горохова под локоть и отвел в сторону.

— Григорий Фомич, ты когда слезешь со стакана? — строго спросил он. — Неужели ты не понимаешь, что своим видом и поведением не просто показываешь дурной пример подчиненным, ты разлагаешь личный состав? У тебя комендатура, подразделение, которое в любой момент должно быть в готовности принять на вынужденную посадку вертолет или самолет. Как ты это сделаешь в таком состоянии?

— Так же, как и сегодня, — логично ответил Горохов и добавил: — Мое состояние на готовность аэродрома не влияет. Я в любом состоянии готов выполнить боевую задачу, — с гордостью заявил комендант.

Затем, поменяв тон, обратился к командиру:

— Леонид Павлович, а чем здесь еще заниматься? Телевидения нет, клуба нет, спортзала нет, жена от меня ушла. Я бы, может быть, и окунулся с головой в службу, но нет возможности. Материалов нам для ремонта помещений не выделяют, борта садятся к нам в лучшем случае раз в месяц, вот и пьем с мужиками от безделья. Палыч, я уже седьмой год на острове, может, поможете перебраться на Большую землю? Если б хоть здесь «островные» платили, а так хуже ссылки.

— Да тебя бы уже давно перевели, но ты же виноват сам. Как ни приедет на аэродром комиссия, так ты с бодуна.

— Слово офицера даю, что в гарнизоне брошу пить.

— Ой, не зарекайся... Ладно, буду в кадрах, переговорю о тебе, а теперь показывай свое хозяйство.

Особо показывать было нечего. Весь гарнизон состоял из здания командно-диспетчерского пункта, казармы для солдат, столовой и двух деревянных домов для семей военнослужащих. Следуя в казарму, где по совместительству находился и штаб комендатуры, Игорь обратил внимание, что из домов вышли три женщины с детьми. Они надели, видимо, самые праздничные наряды, потому что для них появление новых людей на аэродроме и было своеобразным праздником, где можно себя показать и на других посмотреть. Сразу за

домами была свалка мусора, который разносился ветром. Его здесь были целые горы, потому что вывозить его было некуда и нечем. В общем, зрелище было удручающим. Невольно Игорь перевел взгляд в противоположную сторону, где красовались дикие скалы, усеянные чайками. Пройдя немного дальше, Чернов вышел к проливу, отделяющему остров от Большой земли. Он смотрел на противоположный берег, представляющий собой отвесную монолитную скалу, и думал о людях, населявших этот остров. Фактически они были узниками военной службы. Даже при желании, преодолев пролив на лодке, они не имели возможности подняться на берег, настолько были отвесными скалы. Люди добровольно обрекли себя на заточение и только полтора месяца в году, в отпуске, могли жить по-человечески. Размышления Игоря прервал Леонид Павлович.

— Ну, как тебе здесь? — спросил он.

— Жутковато, — честно признался Игорь.

— Это с непривычки. Зато летом здесь отлично: охота, рыбалка, грибов и ягод — море. Когда бывает тепло, люди выходят даже позагорать на пляж, — он показал рукой в сторону песчаной косы, протянувшейся к противоположному берегу. — Кстати, именно из-за этой косы выслуга у наших идет не год за два, как на островах, а год за полтора. Какой-то умник в московских кабинетах определил, что «островные» надбавки можно получать только в том случае, если остров находится на удалении от суши более чем на один километр. А здесь, на Кильдине, расстояние от берега определяется именно по крайней точке косы и равно восемьсот метров. Вот так.

Вместе с командиром они зашли в штаб. Пока Горохов докладывал о готовности объекта к приему полка, Игорь осмотрел помещения, предназначенные для «секретки», кодогруппы и комнаты для хранения оружия. Все держалось на честном слове, но высказывать замечания коменданту при полном отсутствии средств не было смысла. Для себя Игорь уже определил, что он изложит в докладной записке на имя начальника отдела.

На обратном пути Игорь смотрел в иллюминатор и думал о женщинах, которые приехали на этот остров за своими мужьями, не зная, что их ждет впереди. Ведь многие из них раньше даже не имели представления о военных гарнизонах. Жили в городах, выходили замуж за курсантов в надежде со временем попасть вместе с ними в Германию или Венгрию. А судьба распорядилась иначе, вместо заграницы они оказались на забытом Богом острове. И надо отдать им должное, остались со своими мужьями.

— Да, — подвел итог своим размышлениям Игорь, — декабристки отдыхают.

Вернувшись с аэродрома, Чернов позвонил Можайскому:

— Андрей Викторович, я прибыл. Есть что рассказать и написать по результатам поездки.

— Хорошо, я завтра подъеду к вам в гарнизон, у меня тоже есть чем поделиться. Постараюсь быть с утра. Так что до завтра. Отдыхай, — закончил разговор Можайский.

В половине десятого в кабинете Чернова появился Можайский. В неофициальной обстановке он предпочитал общаться с подчиненными на равных, без армейского официоза и субординации.

— Пока ты вчера наслаждался красотами Севера и катался на вертолете, мы не сидели сложа руки, — начал Можайский. — Наш человек из штаба ВВС проверял вашу «секретку». Так вот, в папке командира полка находятся 96-листовая тетрадь и одна дискета. Никто, кроме самого Шкилева, работу не брал и посмотреть ее в «секретке» не мог, так как папка с диссертацией опечатана его личной печатью.

— А что такое дискета? — услышав незнакомое слово, спросил Игорь.

— Это магнитный носитель информации, на который можно записать все — и текст, и расчеты, да все что угодно. Их используют в компьютерах, но, как мне сказали специалисты, у нас в частях их пока еще нет. Да, тетрадь зарегистрирована 11 ноября прошлого года. Значит, до этого времени диссертации еще не было, а следовательно, утечка информации об ее тематике могла произойти позже этого времени. И второй момент: тему своей диссертации полковник Шкилев заявил не в академии имени Гагарина в Москве, как мы предполагали, а в академии имени Гречко в Ленинграде. Мы забываем, что наши подопечные хоть и летчики, но служат все же на флоте.

— Так, может, утечка информации произошла через академию, а мы уже изменника Родины делаем из порядочного офицера, — с надеждой произнес Чернов.

— Не исключено. Для этого нужно проверить, что он отправлял в академию. Если туда поступали какие-то материалы, то можно проинформировать наших коллег в Ленинграде и умыть руки. А если нет, то придется искать здесь.

— А не могло получиться так, что Шкилев никуда ничего не посылал? Когда заявлял тему диссертации в академии, то на словах все рассказал куратору, а тот ее передал дальше? — высказал свое предположение молодой сотрудник.

— Игорь, неужели ты думаешь, что спецслужбы интересуют чьи-то мысли, летающие в воздухе? В технических вопросах разведку интересуют не слова, а чертежи, описания и расчеты. Поверь мне, интерес у них появляется только после того, как они получают экспертное заключение на возможность тех или иных работ. Поэтому что-то они уже получили. Вопрос: где, когда и от кого? Большого разведчики все равно нам ничего не скажут, потому что тогда есть вероятность засветки их источников. Так что думай, в каком направлении будем копать.

Информации оказалось слишком много, чтобы ее переварить и выдвинуть какие-либо версии. Поэтому Чернов, не долго думая, предложил:

— А давайте вызовем Шкилева к нам и напрямую спросим, кто помогает ему в написании диссертации и что записано у него на дискете. И, соответственно, где он ее взял.

— Я вижу, после общения с командиром вы уже не верите, что утечка информации произошла в результате его умышленных действий? Как версию этот вариант вы отвергаете полностью? — перешел на официальный тон Можайский.

Чернов нервно потер ладони рук и, не глядя в глаза начальнику, продолжил:

— Андрей Викторович, я действительно не верю в предательство Шкилева. Он летчик и, как всякий летчик, признает только один руководящий документ, заслуживающий внимания: это наставление по производству полетов. Все остальные для них — выдумки чиновников. Поэтому, мне кажется, если утечка и произошла, то только в результате халатности. Тем более что для умышленных действий нужен мотив, а у него его нет. У него перспектива продолжить службу в академии, зарплата больше, чем у генералов, машина. Он имеет все, что нужно и о чем можно мечтать.

— Это вы судите по себе. У него могут быть другие планы на жизнь. Если он защитит свою диссертацию за границей, он получит миллионы, пожизненную пенсию, а возможно, ему предложат продолжить военные разработки дальше за очень большие деньги. Знаешь, денег много не бывает, и не каждый может устоять перед их соблазном. Поэтому вызывать и опрашивать его мы не будем до тех пор, пока не убедимся в его невиновности. А пока подумай, что можно сделать еще. Я поеду к себе, а ты поговори со своими источниками,

может, кто-то что и подскажет. Если придерживаться твоей версии и у него не было преступного умысла, значит, он не особо беспокоился по поводу конспирации, а следовательно, обязательно кто-то что-то должен был видеть или слышать. Дерзайте, молодой человек.

Можайский надел шинель и, попрощавшись с Черновым, вышел из кабинета. Игорь остался на месте, переваривая весь разговор с начальником.

Он понимал, что первоочередной задачей в поиске было найти компьютер, который использовал Шкилев. В личном пользовании у жителей гарнизона его не могло быть. Зато в Мурманске или Североморске они могли быть в любом институте или организации. Нужно выяснить, с какими организациями полк поддерживает шефские связи. А если называть вещи своими именами, какие организации официально оказывают полку спонсорскую помощь. Такая форма «единства армии и народа» широко практиковалась в конце 80-х годов. Вторая задача — нужно собрать информацию о командире полка с момента окончания школы, чтобы определить мотив. Третья задача — выяснить, что записано на дискете, возможно, что она вообще чистая. И четвертая — найти помощника. Чернов продолжал не верить тому, что автор диссертации писал ее исключительно самостоятельно, поэтому помощник должен быть рядом, и об этом кто-то должен знать в полку.

Решению этих вопросов Игорь посвятил весь следующий день. Он расписал запросы по всем местам службы и учебы проверяемого, включая академию имени Гречко. Опрос негласных источников мало что дал, летчиков и техников мало интересовала личная жизнь командира, тем более что никто из них не входил в круг его друзей. Сказывалась разница в возрасте и должностном положении. В конце дня Чернов сидел в своем кабинете и, анализируя имеющиеся данные, пришел к выводу, что зашел в тупик. Мыслительный процесс прервал стук в дверь.

— Открыто, — крикнул Игорь.

— Привет, — в кабинет зашел улыбающийся инженер полка по радиоэлектронному оборудованию майор Ручковский. Он не был «коренным северянином», в гарнизон прибыл по замене, и срок его пребывания в Заполярье подходил к концу. Они были соседями по дому и дружили семьями.

— Завтра выходной, — с порога начал инженер, — не составишь мне компанию? Я собираюсь завтра в Ловозеро.

— Серега, а что там делать? — поинтересовался хозяин кабинета.

— О-о-о, — загадочно протянул Ручковский, — там клондайк. Шкуры, олени рога, красная рыба. Это край охотников и оленеводов. А самое главное — все продается за спирт. Деньги там не котируются. У них их и так валом, а тратить негде. У тебя есть «шило»?

На вертолетах спирт использовали в антиобледенительных системах бортовых радиостанций и для обмыва блистеров, поэтому спирт в гарнизоне был практически у каждого. Более ходовой валюты на тот период еще никто не придумал.

— Конечно, есть, — ответил Чернов.

— Тогда готовься на завтра. Да, ты «шило» в чистом виде не бери, — с порога начал инструктировать Игоря сосед. — Местные аборигены знают только спиртовую смесь «шлемку» с Ту-16, им ее привозят «дальники» — летчики дальней авиации — из Оленегорска. Она по крепости ниже 50 градусов, так что смело можешь развести «шило» пополам. Только не разводи водой из-под крана, а то спирт сразу помутнеет. Лучше зайди в санчасть или в аккумуляторную, возьми у них три литра дистиллированной воды. Тогда точно никто подвоха не заметит.

— Когда выезжаем? — спросил Игорь. Для себя он уже решил, что непременно поедет. Учитывая, что у Люды в скором времени день рождения, это был незаменимый случай

привезти лисий или песцовый чулок в подарок. Тем более что Игорь очень хотел еще приобрести в качестве сувенира оленьи рога.

— Я думаю, что выехать в семь утра будет нормально, чтобы не шарить по темноте и засветло вернуться.

— Тогда утром заходи за мной, и вместе пойдем в гараж за машиной, — согласился Игорь.

Они ехали на юг, и Игорь поражался, как быстро меняется пейзаж. Через каждые десять километров пути растительности становилось все больше и больше. Карликовые березы сменялись елями и соснами, а леса становились все гуще и гуще. Проезжая указатель поворота на Оленегорск, Игорь отметил, что здесь уже ничего не напоминает о Севере. Снега было мало, а кругом стоял сосновый бор. К десяти часам утра, переехав мост через реку Вирма, автомобиль въехал в село Ловозеро. Его еще называли столицей русской Лапландии.

— Окунишь в экзотику, — прервал молчание Ручковский, — посмотри, как живет коренной народ Кольского полуострова саамы.

Следуя в это село, Игорь представлял его себе как поселок, состоящий из чумов, где люди перемещаются исключительно на оленях. Каково же было его удивление, когда он увидел четырехэтажные кирпичные дома, добротные избы из сруба и снегоходы во дворах. Единственное, что вызывало недоумение, — это отсутствие людей. Так они проехали все село и остановились возле крайней избы. Нужно было выйти и спросить, где живут охотники. Долго людей ждать не пришлось. Из соседнего дома вышли трое мужиков с суровыми лицами и медленно двинулись в сторону приезжих.

— Что надо? — грубо спросил один из них.

Игорь понял, что церемония приветствия здесь излишня, сразу огласил цель своего визита:

— Шкурки, рога, красная рыба.

— На «жабры» есть что плеснуть? — также лаконично поинтересовался представитель коренного народа.

— Конечно, — ответил Ручковский и в подтверждение своих слов открыл портфель с бутылками. Лицо местного жителя сразу подобрело, он растянул рот в улыбке, обнажив редкие желтые зубы. Не дожидаясь приглашения, он сел в автомобиль на правое кресло возле водителя и сказал, обращаясь к Сергею:

— Что стоишь, поехали со мной.

Не скрывая улыбок, офицеры сели в машину.

Подъехав к четырехэтажке, «проводник» выскочил из салона и бегом заскочил в подъезд. Через минуту он стоял возле машины, держа в руках пару рогов и шкуру песка. Дальше начался торг, как на восточном рынке. За спирт отдавать шкурку он отказался, а за рога сначала запросил три бутылки, но согласился отдать за одну. Получив долгожданную «валюту» в руки, он сразу, в салоне автомобиля, сорвал пробку и сделал три жадных глотков, опустошив бутылку на треть.

— Эй, парень, не горячись, что мы с тобой делать будем? Ты нас отвези к другим охотникам, — попытался остановить его Ручковский.

— Я все, завязываю. Это с утра «трубы» горели. А еще бутылку дадите, если отвезу к нужным людям? — особо не надеясь на удачу, спросил «проводник».

— Конечно, ты говори куда ехать, — успокоил аборигена Сергей.

В течение двух часов они объехали дворов десять и в общем взяли все, что хотели. У Игоря в портфеле лежал шикарный чулок северной лисы, а в багажник — сложенная пополам пара рогов. Ручковский тоже взял себе рога и большую шкуру оленя.

— Может, еще что-нибудь хотите? — любезно спросил сопровождающий. — Если есть еще спирт, мы можем съездить еще по одному адресу.

У Игоря еще оставался спирт, и везти его назад не было желания, поэтому он согласился. Вместе они поднялись на третий этаж четырехэтажки. Дверь открыл тщедушный мужчина неопределенного возраста с грязными волосами и одним зубом во рту. Сопровождающий обратился к нему на незнакомом языке, видимо, саамском, тот ему ответил также. Затем, обращаясь к Игорю по-русски, совершенно без акцента, он заявил:

— Рога отдаю только за выпивку.

— А я с выпивкой, — ответил Игорь.

После этого хозяин квартиры предложил войти. У него была хорошая по планировке большая трехкомнатная квартира. Одна из комнат под потолок была завалена необработанными рогами оленя. Две другие были пустыми, если не считать двух матрацев. На кухне стол и стулья заменяли три ящика. Игорь осмотрелся и увидел на стене небольшие, но ветвистые рога, покрытые лаком.

— А эти отдашь? — спросил Игорь, показывая на стену.

— Нет, — категорично заявил хозяин.

— А за три бутылки? — не успокаивался Чернов.

— За три забирай, — сразу, не торгуясь, ответил он.

Выйдя из дома, Игорь поблагодарил местного провожатого и отдал ему оставшуюся бутылку спирта. Счастью последнего не было предела. Его отвезли назад к дому, где уже жаждали измученные товарищи.

Оба офицера возвращались домой в хорошем настроении. Чернову было легко и приятно общаться с Сергеем, поэтому предстоящая замена товарища на Большую землю несколько огорчала Игоря. Ручковский закончил с отличием академию имени Жуковского в Москве, и теперь ему предложили там должность преподавателя.

— Что слышно с твоим переводом? — поинтересовался Игорь.

— Жду. Мой предшественник еще не уволен, хочет закрыть год. Поэтому жду перевод предположительно к осени.

— И на какую кафедру приглашают?

— Радиоэлектроники, — ответил Ручковский.

Чернов никогда не привлекал своих друзей к решению своих служебных вопросов, но сейчас захотел использовать его в качестве консультанта.

— А ты, когда учился в академии, компьютером пользовался? — спросил Чернов.

— Естественно, у нас даже дисциплина была — «Программирование». А что тебя это так заинтересовало?

— Да по телевизору смотрел передачу о компьютерах, — соврал Игорь.

— Должен тебе заметить, что штука очень перспективная. Поверь мне, пройдет немного времени — и все наши ЭВМ, печатные машинки, копирки, счеты, энциклопедии и справочники останутся в прошлом. Будут только одни компьютеры. Они со временем даже телевизоры вытеснят. На нем уже сейчас детям в игры играть можно.

— А чем он отличается от ЭВМ? — продолжал интересоваться Игорь.

— Во-первых, у компьютера гораздо больше функций. Во-вторых, он значительно

компактней. В-третьих, ЭВМ выдает информацию в виде многометровых рулонов бумаги, а в компьютере ты видишь информацию на мониторе и можешь сбросить ее на дискету размером с открытку.

— А с какой целью у нас в полку в вычислительном центре стоит ЭВМ? — продолжал атаковать вопросами Игорь.

— В середине 80-х в полк поступил вертолет Ка-27Е с аппаратурой для замера уровней радиации различных объектов. К нему прилагалась ЭВМ и ряд другой техники. Первоначально полученная информация должна была дешифроваться в полку, но потом эту работу перехватил на себя флот. На базу в Гаджиево передали всю технику, кроме вертолета и ЭВМ, у них своя была. Сейчас специальная аппаратура устанавливается и снимается с вертолета именно там. А у нас ЭВМ стоит для мебели, более того, приказом командира назначен целый капитан Бондаренко, который отвечает за ее состояние, и матрос для охраны. Два бездельника, которые вообще ничего не делают, да еще за это деньги получают.

— Так неужели ей нельзя найти применения, коль уж она есть? — продолжал задавать вопросы Чернов.

— Поначалу ее хотели использовать с пользой для дела. Пытались вбить программу по обработке полетной информации с учетом хронометража. Все вроде получалось нормально, но потом оказалось, что эта программа исключала возможность приписок, а следовательно, летный состав терял возможность подтверждать класс. У нас же знаешь как: улетит полк на лагерный аэродром «Талые ручьи», и каждый летает то, что ему нужно. Кому нужно отлетать «день в сложных метеусловиях», тот летает день. Кому нужно «ночь в простых метеусловиях», тот пишет ночь. Хотя летали в одно и то же время. А ЭВМ фиксировала все и исправления не допускала. Так что от нее отказались, так летчикам спокойнее. Хотя, конечно, применение ей найти можно, но это никому не нужно. Все люди при деле. Командир как-то при мне вызвал Бондаренко, дал ему какую-то тетрадь и попросил что-то просчитать. А так я даже не помню, чтобы ее когда-то использовали по назначению.

После этих слов Чернов едва сдержал свой восторг. Наконец-то он увидел выход из тупика. Теперь он знал, с кем ему нужно пообщаться.

Когда в полк поступил вертолет Ка-27Е, предшественник Чернова на должности оперуполномоченного установил доверительные отношения с капитаном Бондаренко с целью осуществления контроля режима секретности при осуществлении вышеупомянутых работ. До этого капитан стоял на должности техника группы РЭО первой эскадрильи. С поступлением новой техники была введена новая должность в вычислительном центре, куда его и перевели приказом командующего ВВС флота. Затем спецтехнику передали во флотскую структуру, а должность осталась. И Бондаренко на этой должности.

В силу своей оторванности от службы как негласный помощник он стал бесполезен оперативному работнику. Поэтому с ним никто не встречался, а сам Бондаренко уже и забыл, что когда-то обещал помогать сотрудникам КГБ в решении стоящих пред ними задач. Ему уже было около сорока лет. Он закончил среднее авиационно-техническое училище, поэтому осознал, что, получив звание «капитан», без академии достиг пика своей служебной карьеры. Учиться дальше он не хотел, да и считал, что уже поздно. Жизнь на Севере его устраивала полностью. У него был нормированный рабочий день. Он получал достойную зарплату, бесплатно питался в технической столовой. Его жена работала поваром в солдатской столовой, что значительно сокращало расходы семейного бюджета на продукты питания. Плюс ко всему за гаражами он смастерил небольшой сарай, где

выращивал свиней. О воинской службе ему напоминали только утренние построения и наряды на службу. Хотя последнее его мало беспокоило, офицеров в полку было достаточно, и он заступал в наряд не чаще одного раза в месяц.

По пути к дому Игорю не терпелось показать подарок Людмиле, и он, быстро попросившись с соседом, побежал домой. Едва переступив порог квартиры, Чернов, не снимая куртки, сразу же вытащил из портфеля свой трофей. Люда была в восторге от подарка, таких мехов у нее еще не было никогда. Она долго стояла перед зеркалом, примеряя, как лучше использовать шкуру: либо оставить в качестве воротника, либо сшить шапку. В конечном счете остановилась на шапке.

На следующий день с утра капитан Чернов уже сидел в кабинете Иващенко и докладывал новые обстоятельства. По окончании доклада присутствующий в кабинете Можайский высказал свое предложение:

— Я думаю, что сейчас торопиться с опросом Бондаренко не стоит. Мы не получили еще ответы на запросы в отношении Шкилева. Опять же, то, что Бондаренко когда-то дал согласие на сотрудничество с Особым отделом, ни о чем не говорит. Никто не может дать гарантии, что у него не могло появиться желание заработать на диссертации командира полка. Я считаю, что в отношении капитана мы должны провести полную проверку.

— Совершенно с вами согласен, — закурив сигарету, сказал начальник отдела и, уже обращаясь к Чернову, продолжил: — А вы, капитан, сегодня же подготовьте все запросы, чтобы к концу дня их разослать телеграммами, а также возьмите на контроль выезды всех военнослужащих в Москву и Ленинград. Я уже не исключаю вероятность существования третьего «помощника».

К концу дня все запросы были разосланы по различным отделам и управлениям КГБ необъятной страны. Следуя указаниям своих начальников, Чернов не предпринимал никаких дальнейших активных действий. В беседах с негласными источниками он решал текущие вопросы, параллельно выясняя, с кем поддерживают отношения вне службы интересующие его лица. В один из дней Игорь взял в строевой части журнал учета отпусков и командировок военнослужащих части. Расчертив лист пополам, в одной графе он стал выписывать отпускников, в другой — командировочных, выезжавших в Москву и Ленинград. Его интересовал период с ноября прошлого по апрель текущего годов.

Перечень фамилий оказался не очень большим, так как часть личного состава полка ежегодно в этот период уходила на боевую службу на полгода в составе экипажей авианесущих кораблей. Наряду с этим достаточно большой процент личного состава полка составляли выходцы с Украины и Поволжья. Они в основном проводили отпуска на малой родине. Это объяснялось тем, что летчиков для вертолетной авиации готовило Сызранское военное училище на Волге, а штурманов — Луганское на Украине. Пересматривая списки, Игорь остановился на фамилии Лобанов. Это был матрос срочной службы. Подозрительным для Чернова показалось то, что он дважды в этот период съездил в отпуск в Москву. С одной стороны ничего удивительного в этом не было. Матросам положен отпуск один раз в год и здесь: один отпуск у него был в декабре 1989 года, а второй — в феврале 90-го. Предоставление двух отпусков подряд иногда практиковалось командованием для негласного наказания нерадивых офицеров и прапорщиков. Таким образом на два года их лишали летнего отпуска. Но среди матросов срочной службы практика была иная. Вторым отпуском обычно приурочивался к увольнению матросов в запас. Именно это обстоятельство и вызвало интерес Игоря.

Неожиданно зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал знакомый голос одного из своих негласных помощников:

— Вас интересуют бесхозные пушки?

— Мне сейчас не до шуток, — с еле скрываемым раздражением ответил Игорь.

— А я не шучу, — в том же тоне продолжал оперативный источник. — За плитами возле КПП инженерного батальона в канаве лежит самолетная пушка. Я ее накрыл доской, чтобы глаза не мозолила. Так что поторопись, а то, может, кто-то раньше найдет.

Не опуская трубку, Игорь сразу же набрал номер телефона Можайского.

— Слушаю вас, — ответил начальник отделения.

— Андрей Викторович, нам еще работу подбросили, — сообщил Чернов. — Мне нужна машина, источник сообщил место, где спрятана авиационная пушка.

— Я высылаю к тебе Газ-66, если пушка еще там, грузи и вези в отдел. Здесь расскажешь подробности, — закончил разговор Можайский.

Особый отдел ВВС флота был расположен в пяти километрах от гарнизона, где служил Чернов. Поэтому через десять минут Газ-66 стоял на стоянке перед штабом полка. Чернов залез в кабину, и автомобиль тронулся в указанное место. Остановившись там, где указал Чернову помощник, Игорь осмотрелся. Место было открытым, но в то же время хорошо просматривалась дорога в обоих направлениях, вокруг не было никаких зданий, кроме КПП инженерного батальона. Место было идеальным для того, чтобы быстро выгрузить, а затем также быстро погрузить пушку в автомобиль. Следов вокруг сложенных плит было много, видимо, солдаты с КПП периодически выбегали сюда по малой нужде. Чуть дальше действительно была канава, и Чернов прошел к ней. На дне лежала широкая, почерневшая от времени доска. Игорь приподнял ее и увидел под ней авиационную пушку НР-30. Она хорошо была известна Чернову, так как стояла на вооружении многих самолетов ВВС. Поднять ее оказалось не просто, местами она была еще в масле и по весу более тридцати килограммов. Обернув ее ветошью, вместе с водителем они погрузили находку в кузов и повезли в отдел.

Полковник Иващенко приказал занести оружие к нему в кабинет. Надев очки, он внимательно осмотрел пушку, отметив, что на смазке кое-где остались кусочки упаковочной бумаги. Далее он переписал номер, выбитый на корпусе оружия, и вызвал к себе оперативного работника, курирующего штаб авиации.

— Сергей Дмитриевич, вызовите ко мне офицера службы тыла, отвечающего за склады вооружения, — попросил он майора Горобченко. Сам Иващенко не любил звонить в службы ВВС, предпочитая общаться напрямую только с командующим и его заместителями. Однако периодически он не лишал себя удовольствия провести профилактическую беседу с каким-нибудь армейским чиновником. Так и в этот раз.

Спустя двадцать минут в кабинет полковника Иващенко вошел заместитель начальника тыла ВВС по вооружению подполковник Крюков. Он был небольшого роста и едва доставал Иващенко до плеча. Представившись по форме, он огляделся по сторонам, выбирая место, куда можно присесть. Но Иващенко не предложил ему сесть, а грозно, с металлом в голосе, спросил:

— Товарищ подполковник, когда вы проводили крайний раз проверку состояния складов вооружения? — В авиации традиционно избегали слова «последний» — это считалось плохой приметой.

— В прошлом месяце, — без паузы ответил Крюков.

— И каковы итоги?

— Все нормально, все на месте.

— А где находится вот это пушка? — Иващенко передал офицеру листок бумаги с записанным номером.

— Я так сразу не могу сказать, мне нужно проверить по формулярам.

— Звоните и уточните, — пододвинул к нему телефонный аппарат Иващенко.

Спустя пять минут подполковник доложил:

— На центральном складе ВВС. А что случилось?

— С каких пор кабинет начальника Особого отдела ВВС флота стал центральным складом? Я вас спрашиваю, подполковник, — повысив тон, рявкнул Иващенко.

— Я не понимаю вас, товарищ полковник, — дрожащим голосом ответил тыловик.

— И я очень бы хотел понять, почему эта пушка лежит у меня в кабинете, а не на складе.

Чернов не стал слушать, чем закончится эта обструкция, и зашел в кабинет Можайского. У него сидел майор Горобченко. Увидев Чернова, он с укором заявил:

— Да, Игорек, подкинул ты мне работенку. Сейчас Иван Петрович разогреется на Крюкове и отведет на мне душу по-полной.

— Нет худа без добра, — успокоил его Можайский, — зато будет чем отчитаться в конце месяца. А ты, Игорь, поезжай к себе, тебе есть чем там заниматься. С пушкой мы и сами разберемся.

Попрощавшись с начальником, Чернов направился к себе.

Войдя в свой кабинет, он вспомнил, что не вернул журнал учета отпусков. Игорь взял с собой журнал и пошел в строевую часть. Начальника строевой части не было на месте. В кабинете находилась только машинистка Светлана Быстрова. Ее муж служил штурманом в вертолетном полку.

— Ну что, нашли что-то для себя ценное? — улыбаясь, спросила Светлана.

— Самое ценное в строевой части — это вы, Света, — улыбнулся Игорь.

В ответ на шутку она засмеялась и добавила:

— Если что-то еще будет нужно, обращайтесь.

— Мне уже нужно, — не прекращая улыбаться, продолжил Чернов.

— Я вся внимание, — игриво ответила Светлана.

— По журналу матрос Лобанов дважды за три месяца сходил в отпуск. За какие такие заслуги?

Улыбка сошла с губ машинистки.

— Это вопрос не ко мне, его отпускали по личному распоряжению командира, — с некоторым сожалением ответила Светлана.

Чернов вышел из строевой части и решил, что будет не лишним поговорить со старшиной полка в отношении Лобанова. Через двадцать минут он уже сидел в каптерке напротив старшины полка.

Флотская казарма ничем не отличалась от армейской. Единственным отличием было то, что на входе висела сияющая блеском рында. И названия в ней в ней были флотские: каптерка называлась баталеркой, дневальный — вахтенным, тумбочка — банкой, зато полотер, как во всех Вооруженных Силах, называли «машкой».

Старшиной полка был прапорщик Солоха Александр Николаевич. Он прослужил на Севере более пятнадцати лет, но так и не убрал из своего лексикона украинские слова. Общаясь с ним, Игорь удивлялся, почему во всех регионах, где ему приходилось служить, старшинами подразделений всегда были украинцы. Видимо, прижимистость и тяга к материальным ценностям были у них на генетическом уровне.

— Александр Николаевич, я бы хотел познакомиться с личными делами матросов, — попросил его Игорь. Он не стал ждать приглашения, а сразу снял шинель и сел на свободный стул.

— Нема пытань, — ответил прапорщик и сунул Чернову пачку листов, соединенных скрепками.

Официально на военнослужащих срочной службы в строевой части велись только учетно-послужные карточки. «Личные дела» — это была инициатива старшин. Они представляли собой автобиографию военнослужащего, его объяснительные по разным нарушениям, характеристики, листы учета поощрений и взысканий, а также фотографии. В данном случае Игоря интересовала больше автобиография Лобанова.

Чтобы не заострять внимания на его личности, Чернов стал внимательно изучать все так называемые «досье» матросов. Старшина не отвлекал его, а продолжал заниматься своими делами. Он готовился к банному дню, поэтому считал полученные на складе полотенца и куски мыла. Один раз он подошел к оперу и заговорщицки, полупшепотом спросил:

— У вас найдется время провести воспитательную беседу с одним хлопчиком? Це ваш клиент с потрохами, у него в карточке уже нет места, куда взыскания записывать.

— Обязательно побеседую, но не сегодня. Вы мне напишите о всех его провинностях и что от него хотите, а я потом со всей «пролетарской ненавистью» его воспитаю, — пообещал Игорь.

Дойдя до «личного дела» Лобанова, Чернов вынужден был обратиться к Солохе за пояснениями:

— Александр Николаевич, а почему у этого матроса в личном деле только одна автобиография? Даже карточки поощрений и взысканий нет.

— Да потому что у нас он только числится. Он круглосуточно живет в вычислительном центре, даже спит там. У него в кубрике и кровати нет.

— А командир об этом знает?

— Конечно, он его туда и определил, — с некоторой обидой заявил прапорщик.

— Ну, в наряды-то он ходит? — продолжал интересоваться Чернов.

— И в наряды его ставить нельзя. Он работает в интересах командира. Вот «така важна

птыщя» у меня служит, — с нескрываемым сарказмом ответил старшина.

Чернов усмехнулся и начал читать автобиографию. Она была написана красивым, хорошо поставленным почерком. Из нее он узнал, что матрос Лобанов Сергей Николаевич родился в Москве, окончил среднюю школу с золотой медалью. В этом же году поступил в МВТУ им. Баумана на факультет робототехники и комплексной автоматизации. Со второго курса был отчислен по собственному желанию, после чего был призван на действительную военную службу на флот. Дойдя до этого эпизода автобиографии, Чернов вновь обратился к Солохе:

— Николаич, а вы беседовали с ним, когда он прибыл в часть?

— Конечно. Они все сначала через меня проходят, — с гордостью ответил старшина.

— А как он объяснял причину отчисления, вы спрашивали?

— Сказал, что разочаровался в своей будущей профессии и захотел узнать жизнь.

С одной стороны версия была убедительной, в курсантские годы Игорь помнил некоторых ребят, которые поступили в училище только из-за красивой формы и престижной профессии. Они неплохо учились, но когда в конце первого курса начались полеты и парашютные прыжки, то панически боялись заходить в самолет. В конечном счете одни из них написали рапорта на увольнение, другие перевелись на наземный факультет офицеров боевого управления. С другой стороны, рассуждал Чернов, если ошибся в выборе профессии, ему ничто не мешало перевестись в другой вуз. После МВТУ его бы без проблем взяли в любой институт. «Нужно будет направить запрос в Москву, чтобы выяснить истинные причины исключения его из вуза», — подумал Игорь.

Согласно штатному расписанию, матрос Лобанов стоял на должности планшетиста командного пункта, на которой не требуется допуск к секретам. Поэтому спецпроверка в отношении него в Особом отделе не проводилась. Чернов переписал себе в блокнот основные биографические данные на Лобанова и, попрощавшись с Солохой, направился в свой кабинет. Там он быстро расписал все запросы, запаковал их в двойной пакет и направился в штаб соседнего вертолетного полка. В гарнизоне было три авиаполка, и в каждом из них был свой оперработник. Чернов зашел в кабинет к своему коллеге и спросил:

— Витя, ты когда собираешься в отдел?

— Сегодня, к концу дня, Можайский зачем-то вызывает, — ответил майор Мухин.

— Будь другом, завези мой пакет в секретариат, а то у меня еще есть дела вечером.

— Ну, это тебе будет дорого стоить, — набивая себе цену, пошутил майор.

— Спасибо, Витя, — поблагодарил Чернов и положил ему на стол пакет. Тот его сразу переложил к себе в сейф и также, шутя, заметил:

— Спасибо в стакан не нальешь.

— Налью-налью, но когда приедешь, — ответил Чернов.

— Что, по пушке отписался или по поиску подлодок что-то нарыл? — серьезно спросил майор.

— И там и там отметился, — не стал скрывать Игорь.

— Зря ты все это замутил, Игорь. Поверь мне, старому оперу, добром для тебя это не закончится. Об этой ориентировке через неделю уже все бы забыли. На Севере служба — как на вулкане, здесь каждую неделю ЧП и каждую неделю вводные. Смотри, какая интересная ситуация. Нас тут четыре опера, у которых противолодочные полки. Если бы каждый сказал, что у него не было и нет никаких работ, то и виноватых нет. Кроме тебя изменника в полку никто искать не будет. Если ты его не найдешь, то никто не найдет. А на нет и суда нет. А

коль ты прокукарекал, теперь к тебе первая претензия: не смог предотвратить, ты допустил утечку. Даже если ты и раскрутишь эту тему, то героем будем дядя Ваня, — Мухин имел в виду полковника Иващенко, — потому как он недавно приступил к должности и под его руководством раскрыли преступление. А ты рискуешь вовремя получить майора. Вот так вот, у нас, как в армии, инициатива наказуема.

— Исходя из твоей логики, безопасней тогда вообще ничего не делать? — возразил ему Чернов.

— Конечно. Посмотри на меня, я никогда по службе не высывался, минимум отчетности даю, и все идет гладко. Старшего опера получил вовремя, майора — вовремя. Подполковника получу как «ликвидатор-чернобылец». А потом переведусь на юг, пробью себе должность старшего оперативного дежурного и до пенсии ни клят, ни мят. Работа — сутки через двое, КГБ-шная ксива и все льготы.

— Заманчиво, но, к сожалению, для меня не подходит, — улыбнулся Игорь, — во-первых, в Чернобыле я не был, по прежнему месту службы в плане стоял на октябрь, но в сентябре меня отправили сюда. А во-вторых, поскольку таких заслуг перед Родиной, как у тебя, я не имею, то единственный выход получить подполковника — это стать начальником.

Игорь засмеялся. Он знал, как ревностно относится Мухин к служебным успехам других оперов и, поэтому решил немного его позлить. У Игоря с Виктором были хорошие отношения, они часто отмечали праздники семьями, на многие вещи в жизни они смотрели одинаково, но отношение к службе у них было разным. И в этом плане старший товарищ не был авторитетом для Чернова.

— Тогда Бог в помощь, — категорично закрыл тему майор.

Они пообщались еще минут десять, и Игорь вернулся в свой кабинет. У него уже созрел план действий. Посвящать в него своих начальников он не хотел, был уверен, что его не одобряют. А ждать ответов на запросы уже не видел смысла.

Чернов набрал номер телефона вычислительного центра.

— Капитан Бондаренко, слушаю вас, — услышал он в ответ.

— Владимир Федорович, капитан Чернов беспокоит, мы сможем сегодня встретиться и поговорить наедине? — спросил Игорь.

— Да, подходите сегодня к восемнадцати часам в вычислительный центр, я здесь буду один, — после небольшой паузы ответил Бондаренко.

— А где будет ваш охранник? — уточнил Чернов, имея в виду Лобанова.

— В восемнадцать часов у них ужин, а потом баня, так что часа полтора-два его не будет.

Ровно в восемнадцать часов капитан Чернов зашел на вычислительный центр. Бондаренко встретил его на входе и сразу же предложил пройти в отдельную комнату. В маленькой комнатухе без окон горел тусклый свет. Вдоль стены стоял полупустой книжный шкаф, посреди комнаты — стол и два табурета. Вешалку заменяли два гвоздя, вбитые в дверь изнутри.

— Прощу к столу, — пригласил Чернова гостеприимный хозяин. На столе лежала фляга со спиртом, два стакана, кусок бело-розового сала, соленые огурцы и нарезанный хлеб.

— Это в целях конспирации. Вдруг кто зайдет, то не будет задавать лишних вопросов, что мы тут делаем, — пояснил капитан, видимо, не забыв, что когда-то дал согласие на сотрудничество с Особым отделом. Игорь снял шинель, поправил волосы и в свою очередь поставил на стол свою бутылку спирта, которую предусмотрительно захватил с собой,

выходя из кабинета. Это были издержки оперативной работы: на Севере без бутылки откровенные разговоры не получались.

Гостеприимный хозяин сел за стол, по-деловому открутил пробку на фляге и протянул ее Игорю.

— «Шило» наливает каждый себе сам, — пояснил он гостю.

Игорь налил себе четверть стакана, немного разбавил спирт водой и накрыл его ладонью. Бондаренко посмотрел на эту процедуру и одобрительно заявил: «Наш человек».

Себе он налил почти полстакана, чисто символически добавил воды, но стакан ладонью не накрывал. Жидкость моментально помутнела. Затем, чокнувшись, произнес стандартный тост: «За все хорошее», — и залпом осушил содержимое. Чернов последовал его примеру.

— Закусывайте салом, я сам его солю по своему рецепту, — с гордостью предложил инициатор застолья.

Сало действительно было вкусным. Поговорив несколько минут на кулинарные темы, Бондаренко взял опять в руки флягу. Не спрашивая согласия, он налил себе спирт и передал флягу Чернову. Увидев, что гость последовал его примеру, он произнес следующий тост, мало отличающийся оригинальностью от предыдущего:

— За тех, кто в море, — и залпом осушил стакан.

Игорь тоже сделал глоток из своего стакана и принялся делать бутерброд с салом. Бондаренко вытер рот ладонью, взял кусочек хлеба и занюхал им. Потом положил его на место и, похлопав Чернова по плечу, довольно произнес:

— А ты, я смотрю, нормальный мужик. Чего вашего брата только в войсках боятся — не знаю. Ничего, что я на «ты» перешел? — Игорь молча кивнул в знак согласия. — Твой предшественник тоже классный парень. Никогда не отказывался со мной выпить. А у нас ведь, у авиационных моряков, без этого дела разговор с новым человеком никогда не завяжется, — капитан показал жест в виде оттопыренных большого пальца и мизинца, а затем продолжил: — А правда, что в полку Бе-12 особист вообще не пьет?

— Правда, — ответил Игорь.

— Неужели болеет? А ведь молодой такой, — Бондаренко с сожалением покачал головой.

— Да нет, он здоров, как бык. Просто спортсмен, у него каждый день тренировки по рукопашному бою, вот и поддерживает форму.

— Бедная его жена, непьющий мужик — это хуже, чем пьющая женщина, — многозначительно констатировал старый капитан и взял опять флягу в руки.

— Подождите, — перебил его Чернов, — такими темпами мы и о деле не успеем поговорить.

Бондаренко нехотя закрутил пробку и с недоумением спросил:

— Да чем же я могу быть тебе полезен? К полетам отношения не имею, на боевую службу меня не берут, к секретам не допущен.

— Это как сказать, не допущен. Командиру помогали же с секретной диссертацией.

Бондаренко изменился в лице.

— Да чем там я помогал? Он давал только расчеты сделать, а саму диссертацию я даже не читал, триста лет она мне нужна, — оправдываясь, возразил Бондаренко.

— Тем не менее, ее содержимое ушло налево, — пошел ва-банк Игорь.

— Этого не может быть, он давал мне тетрадь, я делал расчеты и сразу возвращал ее назад.

— Вы сами делали расчеты, лично?

— Нет, Лобанов, он и так сидит целыми днями без дела.

— А вы при этом присутствовали?

— Нет, отдавал тетрадь ему, он у себя в комнатке что-то мудрил, а потом заносил данные в машину. Если честно, я ведь на ней никогда не работал и даже не знаю, как ей пользоваться. А Лобанов в Бауманке с ней имел дело.

— А куда вы девали потом эти расчеты? — не унимался опер.

— Сначала отдавали Шкилеву. Потом Лобанов перенес их на дискету.

— А где вы нашли компьютер и чистую дискету?

— Лобанов ездил в отпуск, там у него то ли знакомые, то ли родственники с компьютером. Им он отдавал распечатки ЭВМ, а те переносили их уже на дискету. Но по расчетам ведь ничего не поймешь, там одни голые цифры.

— Где комната Лобанова? — быстро спросил Чернов.

— Там, — рукой показал Бондаренко на противоположную через коридор дверь.

— Покурите в предбаннике, чтобы Лобанов не зашел, мне нужно осмотреть его шхеру, — сказал Игорь.

— Она закрыта, возьмите вот второй ключ, — капитан показал на стену, где на гвозде висел запасной ключ.

Комната была такая же, как у Бондаренко. Там стоял старый диван, письменный стол со стулом и шкаф. Игорь быстро заглянул в шкаф. Там висела парадная форма Лобанова и спортивный костюм. В нижнем выдвижном шкафчике лежали кеды и бескозырка в целлофановом пакете. В выдвижном ящике стола были пакет леденцов, пачка сигарет, карандаши и магнитофонные кассеты. На столе стоял маленький телевизор, магнитофон и электрочайник. «Неплохо устроился», — подумал о Лобанове Игорь, зная, что ничего подобного нельзя хранить у себя другим военнослужащим срочной службы. В тумбе стола лежали рулоны бумаги с расчетами. Не исключено, что это были расчеты по диссертации. Оставалось только осмотреть внутреннюю часть дивана. Игорь поднял сиденье и увидел там одеяло, подушку и две простыни. У него наступило разочарование. Хотелось найти что-то большее, но сам он не знал, что ищет.

В тот момент, когда уже начал опускать сиденье дивана, Чернов случайно заметил, что фанера на днище дивана немного выгнута и не закручена шурупом. Он приподнял незакрепленный край и засунул руку под днище. Пальцы нащупали какой-то пакет. Игорь быстро вытащил его и развернул. В газету была завернута тетрадь. По первым записям Чернов сразу понял, что это рукописная копия диссертации командира полка. Написана она была рукой Лобанова, он запомнил его каллиграфический почерк, читая в казарме автобиографию. Удивительным было лишь то, что работа начиналась не сначала. Было такое ощущение, что это продолжение диссертации. Чернов быстро завернул тетрадь в газету и положил ее на место. Затем, поправив все, как было раньше, вышел из комнаты. Замкнув дверь, он подошел к Бондаренко, чтобы вернуть ключ. Тот стоял на пороге здания и курил.

— Ну что, нашли что-то? — обиженно спросил он Чернова.

— Да нет, видимо, вы правы, — ответил ему Игорь, — я тоже не верил, что отсюда что-то может уйти.

— Ну, а я что говорил? — воскликнул Бондаренко.

Посмотрев на взволнованного капитана, Игорь понял, что в беседе с этим открытым человеком вел себя слишком прямолинейно, даже грубовато, и ему захотелось снять

установившееся напряжение. Он подошел к столу налил спирт в стакан и предложил:

— Федорович, а давайте выпьем за вас! Исключительно благодаря таким честным и порядочным людям, как вы, держится наша авиация.

Бондаренко довольно заулыбался: не часто ему приходилось слышать комплименты в свой адрес. Он, конечно, уловил лесть в словах гостя, но ему все равно стало приятно.

После очередного стакана Игорь почувствовал коварное действие спирта, который действует на голову и ноги с некоторым опозданием. Чувствуя, как земля уходит из-под ног, он быстро стал одеваться.

— Может, на «посошок» еще по чуть-чуть? — предложил разомлевший Федорович.

— Можно, но только сразу пойдем по домам, не нужно, чтобы матрос видел пьяных офицеров, — из последних сил держа себя в руках, согласился молодой капитан.

— Наши матросы не такое видели!

— Будет лучше, чтобы нас он не видел. Вы же не хотите, чтобы он разнес по гарнизону, что у вас есть общие дела с особистом? И не надо говорить ни ему, ни командиру о нашем разговоре.

— Могила, — кратко закончил Бондаренко, наливая очередную порцию спирта в свой стакан.

Утром Чернов проснулся с сильной головной болью. Усилием воли он восстановил в памяти весь вчерашний разговор и решил, что необходимо доложить полученную информацию начальнику. Однако в стране был введен «сухой закон», и появляться с запахом перегара в Особом отделе ВВС флота было равносильно самоубийству. Игорь посмотрел на часы, было без четверти восемь. Звонить Можайскому на работу не было смысла, так рано в кабинете без нужды он не появлялся. Чернов набрал номер домашнего телефона начальника, через несколько секунд тот ответил бодрым голосом:

— Слушаю вас.

— Доброе утро, Андрей Викторович. Кажется, я нашел того, через кого произошла утечка.

— Не нужно о таких вещах говорить по телефону, — перебил его начальник. — В 9.00 я буду в кабинете, приезжай ко мне и спокойно все доложишь.

— Извините, но в своем состоянии я не могу появиться в отделе, — принялся оправдываться Чернов, — в условиях антиалкогольной кампании пришлось вернуться к старым методам установления личного оперативного контакта.

— И что? — не понял шутки Можайский.

— Итог налицо и шлейф в атмосфере, — подобным тоном Игорь мог позволить себе общаться с этим начальником. С первого дня совместной службы между ними образовался ореол доверия, и их отношения иногда выходили за рамки служебных.

— Хорошо. К десяти часам Иван Петрович поедет в управление, я тогда к тебе выскочу. Надеюсь, до кабинета ты самостоятельно дойти сможешь?

— Конечно, на рабочем месте я буду вовремя, — ответил Игорь, а затем отключился, услышав гудки в трубке.

Выслушав доклад подчиненного, Можайский встал из-за стола и начал ходить по кабинету, обдумывая все услышанное. Затем, повернувшись в полуоборот к Чернову, он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, поздравляю вас, коллега, с почином. Если все это так, то среди ваших трофеев появится первый инициативник.

— Спасибо, Андрей Викторович, я думаю, теперь надо возбуждать уголовное дело и брать Лобанова под арест.

— Экий ты быстрый. А ты уверен, что бумаги, которые нашел, действительно составляют какую-то тайну? Ты уверен, что текст, написанный в тетради, — это диссертация командира, а не «псевдонаучные» измышления самого Лобанова? В конце концов, без графологической экспертизы нельзя утверждать, что записи сделаны его рукой. Опять же, где доказательства того, что именно он передал эти материалы иностранной разведке? — начальник сделал паузу и испытывающее посмотрел на Игоря. — Как видишь, вопросов больше, чем ответов. Сделаем так. Запросы в Москву я подготовлю сам. Я думаю, там меня еще не забыли, с ответами тянуть не будут. Ну, а тебе нужно будет изыскать возможность все бумаги из комнаты изъять на время для снятия копий и потом незаметно вернуть их на место. Но самое главное сейчас — это собрать максимум информации о самом Лобанове и организовать за ним плотный контроль. Нельзя допустить, чтобы эти бумаги он успел передать до нашего вмешательства или уничтожил. Тогда нам головы не сносить. Все,

я поехал, а ты приходи в себя от «традиционного личного контакта» и занимайся Лобановым.

После ухода Можайского Чернов еще долго вспоминал автобиографию Лобанова и думал, что этого парня из благополучной московской семьи могло толкнуть на предательство. Предательство не столько интересов Родины, сколько близких людей: родителей, которые надеялись вырастить из него настоящего человека и ученого; капитана Бондаренко, относившегося к нему, как к родному сыну; и, наконец, командира полка, доверившего ему труд всей своей жизни.

Сергей Лобанов торопился домой. Он не просто торопился, он летел, переполненный эмоциями от счастья. Только что он увидел свою фамилию в списках абитуриентов, поступивших в Высшее техническое училище имени Баумана. Сергей был безмерно горд тем, что хоть и сдавал один экзамен, но все же поступил в этот престижный вуз сам, без помощи отца. Он вырос в типичной семье московских интеллигентов. Его отец был заведующим лабораторией одного из НИИ, кандидат технических наук, мать работала в Центральной библиотеке имени Ленина. У них была большая трехкомнатная квартира в сталинском доме на Воробьевых горах, доставшаяся по наследству от деда, в прошлом известного ученого. Сергею не терпелось быстрее поделиться своим успехом с родителями. Он забежал домой и с порога крикнул:

— Поздравьте меня, я стал студентом!

Был полдень, и родители еще не вернулись с работы. Из кухни вышла бабушка, на ходу вытирая полотенцем руки. Она расцеловала Сергея, а потом тихо заплакала.

— Бабушка, что ты плачешь, радоваться надо! — обнимая старушку, успокаивал внук.

— Я от радости плачу, Сереженька. Как жаль, что дедушка не дожил до этого дня. Он бы гордился тобой, — вытирая слезы, ответила женщина.

Вечером дома накрыли праздничный стол, и отец впервые налил сыну бокал вина. Так Сергей Лобанов вступил в новую жизнь.

Студенческая жизнь ему нравилась все больше и больше. Учеба давалась легко. Но больше воодушевляла его сама атмосфера студенчества. Он окунулся в новый коллектив, у него появились новые друзья и новые интересы. Он уже не вел затворнический образ жизни, как в школе. Вместе с друзьями ходил на пикники, дискотеки и просто студенческие вечеринки.

Однажды на дне рождения своего друга детства Андрея Глазова Сергей увидел девушку, от которой не в силах был оторвать глаз. У нее были пышные каштановые волосы, мягко спадающие на плечи, необыкновенно выразительные карие глаза в обрамлении густых ресниц. Немного полные губы придавали ей особенный шарм. Раньше Сергей не видел ее в компаниях. Он сидел молча напротив нее с блаженным выражением лица и любовался ею. Девушка увидела этот взгляд и улыбнулась. Ее начинал забавлять этот наивный парень. Когда заиграла музыка, она вышла из-за стола, по-кошачьи потянулась, выгодно подчеркивая достоинства фигуры, и неожиданно для Сергея направилась в его сторону.

— Меня зовут Ирина, — подойдя к Сергею, представилась девушка.

Лобанов не ожидал такого поворота событий и продолжал дальше молча на нее смотреть, как замороженный. Ирина опять улыбнулась, демонстрируя идеально ровные белые зубы, а потом взяла Сергея за руку и повела в круг танцующих ребят. Когда заиграла медленная музыка, она положила ему руки на плечи и, глядя в глаза, спросила:

— Ты так и будешь молчать? Или ты немой?

— Нет, — заливаясь краской, ответил Сергей.

— Уже легче, — не без иронии заметила Ирина. — А имя у тебя есть?

— Сергей, — не выходя из ступора, ответил Лобанов.

— Да, ты балагур, прямо слово не даешь вставить! — пошутила над ним девушка.

Сергей прекрасно осознавал, что выглядит глупо, но ничего с собой поделать не мог. У

него не было опыта общения с представительницами прекрасного пола, и он не знал, как нужно себя с ними вести. Тем не менее, когда закончился вечер, он набрался смелости и предложил Ирине проводить ее до дома. Та согласилась, ей интересно было наблюдать за поведением нового знакомого.

Ирина была старше Сергея на два года, она училась на третьем курсе консерватории по классу фортепиано. Ее родители тоже были музыкантами, поэтому богемная среда была естественным ее ареалом. Несмотря на свой возраст, она была лично знакома со многими известными артистами, художниками и музыкантами. С некоторыми из них у нее даже были непродолжительные романы. Выходить замуж она не хотела, ей нравилось получать от жизни удовольствие.

Они гуляли по вечерней Москве и любовались огнями вечернего города. Немного осмелев, Сергей начал рассказывать Ирине о своем детстве, победах на школьных олимпиадах, о будущей профессии. Все это для нее было малоинтересным, и она уже пожалела, что не отказала Сергею. Успокаивало лишь то, что дом был уже рядом.

— Ну, вот мы и пришли, — с облегчением сообщила Ирина. — Здесь я живу.

— Может, еще погуляем? — с надеждой в голосе спросил Сергей.

— Нет, я устала, — ответила девушка.

— А можно, я позвоню тебе завтра? — поинтересовался парень.

Ирина в этот момент уже не слышала Сергея, она безотрывно смотрела на подъезжающую к дому красную «девятку», и ее лицо становилось серьезным. Автомобиль плавно затормозил возле стоящей пары. Из машины вышел парень спортивного телосложения и обратился к Ирине:

— Ира, нам нужно поговорить. Дай леденец своему щенку — и пусть валит отсюда.

— Нам не о чем с тобой говорить. По-моему, в прошлый раз мы все выяснили.

Парень перевел грозный взгляд на Сергея и, уже обращаясь к нему, заявил:

— Ты что, не понял? Мне нужно поговорить с девушкой, а тебе уже пора спать. Давай, гребни отсюда.

— Мне показалось, что Ирина не желает с вами разговаривать, и я не собираюсь оставлять ее с вами, — гордо ответил Лобанов.

— Ну надо же, какие мы благородные, — усмехнулся незнакомец. Затем он резко схватил Сергея за ухо, развернул к себе спиной и дал пинка под зад. Лобанов отскочил на метр, потом подбежал и ударил обидчика ладонью по лицу. Тот успел увернуться, но все равно пальцы скользнули ему по подбородку. Это только разозлило знакомого Ирины. Его глаза налились кровью, и он нанес Сергею короткий без замаха апперкот в солнечное сплетение. Удар был настолько сильным, что тот упал лицом вниз. Дыхание у Сергея сперло, в глазах пошли цветные блики, а в ушах стоял гул. Однако через пелену перед глазами он увидел, как незнакомец схватил Ирину за руку и стал тянуть к машине. Поднявшись на ватные ноги, Сергей с разбегу протаранил парня головой в бок. Тот повалился на капот автомобиля и скатился на асфальт. Сразу встав на ноги, он уверенным шагом подошел к Сергею и ударил его ногой в область шеи. Последний, как мешок, рухнул на землю. Драка привлекла внимание жильцов дома, несколько человек вышли на балконы. Кто-то стал звать на помощь милицию. Парень оставил Ирину в покое, отряхнул брюки и на прощание сказал:

— Мы все равно с тобой еще встретимся, но только без этого бультерьера декоративного, — он бросил брезгливый взгляд на лежавшего парня.

Еще раз оглянувшись по сторонам, незваный гость быстро сел в автомобиль и рванул с места драки.

Сергей не знал, сколько времени был без сознания. Но когда он пришел в себя, то уже лежал на лавке. Ирина сидела на корточках и носовым платком вытирала кровь на его ссадинах.

— Кто это был? — тихо спросил он девушку.

— Да никто, так, каскадер с киностудии, возомнил себе, что я его невеста.

— А ты его невеста? — наивно спросил Сергей.

— Да какая там невеста? Пару раз встретились. Потом я его бросила, так теперь он мне прохода не дает.

— А почему ты его бросила?

— Тебе не кажется, что слишком много вопросов для первого дня знакомства? — ушла от ответа Ирина. Затем, улыбнувшись, погладила Сергея ладонью по щеке и сказала: — А ты смелый, не побоялся броситься на этого вурдалака. Из-за меня парни еще ни разу не дрались.

Она поцеловала Сергея в щеку и сказала:

— Посиди здесь, я пойду вызову тебе такси. Наверное, родители уже волнуются.

Она встала и, не торопясь, пошла к подъезду. Сергей держал ладонью то место, которого только что касались губы Ирины, и смотрел ей вслед. Он уже не вспоминал про драку, все его сознание было заполнено только Ириной. Она вышла через пару минут с листком бумаге в руке и протянула его своему спасителю.

— Это номер моего телефона, можешь позвонить мне, если захочешь, — снисходительно разрешила Ирина.

— Обязательно позвоню, — выдавил из себя переполненный радостью Сергей.

— Я вызвала такси, тебе нельзя в таком виде возвращаться домой на метро. Первый милиционер тебя заберет в отделение.

У Сергея была разорвана штанина и на лице красовалась гематома от падения на асфальт.

— У тебя деньги на такси есть? — поинтересовалась у него Ирина.

— Есть, — ответил Сергей. Мать специально дала ему деньги, чтобы он не задерживался после дня рождения.

Ирина стоя смотрела на медленно приходящего в себя спасителя и улыбалась. Сергею было немного стыдно, что он не мог достойно заступиться за даму, но в тоже время покидать ее не спешил. Время для него остановилось, и он хотел просто смотреть на нее и слушать ее голос. Однако все когда-то заканчивается. Тишину нарушил визг тормозов такси. Ирина помогла встать Сергею и проводила его к автомобилю. На прощание она еще раз поцеловала его в щеку. Сергей сел в такси на заднее сиденье, чтобы уединиться со своими мыслями. Быстро назвал свой адрес и стал смотреть на удаляющуюся за стеклом Ирину.

Вернувшись домой, он открыл дверь своим ключом, на цыпочках пошел в свою комнату. Но вдруг резко в глаза ударил свет. Домашние не спали.

— Где ты был? — строго спросила мать, но когда увидела, в каком состоянии пришел сын, зарыдала в голос. Сергей молчал.

— Еще раз повторяю, где ты был? — беря себя в руки, повторила мать.

— Ты же знаешь, что на дне рождения у Глазова, — ответил Сергей.

— Я звонила Андрею три часа назад, и он заверил меня, что ты давно ушел домой, — не унималась мать.

— Я провожал девушку, — честно сознался Сергей.

— Это из-за нее тебя так тебя разукрасили? Кто она такая? — продолжала допрос женщина.

— Я познакомился с нею на дне рождения Андрея. Она — студентка консерватории.

— Только музыкантов нам не хватало, — с разочарованием и возмущением заявила мать.

В этот момент в комнату зашел отец. Он строго посмотрел на сына и вдруг неожиданно улыбнулся.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь, иди, умойся и ложись спать, — и, уже обращаясь к жене, сказал: — Пойдем отдыхать, все нормально, подумаешь, беда: по морде сыну дали. Живой же и почти невредимый. А ссадины заживут. Не он первый, не он последний. В конце концов, он мужчина, а с мужчинами такое иногда случается.

— Да какой он мужчина? — возразила мать. — Он еще ребенок. И о девушках ему рано думать, учеба должна быть на первом плане.

— Одно другому не помеха. Вспомни нас в его годы, много мы об учебе думали? — успокоил ее муж.

Отец обнял мать за плечи и повел в спальню, та продолжала вытирать слезы и тихо всхлипывать.

После душа Сергей долго не мог уснуть, молча смотрел в потолок и вспоминал Ирину. Он видел каждый поворот ее головы, всплеск волос, вспоминал тепло ее поцелуя и чарующую улыбку. Наконец сам не заметил, как погрузился в сон.

Утром его разбудил будильник, просыпаться не хотелось, очень болела голова, но нужно было идти на занятия. Нехотя он встал с постели и направился в ванную. Каково же было его разочарование, когда в зеркале он увидел незнакомого типа с подбитым глазом и распухшим ухом. Идти в таком виде в училище не хотелось, но настояла мать.

— Занятия ты пропускать не будешь, пусть все видят, какой герой, — но, глядя на его жалкий вид, все же протянула ему тюбик с тональным кремом.

В училище Сергей, как мог, прятался от встречных взглядов своих однокурсников, но все же в этот день не избежал участи стать объектом их насмешек.

Вернувшись домой, он очень захотел позвонить Ирине, но сам себя остановил. «Что я ей скажу? — думал он. — Пригласить в кино? Она откажется, учитывая мой вид. Посидеть у нее? А вдруг у нее дома родители, и тогда все опять испортит внешний вид». Любой из вариантов, которые приходили в голову Сергею, во всех случаях разбивался о внешний вид. И тогда он решил, что позвонит, когда вернется в прежнее свое состояние.

На пятый день внешних признаков драки уже не осталось, не считая темного пятна на скуле от ссадины. Сергей собрался с духом и позвонил девушке. На противоположном конце провода он услышал долгожданный голос:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Ира, — сам не зная почему, перешел он на «вы», — это Сергей.

— Какой Сергей? — не узнала его Ирина.

— Мы познакомились с вами на дне рождения Андрея Глазова, — с надеждой напомнил он.

— А-а, и что хочет благородный рыцарь? — с усмешкой спросила она.

— Я хотел встретиться.

— Для чего? — тем же тоном поинтересовалась Ирина. Видимо, ей нравилось играть с

молодыми людьми.

— Может быть, куда-нибудь сходим?

— Например? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Ну, я не знаю, может, в кино или парк, — сказал Сергей первое, что пришло в голову.

— И о чем мы будем говорить? О твоей учебе, теореме Пифагора или биноме Ньютона? — пошутила она.

— Нет, мне нужно вам сказать что-то очень важное, — соврал Сергей, даже не представляя, что же он скажет Ирине.

— Хорошо, приходи ко мне, адрес ты знаешь, квартира номер 7.

— Может, где-то встретимся в другом месте? Я не очень люблю знакомиться с родителями.

— А тебя никто и не собирается знакомить с родителями, они на гастролях и будут только к концу следующей недели. Так что у тебя есть час, потом я должна уйти, — поделовому закончила разговор Ирина.

Не помня себя от счастья, Сергей выскочил из квартиры и побежал к ближайшей станции метро. На входе в цветочном киоске он купил пять гвоздик и заскочил в вагон. Минут через десять он уже был возле заветного дома. Еще через минуту он позвонил в дверь под номером 7. Когда он услышал приближающиеся шаги, его сердце настолько громко застучало, что он сам слышал этот стук. Дверь открылась, и он увидел ее. Девушка с усмешкой смотрела на Сергея и ждала, что тот что-то скажет, но он тоже молчал. Ирина, видимо, только что вышла из ванной, у нее были мокрые волосы, зачесанные назад. Легкий шелковый халатик едва скрывал ее манящее тело. Осознав, что гость от избытка чувств не в состоянии говорить, она пропустила юношу в коридор, но продолжала стоять напротив него, не приглашая войти дальше.

— Так что такое важное ты хотел мне сообщить? — не меняя выражения лица, спросила хозяйка квартиры.

Сергей молчал. У него путались мысли, и он не знал, что сказать. Затем, на удивление самому себе, выпалил, как из пушки:

— Ира, я люблю тебя и хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Едва сдерживая смех, девушка спросила:

— И когда?

— Через месяц мне исполнится восемнадцать, и мы сможем подать заявление, но если ты не готова, я буду ждать столько, сколько ты скажешь, — произнес Сергей и протянул Ирине букет цветов.

В ответ она весело рассмеялась, однако взяла в руки цветы и потянулась, чтобы поцеловать Сергея в щеку. Но тот стремительно схватил девушку в объятия и стал жадно целовать. Он покрывал поцелуями ее губы, глаза, шею и не мог остановиться. Он даже не чувствовал, как она сначала пыталась его оттолкнуть, но потом смирилась. Как странник, вышедший из пустыни, не может утолить свою жажду, так Сергей не мог насладиться Ириной. Он чувствовал тепло ее тела, наслаждался бархатом ее кожи, ароматом волос и не заметил, как оказался с ней в комнате. Девушка медленным движением руки развязала поясок на халатике, и тот плавно сполз на пол....

Сергей лежал на диване, пытаясь осознать, что произошло. В его жизни это было впервые, таких ощущений он не испытывал никогда. Единственное, что его смущало, — почему все вышло так быстро. У себя в сознании он рисовал картины предстоящей свадьбы, потом семейного уюта: видел уже Ирину, кормящую грудью их младенца. Сергей перевел счастливый взгляд на Ирину и увидел, что она лежит на спине и смотрит в потолок. По ее щеке катилась слеза. Она повернула голову в его сторону и серьезно сказала:

— Ну что, женился? А теперь уходи.

— Ира, прости, я не хотел... Я не знаю, как это произошло. Я женюсь на тебе, — в панике залепетал Сергей.

— Уходи, — повторила Ирина.

— Я действительно тебя люблю...

— А я нет, — категорично заявила девушка. Затем, немного поменяв тон, продолжила: — Я не воспитательница в детском саду, я не люблю детей. Мне нравятся мужчины, настоящие мужчины, сильные, волевые, твердо стоящие на ногах, а ты еще ребенок. Так что иди домой и постарайся меня забыть. У нас не может быть будущего.

— А как же то, что между нами было?

— Считай, что ничего не было. Пусть это будет моей благодарностью за то, что в прошлый раз ты избавил меня от того гоблина. Иди, мне действительно скоро нужно уходить.

Сергей вскочил с дивана, на ходу оделся и, не помня себя, выскочил на улицу. Его распирало от горечи и отчаяния. Он всегда считал, что главным достоинством мужчины есть его ум, а сила — это атавизм, удел плебеев. Так воспитали его родители. Но почему девушке, в которую он влюбился впервые в жизни, нравятся именно сильные?..

Домой идти не хотелось. Он зашел в первый попавшийся видеосалон и взял билет на ближайший сеанс. Он даже не посмотрел, какой будет демонстрироваться фильм. В зале были преимущественно парни и девушки его возраста. Он обратился к одному из сидящих рядом парней:

— А какой фильм будут показывать?

Тот с удивлением посмотрел на соседа, что-то хотел сказать резкое, но, увидев растерянный взгляд Сергея, коротко ответил:

— «Двойной удар» с Ван Даммом.

В зале потушили свет, и начался показ фильма. Сергею не нравились боевики, он предпочитал более интеллектуальные фильмы, но сегодня ему нужно было отвлечься. Не задумываясь, он смотрел, как главный герой, играя мускулами, крушит все и всех подряд, не оставляя своим врагам ни единого шанса на успех. Происходящее на экране воспринималось им как дешевый фарс. В этот момент он окинул взглядом сидящих зрителей и, к своему удивлению, отметил, что многие, особенно девушки, смотрели на героя с нескрываемым восторгом. Жан-Клод Ван Дамм покорял их своим сильным телом, уверенностью в себе и, естественно, умением виртуозно драться. Сергей впервые подумал в тот момент: «Видимо, то, что женщины ценят в мужчине в первую очередь ум, придумали хилые мужчины сами, чтобы оправдать свою неполноценность». Рассуждая над истинными и мнимыми достоинствами мужчин, к концу фильма Сергей решил, что обязательно начнет заниматься

спортом и через год-два уже будет ловить на себе такие же восторженные женские взгляды. Ирине он решил не звонить до тех пор, пока не станет другим человеком. В своем сознании он рисовал себе картины, как вместе с Ириной он выйдет на пляж, как оголит свой могучий торс, и она будет горда и счастлива тем, что рядом с ней такой мужчина.

Не заходя домой, он направился в атлетический клуб, который был размещен в подвале соседнего дома. Несколько лет назад там была секция тяжелой атлетики для школьников, но в последнее время детей там становилось все меньше, а взрослых — все больше. Зал был не очень большой, объем ему создавали зеркала, развешанные по периметру. Кругом висели плакаты с изображением культуристов в специфических позах и методики отдельных упражнений.

До конца осмотреться ему не дал голос, раздавшийся из-за спины:

— Ты что-то хотел?

Сергей оглянулся и увидел перед собой молодого мужчину кавказской внешности около тридцати лет. Он был в спортивных брюках и с голым торсом. У него были нереально накачанные грудные мышцы, его руки — почти вдвое толще, чем ноги у Сергея, а голова плавно переходила в плечи. Раньше он никогда не видел ничего подобного и поэтому смотрел на хозяина зала, как завороченный.

— Эй, парень, ты что-то хотел? — повторил качок и помахал рукой перед глазами Сергея.

Тот наконец вышел из оцепенения.

— Я хотел бы заниматься в этом клубе.

Кавказец скептически окинул его взглядом с головы до ног и сказал:

— Пожалуйста. Абонемент стоит пятьдесят рублей в месяц. Занятия по четным дням. Устраивает?

— Конечно, — без колебаний ответил Сергей. — Когда можно приходиться?

— Да хоть завтра. Только оплата за месяц вперед. Меня, кстати зовут Аслан, — представился тренер-инструктор, а потом еще раз посмотрев на Сергея, добавил: — Магомедович.

Так у Сергея появилось новое увлечение в жизни. Постепенно он втянулся, ему стали нравиться занятия, он привык к специфическому запаху зала — смеси запахов пота, железа и магнезии. За несколько месяцев занятий он поднимал уже не пустой гриф, а штангу с двумя двадцатикилограммовыми «блинами». Он чувствовал себя уже гораздо сильнее, чем прежде, но желаемый результат пока был недостижим: его мышцы становились упругими, но почти не увеличивались в размерах. Юноша с завистью смотрел на фигуры других посетителей зала, напоминающих больше античных атлантов, нежели простых людей, и не понимал, почему же он не становится таким же.

Наконец он подошел к тренеру и прямо спросил:

— Аслан, — они уже давно перешли на «ты», — сколько мне еще нужно заниматься, чтобы стать таким, как ты или они? — Сергей кивнул в сторону тренирующихся парней.

— Я думаю, лет пять, не меньше. И то не факт, что через пять лет ты их догонишь.

— А что, они из другого теста сделаны? Я говорил со многими из них. Они занимаются кто два, кто три года, а уже почти догнали тебя. Что, есть какой-то секрет?

— Конечно, есть. Обрати внимание, перед тренировками многие из них пьют специальные таблетки для роста мышц. Называются они анаболиками.

— А в какой аптеке они продаются? — наивно поинтересовался Сергей.

Аслан усмехнулся:

— В аптеке они не продаются. Мне их привозят из-за границы. Баночка стоит сто рублей.

— У меня, к сожалению, нет таких денег, — расстроился парень.

— Тогда тренируйся без них, для здоровья так полезнее, — резонно заметил тренер.

— А если я найду деньги, ты мне их продашь?

— Конечно, продам. Но зачем тебе? Конечно, с анаболиками ты за год станешь настоящим атлетом, но здоровье можешь угробить. При неправильном их употреблении ты рискуешь посадить печень или сердце. А когда бросишь заниматься, то сразу начнешь толстеть. Так что подумай, надо ли это тебе.

— Надо, — твердо ответил Сергей.

— Что, решил произвести впечатление на девушку? — сразу понял тренер.

Сергей молча кивнул в знак согласия, но не стал рассказывать о своей драме, а пошел опять к штанге.

Вечером Сергей думал, как попросить денег у отца. Тот и так был против нового увлечения сына, считал, что это будет отвлекать его от учебы. Тренировки он оплачивал из своей стипендии, а родителям говорил, что занятия там бесплатные. Мать регулярно давала ему деньги на карманные расходы. Теперь Сергей хотел соврать родителям, что тренировки стали платными. Для этого попросить деньги на оплату занятий и тем самым оплатить половину стоимости анаболиков за счет стипендии. Вторую половину он уже планировал оплатить позже, за счет экономии карманных расходов, но если, конечно, согласится на это Аслан.

Так и получилось: отец после долгих возражений согласился оплачивать занятия сына. Оставалось дело за Асланом.

На следующий день, Сергей пришел на занятия немного раньше обычного. Тренер в зале был один. Сергей, не переодеваясь, подошел к нему и протянул две двадцатипятирублевые купюры. Удивленный Аслан спросил:

— Что это?

— Это первая половина за таблетки, вторую половину отдам позже, — пояснил Сергей.

— Нет, так не пойдет. Когда соберешь всю сумму, тогда и таблетки получишь. А сейчас иди, переодевайся.

Затем, немного подумав, Аслан вновь окликнул Сергея:

— Пстой, есть один вариант. Я отдам тебе за пятьдесят рублей баночку, но ты должен мне помочь.

— В чем? — настороженно спросил Сергей.

— Да ерунда. Мне нужно, чтобы ты привез мне из аэропорта передачу. Я скажу куда подойти. Там передадут сверток, ты мне его привезешь и ничего должен не будешь. Устраивает такой вариант?

— А что будет в свертке? — недоверчиво переспросил Сергей.

— Как раз анаболики и будут. Просто мне их передает один летчик, меня он ждать не может, потому что на том же самолете сразу возвращается. А у меня не получается с ним встретиться, так как зал оставить не на кого. Ну что, идет?

— Идет, — ответил Сергей и вновь протянул ему деньги.

В указанный день, Сергей ехал на автобусе в аэропорт «Домодедово». На душе было беспокойно, но он пытался отгонять тревожные мысли. Когда он прибыл к аэропорту и

поднялся в зал ожидания, возле лестницы его уже ждал человек в авиационной форме.

Сергей подошел к нему и поздоровался. Тот, не отвечая на приветствие, быстро спросил:

— Где письмо от Аслана? — Сергей забыл, что тот просил передать человеку почтовый конверт.

— Вот, — протянул он письмо. Тот быстро сунул его во внутренний карман и в ответ дал маленький листок бумаги, на котором карандашом был написан короткий номер.

— Что это? — переспросил удивленный Сергей.

— Номер ячейки в камере хранения, там возьмешь посылку, — также быстро ответил летчик и, не прощаясь, удалился.

Первая мысль Сергея была плюнуть на все, вернуться домой, передать листок бумаги Аслану и закончить с ним всякие отношения. Но рассудив, что в этом случае поступит как обычный трус, все же заставил себя спуститься в камеру хранения за посылкой. В ячейке лежал сверток, завернутый в плотную бумагу. На ощупь там чувствовалась коробка, по весу достаточно тяжелая. Сергей положил ее в сумку и беспрепятственно вышел. На остановке подождал свой автобус и поехал домой. По дороге он зашел в спортзал и передал сверток Аслану. Тот почему-то спросил:

— Все прошло нормально?

— Да, — ответил Сергей.

— Подожди меня, я сейчас, — попросил его Аслан и удалился в тренерскую. Он вернулся через пару минут и протянул Сергею заветную баночку.

— Бери, — сказал довольный тренер, — лепи из себя Геракла, только внимательно изучи инструкцию.

Сергей покрутил баночку в руках. На ней по-русски было написано «Дианабол». «Удивительно, — подумал Сергей, — надпись на русском языке, а, по словам Аслана, привозят их из-за границы. Может, экспортный вариант, тогда почему надпись на русском?»

— Что-то не так? — спросил его тренер.

— Нет, все нормально, спасибо, — ответил Сергей. Он положил таблетки в сумку и пошел тренироваться дальше.

Через несколько месяцев тренировок с новыми добавками Сергей почувствовал изменения в себе. Он реально ощущал, как силой наливаются его мышцы, как заметно в лучшую сторону стала изменяться его фигура. Все это время он не встречался и не звонил Ирине. Но сейчас ему захотелось ее удивить. Звонить по телефону и договариваться о свидании он не хотел, опасаясь ее отказа, а вот инициировать «случайную» встречу, по его мнению, было бы уместно. Так он и сделал. В один из дней после занятий, когда не было тренировок, он приехал к дому Ирины и решил ждать ее появления. На всякий случай он позвонил ей по телефону домой. Убедившись, что дома никого нет, стал ждать ее в ближайшем сквере.

Прошло более двух часов ожидания, Сергей уже собрался уходить, как возле дома остановилась черная «Волга». Из машины вышел уважаемый молодой мужчина, обошел ее и открыл дверь пассажира. Из автомобиля вышла Ирина. Она была еще прекраснее, чем прежде. Они постояли возле подъезда около минуты и поцеловались на прощание. В этот момент Сергей готов был выскочить из своего укрытия. Ему очень хотелось ударить молодого человека и наговорить кучу гадостей Ирине, но в последний момент совладал с собой. Он дождался, пока они попрощаются, медленно вышел из засады и

пошел домой. Жить не хотелось. Жизнь преподнесла ему еще один урок. Для себя он понял, что красивые девушки любят не только умных и сильных, но еще и богатых.

Однако жизнь продолжалась. Сергей уже учился на втором курсе, по-прежнему занимался туризмом, все у него получалось. Вот только Ирину забыть не мог.

Аслан периодически просил Сергея съездить за посылкой, и эти просьбы уже не вызывали у него былого напряжения. Так в очередной раз Сергей приехал за посылкой в аэропорт. Знакомый летчик передал ему записку с номером ячейки и, как всегда, удалился. Когда Сергей вытащил сверток из ячейки и хотел его положить в сумку, то услышал за спиной незнакомый голос:

— Может, помочь донести?

Он оглянулся: сзади стояли двое мужчин в милицейской форме и двое в штатском. Сергей не успел ничего ответить, как один из них уверенным движением застегнул на его руках наручники, а второй, взяв спортивную сумку, пошел впереди. Сергея привели в отделение милиции аэропорта. Он был уверен, что произошло какое-то недоразумение и сейчас все быстро разъяснится. Один из милиционеров достал из папки чистые бланки протоколов и стал их заполнять. Затем обратился к Сергею:

— Ваши имя, фамилия, адрес проживания и род занятий?

Сергей быстро ответил на поставленные вопросы. В этот момент в комнату зашел второй милиционер с двумя гражданскими лицами и представил их как понятых.

Когда были соблюдены все формальности, один из сотрудников милиции начал опрос:

— Это ваша сумка?

— Моя, — ответил задержанный.

— Что в ней находится?

— Мои тетради, учебники и посылка.

— Где вы ее взяли?

Сергей подробно рассказал, где и при каких обстоятельствах она попала к нему, при этом рассказал и про Аслана, и неизвестного летчика.

— Вы знаете, что в посылке?

— Да, там анаболики для роста мышц, — ответил Сергей.

— Вы в этом уверены?

— Да, я уже ранее получал их здесь по просьбе Аслана.

— В таком случае я попрошу понятых подойти ближе для осмотра содержимого посылки, — обратился сотрудник милиции к приглашенным. Он аккуратно вскрыл упаковку. Под ней оказалась обувная коробочка. Затем он снял крышку и стал выкладывать на стол прозрачные пакеты с белым порошком...

Трое суток Сергей провел в изоляторе временного содержания. Его периодически вызывали на допрос, задавали почти одни и те же вопросы и опять возвращали в камеру. Он часто смотрел по телевизору детективы, но тогда для него все увиденное было нереальным, из другого мира. Теперь, глядя на окно с решеткой, он не мог поверить, что это произошло с ним.

Тишину прервал лязг замков на двери. В дверном проеме появился милиционер в погонах сержанта.

— Лобанов, на выход, — скомандовал он.

Когда Сергей вошел в кабинет следователя, то остолбенел. Там сидел отец вместе с неизвестным ему мужчиной. За эти три дня отец заметно постарел, у него были красные

глаза от бессонницы и темные круги под глазами. Следователь представил неизвестного мужчину как адвоката и заявил Сергею, что отпускает его на свободу под подписку о невыезде.

— Значит, я невиновен, — обрадовался Сергей.

— Нет, — ответил сотрудник милиции, — подозрения с вас не сняты, но скажите спасибо своему адвокату. Вы будете жить дома, периодически мы будем вас вызывать для дачи показаний. А пока постарайтесь никуда из города не выезжать.

Втроем, молча, они вышли на улицу. Сергей боялся смотреть на отца. Когда они подошли к автомобилю, он выдавил из себя, обращаясь к отцу:

— Спасибо, папа.

В ответ отец с презрением посмотрел на сына и наотмашь влепил ему пощечину.

Домой они ехали, не проронив ни слова. До вечера Сергей не выходил из своей комнаты, а родители на кухне долго что-то обсуждали. Ближе к ночи Сергей беспокойно провалился в сон. Сказывалось напряжение предыдущих трех дней.

Утром он встал раньше обычного, и сразу же побежал на занятия. Общаться с родителями по-прежнему боялся.

После первой пары староста группы передал, что его вызывает декан факультета. Сергей был готов к этому вызову и настроился дать объяснения.

— Здравствуйте, Альберт Константинович. Вызывали? — войдя в кабинет, спросил юноша.

— Здравствуй, Лобанов, — не глядя на него, произнес декан. — Не буду тебе задавать никаких вопросов, ты, как мне кажется, выслушал их больше обычного за эти дни. Поэтому давай договоримся так. Сообщение из милиции о твоём поступке мы уже получили, ждуть, пока в отношении тебя возбудят уголовное дело, не будем. Сейчас ты напишешь заявление об отчислении из училища по собственному желанию, дату поставь неделей раньше. Сам должен понимать: мы не можем допустить, чтобы из-за тебя легло пятно на такое солидное учебное заведение, как наше.

— А если я невиновен? — резонно заметил Сергей.

— В этом случае восстановишься на следующий год опять на второй курс, — ответил декан.

— Но я тогда потеряю год.

— Надо было думать, что ты делаешь, кому и для чего, — завершил разговор руководитель факультета и пододвинул Сергею лист бумаги.

Он шел по городу и, не обращая внимания на прохожих, плакал, как ребенок. Он не знал, что скажет родителям, как они отнесутся к очередному удару в спину, который он невольно нанес им. Сергей шел и думал, почему у него в жизни ничего не получается. Почему его отвергла девушка, которую он полюбил? Почему его отчислили из вуза, даже не разобравшись? Почему Аслан, которому он доверял, как своему наставнику, просто использовал его как наркокурьера, причем почти бесплатно? Его душили отчаяние, обида и жалость к самому себе. По пути к дому он решил зайти в спортзал и все высказать Аслану. Однако, подойдя к двери, увидел, что на ней висит замок, а выше приклеена полоска бумаги. На ней были штамп РОВД, подпись и дата, которая указывала, что зал опечатан тогда же, когда было произведено его задержание. Делать было нечего, и Сергей направился домой.

Войдя в квартиру, Сергей увидел, что вся сидит в зале и что-то обсуждает. Не глядя никому в глаза, он зашел в комнату. Бабушка и мать плакали, отец строго посмотрел на сына, затем, сняв очки, спросил:

— Мы уже знаем, что тебя отчислили. Позволь поинтересоваться, чем будешь заниматься дальше?

— Работать пойду, — буркнул Сергей.

— Да-а, — протянул отец, — а что ты умеешь делать?

— Пойду грузчиком работать. А на следующий год восстановлюсь.

— Это если тебя не посадят, не забывай об этом, — а затем с сарказмом добавил: — Ах, как мы будем гордиться тобой! Как радоваться будут на овощной базе, что у них работает сын кандидата наук! В общем, слушай меня: отныне ты будешь делать только то, что я тебе скажу, и работать там, куда я тебя устрою. Сам ты пока только в дерьмо смог вляпаться, поэтому взрослеть будешь под моим контролем, нравится тебе это или нет, — подвел итог отец.

Со следующего дня Сергей работал с отцом в его НИИ в качестве лаборанта. Работа была несложная и, к сожалению, малооплачиваемая. Сергею приходилось вместе с отцом приходить на работу и возвращаться. В течение дня тот неоднократно заходил к сыну под разными предлогами, но Сергей понимал, что таким образом отец его контролировал. Так пролетали недели и месяцы. За это время дело в отношении него прекратили за отсутствием состава преступления. Аслан решением суда был приговорен к пяти годам лишения свободы за распространение наркотиков. Теперь Сергей ждал лета, чтобы опять восстановиться на второй курс Бауманки. Однако жизнь опять распорядилась иначе.

В один из апрельских дней он нашел в почтовом ящике повестку из военкомата. Лобанов совсем забыл, что с исключением из вуза он потерял право на отсрочку от армии. Не помогли даже многочисленные связи отца. Решением призывной комиссии Лобанов направили служить на Северный флот. Единственное, что удалось отцу, — это договориться с военкомом, чтобы сына направили служить в морскую авиацию. Там, как в армейских частях, срок службы составлял два года вместо трех лет на кораблях.

Шесть месяцев в школе младших авиационных специалистов пролетели, как один день. В коллективе, кроме сержантов, все были одного призыва, и поэтому дедовщины, которой пугали всех новобранцев, в подразделении не было. Плюс базовая школьная подготовка и один курс МВТУ тоже сделали свое дело. Его командир роты заочно учился в Киевском

высшем военном авиационном инженерном училище, поэтому задачи по математике и физике приходилось решать Лобанову. Сергея это устраивало, потому что в такие периоды времени он освобождался от уборки территории, нарядов и других работ. Сержанты, зная об его отношениях с ротным, старались Сергея не замечать, чтобы не создавать себе проблем. После окончания курса подготовки ротный обещал оставить Лобанова в «учебке» сержантом, но ему опять не повезло. Когда учеба закончилась, командир роты находился на сессии, а командир батальона внес его в списки военнослужащих, направляемых в Заполярье в части противолодочной авиации. Так Сергей Лобанов стал матросом морской авиации Северного флота.

В сравнении с гарнизоном «учебки» боевой гарнизон произвел на Сергея жалкое впечатление. Половина зданий служебной застройки, особенно на аэродроме, были деревянными. Старослужащие рассказывали, что на базе этого аэродрома снимали художественный фильм «Торпедоносцы». Гарнизон был удобен для съемок еще и тем, что не нужно было строить дополнительных декораций, настолько старыми были имеющиеся строения. Коренному москвичу трудно было привыкнуть к такой обстановке. Но сложнее всего Сергею было привыкать к новому коллективу. Здесь все было не так, как в учебном подразделении. Тут царила дедовщина или, как ее называли на флоте, «годковщина». Но в отличие от корабельных «годков» военнослужащие делились не по годам службы, а, как в армии, — по призывам. Здесь были свои «салаги», «гуси», «старики» и «дембеля». В первую же ночь у него произошло знакомство с «дембелями». Учитывая, что в учебном подразделении Сергея почти не задействовали на хозработах и его роба имела практически первозданный вид, ему пришлось поменяться одеждой с «дембелями». В ту же ночь его прикрепили к одному из «дедов», которому он должен был каждое утро застилать постель, чистить бляху и обувь. Отдельной темой были ночные полеты. Здесь уже спать не приходилось никому. Поэтому когда с молодым пополнением беседовал старшина роты прапорщик Солоха, Лобанов, не стесняясь, рассказал, что может делать все и особенно преуспел в точных науках. Уж очень хотелось Сергею найти на новом месте покровителя по подобию ротного в школе младших авиаспециалистов.

Улыбки судьбы пришлось ждать недолго. Как-то после обеда в казарму к прапорщику Солохе зашел капитан Бондаренко. Он занимал должность техника вычислительного центра и иногда просил старшину выделить матросов для уборки помещений.

— Что, опять матросики нужны? — увидев гостя, спросил Солоха.

— Не матросики, а матросик, — весело ответил офицер и протянул руку прапорщику.

— Здорово, — ответил старшина, пожимая руку гостю, — заходи ко мне в канцелярию.

— Николаич, — начал Бондаренко, — подбери мне из нового пополнения человечка на вычислительный центр. Чтобы не залетный был, работающий, в технике разобрался и на хозяйстве можно было оставить.

— Ха, — усмехнулся Солоха, — ты сам хоть понял, чего просишь? Ты где видел таких матросов? Их куда ни целуй, везде жопа.

— Ну, неужели нормальных нет? — не унимался Бондаренко.

— Да всех нормальных еще на пути в полк разобрали. Опять же водителя по-любому у тебя заберут, когда нынешние водители дембельнутся. Хотя есть парочка, — заговорщицки подмигнул прапорщик и достал пачку «личных дел» молодого пополнения. Переложив на столе бумаги, старшина выбрал две анкеты и подал их капитану.

— Вот, — стал пояснять он, — матрос Сидоренко, вырос в селе без отца, работал в

колхозе на тракторе. То, что тебе нужно: и работающий, и в технике разбирается.

— Ты что, издеваешься? — перебил его Бондаренко. — Мне нужно, чтобы он в ЭВМ разбирался, а не в тракторе. На кой черт мне тракторист?

— Тогда могу предложить только Лобанова. Отчислен со второго курса технического училища имени Баумана, отец — профессор какой-то или кандидат наук, для меня это темный лес. В ЭВМ по идее должен разбираться, но убирать вряд ли будет. Слишком он весь такой интеллигентный. Опять же не понятно из-за чего отчислили. Говорит, что школу с медалью закончил. Хотя, с другой стороны, бухать не должен, да и воровать у тебя нечего. Так что решай, кого возьмешь, Сидоренко чи Лобанова.

— Давай тогда уже Лобанова, — без энтузиазма ответил Бондаренко и взял в руки его автобиографию. Почитав сухие сведения, Бондаренко спросил у Солохи: — А могу я с ним поговорить?

— Конечно, он сегодня на вахте, на средней палубе на «баночке» сидит. Тебе его позвать или там с ним поговоришь?

— Давай лучше здесь.

Прапорщик вышел в коридор и дал команду дежурному по роте вызвать в канцелярию Лобанова. Через минуту в комнату вошел испуганный матрос и, приложив ладонь к головному убору, доложил:

— Товарищ капитан, матрос Лобанов по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуй, Лобанов, — важно поздоровался Бондаренко. У него никогда не было подчиненных, и поэтому с появлением в подчинении матроса у офицера стали просыпаться амбиции будущего начальника. — Присаживайся, — указал Бондаренко на свободный табурет.

— Для начала представлюсь, — степенно начал Бондаренко, — я начальник вычислительного центра, зовут меня Владимир Федорович. Мне нужен матрос, который хоть немного соображает в ЭВМ, но чтобы при этом был надежным и трудолюбивым. Твой старшина охарактеризовал мне тебя именно таким. Приходилось ли тебе ранее работать на ЭВМ и на каком уровне?

— Сам я, конечно, программ не создавал, но вводить информацию могу, распечатывать, короче, простые операции делать могу. Я еще немного работал с ней в НИИ после Бауманки.

— А из-за чего ушел из МВТУ? — продолжал задавать вопросы Бондаренко.

— Долго рассказывать, — хотел уйти от ответа Сергей.

— А мы разве куда-то торопимся? Или ты спешишь галльюн драить?

— Короче, конфликт с родителями. Я сразу после школы хотел заниматься каким-то мужским делом, а родители настояли, чтобы я стал ученым. Я вообще хотел поступать в военное училище, — соврал Лобанов, — но родители были против. А когда немного поучился, то понял, что мое место не в лекционном зале, а в армии. В «учебке» хотел даже рапорт в Афганистан написать, но тогда уже войска оттуда вывели. Я сам попросился на флот, хотел попасть на корабль, но не повезло, попал в морскую авиацию.

— Как это не повезло? — возмутился капитан. — Ты наоборот попал в элиту флота — морскую авиацию, туда, где сливаются две стихии: океан и небо. — Бондаренко мечтательно посмотрел в окно. Сам он по стечению обстоятельств ни разу не ходил в море на авианесущих кораблях. И в небо поднимался только в качестве пассажира. Но все же он был горд своей причастностью к этому виду Вооруженных Сил.

— Ладно, я сегодня доложу командиру полка, что отобрал именно тебя на

вычислительный центр. С завтрашнего дня ты будешь находиться в моем распоряжении. Работать и спать будешь там же, заодно и выполнять функции охраны. И чтобы никаких друзей вечером. Если узнаю, что кого-то без моего ведома приводишь, мигом решу вопрос о переводе тебя на Кильдин. Там ты узнаешь все прелести флотской жизни и пожалеешь, что не захотел стать ученым. Подчиняться будешь только мне и командиру полка. Завтра к девяти часам утра чтобы был на новом месте, — властно завершил разговор новоиспеченный начальник.

Он, не вставая со стула, протянул руку Лобанову и царственным жестом разрешил ему покинуть помещение.

Сергей вышел из канцелярии, едва сдерживая свой восторг. Такой службы он не мог себе даже представить. Никаких нарядов, никаких «дедов», спать вне казармы и просыпаться тогда, когда проснешься, а не по команде, и самое главное — никаких полетов. Провести службу на Севере, не выходя из теплого помещения, — это почти счастье. Вдруг к нему подошел дежурный по роте сержант Голубничий и спросил:

— Ты что, не успел прибыть, как уже «залетел»?

— Нет, с чего ты взял?

— А что ж тебя прямо с вахты сняли? — не унимался дежурный.

— Просто переводят служить на вычислительный центр в подчинение капитана Бондаренко, — с гордостью ответил Лобанов.

— И когда переводят?

— Завтра уже должен быть там.

— Тогда слушай сюда, «салага», взял «машку» и пулей драить среднюю палубу. Не дай божок мне не понравится, тренироваться будешь после отбоя и до самого перевода. Понял? Время пошло! — громогласно скомандовал сержант.

Перевод Лобанова на новое место сержант Голубничий воспринял как личную обиду. Он на всю жизнь запомнил те унижения, какие испытал от «стариков» в первый год службы и поэтому, когда узнал о переводе Лобанова в «теплое место», решил сделать ему запоминающееся последнее дежурство. До смены наряда Лобанов натирал пол казармы без помощи других дневальных. Вечером после ужина «деды» отправили его в умывальник стирать их робы. А после отбоя они принимали у него «зачеты» по знанию воинских уставов. До самого утра одни «старики» меняли других, пока не прозвучала спасительная команда «Подъем».

После завтрака он зашел в баталерку, чтобы забрать парадную форму и свой чемодан.

Прапорщик Солоха строго посмотрел на него и спросил:

— А что у тебя очи таки такие красные? Плохо спал?

— Нет, — ответил Сергей, — когда умывался, мыло в глаза попало.

Прапорщик Солоха всю свою службу работал с матросами, знал их неписанные традиции, при этом старался не вмешиваться во внутреннюю жизнь, но все держал под строгим контролем, чтобы не доводить ситуацию до ЧП. Поэтому прекрасно понял, что происходило ночью.

— Это ничего. Это пройдет. Скучать не будешь за коллективом?

— Я не успел еще привыкнуть к коллективу, так что не за кем скучать, — зло ответил Лобанов. Затем он проверил содержимое чемодана, уложил туда парадную форму и туалетные принадлежности.

— Все на месте? — спросил старшина. Лобанов в ответ утвердительно кивнул головой.

— Тогда напиши мне расписочку, что к командованию роты претензий не имеешь.

— А это еще зачем? — удивился Сергей.

— Да кто тебя знает?! Вдруг через пару дней напишешь жалобу, что у тебя что-то украли или еще, не дай бог, что-то с тобой сотворили. У нас порядок такой. Даже «дембеля» при увольнении мне такие расписки пишут.

Сергей взял чистый лист бумаги и размашистым почерком написал: «Я, матрос Лобанов, к прапорщику Солохе и сержантам роты полка претензий не имею».

Старшина взял расписку двумя руками и тут же прикрепил ее скрепкой к «Личному делу».

— Вот и гарненько, — произнес довольный старшина, — удачи тебе на новом месте, но не забывай, что официально ты числишься у нас, и если там не ко двору придешься, то опять к нам и вернешься.

На прощание они пожали руки друг другу. Про себя Сергей подумал, что зажмет все свое самолюбие и свою гордость, но назад в казарму не вернется.

Служба на вычислительном центре ему нравилась. У него была масса свободного времени. ЭВМ практически по назначению не использовалась. К ней прилагалась масса другой аппаратуры, которая стояла в закрытых коробках. Сергей внимательно изучил инструкции и выяснил, что имеющаяся техника позволяет делать копии документов, печатать нестандартным шрифтом. Первое, что он сделал на новой технике, — это распечатал таблички на двери в штаб. Инициатива матроса понравилась начальнику штаба, и вычислительный центр начал функционировать, правда, как мини-типография.

Отношения с Бондаренко очень быстро вышли за рамки служебных. Капитан оказался на самом деле очень мягким человеком, и тот образ властного начальника, который сформировался у Сергея после первой встречи, со временем рассыпался, как карточный домик. Лобанов продолжал выдвигать инициативы и сам же их реализовывал в жизнь. Бондаренко уже просто не мешал энергичному матросу. Такое положение дел его тоже устраивало, потому что теперь капитан мог в рабочее время заняться рыболовными снастями и петлями для ловли зайцев. Наряду с этим в лице Лобанова он нашел человека, который готов был разделить его увлечение «шилом». Бондаренко принимал «заказы» у инженеров эскадрилий на изготовление различных бирок и табличек и в благодарность за услуги получал от них спирт. Сам Лобанов спиртным не злоупотреблял и поэтому больше делал вид, что выпивает с начальником. На самом деле, когда тот выходил в туалет, он отливал из фляги или из своей кружки спирт в бутылку. Таким образом за две недели Лобанов собирал как минимум поллитра. Очень быстро он понял, что спирт — самая ценная валюта в гарнизоне. Он подружился со своими земляками из базы обеспечения и уже менял спирт на сгущенку, шоколад и тушонку. У него стало появляться нательное белье офицерского состава и ряд других флотских изысков. Так прошел первый год службы Лобанова. Будущее ему казалось уже не таким мрачным, как до армии. Он поверил в себя и убедился, что, имея голову, можно неплохо жить везде. Возвращаться в МВТУ он уже не очень хотел. Жизнь постоянно менялась. Наука уже никого не интересовала, в стране начал формироваться класс преуспевающих кооператоров, которые делали деньги чуть ли не из воздуха и при этом не имели высшего образования. Многие из его школьных друзей стали открывать ларьки, видеосалоны, швейные ателье и за год покупали уже себе автомобили и другие атрибуты безбедной жизни. Лобанов в душе завидовал им, но это его не расстраивало, а наоборот, стимулировало к поиску новой деятельности. Однако все его замыслы разбивались об одно-

единственное препятствие — отсутствие стартового капитала.

Служба Лобанова подошла к завершающей стадии, ему оставалось служить последние полгода. По матросской иерархии он уже перешел в категорию «стариков», а, учитывая привилегированное положение, чувствовал себя настоящим авторитетом, насколько это возможно в матросской среде. Ему уже не было нужды проявлять инициативу и что-то делать самому. В вычислительный центр приняли нескольких женщин, которые занимались уборкой помещений и печатанием различных табличек. Лобанов же выступал в роли инструктора и ночного сторожа. Однако в один из дней капитан Бондаренко вернулся из штаба серьезный, как никогда. Он вызвал к себе в кабинет матроса и закрыл за ним дверь, чего ранее никогда не делал.

— Бери стул, садись, — обратился он к Лобанову. Сам сел возле стола и вытащил из портфеля толстую тетрадь. Затем не понятно почему перешел на шепот и продолжил: — Наш командир полка, оказывается, пишет диссертацию. Нам поручено произвести на ЭВМ математические расчеты по ней. Сможешь сделать?

— Да ничего сложного здесь нет, надеюсь, смогу, — обнадежил начальника матрос.

— Тогда приступай.

— Хорошо, я зайду к себе в комнату, сделаю соответствующие выписки, а потом просчитаю.

— Ты что, перегрелся? — возмутился капитан. — Она же имеет гриф «Совершенно секретно», какие могут быть выписки? Ты что, хочешь еще остаться на Севере еще лет на десять, только по другую сторону Урала?

— А как вы себе представляете мои действия? Я что, должен тетрадь засунуть в машину? — возразил начальнику Сергей. — Опять же, какая может быть секретность, если женщины здесь. По-любому кто-то из них спросит, чем я занимаюсь.

— Логично, — согласился Бондаренко. Он взял назад тетрадь, засунул ее за пазуху и выскочил из кабинета. Уже на ходу, выходя из помещения, крикнул: — Я к командиру, скоро буду.

Полковник Шкилев едва успел закончить совещание с командирами эскадрилий, как в дверь постучались.

— Войдите, — разрешил он, увидев на пороге Бондаренко, и с удивлением спросил: — Что, уже все сделали?

— Нет, товарищ командир. Есть небольшая проблема.

— Что еще? — не скрывая разочарования, спросил Шкилев.

— Дело в том, что быстро произвести расчеты не получится, нужно вводить данные из тетради, а у нас же женщины работают. Вдруг кто-то проболтается. Все-таки ни у меня, ни у Лобанова нет допуска к совершенно секретным работам, а на тетради стоит соответствующий гриф, — виновато сообщил Бондаренко.

Полковник нахмурился. В словах капитана был здравый смысл. Очень уж не хотелось ему расширять круг лиц, осведомленных в работах по диссертации.

— Какие будут предложения? — вновь обратился он к Бондаренко.

— Может, давайте мы после окончания рабочего дня останемся и просчитаем? — предложил Бондаренко.

— Да, Владимир Федорович, чувствуется, что ты никогда не имел доступа к секретам.

Полковник Шкилев отдавал отчет, что как командир части он отвечает за организацию режима секретности в полку и не имеет права его нарушать. Он всегда, еще с курсантских времен, старался строго соблюдать этот режим, так как за его нарушение можно было в одночасье разрушить всю дальнейшую карьеру. Однако сегодня он дважды его нарушил. Первый раз — когда передал тетрадь другому человеку, второй раз — когда разрешил вынести ее из штаба. Самым неприятным было то, что свидетелем этого нарушения был инженер полка майор Ручковский. Когда Шкилев передавал тетрадь Бондаренко, тот присутствовал в кабинете.

— Нет, мы сделаем по-другому, — продолжил командир, — ты сам сделаешь соответствующие выписки, отдашь их матросику, пусть просчитывает, и вернешь мне тетрадь до конца рабочего дня, чтобы я успел сдать ее в секретную часть.

— Есть, — ответил капитан и вышел из кабинета.

Вернувшись в вычислительный центр, Бондаренко подумал, что Лобанову будет проще выбрать из тетради ту информацию, которую следует просчитать, и передал диссертацию матросу. Женщин он отпустил домой, а сам уединился в своем кабинете и стал мастерить петли для ловли зайцев. Этот вид промысла был очень распространенным на Севере. Зайцев вокруг гарнизона было больше, чем кошек на помойках в средней полосе России. Раньше, когда еще был связан с полетами, он зачастую выставлял петли за стоянкой вертолетов и через час-полтора, когда экипажи поднимались в воздух, выходил их проверять. С пустыми руками практически никогда не возвращался и, пока вертолеты находились в небе или на корабле, он успевал разделать зайца и пожарить. Тогда после завершения полетов в коллективе группы был настоящий пир. Теперь, когда своим временем он распоряжался самостоятельно, этому увлечению стал уделять гораздо больше времени, чем прежде, и делил трофеи только с членами своей семьи.

Взяв тетрадь из рук начальника, Сергей вернулся в свою комнату и достал тетрадь для писем. Сначала он сделал записи формул и цифр, которые были в диссертации. Но потом, посчитав, что может перепутать конечные результаты, переписал из тетради пояснения к ним. Процедура просчетов заняла небольшое время, но результат получился в виде внушительного рулона бумаги. Лобанов повторил операцию, чтобы перепроверить точность первых расчетов. Закончив работу, он один из рулонов положил к себе в стол и пошел к начальнику доложить о завершении работ.

— Что, так быстро? — удивился Бондаренко.

— А что там сложного? — ответил Сергей. — Вводить данные долго, потому что нельзя допустить ошибку, а машина считает быстро.

— Молодец, — похвалил матроса Бондаренко. Он быстро надел куртку, положил тетрадь в портфель и поспешил в штаб.

Командир, увидев опять на пороге кабинета капитана, уже не ожидая ничего хорошего, устало спросил:

— Ну что еще, Владимир Федорович? Чем ты опять меня хочешь расстроить?

— Наоборот, порадовать, — довольно ответил Бондаренко. — Ваше приказание выполнено. Вот, — он протянул тетрадь и рулон с расчетами владельцу.

— Ну, не приказание, а просьбу, — улыбаясь, поправил офицера командир. — Большое спасибо, Владимир Федорович.

Он взял в руки свою работу и расчеты. Немного подумав, как поступить с рулоном, он развернул его, а затем, как газету, свернул его в несколько раз и положил в рабочую папку.

— Ну, как ты, за аэродромом не скучаешь?

Бондаренко насторожился. Уходить с вычислительного центра он уже никуда не хотел.

— Я человек военный, где прикажут, там и буду служить, — дипломатично ответил капитан.

— Ладно, свободен, не буду тебя больше задерживать, — улыбнулся Шкилев и пожал руку Бондаренко.

Последний понял команду командира дословно и поэтому, выйдя из штаба, направился домой, хотя рабочий день еще не закончился. Бондаренко рассудил так, что командир с ним в этот день и так уже пообщался вдоволь, а для всех остальных он — у командира.

Сергей Лобанов вечером вернулся с ужина, замкнул изнутри вычислительный центр, переоделся в спортивный костюм и, как гражданский человек, лег на диван смотреть телевизор. Поздно вечером началась программа «Взгляд». На экране трое молодых и энергичных ведущих обсуждали с приглашенными на передачу сотрудниками КГБ и политиками последние заявления генерала Калугина. Одни называли его реформатором новой волны, другие — предателем и изменником Родины. Доводы одних и других Сергею казались убедительными. С одной стороны, он поддерживал стремление сломать старую систему КГБ, хотя об этой организации почти не знал ничего. С другой стороны, понимал, что Калугин разгласил секретные сведения, в результате чего пострадали люди. Слушать полемику на экране он устал и погрузился в свои мысли. Он размышлял над сутью предательства. Как человек, который воспитывался в СССР, был пионером и комсомольцем, предательство считал самым страшным преступлением. Но теперь, когда в предательстве обвиняют генерала КГБ, а общественность считает его чуть ли не героем, значит, по мнению Сергея, должна быть какая-то грань между добром и злом в этом вопросе. Он вспомнил об авиаконструкторе Игоре Сикорском, о котором слушал лекцию замполита в клубе в один из недавних выходных дней. Этот человек внес серьезный вклад в развитие русской авиации. Но в 1919 году эмигрировал в США и внес существенный вклад уже в развитие гражданской и военной авиации США, в частности, в вертолетостроение. Конечно, при этом он преследовал и свою выгоду. В США за одни и те же разработки платили гораздо больше, чем в Советской России, но главное — конечная цель. Там он сделал гораздо больше, чем мог сделать на Родине. В итоге его изобретение используется практически во всех странах мира. Можно ли считать его предателем? В свое время его труды могли и должны были быть секретными, но своей эмиграцией он не нанес ущерба своему Отечеству, более того, по его чертежам были созданы и отечественные вертолеты в СССР. Сегодня плодами его труда пользуется все человечество. Поэтому Сикорского нужно считать не предателем, а великим ученым, который работал на благо человечества.

Генерал Калугин наверняка тоже преследовал корыстную цель. Но в результате его действий пострадали люди, а польза весьма иллюзорна. Следовательно, его действия можно классифицировать как преступление. Невольно цепь его размышлений перешла на личность командира полка полковника Шкилева, чью диссертацию совсем недавно Лобанов держал в руках. «Если свою диссертацию он продаст за границу, то кем он будет, предателем или ученым?» — размышлял Сергей. Диссертация пока не является собственностью государства, идея, изложенная в ней, еще не принята на вооружение и неизвестно, будет ли принята вообще. Если она попадет за рубеж и будет там внедрена, то, как любую военную разработку, ее в конечном итоге запустят в мирных целях. И тогда труд командира пойдет на пользу человечеству. Но командир вряд ли пойдет на это, коммунистическое воспитание не

позволит. Под эти мысли Лобанов погрузился в сон.

Утром, когда на объект пришел капитан Бондаренко, он доложил ему:

— Товарищ капитан, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Дежурный по вычислительному центру матрос Лобанов.

— Вечный дежурный, — усмехнулся капитан, лишний раз подчеркивая, что кроме Лобанова никого другого здесь быть не может.

— Владимир Федорович, можно вопрос? — спросил Сергей.

— Можно Машку за ляжку, а на флоте просят разрешения. Уже ведь не «салага». Распустил я тебя здесь. — В ответ матрос молча потупил взгляд в пол. — Ладно, говори, что там у тебя.

— Я по поводу своей вечности. Уже почти полтора года прошло, как я служу, а в отпуске еще ни разу не был: то в мае вы уходили, летом женщины были в отпуске, тоже нельзя было. А мне что, все два года без отпуска? У меня ведь взысканий нет. Да и родители переживают.

Бондаренко задумался. Этот вопрос его ранее не волновал, точнее, он забыл о нем.

— Ладно, я переговорю с командиром, хотя не представляю, кто будет охранять центр, в твоё отсутствие.

— А кто его охранял до меня, — резонно заметил Сергей.

— Ты не сравнивай, тогда здесь никому ничего не надо было, а сейчас нам постоянно какую-то работу подбрасывают. Ладно, не переживай, что-нибудь придумаем, — обнадежил матроса начальник.

Через час капитан Бондаренко уже был в строевой части.

— Федорович, каким ветром тебя занесло в наши края? — обратился к нему начальник строевой части капитан Вишнеvский.

— Забота о личном составе привела, — многозначительно, но с улыбкой произнес Бондаренко. — У меня ведь на объекте матрос Лобанов служит. Ему уже скоро на дембель, а в отпуске еще ни разу не был. Как этот вопрос решить?

— Элементарно, пиши рапорт на имя командира части от своего имени. Вот форма, — Вишнеvский протянул образец рапорта. — Когда напишешь, командир завизирует, так и сразу можно твоего бойца собирать в дорогу.

Бондаренко взял лист бумаги, быстро переписал текст, а затем вновь обратился к начальнику строевой части:

— А можно я сам подпишу рапорт у командира?

Вишнеvский с удивлением посмотрел на него. Носить документы на подпись командиру части было прерогативой сотрудников строевой части. Подобное отступление от правил позволяли себе лишь заместители командира и командиры подразделений. Но иногда для особо избранных Шкилев делал исключения.

— Ну, если уверен, что он тебя не пошлет... — Вишнеvский сделал театральную паузу: — опять ко мне, то пожалуйста, неси сам.

Капитан схватил рапорт и поспешил в кабинет командира.

— Владимир Федорович, ну что у тебя еще? — оторвался от изучения документов Шкилев, глядя на вошедшего Бондаренко. За время нахождения в должности он приучил личный состав к правилу: «Подойдя к кабинету командира, подумай, сможет ли твой вопрос решить его заместитель». Поэтому он всегда настороженно относился к непрошенным визитерам. Бондаренко в свою очередь хотел предстать перед командиром уже в новом

качестве, не только как исполнительный офицер, но и как заботливый руководитель. В свете последних событий он тайно тешил себя надеждой, что теперь сможет получить очередное звание.

— Товарищ командир, матрос Лобанов служит уже полтора года и ни разу не был в отпуске. Взысканий у него нет, претензий от меня тоже, надо бы поощрить парня, — выдал как свою инициативу капитан. — Тем более что вам, как я понимаю, он уже не нужен.

— Как это не нужен? — возмутился полковник. — Я на следующей неделе намерен передать новые расчеты. Давай так, я рапорт подпишу, но с одним условием: он поедет в отпуск только после того, как все мне просчитает. Все ясно?

Бондаренко молча кивнул в знак согласия. Командир быстро наложил резолюцию на рапорте, пожал на прощание руку Бондаренко и вернулся к работе с документами.

На следующей неделе Лобанову не суждено было отправиться в отпуск. В этот период времени один из вертолетных отрядов полка нес боевую службу в Средиземном море на БПК «Адмирал Левченко». Во время плановых полетов один из вертолетов Ка-25 упал в море. К счастью, экипажу удалось спастись. Сразу же по приказу командующего были запрещены полеты вертолетов до выяснения причины аварии. В полку начали работать следственные комиссии то из ВВС флота, то из Министерства обороны, была даже направлена комиссия к месту несения боевой службы. Вывод оказался неутешительным для командования полка: авария произошла по вине экипажа, причем обоих членов. Из-за значительного удаления от корабля штурман не смог правильно определить свое местоположение относительно базы и дал ошибочный курс на итальянский корабль. В результате запаса топлива не хватило на возвращение, летчик не смог приводниться и задел лопастью о воду, что привело к разрушению вертолета и последующему его затоплению.

В этой ситуации командиру полка было не до диссертации и тем более не до отпуска Лобанова. Он только и был занят тем, что встречал и провожал проверяющих, писал объяснительные записки и по мере возможностей пытался защитить других подчиненных, на которых пытались повесить всех собак. Но, как и следовало ожидать, понесли наказание руководители всех ступеней, кто отвечал за подготовку авиагруппы к боевой службе, а весь летный состав сел в классы для сдачи зачетов по теории. Отсрочка в проведении полетов после выводов комиссии дала возможность полковнику Шкилеву вернуться к работе над своей диссертацией.

Сергей понимал, что в этот период командиру не до него. Но он рассуждал по-другому. Если командиру сейчас не до него, то ничего ему не мешает в этот период поехать в отпуск. Свою идею он попытался изложить Бондаренко:

— Владимир Федорович, поговорите с командиром, может, он меня отпустит, пока комиссия работает. Все равно ведь он диссертацией заниматься не будет. А когда все успокоится, то и я уже вернусь из отпуска.

— Ты в своем уме? Хочешь, чтобы он из меня старлея сделал? Нет уж, дорогой, пока все не утрясется, я к командиру не пойду. Не хватало попасть к нему под горячую руку, — возмущаясь, закончил разговор Бондаренко.

В конце второй недели командир полка сам зашел в вычислительный центр и отдал капитану тетрадь. Пока они вместе осматривали технику и порядок на объекте, Лобанов опять сделал себе в тетрадь пометки и занес информацию в машину. Закончив осмотр, командир подошел к Лобанову и стал ждать результаты расчетов. Через некоторое время машина выдала ленту. Матрос для контроля повторил операцию. Сворачивая в трубочку

результаты расчетов, он обратился к Бондаренко:

— Интересно, когда я закончу диссертацию, сколько таких портянок у меня будет? Как их отправлять в академию? Ума не приложу, — вопрос был риторическим, поэтому капитан в ответ только улыбнулся.

— Можно перенести их на дискету, — неожиданно для себя высказал предложение Лобанов.

— Какой ты умный, — с иронией отреагировал полковник. — Где я тебе в этой дыре найду дискету, а тем более куда я ее буду вставлять?

— Я могу вам их перенести на дискету, когда буду в отпуске. У отца в институте есть компьютер, — таким образом Лобанов напомнил о себе и о своем отпуске.

Предложение было заманчивым. Немного подумав о возможных последствиях, полковник вдруг спросил:

— А ты сможешь сам перенести расчеты на дискету, чтобы никто другой к ним не имел отношения?

— Конечно, смогу, — соврал Лобанов, — я часто до службы пользовался компьютером у отца на работе. — Очень уж ему хотелось поскорее вырваться домой.

— Ну что ж, так тогда и решим. Если успеешь сегодня собраться, то завтра можешь ехать. Я дам команду, чтобы в строевой части тебе подготовили отпускной билет и проездные документы. В твоих интересах поторопиться. — Выходя из помещения, полковник пожал руки обоим и на служебном «уазике» выдвинулся в сторону штаба.

Сборы в дорогу много времени не заняли. С учетом того, что все имущество у него было при себе, оставалось только собрать туалетные принадлежности. Ночью он долго не мог заснуть, представлял встречу с родителями, друзьями и, конечно же, с Ириной. С момента их последней встречи они не виделись ни разу и даже не переписывались, но о ней Сергей думал постоянно. Он надеялся на то, что, вернувшись из армии другим человеком, сможет все изменить и начать с ней новую жизнь, как говорят, с чистого листа. Что Ирина начнет воспринимать его не как мальчика, а как настоящего мужчину. Раньше об Ирине Сергеем периодически писал Андрей Глазов, но в последнее время информацию о ней он сообщал очень скупо. Это обстоятельство очень расстраивало Сергея, он чувствовал, что друг ему что-то не договаривает.

Постепенно цепь его размышлений стала прерываться, и он вернулся к просьбе Шкилева. Отец вряд ли предоставит возможность ему поработать с компьютером, так как для этого нужно разрешение начальника 1-го отдела НИИ. На такое нарушение он не пойдет. Придется обращаться к Глазову, тот писал, что подрабатывает в какой-то фирме, которых в Москве за последние годы появилось, как грибов после дождя. Сергей продолжал рассуждать о значимости диссертации командира и его таланте. Далеко не каждый сможет командовать полком, быть первоклассным летчиком и при этом еще талантливым ученым. На Западе такие люди становятся миллионерами, им создают все условия, на уровне правительства обеспечивают финансирование, а у нас они все делают на добровольных началах, на своем энтузиазме и в конечном счете довольствуются звездами на погонах и служебными квартирами. Продать свое изобретение он никогда не согласится, ни за какие деньги.

Чем ближе приближался день демобилизации, тем серьезней Сергей стал задумываться о своих планах на жизнь. Коммерция его не привлекала, да и представить себя за прилавком он не мог. У него по-прежнему оставалось желание заниматься наукой, сделать какое-то

сенсационное открытие в области роботостроения. Но быть просто ученым, как его отец и дед, в свете новых перемен ему уже было недостаточно. Он хотел быть богатым и самодостаточным, но реальных путей достижения этой цели он пока не видел, да и не хотел загадывать очень далеко. Так, размышляя над перспективами дальнейшей жизни, Сергей погрузился в сон.

Лобанов полтора года не был в Москве. Выйдя из здания вокзала, почему-то особой радости он не испытал. Город для него стал чужим. Он привык к ограниченному пространству, и московская суэта и масштабность его просто пугали. Сергей поймал себя на мысли, что он стал бояться метро и трамваев, он буквально шарахался от скопления людей. С другой стороны, город стал более неухоженный, весь пестрел какими плакатами, уличными торговцами и музыкантами. Все это больше напоминало какой-то базар, чем столицу великой страны. Да и люди за это время изменились. Они стали какие-то озлобленные и циничные, это выражалось в их взглядах и поведении. Молодые люди смотрели на Сергея в морской форме, как на какого-то юродивого, не скрывая усмешек и пренебрежения. Ничего подобного до его службы в Москве не было. Поэтому первым его желанием было приехать домой, принять ванну и переодеться.

С трепетом в сердце он вошел в подъезд своего дома. «Слава Богу, что здесь хоть ничего не изменилось», — подумал Сергей. Он поднялся на свой этаж и позвонил в дверь. Была суббота, родители были дома. Он не хотел давать телеграмму о своем приезде, так как не был уверен, что в Мурманске возьмет билет на поезд. Опять же ему очень хотелось сделать родным сюрприз.

Не спрашивая, кто звонит, дверь открыл отец. В одной руке он держал газету, в другой — очки. Увидев Сергея, мужчина выронил их из рук и схватил в объятия сына. На радостные возгласы в коридор выскочили мать и бабушка. Они тоже кинулись обнимать и целовать своего мальчика.

— Сынок, как ты вырос и возмужал! — причитала мать. — Какой ты стал взрослый!

Она смотрела на Сергея и не верила своим глазам.

— Мать, накрывай на стол, у нас сегодня праздник, — скомандовал отец.

— Сереженька, что же ты не сообщил, что приезжаешь, мы бы тебя встретили на вокзале, — спросила бабушка.

— Хотел сделать вам сюрприз, — ответил Сергей.

— Считай, что он у тебя получился, — перебила бабушку мать.

— Хватит стоять в дверях, сын устал с дороги, идите на кухню. А ты, сын, переодевайся, смой с себя вокзальную грязь и за стол, — распорядился глава семьи.

Сергей быстро разделся и стал под душ. Ванну решил принять позже, потому что родные ждали его с расспросами. Он встал под горячую струю воды и сразу почувствовал приток свежих сил. После душа он побрился, брызнул на себя отцовским одеколоном, завернулся в банный халат и вышел к столу.

— Пойди, переоденься, — сделала ему замечание мать, — неприлично в банном халате садиться за стол.

Сергей зашел в свою комнату, в шкафу взял свою когда-то любимую рубашку и с удивлением для себя заметил, что она стала ему мала. Тогда он надел легкий свитер и вышел к родным. Так, не выходя из-за стола, они просидели несколько часов. Сначала Сергей рассказывал о своей службе, заведомо опуская некоторые особенности, которые могли не понравиться родителям. Затем отец стал рассказывать о проблемах своего института, недостатках финансирования и оттоке перспективных специалистов. Мать сетовала на задержки с выплатой зарплаты. Слушая их, Сергей все глубже и глубже стал понимать,

насколько изменилась жизнь в его отсутствие и как разительно поменялись жизненные приоритеты у людей. Немного захмелев от выпитого с отцом вина, он почувствовал, как резко накатила на него усталость. Сергей извинился перед родителями и пошел спать. Ночь он проспал практически без сновидений, сказывалась бессонная ночь в поезде. Утром он проснулся, как обычно, в шесть утра и, не глядя на часы, позвонил Глазову.

— Слушаю, — прозвучал сонный голос на другом конце провода.

— Привет, Андрюха. Ты рад с утра услышать голос друга? — весело спросил Сергей.

— Я бы с радостью убил этого друга в такую рань и тем более в воскресенье. Кстати, кто это? — спросил еще непроснувшийся Глазов.

— Ну ты даешь, уже и голос мой забыл. Это я, Лобанов, — напомнил о себе Сергей.

— О, Серега, рад тебя слышать, ты откуда звонишь? Тебя очень хорошо слышно, — обрадовался окончательно проснувшийся товарищ.

— Я в Москве, в отпуске, вчера приехал.

— Ну а что мы тогда по телефону говорим? Собирайся и приезжай ко мне. Я дома один, родители на выходные поехали на дачу. У меня есть что накатить. Так что посидим, поговорим, а потом сходим куда-нибудь. Ты, наверно, уже отвык от цивильной жизни?

— Хорошо, но не раньше, чем через два часа, а то меня родители так рано не отпустят. Они вчера меня весь вечер мучили расспросами, а сейчас, видимо, будет продолжение.

— Тогда, когда соберешься, перезвони, может, я еще смогу заснуть, — закончил разговор школьный друг и отключился.

Сергей быстро привел себя в порядок, позавтракал с родителями и собрался к Андрею. Объяснять домочадцам, куда он идет и зачем, долго не пришлось. Они прекрасно понимали, что после полутора лет службы парню очень хотелось встретиться с друзьями и с головой окунуться в гражданскую жизнь.

В девять утра Лобанов стоял на пороге квартиры Глазова. После звонка в дверь Андрей почти сразу открыл, и друзья обнялись.

— Проходи, Серега. Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, — Глазов отступил в сторону, пропуская его вперед.

— Я тоже очень рад тебе видеть, Андрюха, — проходя в комнату, сказал Лобанов. Он осмотрелся. В студенческой комнате Глазова со дня их последней встречи произошли разительные перемены. У него на столе стоял двухкассетный японский магнитофон «Sharp», маленький цветной телевизор фирмы «Grundig», на стенах были наклеены рекламные плакаты Саманты Фокс и группы «Скорпионс». В книжном шкафу, где раньше лежали учебники, стояли бутылки с импортными наклейками и фотографии самого Глазова с прославленными спортсменами и актерами. На шкафах и на полу лежали связанные веревками кипы журналов «Юный техник» и «Техника молодежи».

— Что будешь пить? «Рижский бальзам», армянский коньяк, молдавское вино? — с гордостью предложил Глазов.

— Красиво жить не запретишь, — усмехнулся Сергей, — я уже не помню вкуса не первого, ни второго, ни третьего, поэтому на твое усмотрение.

Глазов достал из бара бутылку «Рижского бальзама» и наполнил им два коньячных бокала. В качестве закуски поставил на стол начатую коробку конфет.

— Ну, давай за встречу, — поднял бокал Глазов.

— Давай, — ответил Сергей, и они чокнулись бокалами.

Сделав небольшой глоток, Глазов отставил напиток в сторону, подождал, пока Сергей

съест конфету, и сказал:

— А теперь рассказывай, как твоя служба.

Он скрестил руки на груди, откинулся на стуле и приготовился к рассказу.

— Давай лучше ты, я все-таки полтора года не был дома, тут все так изменилось, — попытался избежать повторения вчерашнего рассказа Сергей.

— Это никуда от тебя не денется, пока будем гулять по Москве и друзьям, я все по ходу тебе расскажу и покажу. Так что давай, я весь внимание, — настоял Глазов.

Сделав еще глоток бальзама, Лобанов начал подробно рассказывать о своей службе, начиная с призывного пункта. По мере повествования интерес Глазова к рассказу друга стал постепенно угасать, но он не перебивал его из-за уважения к собеседнику. Лобанов почувствовал это и решил сменить тему.

— Ну а теперь расскажи, как у тебя дела? Что нового в институте? — поинтересовался он.

— В институте я бываю редко. Перевелся на заочное отделение, сейчас на пятом курсе. От армии «откосил», купил «белый билет».

— Это как «откосил»? — не понял смысла сказанного Сергей.

— Да очень просто. Когда перевелся на заочное отделение, меня, как и тебя, сразу вызвали в военкомат. Умные люди посоветовали заявить на медкомиссии, что я с детства страдаю энурезом. Меня положили на обследование на три дня. Каждый вечер я мочился в баночку, а ночью выливал на простыню. В итоге по заключению медкомиссии признан негодным к военной службе. Конечно, пришлось кое-кому приплатить. Но это того стоит.

— Ну, а на что тогда живешь? — вновь спросил Сергей.

— То, что я сейчас имею, — Глазов круговым движением руки указал на все его окружающее, — я, естественно, покупаю не за стипендию. Судьба меня свела с одним бизнесменом из Прибалтики, хотя кто он на самом деле — я не знаю, это он так представляется. Так вот, этот мужик скупает всякие производственные рацпредложения, невнедренные патенты на изобретения, дипломные работы, которые легли на полку. Короче, всякую всячину, которую потом можно внедрить в производство.

— Ну, а ты каким боком к этому имеешь отношение? — осведомился Сергей.

— А я сначала таскал ему из библиотеки то курсовые, то дипломные работы. Он выбирал, что ему нужно, и неплохо платил. Потом в институте что-то заподозрили и на вынос работы перестали мне давать. Так что я придумал. Я стал на пунктах приема макулатуры собирать журналы типа «Юный техник», «Техника молодежи», «Наука и жизнь», выбираю оттуда всякие чертежи, на печатной машинке перепечатаваю описание и отдаю ему. Ему все равно, где я это беру. Я ему приношу — он у себя на работе это оценивает. Узнает, если такое в какой-то стране еще не запатентовано, то неплохо мне за эти бумажки платит. Как видишь, мы постепенно возвращаемся к капитализму, и оказывается, что в этой жизни все имеет свою цену. Так что, Серега, быстрее завязывай со службой и присоединяйся к нам.

— Нет, я сначала восстановлюсь в МВТУ, закончу, а потом видно будет. — Лобанов не стал посвящать товарища в свои планы на дальнейшую жизнь.

— Чудак человек, да ничего потом видно не будет. Пока ты закончишь свое училище, уже все ниши будут заняты. Зарабатывать нужно сейчас, когда деньги фактически под ногами валяются. Подумай об этом, Сережа. — Глазов нервно вытащил из стола пачку «Мальборо» и закурил. Потом, посмотрев на друга, предложил и ему взять сигарету.

— Спасибо, я не курю, — ответил на предложение Сергей.

— Ты что же, в армии не начал курить? Редкий случай, — с удивлением произнес Андрей.

— Ничего удивительно. У нас сигарет вообще в магазинах нет. Матросам выдают блок «Примы» без фильтра на месяц, а это дерьмо я под пистолетом курить не начну.

— А как же офицеры? — удивился Глазов.

— Офицеры выживают кто как может. Или в Мурманске покупают втридорога, или трубки курят.

— Ну вот! Можешь бизнес сделать. Купи здесь хорошие сигареты, а там продай по тройной цене, — сразу сориентировался новоявленный бизнесмен.

— Нет, это не для меня. Ты мне лучше помоги в другом деле, — заканчивая прежнюю тему попросил Сергей.

— Для тебя все что угодно.

Глазов качался на стуле, явно довольный собой и произведенным впечатлением на друга. Он продолжал курить и снисходительно смотрел на Сергея. Его забавляла та социальная разница, какая образовалась между ними за прошедшие полтора года.

— У меня есть расчеты ЭВМ, мне нужно их перенести на дискету. Сможешь мне в этом помочь?

— Конечно, — не меняя тона и выражения лица, ответил Андрей, — А что, на Севере в войсках нигде нет компьютеров?

— Если бы были, я тебя бы не попросил, — почувствовав иронию, ответил Лобанов.

— Не заводись. Завтра принеси мне, я тебе в течение дня их оформлю, — снисходительно согласился собеседник.

После некоторого колебания Сергей все же решился задать свой главный вопрос Глазову:

— Расскажи, что там с Ириной? Ты мне очень мало про нее писал. — Он всегда помнил, что познакомился с Ириной именно на дне рождения Андрея.

Улыбка сошла с лица Глазова, он перестал качаться на стуле, затушил сигарету и уже вполне серьезно сказал:

— Знаешь, дружище, забудь ее. Не для тебя эта девушка. Она живет в совершенно другом мире, чем ты. Тогда, почти три года назад, она уже отличалась от нас, обычных студентов, а сейчас она недосягаема. Без нее не обходится ни один светский раут, она мелькает на телевидении. У нее появился состоятельный «папик», который везде таскает за собой.

— Что значит «появился»? У нее ведь отец и раньше был, — не понял Сергей.

— Это сейчас такой новомодный термин появился. «Папик» — это не отец. Это любовник возраста ее папы, который за постель покупает ей любые цацки. Так вот, этот «папик» на сегодняшний день имеет уже несколько ресторанов в Москве, у него даже своя охрана есть. И что ты ей предложишь взамен? Свою бескозырку? Поэтому не забивай себе голову, с нормальными девочками я тебя еще познакомлю. Поверь мне, не пожалеешь.

Он молча взял бутылку и разлил ее содержимое по бокалам.

— Давай выпьем за дружбу, — предложил Андрей.

Сергей не стал пить, он только пригубил свой бокал и поставил его на стол.

— Мне нужно идти, — решительно сказал он, — меня мать просила зайти в магазин хлеба купить.

— Не обижайся ты на меня, кто тебе еще все разжует, как ни друг, — понял состояние товарища Андрей. — Одна только просьба к тебе: не ходи ты к ней. Сегодня успокойся, приноси завтра утром свои расчеты, а вечером я тебя с такими девочками познакомлю, что ты эту Иру моментально забудешь.

Он подмигнул Лобанову и похлопал на прощание его по плечу.

Сергей вышел на улицу, чувствуя себя абсолютно разбитым. Он не хотел верить услышанному, но и не верить словам друга тоже не мог. Быстрым шагом, не глядя по сторонам, он поспешил удалиться от дома Глазова, как вдруг неожиданно для самого себя оказался возле подъезда Ирины. Долго не решаясь, он все же поднялся на заветный этаж и позвонил в квартиру под номером 7. Через минуту дверь открыла милостивая женщина. На вид ей было около сорока лет, немного полновата, но очень ухоженная. Даже дома она была одета в темные брюки и светлую блузку. С интересом посмотрев на молодого человека, она спросила:

— Вы к кому? Что вам нужно?

— Я хотел бы поговорить с Ириной.

— А кто вы и по какому вопросу? — продолжала спрашивать женщина.

— Я ее школьный друг, Сергей Лобанов.

— Что-то я не помню у нее такого друга. Извините. Ее сейчас нет дома. Может быть, ей что-то передать?

— Нет. Если вы не возражаете, я зайду позже.

— Пожалуйста, — женщина с недоумением посмотрела на юношу и закрыла перед ним дверь.

Сергей уже пожалел, что не послушал совета друга. Ведь даже если бы Ирина была дома, что он мог ей сказать и что предложить? «Может, действительно надо ее забыть? Не стоит на ней заикливаться, кругом столько красивых девушек», — подумал он, выходя из подъезда.

Он стоял под козырьком подъезда, обдумывая, куда пойти дальше. В этот момент в метре от него остановилась иномарка, названия которой Сергей не знал. Из автомобиля вышла Ирина и направилась в свой подъезд. Не глядя на Сергея, она, чуть задев его плечом, вошла в дом. От неожиданности и изумления он даже не смог к ней обратиться, но аромат ее духов вновь всколыхнул его чувства с новой силой. Он кинулся вслед за ней, но вдруг чья-то сильная рука схватила его за плечо. Оглянувшись, Сергей увидел неизвестно откуда взявшегося детину нереального размера. Тот тупо смотрел на оторопевшего парня, а потом, как робот, произнес:

— В подъезд зайдешь только тогда, когда я тебе разрешу.

В этот момент Лобанов вспомнил упоминания Глазова о личной охране так называемого «папика». При взгляде этого телохранителя у Сергея сразу пропало желание догонять Ирину.

Он пробормотал что-то невразумительное охраннику и поспешил в противоположную сторону.

На улице еще не сгустились сумерки, когда Сергей вернулся домой. Коротко рассказав родителям о встрече со старым другом, он сел на диван и включил телевизор. На экране диктор сообщал последние известия о событиях в Прибалтике, где начались вооруженные столкновения демократических сил с военными и ОМОНОм. В этот момент зазвонил телефон. Трубку взяла мать. Через некоторое время она, не скрывая улыбку, обратилась к

сыну:

— Сережа, это тебя. Девушка.

Тот, не веря своему счастью, бросился к телефону:

— Ира, ты? Здравствуй, как я рад тебя слышать, — восторженно воскликнул Сергей.

— Рано радуешься, — услышал он знакомый голос. Она говорила, не скрывая раздражения, повышенным тоном. — Я уже надеялась, что ты навсегда ушел из моей жизни. Но тебе все нейдет. Неужели ты не видишь, кто я и кто ты? Мы с тобой на разных полюсах. Ты хоть думал, что ты мне можешь дать? Я сейчас имею все, что захочу, а любовь в шалаше — это не для меня. Оставь меня в покое. Предупреждаю тебя последний раз: уйди из моей жизни и не путайся под ногами, не то тебя быстро поставят на место. — Не прощаясь, она бросила трубку.

— Ну, что? Не успел приехать, как сразу появилась девушка. Может, расскажешь, кто она? — с некоторой надеждой в голосе спросила мать.

— Никто, бывшая сокурсница, — отмахнулся Сергей, — я пойду к себе. Что-то я сегодня устал с непривычки.

Он зашел в свою комнату и стал листать старые журналы, чтобы хоть как-то отвлечься. Но мысли опять возвращались к событиям сегодняшнего дня. Он вспоминал их мимолетную встречу, телефонный разговор, и хандра все больше и больше начинала им овладевать. В комнату вошел отец.

— Может, ты объяснишь, что с тобой происходит? — обратился он к Сергею. Отец подвинул плед и присел на край дивана.

— Все нормально, папа, ничего серьезного, — не глядя в глаза отцу, ответил сын.

— С каких пор ты перестал мне доверять? Раньше, насколько я помню, мы были друзьями.

— Папа, это личное дело. Поверь мне, я сам справлюсь со своими проблемами, — заявил Сергей.

— Ну-ну, с одной проблемой ты уже справился самостоятельно. В результате оказался отчисленным из МВТУ. Знаешь, что я тебе хочу сказать? — отец взял стул и сел напротив сына. — Только дураки учатся на своих ошибках, умные учатся на чужих или слушают советы других. Пока ты служил, я навел справки о твоей Ирине. Извини, но мне было не безынтересно узнать, из-за кого мой сын потерял голову. Согласен, девушка она привлекательная, но не для семейной жизни. Такие, как она, могут любить только деньги. Может быть, когда-нибудь ты и сможешь купить ее расположение к себе, но не факт, что потом ее не перекупит кто-то другой. То, что ты любишь ее, — это хорошо. Любовь — прекрасное чувство. Человек должен любить, но для того чтобы обрести счастье в любви, нужно быть еще и любимым. А ведь она тебя не любит. А поэтому ни о каком счастье не может быть и речи. Такая односторонняя любовь быстро перерастает в ненависть и нередко заканчивается трагедией. Любящие друг друга люди способны на многое. Вместе они могут пережить любые тяготы, поднять и поддержать друг друга. Может быть, тебе мои слова кажутся банальными, но если бы мы с мамой не любили друг друга, я не уверен, что смог бы в жизни достичь того, что уже имею. Возможно, по твоим меркам мой уровень и недостаточно высок, но должности, ученые степени и звания — это не главное в жизни. Это форма самовыражения собственного тщеславия и амбиций — и не более того. Достаточно много людей, добиваясь определенных высот в карьере, делают несчастными своих близких, а порой и ломают их судьбы. Поэтому главное в жизни — это научиться делать счастливыми

близких тебе людей и сохранять это счастье на всю оставшуюся жизнь.

— Но ведь за любовь надо бороться, — попытался возразить отцу Сергей.

— Надо, но только в том случае, когда этой любви кто-то пытается помешать. В твоей ситуации, насколько я понимаю, взаимной любви нет, поэтому и термин «борьба» здесь неприемлем. Ты просто бьешься головой о стену.

Отец встал со стула, подошел к окну и стал молча смотреть на играющих во дворе детей. Сергей тоже молчал. Наконец мужчина повернулся и, завершая разговор, произнес:

— Не пытайся искать любовь там, где ее нет. Она сама тебя найдет, ты это почувствуешь. А пока пытайся исправить те ошибки, которые успел сделать. — Отец подошел к Сергею и обнял его за плечи. В этот момент Сергею очень хотелось разрыдаться на плече отца, но он взял себя в руки и уже спокойным голосом произнес:

— Извини, отец, я, видимо, не оправдал ваших с мамой надежд. После армии я сделаю все, чтобы вы могли мной гордиться.

— Только одна просьба. В следующий раз, если захочешь проявить какую-нибудь инициативу, посоветуйся с нами. Я думаю, так будет лучше для всех нас. Твои ошибки слишком тяжело исправлять нам всем. — Отец потрепал сына по волосам и оставил его наедине с мыслями.

Утром Сергей проснулся в хорошем настроении, видимо, разговор с отцом сыграл свою роль. Он достал из чемодана расчеты по диссертации командира, переложил их в папку и позвонил Глазову.

— Привет. Ну что, когда сегодня встречаемся? — спросил он у товарища.

— Господи, ну что же тебе в отпуске не спится? — ответил сонный Глазов.

— Извини, но мы же договорились созвониться утром, — попытался оправдаться Сергей.

— Это в армии у вас утро в шесть часов начинается, а у нас, в Москве, в это время только спать ложатся. Ну, да ладно, коль уж ты меня разбудил, через полтора часа выходи и жди меня у подъезда, я за тобой заеду. В квартиру подниматься не буду, так что жди во дворе, — закончил разговор Глазов и отключился.

Ровно через полтора часа Андрей вновь удивил Сергея, но не тем, что приехал вовремя, а тем, что приехал к нему на своем автомобиле. ВАЗ-21011 был, конечно, не новым, но очень ухоженным.

— Твоя? — вместо приветствия спросил Сергей, усаживаясь в салон автомобиля.

— А ты думал, у папы попросил? — вопросом на вопрос ответил Андрей. — Ты, видимо, еще до конца не осознал, что сейчас наступило время, когда можно зарабатывать на всем, было бы желание и мозги на месте. Куда поедем?

Андрей был доволен произведенным на друга впечатлением. Ему очень нравилось чувствовать свое превосходство над ним, поэтому по отношению к Сергею он старался держаться степенно, но в то же время снисходительно.

— Я тебе говорил, что мне нужно определенные расчеты перенести на дискету. Прямо сейчас мы сможем это сделать?

— Нет проблем, съездим к моему компаньону, он все сделает тебе за пару минут.

— А сколько он возьмет за такую услугу? У меня ведь чистой дискеты тоже нет, — извиняясь, спросил Сергей.

— Да, парень, должен ты мне будешь, как земля колхозу, — засмеялся Глазов, — не переживай. Считай, что это будет мой подарок тебе либо мой личный вклад в обороноспособность нашей Родины.

— А сколько вообще платит твой компаньон за те разработки, которые ты ему приносишь?

— По-разному. Определенной таксы нет. Если мелочевка какая-то, то может отделаться пачкой сигарет. Если что-то интересное, что можно применить в промышленности, то, бывает, и тысячу рублей дает, а то и больше.

— А ты не боишься, что он обманет тебя? — продолжал расспрашивать Сергей.

— Наверняка обманывает, — невозмутимо ответил Андрей, — но ведь и я продаю ему не свои изобретения. Так что каждый из нас зарабатывает друг на друге. Это бизнес, как принято сейчас говорить.

Сергей расспрашивал друга об их сотрудничестве с неизвестным благодетелем, а тем временем уже начал строить планы по развитию собственного бизнеса. Он вспомнил, что у них один из шкафов полностью заполнен отцовскими рацпредложениями и изобретениями. Отец посвятил им всю свою жизнь, но они так и не были внедрены в производство. Плюс ко

всему через лабораторию отца проходит масса диссертаций молодых ученых, которым, вероятнее всего, уготована та же участь. Эта идея Сергею очень понравилась, и он, уже не слушая восторженные рассказы друга, спросил у него:

— А ты мог бы познакомить меня со своим «кормильцем»?

— А зачем тебе? — подозрительно взглянув на собеседника, спросил Глазов.

— Может быть, тоже что-нибудь смогу ему предложить.

Глазов сначала хотел отказать и предложить, как вариант, общаться через него, дабы в перспективе получать свою долю, как посреднику. Но в последний момент решил, что если Сергей откажется от этого предложения, то их многолетней дружбе может наступить конец. Вместе с тем видеть в лице Лобанова конкурента Андрею тоже не хотелось. Немного подумав, он сказал:

— Я вас могу и сегодня познакомить, но пообещай мне, как друг, что не будешь пересекаться со мной в источниках информации. Согласись, что все-таки эту жилу нашел я, и зарабатывать на ней буду я. Поэтому если я узнаю, что ты передаешь ему какие-то журнальные разработки, на этом наша дружба закончится со всеми вытекающими последствиями.

— Не волнуйся ты так, у моего отца есть несколько работ, да и не забывай, что я в скором будущем надеюсь вернуться к учебе, а потом и к науке. Бедному студенту надо же чем-то зарабатывать себе на жизнь. Вот и буду ему толкать свои изобретения, — успокоил товарища Сергей.

Остаток пути друзья ехали молча. Один жалел, что раскрыл секреты своего бизнеса, другой уже был окрылен открывающимися перспективами. Так, в полном молчании, они приехали к месту назначения. Перед взором Сергея предстало отреставрированное двухэтажное здание дореволюционной постройки. У входной двери на уровне глаз висела бронзовая табличка с надписью «Советско-норвежское совместное предприятие «ХОРЕТ». По количеству и разнообразию автомобилей во дворе здания можно было понять, что персонал данного заведения далеко не бедствует. Внутреннее убранство здания вообще поразило Лобанова, особенно после длительного отсутствия в Москве. Здесь были мраморные полы, дубовые панели, окна закрывали вертикальные жалюзи, а на стенах в дорогих рамках висели фотокартины. Но особенно Сергея поразили запах в помещении. Это был неповторимый аромат голландского табака. Этот запах Сергей знал с детства. Его отец иногда позволял себе такие слабости, особенно когда сам или его друзья возвращались из-за границы с подарками. Персонал заведения тоже отличался от чиновников привычных московских учреждений. У Сергея появилось ощущение, что он выпал из реальной жизни и переместился на страницы глянцевого журнала. Все мужчины были как на подбор, подтянутые, в строгих темных костюмах и белых рубашках с галстуком. Их всех отличали аккуратные стрижки, как будто они только что вышли из парикмахерской. Девушки, работавшие в этой фирме, больше напоминали фотомоделей, нежели сотрудников. Они все были приблизительно одного возраста и одного типажа, видимо, директор фирмы отбирал их на работу, руководствуясь не столько их профессиональными качествами, сколько внешними.

Наконец они подошли к двери с непонятной для Сергея надписью «Старший менеджер».

— Подожди здесь, — указал Андрей на стоящий в коридоре диван, а сам осторожно постучал в дверь. — Можно войти? — спросил он у хозяина кабинета. При этом на лице у

него появилась услужливая улыбочка. Сам он весь как-то сторбился.

— Подожди за дверью, — раздался густой бас с характерным прибалтийским акцентом.

Андрей закрыл дверь и сел рядом с Сергеем на диван. Лобанова поразила метаморфоза, произошедшая с его другом. Из самодостаточного и вальяжного бизнесмена Глазов мгновенно превратился заискивающего подхалима. Прежний лоск растворился, и Андрей уже напоминал нашкодившего школьника, ожидающего вызова в учительскую. Сергею захотелось отпустить шутку в адрес товарища по этому поводу, но вдруг открылась дверь, и «старший менеджер» молча, только движением руки пригласил гостей к себе в кабинет. В этот раз они вошли в кабинет вместе. Сергей огляделся: обстановка напоминала офис американского босса, такие кабинеты он видел только в кино. Возле окна стоял длинный стол с мраморным покрытием в окружении кожаных кресел с подлокотниками. Вдоль противоположной стены стояла мебельная стенка с телевизором и баром. В углу красовался громадный аквариум с крупными рыбами и водяными черепахами. На стенах, как в галерее, повсюду были развешаны фотографии хозяина кабинета, где он позировал рядом с советскими и мировыми знаменитостями. В центре стоял рабочий стол, на котором находились песочные часы, телефоны и фотографии семьи.

— Слушаю вас, молодые люди, — прервал осмотр фотовыставки менеджер — мужчина лет тридцати пяти, с густыми, аккуратно уложенными каштановыми волосами, тонкой ниточкой усов над верхней губой, в очках в тонкой золотой оправе. Посмотрев с интересом на Лобанова, он перевел взгляд на Глазова и, улыбнувшись, продолжил:

— Андрюша, ты устал таскать мне чертежи и решил привести живого изобретателя?

— Нет, что вы. У нас тут такое дело, — запинаясь от волнения, начал говорить Глазов, — ко мне приехал друг из Заполярья. Его командир попросил распечатку ЭВМ перенести на компьютерную дискету.

— Замечательно! — засмеялся мужчина. Видимо, с утра он был в добром расположении духа. — А ближе нигде нельзя было произвести эту процедуру? Или у нас такая богатая армия, что распечатки переносят на дискету только в Москве?

— Ближе, может быть, и есть, но я приехал в отпуск и решил совместить приятное с полезным, — ответил за себя Сергей.

— А что вы от меня хотите? Чтобы это сделал я? — не меняя выражения лица, спросил руководитель фирмы.

— Если вам не трудно, — краснея, ответил Андрей.

— Эх, Глазов-Глазов, ты наглеешь прямо на глазах, скоро вообще на шею мне сядешь. Ладно, идите в инженерный отдел, я дам команду, — он нажал кнопку на телефонном аппарате и, не снимая трубку, передал указание оказать содействие.

— Извините, не знаю, как к вам обращаться, но у меня есть еще один рабочий вопрос, — на выходе обратился Сергей. Собеседник с удивлением посмотрел на него, а потом, протянув руку для рукопожатия, представился:

— Лукас Гайлюс. Отчество не говорю, все равно не запомнишь и не выговоришь. Поэтому можешь обращаться ко мне просто Лукас. Так что за вопрос?

Глазов понял, что Сергея ждать бесполезно, быстро вышел из кабинета, оставив их наедине.

Лобанов пожал протянутую руку и назвал свое имя, а затем почти без паузы стал излагать суть вопроса:

— Я хотел бы в перспективе работать с вами по той же схеме, что и Андрей.

— О какой схеме вы говорите, молодой человек? — серьезно спросил Гайлюс.

— Мой отец — заведующий лабораторией в одном из НИИ. У нас дома масса изобретений, которые просто пылятся на полках, я хотел бы вам их продать, — выпалил Сергей.

— Молодой человек, у нас солидная фирма, а не прием стеклотары. Что значит, вы хотели бы нам продать? Давайте вопрос поставим по-другому. Если нам это будет интересно, то, возможно, мы у вас что-то и купим. Поэтому несите все, а я уже сам выберу, что имеет ценность, а что нет.

— Но так вы можете со всех проектов снять копии, а мне сказать, что вам ничего не подошло, — возразил Сергей.

— Мы работаем честно, можете поинтересоваться у вашего друга, и поторопитесь, пока я ему язык не укоротил за его болтовню. Ну, а если у вас остаются сомнения, то можете хранить свои изобретения для своих потомков. Это ваше право. — Хозяин кабинета вновь улыбнулся и сел за стол, давая понять, что разговор закончен.

— У меня есть еще вопрос, — продолжал настаивать Сергей.

— Я весь внимание, — усмехнулся хозяин кабинета.

— А вас интересует разработка новой методики поиска подводных лодок силами противолодочной авиации? — с вызовом заявил Лобанов.

В кабинете повисло затяжное молчание. Гайлюс, сняв очки долго, не моргая, смотрел на посетителя. Затем невозмутимо спросил:

— Вы меня хотите убедить, что эта методика нова и вы, рядовой солдат или матрос, имеете к ней доступ? Вы насмотрелись дешевых детективов, молодой человек. Не морочьте мне голову и не мешайте работать. Ваши расчеты наверняка уже перенесли на дискету. Поэтому я принимаю вашу благодарность и не смею более задерживать.

— Напрасно вы так, как раз именно расчеты по этой методике сейчас у вас и обрабатывали.

Выражение лица Гайлюса заметно изменилось. Оно стало более сосредоточенным и суровым. Он немного подумал, а потом ровным, без эмоций, голосом заявил:

— Послушайте меня, Лобанов или как вас там. То, что вы мне предлагаете, на юридическом языке называется шпионажем. Мы хоть и советско-норвежское предприятие, но работаем в интересах СССР и только в мирных целях. Как законопослушный гражданин, я обязан сообщить о вашем предложении в КГБ.

Сергей уже пожалел, что пришел в эту фирму и вообще приехал в отпуск. От услышанного в его глазах потемнело. Эту реакцию для себя отметил и Гайлюс. Поэтому, выждав паузу, он снисходительно продолжил:

— Но, учитывая твою молодость и неопытность, я не буду ставить крест на твоей дальнейшей судьбе. Но и ты сделай так, чтобы я тебя больше не видел. Своему другу передай, чтобы прямо сейчас зашел ко мне.

Сергей кивнул в знак согласия и на ватных ногах вышел из кабинета.

Как только за Лобановым закрылась дверь, Гайлюс сразу же схватил телефонную трубку прямой связи с начальником службы безопасности и, когда тот ответил, быстро выпалил:

— Сейчас из моего кабинета вышел парень, его зовут Лобанов Сергей. Пусть твои сотрудники попасут его несколько дней, а ты собери мне о нем всю информацию, с момента рождения и по сегодняшний день. Он либо махровый лох, либо нам пытаются сделать подставу. Разберись в самые кратчайшие сроки. Это очень важно. Когда твои топтуны

пойдут его провожать, сразу же мне сообщи. — Гайлюс откинулся в кресле и стал ждать. В этот момент открылась дверь, в кабинет вошел Глазов.

— Лукас, вызывали? — растеряно спросил Андрей, видя хмурого и сосредоточенного «работодателя».

— Вызывал. Откуда взялся у тебя этот друг?

— Мы с детства дружим, а сейчас он в армии служит. Вот приехал в отпуск. Полтора года не виделись. А что случилось? — ответил Глазов.

— Ничего не случилось, но если ты не перестанешь трепать языком на каждом углу, где и как ты зарабатываешь на жизнь, а самое главное — благодаря кому, то, боюсь, очень скоро тебе придется изменить род трудовой деятельности.

Неожиданно для обоих зазвонил телефон внутренней связи, Гайлюс снял трубку и услышал голос начальника службы безопасности:

— Все нормально, мы его ведем.

Он положил трубку и опять обратился к Глазову:

— Сегодня ты меня расстроил. Твой прокол я найду как материально компенсировать. В начале нашего сотрудничества мы договорились, что никто не будет знать, чем мы занимаемся. Слово ты держать не умеешь, это плохо. Значит, будем использовать другие методы закрепления договоренностей. А теперь иди, видеть тебя не хочу.

Хозяин кабинета жестом руки показал Глазову на дверь. Тот не заставил себя долго ждать и пулей выскочил в коридор, даже не пытаясь что-то возразить или оправдаться. На улице рядом с машиной его ждал Лобанов. Увидев друга, он спросил:

— Что случилось, зачем он тебя опять вызывал?

— Я как чувствовал, что лучше с ним работать через меня, а так он меня отпорол, как голодную свинью, за то, что тебе рассказал. Теперь не знаю, что будет. Или несколько проектов бесплатно возьмет, или работать дальше со мной откажется. Если второй вариант, то, значит, опять перейду на хлеб и воду. Ну, а тебе он что пообещал? — поинтересовался Андрей.

— Мои предложения ему не понравились. Со мной он вообще отказался говорить, — уклончиво ответил Сергей. Ему очень не хотелось упоминать о разговоре про диссертацию. Отчасти он был даже рад, что Гайлюс не рассказал Андрею об их разговоре.

— Отлично получается. Приехали сюда в надежде подзаработать, а на выходе чуть сами без штанов не оказались. Что-то Лука портиться стал. Видно, правду говорят, что деньги людей портят, — констатировал Глазов, постепенно возвращаясь в свое прежнее состояние.

Затем, многозначительно посмотрев по сторонам и на небо, он погладил себя по груди и уже совершенно беззаботным тоном предложил:

— Ладно, по-моему, самое время снять стресс. Сейчас давай заедем к тебе домой. Ты оставишь там свои бумажки, по дороге заедем купить «Портяжка» или «Агдамыча». Потом заскочим в одну общагу, там у меня есть две знакомые «газели», заберем их — и ко мне, пока предков нет. Как тебе план?

— Андрюха, что за вкусы? Вчера пили «Рижский бальзам», а сегодня — «Агдам»? Да и как-то угощать девушек бормотухой не солидно для бизнесмена твоего уровня.

— Не грузи мозги, бальзамом и коньяком я угощаю только дорогих друзей, таких, как ты. А дамы у меня не балованные. Я всегда им «Агдам» разбавляю остатками водки и выдаю за французский коньяк, благо, красивых бутылок у меня тьма. Они нормальный коньяк в жизни никогда не нюхали, поэтому это бухло у них идет «на ура», — гордо заявил Глазов.

— А потом? Водка с вином — это же бомба, — попытался высказать свои опасения Сергей.

— Ты не прав, это не бомба, это волшебный напиток, после него девчонки становятся сговорчивыми и на все согласными. Потом, правда, болеют, но это уже на следующий день бывает, ты этого не увидишь, — с видом знатока заявил Глазов.

У Сергея был очень скудный опыт общения с девушками, а полтора года службы вообще сделали из него затворника. Поэтому у него началась борьба мотивов. С одной стороны, он очень боялся подобных контактов. Плачевный опыт с Ириной подорвал его веру в себя. С другой стороны, сдерживать «зов природы» в двадцать лет становилось все тяжелее и тяжелее. В конечном счете победило второе. Он махнул рукой, театрально сделал обреченное выражение лица и произнес:

— Отдаюсь тебе на откуп. Если что, отвечать перед моими родителями будешь ты.

Андрей засмеялся, усаживаясь за руль.

— Не дрейфь, предкам совсем не обязательно знать, чем ты сегодня будешь заниматься. А мне ты еще спасибо скажешь.

Он завел двигатель, и автомобиль плавно тронулся в сторону дома Лобановых.

По дороге, как и планировали, они заехали в ликероводочный магазин. Шел к завершению 1990 год. Горбачевская антиалкогольная кампания продолжалась полным ходом, водка по-прежнему была дефицитом и продавалась только в специализированных магазинах по талонам, зато различных суррогатов было в изобилии. Но, тем не менее, даже за ними нужно было выстоять немислимые очереди. Простояв в очереди около часа, ребята наконец взяли по две бутылки долгожданного «Агдама». В салоне автомобиля Андрей бережно завернул каждую бутылку в газету, чтобы девушки не видели основной ингредиент будущего «французского коньяка», и аккуратно уложил их в портфель на заднем сиденье. Потом, повернувшись лицом к Сергею, спросил:

— Ну что, едем к тебе или сразу к девочкам? Может, черт с ней, с дискетой, что с ней случится? Не будем терять время.

— Нет, — категорично заявил Сергей, — когда она будет дома, я буду спокоен.

— А что сейчас тебя волнует? — с легким возмущением спросил Андрей.

— Я не знаю, как на меня подействует твой рукотворный коньяк. Может, завтра я не смогу вспомнить, как меня зовут, не говоря уже о том, где искать дискету. Поэтому береженого Бог бережет, — отрезал Сергей.

— Эх, Лобанов — Лобанов, у нас все детство прошло вместе, а ты так меня и не узнал. Почему ты всегда думаешь обо мне хуже, чем есть на самом деле? — возмутился Глазов. — Неужели ты думаешь, что я своего лучшего друга буду травить каким-то зельем? Для нас у меня припасена бутылка «Посольской водки», а «коньяк» — девочкам. Они его очень любят. Водку они у себя в Киржаче выпить смогут, а в Москве они должны чувствовать себя аристократками.

— Я не понял, а причем здесь Киржач? Мы что, за ними туда поедem? — не понял сказанного Сергей.

Глазов обреченно вздохнул, а затем, закатив глаза, продолжил:

— Для особо одаренных медалистов московских школ, бывших студентов престижных вузов и представителей элиты Военно-Морского флота повторяю и по ходу разъясняю. Мы едем за девочками в общагу. Как ты понимаешь, будущая московская богема в общагах не живет. Наши сегодняшние подруги приехали в Москву из старинного русского города Киржача и обучаются в техникуме легкой промышленности. В дальнейшем получают дипломы швей-мотористок и будут шить обмундирования для матросов Северного флота на какой-нибудь швейной фабрике Московской области. Теперь тебе все ясно? Дурных вопросов на месте задавать не будешь?

Сергей молча смотрел вперед, его настроение заметно ухудшилось, но противоречить другу тоже не хотелось.

Глазов посмотрел на Сергея и уже тоном, не терпящим возражений, продолжил:

— Знаешь, дружище, я сейчас забочусь о тебе, чтобы ты быстрее развеялся и забыл свою Ирину. Ты думал, что я тебя повезу в общагу консерватории? Ты еще не нажрался отношений со светскими дамами? У тебя, как в той песне, «а любовь, как слон, по ноге прошла». В общем, решай сам. Сейчас мы можем поехать за девчонками, выпить с ними, потанцевать со всеми вытекающими последствиями и разбежаться по хатам. И заметь, никто никому ничего не будет должен. Либо ты едешь домой, закрываешься в своей комнате и до конца отпуска

продолжаешь наматывать сопли на кулак.

Андрей, принял вправо и остановил автомобиль у обочины.

— Ну что, — пристально взглянув на товарища, спросил он, — везти тебя домой или сворачиваем к общаге?

Сергей улыбнулся, махнул рукой и решил:

— По бабам — так по бабам.

— Ну, вот и молодец. Когда ты их увидишь, то будешь приятно удивлен, я тебе обещаю, — заверил его Андрей.

Через десять минут они уже входили в общежитие техникума легкой промышленности. Дежурная на вахте разгадывала кроссворд и даже не взглянула на пришедших гостей.

Они быстро поднялись на второй этаж и постучали в первую дверь справа. Буквально через несколько секунд дверь открылась, видимо, проезд молодых людей здесь уже ждали. Сергей переступил порог комнаты и обомлел. На него смотрели две пары одинаковых глаз, причем одинаковыми у девушек было все: и лица, и прически, и даже одежда. Девушки были сестрами-близнецами. Увидев изумление гостя, они весело засмеялись.

Сергей залился краской от смущения. Из оцепенения его вывел Андрей. Он похлопал друга по плечу и сказал:

— Я же говорил, что ты будешь удивлен. Наверное, такого не ожидал?

— Сюрприз так сюрприз, — приходя в себя, отозвался Сергей, — я думал, что у меня начались галлюцинации.

Все дружно опять засмеялись.

— А теперь, девочки, разрешите вам представить моего друга, — начал знакомство Глазов. — Сергей — моряк Северного флота, служит на авианосце, сейчас в отпуске. Мы с ним дружим с первого класса.

Девушки не стали ждать, когда Глазов их представит своему другу, и каждая представилась самостоятельно. Одну из них звали Светой, другую — Мариной. Сергей долго вглядывался в их лица, чтобы найти хоть какое-то отличие, но так и не смог этого сделать. Обе они были круглолицыми, с распущенными русыми волосами, голубыми глазами и вызывающим макияжем. На них были облегающие кофточки, подчеркивающие пышный бюст, и короткие юбки, возбуждающие фантазию.

— Будем считать, что познакомились, — продолжил Андрей, — не стоит терять время! Карета у подъезда, прошу всех занять свои места!

— Мальчики, вы спускайтесь первыми, а мы подкрасим губки и к вам присоединимся, — сказала одна из девушек.

Когда молодые люди подошли к автомобилю, Андрей спросил:

— Ну, как тебе девчонки?

— Если честно, то не очень, — сознался Сергей.

— Это поначалу, когда выпьем, они красивее станут. А когда они разденутся, ты вообще обалдеешь. Там такие тела! Рубенсу не снились, — продолжал интриговать его Глазов и в подтверждение своих слов поцеловал кончики соединенных пальцев.

Через пару минут сестры действительно присоединились к парням. Видимо, они не хотели, чтобы в общежитии их видели вместе, поэтому вышли чуть позже. Всю дорогу к дому Глазова они наперебой делились впечатлениями о том, как в минувший выходной ходили на концерт группы «Ласковый май». Так незаметно, за рассказами, они приехали домой к Андрею. Войдя в квартиру, хозяин обратился к девушкам:

— Девчонки, давайте так, вы идите на кухню, что-нибудь там покрошите, в холодильнике все есть, а мы с Сергеем поставим машину в гараж и быстро вернемся.

— Глазов, ну что ты за кавалер! Каждый раз приглашаешь в гости — и каждый раз мы сами готовим. В следующий раз мы к тебе не поедem, в ресторан поведешь, понял? — возмутилась одна из близняшек.

— В следующий раз обязательно пойдem в ресторан, — пообещал Андрей.

— Ты каждый раз так говоришь, а вместо ресторана везешь на природу, — обиженно произнесла гостья.

В это время Андрей незаметно вытащил из шкафа полторалитровую пустую бутылку с этикеткой «Larsen Napoleon» и спрятал ее под куртку. Также незаметно он выскочил из квартиры и потянул за собой Лобанова. Уже в гараже он вытащил из портфеля две бутылки «Агдама», перелил их в пустую емкость. Затем туда же влил полбутылки водки, хранившейся в шкафу с инструментами. Содержимое активно взболтал и попробовал произведенный «коктейль» на вкус.

— Черт, — выругался новоиспеченный «бармен», — водки маловато оказалось. Не будешь же при них доливать? Ну, да ладно, может, не заметят.

Он закрыл пробкой бутылку и отдал Сергею, а сам стал закрывать гараж. Домой они вернулись быстро, сестры еще не успели ничего поставить на стол. Пользуясь этим, Андрей, не раздеваясь, заскочил в свою комнату, открыл бутылку, поставил ее на стол и стал расставлять бокалы. Как только он успел снять куртку, в комнату вошли девушки. Они принесли тарелки с нарезанными колбасой, сыром, салом и консервами. Андрей демонстративно вытащил из книжного шкафа коробку конфет и пригласил всех к столу. Затем, оглядев присутствующих, галантно спросил:

— Я не поинтересовался, может быть, кто-то будет водку?

— Нет, нет, мы коньяк, — в один голос зашебетали гостьи, жадно разглядывая красивую бутылку.

— Ну и прекрасно, вы, девочки, наслаждайтесь французскими ароматами, а мы с Сергеем не будем отходить от русских традиций, будет давиться водкой, — при этом он сделал такое выражение лица, как будто для него это было невыносимым испытанием.

Он привычным движением разлил содержимое импортной бутылки по бокалам, а водку — по рюмкам. Затем, не присаживаясь за стол, поднял рюмку и произнес тост:

— За нашу встречу и за наше знакомство, — он чокнулся с каждым из присутствующих и залпом опустошил содержимое. Девушки взяли по конфете из коробки и сделали по глотку из бокалов.

— Да, все-таки Франция — есть Франция, — многозначительно произнесла Света. — Какой аромат, как мягко пьется!

— А я на прошлой неделе пробовала молдавский коньяк, — поддержала разговор вторая сестра, — так тот был немного крепче, в этом, по-моему, крепости не хватает.

— Крепость что в том, что в другом одинаковая, — принялся спасать положение организатор банкета, — у них технология приготовления разная. Молдавский коньяк делают на спирту, а французский крепость набирает за счет длительного хранения в дубовых бочках.

Девушки оценили эрудицию хозяина квартиры и вновь взяли в руки бокалы, чтобы еще раз оценить букет «импортного» напитка. Андрей быстро наполнил рюмки и опять произнес краткий, но емкий тост: «За дружбу». На этот раз напиток сомнений у девушек не вызвал, они опустошили свои бокалы и стали активно закусывать.

После пятого тоста одна из сестер, заметно охмелевшая, предложила потанцевать. Андрей включил магнитофон и пригласил на танец одну из девушек, вторую пригласил Сергей. В процессе танца Марина, так звали его партнершу, тихо предложила:

— Давай выйдем в соседнюю комнату, не будем им мешать.

Не прекращая танцевать, они вышли за дверь и оказались в родительской спальне...

Сергей отвез на такси девушек в общежитие и возвращался домой. Он не мог совладать с собой, эйфория не покидала его, ему казалось, что он на пике блаженства. Как мужчина, он вновь поверил в свои силы, и ему очень не хотелось расставаться с этой девушкой. В этот день она заполнила все его сознание. Конечно, Сергей не испытывал к ней тех чувств, какие испытывал к Ирине. Ирина продолжала владеть его сердцем, но тело уже принадлежало Марине, и ничего поделать с этим он не мог.

На следующий день он проснулся позже обычного, около десяти утра. Дискету он привез с собой, поэтому не волновался. Родителей дома не было, они уже ушли на работу, и Сергей решил позвонить Глазову, поделиться впечатлениями от вчерашнего дня. К этому времени Андрей уже проснулся и наводил порядок в квартире, поэтому трубку поднял сразу.

— Я смотрю, укатала тебя вчера Маришка серьезно, если ты сегодня звонишь мне в десять, а не в шесть утра, как обычно, — услышав знакомый голос, констатировал Глазов.

— Не то слово, я до сих пор в состоянии прострации, — согласился Сергей.

— А я тебе что говорил? Я же сказал, что не пожалеешь. Друг плохого не посоветует!

— Андрей, хотел тебя спросить, а когда у сестричек занятия в техникуме заканчиваются?

— Э-э, парень, да ты, я вижу, якорем зацепился по-взрослому. Надеюсь, жениться на ней ты не собираешься? А то я с тобой здороваться перестану.

— Да нет, что ты? Так когда они приходят домой?

— Занятия у них до обеда, а там — как застанешь и как повезет, — весело ответил Андрей. — Так что гуляй, матросик, на винт только ничего не намотай.

Он засмеялся и положил трубку.

Весь дальнейший отпуск Лобанов провел, наверстывая упущенное в женском вопросе.

А тем временем спустя неделю после посещения офиса фирмы «Хорет» в кабинет старшего менеджера зашел начальник службы безопасности.

— Чем порадуешь, Йорген? — приглашая жестом присесть в кресло, спросил Гайлюс. У себя в кабинете с подчиненными он предпочитал разговаривать на родном языке. Он не боялся возможного прослушивания, так как помещение было оборудовано генератором постановки помех. Гайлюс был кадровым сотрудником норвежской разведки NIS и уже третий год работал в СССР под прикрытием. За это время в его деятельности не было ни одного прокола. Поэтому появление Лобанова с предложением продать разработку по нетрадиционному поиску подводных лодок он воспринял настороженно, как возможную подставу со стороны КГБ.

— Всю неделю мы наблюдали за объектом, — начал доклад сотрудник разведки, — после выхода из офиса он вместе в вашем знакомом Глазовым поехали в магазин за спиртным. Затем заехали в общежитие техникума легкой промышленности. Оттуда с двумя девицами выдвинулись на квартиру последнего. Весь день они провели, не выходя из дома, к ним никто не заходил. Никаких подозрительных контактов с третьими лицами не зафиксировано. Фактов ухода от наблюдения также не установлено. В последующие дни визуальное наблюдение не прекращалось. За это время он контактировал помимо известного

нам Глазова с одной из вышеуказанных девушек. Личность ее установлена. Это учащаяся второго курса техникума легкой промышленности Синещекова Марина Александровна, 1972 года рождения, уроженка города Киржач Московской области. К уголовной ответственности не привлекалась. Хотя, возможно, это была ее сестра. Они сестры-близнецы. За ними также устанавливалось наблюдение. Данных о возможной связи с представителями правоохранительных органов или спецслужб не получено. Нам удалось организовать прослушивание телефонной линии Лобанова. Телефонные разговоры с его стороны касались исключительно бытовых тем. Нами собрана информация об объекте. Лобанов Сергей Николаевич, 1969 года рождения, уроженец Москвы. В 1986 году после окончания средней школы с золотой медалью поступил в Высшее техническое училище имени Баумана. В конце 1987 года имел привод в милицию по подозрению в причастности к незаконному обороту наркотиков, однако уголовной ответственности избежал. Вместе с тем, от дальнейшего обучения был отчислен. В мае 1988 года был призван на военную службу на Северный флот. По месту службы сведениями не располагаем.

Выслушав доклад, Гайлюс задумался. Он встал из-за стола, молча подошел к аквариуму и стал кормить рыбок.

— Что ты думаешь по этому поводу? — не поворачиваясь, спросил он начальника службы безопасности.

— Я не исключаю возможности, что его могли завербовать, когда взяли на наркотиках, — сразу ответил тот.

— Могли, — задумчиво резюмировал Гайлюс, — но тогда зачем отчислили из училища? В студенческой среде он был бы более полезен. А если завербовали, то после исключения из института он мог озлобиться на органы и отказаться от сотрудничества. Нелогично.

Он вытер руки платком и вернулся за стол. Покрутив в руках карандаш, он посмотрел на коллегу и сказал:

— Я думаю, мы должны принять его предложение. И чем скорее, тем лучше, пока у него не закончился отпуск. Но наблюдение нужно усилить. Я сегодня позвоню Глазову, чтобы тот передал мое приглашение Лобанову, а вы с сегодняшнего дня и до отъезда не должны отпускать его ни на шаг. Если только выяснится, что после повторного контакта он встретится с кем-то из подозрительных лиц, примите незамедлительные меры по его ликвидации.

— Не волнуйтесь, шеф, все сделаем, как нужно, — Йорген закрыл папку, — я могу быть свободен?

— Да, можешь, эту неделю ты хорошо поработал, — Гайлюс редко хвалил своих подчиненных, видимо, сегодня он услышал то, что хотел услышать.

Он протянул руку помощнику, давая понять, что разговор закончен. Когда закрылась за ним дверь, разведчик долго сидел, не шевелясь, и глядел на телефонный аппарат. «Если этот парень действительно предлагает новую методику поиска подводных лодок, о которой еще никому не известно, — рассуждал разведчик, — то в центре эта информация произведет эффект разорвавшейся бомбы. После такого успеха можно смело надеяться на повышение по службе со всеми вытекающими последствиями. Если же это подстава, то чем я рискую? Парень мог мне не говорить о том, что это военная разработка, и то, что разговор был именно об этом, никто не слышал. Опять же, не мы проявили интерес к этой методике, а матрос сам ее предложил нам. Где и как она попала к нему в руки — это не наша проблема. В результате мы ничем не рискуем. Все же надо звонить Глазову и пообщаться с его

товарищем».

Гайлюс нервно потер лоб пальцами и набрал номер телефона Андрея. Услышав в ответ знакомый голос, он, без приветствия сразу спросил:

— Где тебя черти носят? Ты долги отдавать собираешься?

— Добрый день, Лукас, — узнал голос работодателя Глазов, — я как раз сейчас работаю над одной темой, интересной для тебя, но она пока сырая, чтобы о ней говорить.

— Послушай, студент, откуда ты можешь знать, что для меня интересно, а что нет? На сегодняшний день меня интересует твой друг, которого ты приводил ко мне неделю назад. Он, кстати, еще в Москве?

— Да, а что случилось? — с тревогой в голосе спросил Глазов.

— Пока ты ничем не можешь меня удивить, я вспомнил о его предложениях. Найди мне его, и чтобы после обеда он был у меня.

Глазов почувствовал угрозу для себя в словах Гайлюса. Кажется, его опасения стали превращаться в реальность, и Лобанов действительно может создать конкуренцию его бизнесу.

— Я попробую, но его сейчас может не быть дома, — попытался выкрутиться из положения Глазов.

— Меня не интересует, где он сейчас, но если я его не увижу сегодня после обеда, то забудь ко мне дорогу. Такие деньги, как у меня, ты вряд ли где-то еще заработаешь. И не забывай о штрафных санкциях, они могут быть удвоены.

Гайлюс как начал разговор без приветствия, так и закончил его, не прощаясь. Глазов попытался еще что-то сказать в свое оправдание, но на другом конце провода зазвучали короткие гудки.

«Правильно говорила моя покойная бабушка: не делай людям добра, не будет зла», — подумал Андрей, но обратного пути уже не было. Он набрал номер телефона Лобанова и стал ждать. К счастью, тот оказался дома и ответил почти сразу.

— Сергей, я сегодня общался с Лукой. Короче, я уговорил его вновь с тобой встретиться, — выступая в роли благодетеля, соврал Глазов, — после обеда он тебя ждет с твоими предложениями.

— А он не сказал, что его заинтересовало? — настороженно спросил Сергей.

— Ну откуда же мне знать, что ты ему предлагал? — с обидой в голосе ответил школьный друг. Затем, поменяв тон, добавил: — Слушай, старик, у меня к тебе просьба. Подкинь мне какую-нибудь работенку своего отца, а то Лука на меня наехал, требует расплатиться за то, что я тебе все рассказал. А у меня, как назло, сейчас вообще ничего нет.

— О чем речь, конечно, найду. Ты ведь мне так помог, если у меня все получится, я твой должник по гроб жизни, — не скрывая радости, воскликнул Сергей.

Ровно в четырнадцать часов Лобанов стоял у дверей фирмы «Хорет». Охранник был предупрежден о его приходе и поэтому беспрепятственно пропустил к Гайлюсу.

— Добрый день, Сергей, — встретил Лобанова старший менеджер фирмы. Он вышел из-за стола и пожал руку гостю, как старому знакомому. Затем, нажав на кнопку селекторной связи, обратился к секретарю: — Мария, принесите нам две чашечки кофе.

Сергея очень удивила такая резкая смена отношения. В прошлый раз хозяин кабинета хотел сдать его в КГБ, а сейчас рассыпается в любезностях и угощает кофе. Однако такая метаморфоза вселяла надежду на удачу во втором раунд переговоров.

Через пару минут в кабинет осторожно вошла секретарь с подносом в руках. Одарив сидящих дежурной улыбкой, она поставила на стол чашки с кофе и сразу удалилась.

— Я хочу принести свои извинения за наш прошлый разговор, — начал Гайлюс, — были рабочие проблемы, не сдержался. Потом я все обдумал. Меня действительно не интересуют разработки по поиску подводных лодок. Это не мое направление. А вот если эти разработки мы сможем использовать в поиске затонувших объектов, то это то, что мне нужно. Меня давно интересует проблема поиска кораблей, затонувших в северных морях во время Второй мировой войны. Особый интерес вызывают арктические конвои, работавшие в рамках программы ленд-лиза. Тогда только Великобритания потеряла 85 торговых и 16 военных кораблей. И эти суда по сей день не найдены. Представляешь, какой будет экономический и исторический эффект, если новый метод поможет обнаружить их?! Так что у нас есть шанс внести свой вклад в развитие науки и экономики страны.

Он широко улыбнулся, обнажив идеально ровные и белые зубы.

— А теперь что ты мне можешь предложить конкретно? — с надеждой спросил Гайлюс.

После столь пафосного вступления Лобанову трудно было отвечать в том же духе, но тем не менее он попытался удержать к себе интерес со стороны руководителя фирмы:

— В прошлый раз вы меня тоже неправильно поняли. Мое предложение никак не связано со шпионажем. Я не собирался ничего похищать, я передал вам предложение самого разработчика. Дело в том, что мой командир пишет диссертацию на эту тему. Методика уже опробована на практике, и работа — в стадии завершения. Но командир уверен, что защитить эту диссертацию у него не получится, потому что в свое время он отказался от соавторства куратора в академии, — Лобанов отчасти знал процедуру написания и защиты подобных работ, поэтому импровизировал на ходу, — отказаться от продолжения он тоже не хочет. Поэтому как вариант рассматривает ее продажу другим лицам. По возрасту ему скоро уходить на пенсию, а на пенсии деньги лишними не бывают.

Лобанову собственное вранье показалось очень убедительным, и он ждал соответствующей реакции со стороны собеседника.

Гайлюс, не скрывая ухмылку, выслушал гостя, затем, внимательно осмотрев сидящего напротив молодого человека, заявил:

— И я должен поверить в эту галиматью? Командир полка, видимо, полковник по званию, в качестве компаньона никого не нашел, кроме рядового солдата или матроса, как вас там называют. Он сделал тебя своим доверенным лицом? Придумал бы что-нибудь поинтересней.

— Ничего удивительного здесь нет. Командир знает, что я из Москвы, учился в МВТУ, отец — ученый, есть связи среди ученых и аспирантов. А кому предлагать на Севере эту диссертацию? Там наука всем до фонаря, — не сдавался Лобанов. Он чувствовал, как горит у него лицо и дрожат руки, но продолжал стоять на своем.

— Хорошо, убедил, — Гайлюс помешал ложечкой сахар в чашке и сказал: — Давай диссертацию.

Сергей достал из пакета свернутые рулоны с расчетами и протянул их менеджеру фирмы.

— Что это? — с недоумением спросил Гайлюс.

— Расчеты по диссертации, — невозмутимо ответил Лобанов.

— На кой черт мне голые расчеты? Где описание работ?

— Мне поручено решить вопрос в принципе. Если у вас есть интерес к этой теме и цена устроит командира, то я привезу копию в следующий раз, — пошел ва-банк начинающий «бизнесмен».

— А ты, я вижу, не так прост, как кажешься на первый взгляд, — Гайлюс улыбнулся одними губами. — И сколько же ты, точнее, командир, хочешь за эту диссертацию.

— Пятнадцать тысяч рублей, — сразу ответил Лобанов. Для себя он просчитал, что этой суммы ему хватит на новый автомобиль, гараж и другие атрибуты роскошной жизни.

— Аппетит у твоего командира, прямо скажем, волчий.

— Я передаю его условие и только, — парировал Лобанов.

— Значит, решим так, — подводя итог, предложил Гайлюс, — ты мне приносишь половину работы, ее оценивают мои специалисты. Если разработка действительно интересная и перспективная, то ты получишь свои деньги в обмен на вторую половину. Другие варианты я не принимаю. Согласен?

— Я передам ваши условия командиру, — с достоинством ответил Сергей.

— Когда я увижу первую часть? — продолжал интересоваться разведчик.

— Я человек подневольный. Сами понимаете, что мне нужно вернуться в часть, а там, я думаю, мы с командиром решим, как передать вам первую половину.

— Хорошо. Но одно условие. В любом случае общаться мы будем только тет-а-тет, без посредников. Я не исключаю, что Глазов тебе даст телефон офиса, поэтому имей в виду, по телефону я с тобой разговаривать не буду.

— Договорились, — ответил Лобанов.

Они почти одновременно встали со своих мест и на прощание пожали друг другу руки.

Оставшись в кабинете один, Гайлюс вытащил из ящика стола салфетку, вытер ею руку и выбросил в урну. От общения с этим парнем у него остался гадкий осадок. «Почему в этом мире каждый недоумок, не способный заработать своими мозгами или руками, всегда хочет обогатиться за счет умных и талантливых, при этом считая последних дураками? — подумал он, и, улыбнувшись, задал сам себе вопрос: — Интересно, исходя из этого умозаключения, к какой категории отношусь я? Недоумков или умных и талантливых? Поневоле утвердишься во мнении, что все в этом мире относительно».

Лобанов вышел из здания фирмы окрыленный успехом, в предвкушении больших денег. Он поймал себя на мысли, что хочет поскорее вернуться в часть и получить в руки заветную диссертацию. Москва с ее развлечениями Лобанова уже не интересовала.

Через несколько дней он уже стоял на пороге баталерки и докладывал старшине о прибытии из отпуска.

— Горилку привез? — выслушав доклад, спросил старшина.

— Так точно, это вам, — Сергей открыл чемодан и протянул прапорщику долгожданную бутылку.

— А та кому? — увидев вторую, строго спросил Солоха.

— Товарищ прапорщик, ну не могу же я капитана Бондаренко обделить! Вторая — ему, — закрывая чемодан, ответил матрос.

— Святое дело. Но ни дай Бог, если сегодня с «дедами» будешь бухать, сам посажу тебя на гауптвахту, и никакой Бондаренко тебе не поможет. Не забывай: где бы ты ни служил, самый главный начальник у тебя старшина, то есть я, а все остальные — непосредственные, так гласит устав, — он снял фуражку, вытер платком лысину и продолжил:

— А теперь иди, переодевайся в робу и возвращайся в казарму. На ужин пойдешь вместе с подразделением, а то так нескоро отойдешь от отпуска.

— Есть, — ответил Лобанов и быстрым шагом направился к себе в вычислительный центр.

К своему удивлению, прибыв на место, он увидел в кабинете капитана Бондаренко. Рабочий день давно закончился, но тот, сидя на стуле, в унтах и тельняшке, мирно мастерил петли для ловли зайцев.

— Здравия желаю, товарищ капитан. Матрос Лобанов из отпуска прибыл без замечаний! — доложил недавний отпускник.

— Здравей видали, — ответил на приветствие Бондаренко. Он встал со стула, осмотрел со всех сторон Лобанова, как Тарас Бульба сына, затем протянул ему руку для приветствия и сказал: — Ты не представляешь, как я тебя ждал. Так жены мужей с боевой службы не ждут. Я все эти десять дней как проклятый до глубокой ночи здесь сидел, а в семь утра уже открывал центр. Забыл даже, как и дети выглядят. Ночью прихожу — они уже спят. Утром ухожу — они еще спят. Все ведь привыкли, что объект под твоей охраной, новый наряд на время твоего отсутствия не ввели, вот я и охранял его каждый день. Так что ты располагайся, поговорим завтра. Я хоть в каком веке домой как белый человек приду.

Он быстро накинул меховую куртку и стал застегивать молнию.

— Владимир Федорович, это вам, — протянул бутылку водки Лобанов своему начальнику.

— Во! «Посольская»! Я с этим «сухим законом» забыл, что такая есть. Спасибо большое, будет что на новогодний стол поставить, а то от «шила» у меня уже изжога началась, — капитан быстро спрятал ценный подарок за пазуху и бравой походкой поспешил в сторону жилых домов.

После возвращения из отпуска Сергею было трудно адаптироваться на старом месте. После домашней постели диван в кабинете казался несравнимо жестким, флотская пища — безвкусной, а полярная ночь вызывала хандру и депрессию. Учитывая все это, Лобанов в первое утро проснулся абсолютно разбитым. После девяти утра на вычислительный центр пришли сотрудники, чуть позже появился начальник. Бондаренко пришел в хорошем настроении и, раздав всем указания, вызвал к себе Лобанова.

— Итак, молодой человек, настраивайся на рабочий лад. Ты сделал то, что приказывал командир? — без раскочки спросил капитан.

— Конечно, сейчас принесу, — через минуту Сергей передал начальнику пакет с дискетой и старыми расчетами.

— Отлично, перед обедом, когда командир вернется с аэродрома, я возьму у него

тетрадь, а ты опять сделай ему расчеты.

— Как скажете, товарищ капитан, — ответил матрос.

К полудню Бондаренко принес обещанную работу. Он сунул тетрадь Сергею и, оглянувшись по сторонам, сказал:

— Пока все будут на обеде, сделай, чтобы никто не видел, а то бабы уже мне задавали дурные вопросы, что мы там считаем. Ни дай Бог еще особисту стукнут, потом хлопот не оберешься.

Бондаренко еще с минуту постоял возле Лобанова в надежде, что тот, возможно, что-то спросит, но, так и не дождавшись, выдвинулся на обед. В зимнее время обеденный перерыв в гарнизоне длился два с половиной часа, таким образом командование давало возможность людям в полярную ночь поспать днем. Не теряя времени даром, Лобанов закрыл вычислительный центр на ключ изнутри. Затем на щитовой выключил электрические пробки, на которые была запитана ЭВМ, а сам вернулся в свою комнату и стал быстро переписывать диссертацию в заранее приготовленную чистую тетрадь. Многие термины и понятия для него были незнакомы, поэтому он не очень задумывался над текстом, а скорее бездумно переписывал содержание диссертации. Незаметно пролетело время обеденного перерыва, от тайного занятия его отвлек стук в дверь. Лобанов быстро спрятал тетрадь в диван и пошел открывать.

— Ты что там делал? Почему закрылся? — спросил удивленный Бондаренко.

— Как почему? Из соображений режима секретности. Тетрадь секретная, я один здесь. Мало ли кто зайдет, — невозмутимо ответил боец.

Капитан подозрительно посмотрел на матроса, но от комментариев воздержался.

— Сделал расчеты? — строго спросил он подчиненного, пристально глядя ему в глаза.

— Никак нет, товарищ капитан, — с оправдательными нотками в голосе ответил матрос, — не знаю, что случилось, но машина не включается. В мое отсутствие на ней работали?

— А ты думаешь, ты такой незаменимый, что ее без тебя не включали? Она еще вчера вечером работала. Мы на ней плановые таблицы печатали, — Бондаренко ходил вокруг машины, как будто искал внешние повреждения. Потом хаотично стал нажимать на все кнопки подряд, но машина признаков жизни не подавала.

— Неси документацию на нее, будем разбираться, — скомандовал он, обращаясь к Лобанову.

— Товарищ, капитан, мне бы на обед сходить, — виновато произнес матрос.

Бондаренко посмотрел на часы: обеденное время уже закончилось, и столовая закрылась. Однако оставлять матроса без обеда в войсках считалось и считается дурным тоном. Не даром родилась поговорка «Война войной, а обед — по распорядку». Капитан позвонил в солдатскую столовую и попросил позвать к телефону свою жену. Вопрос с обедом был решен в течение нескольких секунд.

— Дуй в столовую, моя жена тебя покормит — и пулей обратно, а то, боюсь, с этой машиной сам не разберешься, — не отрываясь от машины, сказал Бондаренко.

Когда Лобанов вернулся с обеда, капитан почти полностью разобрал корпус машины.

Увидев его, офицер вытер пот с лица, сел на табурет и сказал подчиненному:

— Сходи к электрикам, возьми у них тестер, нужно прозвонить линию. Мне кажется, тут что-то с проводкой.

К концу дня бывший техник по радиоэлектронному оборудованию наконец нашел

неисправность.

— Что значит — ушел с аэродрома, начинаю деградировать как специалист, — констатировал он, — раньше, когда были неисправности на технике, всегда проверял, в первую очередь, предохранители, а потом все остальное. А тут начал в обратной последовательности. Я даже не додумался поверить пробки.

Старому капитану было немного стыдно перед молодым парнем за то, что он не смог сразу выявить такую мелочную неисправность. Лобанову в свою очередь было стыдно перед капитаном за этот обман. Однако себя он успокаивал тем, что цель оправдывает средства. А своей цели на данном этапе он достиг. Часть диссертации он сумел перенести себе в тетрадь. Однако большую часть предстояло еще сделать.

— Владимир Федорович, а когда нужно вернуть командиру работу? — спросил Лобанов, намекая на окончание рабочего дня.

— Черт, — выругался капитан, — мне пора уже возвращать тетрадь, а мы еще ничего не сделали.

— Может, не будем ломать копыя? Скажите командиру, что была проблема с проводкой и все сделаем завтра. Он же никуда не спешит? — предложил Сергей.

— Завтра строевой смотр, вряд ли получится, — возразил Бондаренко.

— А вы договоритесь с ним взять тетрадь до начала смотра, а я спокойно все сделаю, пока мне никто не будет мешать, — продолжал высказывать свои предложения матрос.

Капитан почесал затылок, немного подумал и согласился:

— Другого выхода нет. Если б ты знал, как я не люблю ходить к командиру.

На следующий день Бондаренко появился в вычислительном центре в восемь часов утра. Лобанов впервые увидел его в черной морской шинели, отглаженных брюках и начищенных ботинках. Сам же офицер, привыкший к комбинезону, куртке и унтам, чувствовал себя как не в своей тарелке. Ему казалось, что в этом виде он выглядит смешно. Поэтому, увидев удивление в глазах матроса, не стал ждать его реакции, а отдал ему тетрадь и быстро удалился.

В этот раз Лобанов сначала произвел расчеты, а затем заперся в комнате и продолжил переписывать работу. Строевой смотр в части затянулся до обеда, поэтому начальник вычислительного центра прибыл на объект во второй половине дня уже сытым, выспавшимся и переодетым. За это время Сергей закончил свое дело и спрятал копию диссертации под диван.

Теперь перед Лобановым встала новая задача: нужно было как-то передать часть диссертации в Москву и не просто передать, а лично приехать. С этим было сложнее, второй отпуск в течение службы для «срочников» не практиковался в войсках. Хотя лазейки оставались. Можно было вне очереди пойти в отпуск по семейным обстоятельствам. В данном случае кто-то из близких родственников должен был лечь в больницу с тяжелым заболеванием. В связи с этим в часть должна прийти телеграмма, заверенная главврачом. Но как об этом просить родителей? Они честно прожили жизнь и не привыкли никого обманывать. Второй вопрос: как он объяснит родителям необходимость приезда в Москву?

А тем временем уже наступил 1990 год. В первых числах февраля в полдень на горизонте уже на несколько минут выглядывало солнце. Это были самые яркие и долгожданные дни для северян. Жизнь возрождалась.

Полковник Шкилев торопился закончить работу над своей диссертацией, так как летом предстояла ее защита. К этому времени в режимно-секретном отделе штаба ВВС появился

первый компьютер, и им можно было бы вполне официально пользоваться, если бы ни одно «но»... Официально полковник Шкилев не был слушателем аспирантуры. Поэтому все технические вопросы с защитой диссертации ему еще предстояло решить в академии. Командованию ВВС флота ничего не было известно о его научной деятельности, да и в тот момент упоминать о работе над ней было нецелесообразно. Дело в том, что в январе в полку произошла авиакатастрофа. Вертолет, перевозивший летчиков на корабль для производства полетов, упал в море, не долетев до базы пятисот метров. Из трех членов экипажа и десяти пассажиров спастись удалось всего троим. Такой потери гарнизон не знал со времен Отечественной войны. Если бы в этот момент вышестоящее командование узнало, что Шкилев работает над диссертацией, его однозначно обвинили бы в самоустранении от своих служебных обязанностей и, как следствие, в гибели людей и техники. Хотя как командир полка он был на своем месте. Все прекрасно понимали, что главная причина авиакатастроф — недостаточное финансирование, в результате которого страдает как профессиональная подготовка летного состава, так и состояние техники, но говорить об этом вслух никто не решался. Вывод следственной комиссии по расследованию происшествия был стандартным: ошибка руководителя полетов и отказ техники. После двух катастроф в течение полугода вопрос прибывания полковника Шкилева в должности командира был вопросом времени, и он это прекрасно понимал. Но, как военный человек, оставлять службу не желал и поэтому видел для себя единственный выход в переходе на преподавательскую работу. Для этого нужно было успеть в сжатые сроки завершить работу над диссертацией. Как ни странно, но «палочкой-выручалочкой» в этой ситуации для него оставался матрос Лобанов. Их сотрудничество протекало без проблем, а расширять круг лиц, осведомленных в научной деятельности командира, было небезопасно. Последний, в свою очередь, продолжал переносить к себе в тетрадь новые главы командирской разработки, уже не особо заботясь о конспирации. При этом его волновал только один вопрос — успеет ли Шкилев закончить работу до его увольнения в запас. Служить Лобанову оставалось считанные месяцы.

Накануне двадцать третьего февраля на вычислительный центр пришел капитан Бондаренко несколько озадаченным. Не дослушав до конца доклад матроса, он сказал:

— Сейчас приведи себя в божеский вид, погладь форму, надень бушлат, и чтобы в десять часов был в кабинете у командира полка. Вопросы есть?

— Так точно. А зачем? — взволнованно спросил он.

— Извини, но мне командир не докладывает, — с раздражением ответил капитан. — Может, ты крайний раз что-то напортачил с расчетами?

— А что я мог напортачить? Считаю ведь не я, а машина.

— Лобанов, заканчивай демагогию и бегом к командиру, — отмахнулся от него, как от назойливой мухи, Бондаренко.

Ровно в десять часов матрос вошел в кабинет полковника Шкилева.

— Товарищ полковник, матрос Лобанов по вашему приказанию прибыл, — дрожащим от волнения голосом доложил он о прибытии.

— Здравствуй, Лобанов, — поздоровался командир с подчиненным, — есть желание еще раз съездить в отпуск?

— Так я же недавно был, — запинаясь, вымолвил матрос.

— Да, знаю, знаю. Дело в том, что мне нужно еще раз перенести расчеты на дискету, так как «портянок» собралось много, — командир имел ввиду рулоны бумаги с распечатками, — хочу от них освободиться. Сможешь еще раз сделать?

— Так точно.

— Тогда поступим так, отпуск у тебя будет всего на пять дней. Чтобы не нарушать законодательство, завтра пойдешь в увольнение. На переговорном пункте позвони родителям и договорись, чтобы тебе сделали задним числом больничный, якобы во время первого отпуска ты заболел. В этом случае командованию разрешено продлить отпуск на период болезни. В твоём случае ты получишь дополнительный отпуск на пять дней, включая дорогу. В Москве ты сделаешь все, как в прошлый раз. Дорогу я тебе оплачу, но отпускные — извини, это ты уже сам. Вариант подходит?

— Так точно, — едва скрывая радость, ответил Лобанов.

Он вышел из кабинета командира переполненный счастьем. О таком повороте событий нельзя было даже мечтать.

Через два дня Лобанов с рукописной копией первой части диссертации и распечатками расчетов стоял на пороге совместного советско-норвежского предприятия «Хорет». Лукас Гайлюс в это время выехал из офиса, и Сергею пришлось его прождать несколько часов. Звонить по телефону в офис было бесполезно, так как у них была достигнута договоренность только о личных контактах. К концу дня «старший менеджер» вернулся и был крайне удивлен, увидев на пороге «старого знакомого».

— Честно сказать, я не был уверен, что после нашего последнего разговора мы вновь увидимся, — приглашая в кабинет Лобанова, сказал Гайлюс. Он снял пальто, перед зеркалом поправил волосы, тщательно себя осмотрел и, оставшись довольным, сел в кресло. На этот раз он не предлагал гостю ни кофе, ни других напитков, а сразу перешел к делу.

— Вы принесли мне то, о чем мы договаривались? — официально начал разговор Гайлюс.

— Конечно, — ответил Лобанов и протянул собеседнику пакет с документами.

Хозяин кабинета взял в руки тетрадь и стал читать ее содержимое. Увидев неуверенный, но красивый почерк, каким была написана копия, он усмехнулся, но промолчал. Его предположение о том, что командир полка не имеет понятия о судьбе своей работы, уже не вызывало сомнений. Но это уже было и не важно. Прочитав несколько страниц, он был теперь также уверен, что труд подлинный. Судя по специфическим терминам и оборотам, было видно, что работу писал профессионал в этой области. Гайлюс почувствовал, как учащенно забилося его сердце. Его надежды оправдались. Однако, не выражая своего восторга, он безразлично закрыл тетрадь, а затем, посмотрев на Лобанова уставшим взглядом, произнес:

— Эту писанину я отдам своим технарям, если здесь действительно есть что-то ценное, то наши прежние договоренности останутся в силе. Если это бред, то нам лучше больше не встречаться. Я очень дорожу своим временем, чтобы тратить его попусту.

— А как я узнаю, о вашем решении? Мне послезавтра нужно возвращаться в часть, — спросил Лобанов.

— О том, что я тебя хочу видеть, тебе сообщит твой друг. Но запомни: наша встреча состоится только в том случае, когда ты появишься здесь со второй половиной работы. В противном случае тебя охрана даже не пустит в офис.

— Я это понимаю, — ответил парень.

— Ко мне еще есть вопросы? — откинувшись в кресле, спросил руководитель фирмы.

— Да, мне нужно расчеты по диссертации перенести на дискету, — не столько попросил, сколько констатировал Лобанов.

— И, конечно, на нашу дискету, — язвительным тоном уточнил Гайлюс.

— Если вас не затруднит, — улыбнувшись, ответил посетитель.

Вечером того же дня первая часть диссертации полковника Шкилева лежала на столе военного атташе посольства Норвегии в Москве. А через три дня матрос Лобанов вернулся в часть и, нарушая все представления о субординации, первым делом направился в кабинет командира полка.

— Товарищ полковник, матрос Лобанов из отпуска прибыл, — доложил он и сразу протянул командиру дискету и медицинскую справку.

Полковник бросил удивленный взгляд на вошедшего матроса, затем вновь опустил глаза в папку с документами, уже не глядя на него, произнес:

— Лобанов, тебе не кажется, что докладывать ты должен не мне, а своему старшине? Если бы я не был заинтересован в твоём приезде, то отсюда ты вышел бы напрямиком на гауптвахту. Поэтому спасибо за дискету и ступай с глаз моих. Солохе я передам указание, чтобы перед дембелем вплотную занялся с тобой изучением уставов, а то распустил тебя Бондаренко в вычислительном центре.

Лобанов вышел из кабинета полковника Шкилева в подавленном состоянии. Изменение отношения командира к себе он воспринял как утрату дальнейшей надобности, а для завершения успеха ему не хватало лишь завершающей части работы.

Невероятно долго тянулись дни ожидания для Игоря Чернова. Он занимался своей обычной повседневной работой, но при каждом докладе Можайскому как бы между прочим интересовался судьбой запросов в отношении Шкилева и Лобанова. И вот наконец настал долгожданный час, когда начальник сам позвонил подчиненному и потребовал срочно прибыть в отдел.

— Итак, коллега, — Можайский пожал руку вошедшему капитану Чернову и предложил присесть, показывая на свободный стул, — наконец-то пришли ответы на наши запросы. Что касается Шкилева, то по всем местам службы он характеризуется положительно. Хоть к Звезде Героя представляй. По академии имени Гречко тоже ответили, что тему диссертации он заявил, но саму диссертацию по сей день никто не видел. Видимо, поэтому он не «всплыл», когда информацию об утечке наши товарищи проверяли по учебным заведениям. Можешь взглянуть, — Можайский протянул Чернову шифртелеграммы из Москвы.

— Теперь, что касается нашего матросика. Ты хорошо сидишь? — сохраняя интригу в голосе, обратился он к Игорю.

— Судя по вашему тону, мне нужно бежать в магазин, — в ответ пошутил капитан.

— Теоретически да, но для начала послушай, — Можайский разложил бумаги на столе, видимо, по степени значимости. Затем, продолжая загадочно смотреть на Игоря, продолжил: — Наш медалист-отличник, по данным Информационного центра МВД привлекался к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков, однако решения по делу нет.

— Что это значит? — уточнил Чернов.

— Это стандартная фраза для ИЦ МВД. Означает она, что решения суда по делу нет ввиду отсутствия состава преступления или события преступления. Следовательно его или «отмазали», или использовали втемную. Но то, что он был замешан в криминал, — это факт.

Этот факт подтверждается ответом из 5-го отдела Управления КГБ СССР по городу Москве и Московской области. Однако их негласными источниками он характеризуется положительно. Дальше — больше. 6-м отделом оперативно-технического управления в ходе перлюстрации корреспонденции было перехвачено письмо Лобанова некому Глазову Андрею, в котором идет речь о какой-то второй части диссертации, видимо, имеется ввиду диссертация Шкилева. Учитывая мою личную просьбу, мои бывшие сослуживцы по прежнему месту работы проверили и этого персонажа. Так вот, Глазов Андрей проходит по учетам 7-й службы того же управления как связь некого Лукаса Гайлюса, 1954 года рождения, гражданина Норвегии, подозреваемого в причастности к спецслужбам Норвегии. Сам он этнический латыш, его родители эмигрировали в 1940 году сначала в Финляндию, а потом, во время войны, — в Норвегию. В настоящее время он постоянно проживает в Москве и возглавляет там офис советско-норвежского совместного предприятия «Хорет». Согласно учредительным документам, фирма занимается коммерческой деятельностью, но, по материалам наших коллег, причастна к промышленному шпионажу. Теперь все.

Подполковник собрал все документы в папку и испытующе посмотрел на Игоря.

— Что скажешь? — довольный произведенным эффектом, спросил он.

— Где-то так я и предполагал, но, признаться, не до такой степени, — ответил обескураженный Чернов, — надеюсь, сейчас мы сможем уведомить в отношении Лобанова

военную прокуратуру и провести изъятие документов в его каморке.

— Нет, — спокойно ответил Можайский, — сейчас мы должны сделать то, о чем я говорил ранее. Во-первых, необходимо срочно получить образец почерка Лобанова, для того чтобы подтвердить, что копия диссертации написана его рукой. Во-вторых, нужно на время изъять эту копию из комнаты Лобанова и получить официальное заключение о степени секретности ее содержания. Но самое главное, нужно все сделать так, чтобы никто ни о чем не догадался. И в первую очередь, чтобы ничего не заподозрил сам матрос. Если ты его спугнешь и он все перепрячет или, что еще хуже, уничтожит, то вместо ожидаемого «майора» ты сможешь опять начать карьеру с самого начала. А я думаю, что носить погоны старшего лейтенанта повторно — не очень приятная перспектива. Так что, Игорь, принимай решение на месте сам, на то ты и опер. В гарнизоне я уже ничем не смогу тебе помочь. Можешь не ставить меня в известность о своих действиях. Я готов на все закрыть глаза, цель оправдывает средства. Для меня важен конечный результат.

Он по-отечески посмотрел Игорю в глаза, улыбнулся и протянул руку, давая понять, что время для разговоров закончено и пора действовать.

Чернов вышел из кабинета начальника в приподнятом настроении. За окнами был май, и в воздухе чувствовалось приближение весны. Конечно, по календарю весна была в своей завершающей стадии, но здесь, в Заполярье, только кое-где начинал таять снег. Игорь не стал ждать автобус в сторону гарнизона, а решил пройтись пешком, чтобы спокойно обдумать свои дальнейшие действия. Он шел, наслаждаясь майским воздухом и весенним солнцем. Дело по Лобанову казалось ему практически закрытым, если не считать технических мелочей. Получить образец почерка проблем не составляло, достаточно взять у Солохи автобиографии всех матросов. Старшине не обязательно знать, чье именно личное дело интересует особиста. Тем более что к концу дня он сможет вернуть документы обратно. С получением копии диссертации особых сложностей тоже не должно возникнуть. Достаточно предложить капитану Бондаренко выпить после работы, так он сам отправит Лобанова в казарму. Там можно будет выждать момент, когда тот выйдет в туалет, и вытащить тетрадь из-под дивана. Времени на это уйдет максимум минута, а на следующий день можно будет по ходу что-то придумать, чтобы вернуть копию на место.

Однако уединиться со своими мыслями и насладиться природой Чернову не удалось. Стоило ему выйти на трассу, как минут через пять рядом с ним остановился «УАЗ» инженера полка.

— Ты что, пешком собрался до гарнизона идти? — улыбаясь, спросил подполковник Войтенко. — Садись в машину. У нас пешком по трассе ходить опасно, водители все военные, а потому безбашенные, плюс дорога скользкая. Не равен час, собьют по неопытности, потом ищи-свищи опера.

Чернов уселся на заднее сидение автомобиля и расстегнул шинель. В салоне было тепло и уютно. Видимо, водитель долго ждал своего начальника и не выключал двигатель.

— А вы, Алексей Сергеевич, какими судьбами оказались в штабе ВВС? — больше ради поддержания разговора, чем ради интереса, спросил Чернов инженера полка.

— Возил в инженерный отдел акты на списание затонувшей техники, — равнодушно ответил тот.

Авиакатастрофы с падением вертолетов в море были далеко не редким явлением в гарнизоне, поэтому и воспринимались они относительно спокойно.

— А что, нельзя их поднять со дна и восстановить? — спросил капитан.

Подполковник оглянулся через плечо на оперуполномоченного и снисходительно улыбнулся.

— Теоретически, конечно, можно, — ответил он, а затем, выдержав паузу, добавил: — Если бы глубина Баренцева моря была как у вас, в Азовском.

Как и все коренные северяне, Войтенко тоже считал необходимым лишний раз отметить, в каком суровом крае прослужил службу он в сравнении с курортным регионом, откуда прибыл Чернов. Игорь никак не отреагировал на эту колкость, а продолжал внимательно слушать инженера. А тот в свою очередь продолжал:

— У нас в море глубина в некоторых местах достигает шестисот метров. Это хорошо, если вертолет упадет возле берега, его водолазы смогут найти и провести необходимые подводные работы. А если на глубине? Во-первых, его давлением может раздавить. Во-вторых, даже если он будет на глубине ста или двухсот метров, кто его будет искать и поднимать? Для этого нужна глубинная техника. И, в-третьих, установить координаты падения не сложно, но нужно учитывать подводные течения. Через сутки вертолет может оказаться в нескольких милях от места падения. Использовать батискаф — удовольствие не из дешевых, поэтому нам гораздо проще и дешевле списать вертолет, чем его поднимать, а потом восстанавливать.

Немного подумав, Войтенко опять повернулся лицом к Игорю и уже другим тоном добавил:

— Есть еще и четвертый фактор. Летчики — народ суеверный. Как ты думаешь, кто-то захочет летать на вертолете, который упал в море?

Он усмехнулся, цокнул языком и продолжил:

— То-то же, затонувший вертолет, как затонувший корабль, обречен на гибель. Например, возьми судьбу парохода «Адмирал Нахимов». До того как стать «Нахимовым», он имел название «Берлин» и использовался вермахтом как транспортное и госпитальное судно. В январе 1945 года был торпедирован нашими катерами и окончательно подорвался на своей же mine на траверзе порта Данциг. Он затонул и только в 1947 году был поднят и восстановлен в Германии. В 1986 году он столкнулся с сухогрузом в Черном море и опять затонул.

Аналогичная судьба у крейсера «Варяг». Его после затопления подняли японцы, потом вернули царской России. Затем отправили в Англию на ремонт, но при буксировке он сел на мель, и, в конечном счете, ничего не оставалось делать, как его распилить на металлолом. Так что не будут летчики летать на поднятом со дна моря вертолете. Нет, не будут.

Войтенко поправил фуражку и погрузился в свои мысли.

Так, за интересной беседой, незаметно пролетело время в пути, и «УАЗ» подъехал к штабу полка. Игорь вылез из автомобиля, поблагодарил инженера и направился в казарму.

Прапорщик Солоха, как всегда, сидел в баталерке и сосредоточенно считал простыни. Увидев, Чернова, он вскочил с места и подбежал к нему:

— Старшина полка прапорщик Солоха, — представился он. — Здравия бажаю, товариш капитан. Что-то вы не больно жалуете земляков. В гости не заходите, а ведь обещали с бойцами воспитательную работу провести.

Для старшины земляками были все, кто прибыл на Север с Украины, причем неважно из какой области.

— Александр Николаевич, я свои обещания помню. Вот как раз сейчас и зашел для того, чтобы изучить личные дела матросов, а потом, с кем посчитаете нужным, пообщаюсь

индивидуально, — на ходу сориентировался Чернов. — Вы мне дайте на денек-другой личные дела матросов, я их у себя изучу и сразу вам верну.

— Не получится, — почесав лысину, ответил старшина. — Вы же в курсе, в полк приехал новый замполит, так он забрал все документы на матросов для ознакомления. Третий день уже у себя держит.

Он виновато посмотрел на сотрудника Особого отдела и высказал предложение:

— А может, давайте я расскажу все, что вам нужно, про тех, с кем надо пообщаться. Я ведь обо всех все знаю. Что вам дадут те бумаги?

— Нет, — решительно ответил капитан, — я привык сначала ознакомиться с личным делом человека, а потом уже идти с ним на контакт.

— Понимаю, — многозначительно сказал прапорщик, — я тоже привык верить документам, а не словам. Тогда давайте я вам позвоню, когда замполит вернет личные дела?

— Не стоит волноваться, я сам зайду к замполиту, заодно познакомлюсь с ним и заберу у него бумаги, — успокоил «земляка» Игорь.

На прощание они любезно пожали друг другу руки, и Чернов направился в штаб.

Подойдя к двери кабинета заместителя командира полка по политической части, Игорь громко постучал, но никто не ответил. Он толкнул дверь, но она оказалась заперта.

— Не ломись, нет его, — услышал он за спиной знакомый голос майора Сизова. Тот шел по коридору с папиросой во рту и рулоном ватмана в руках. — По семейным обстоятельствам он в отпуске. За семьей поехал в Лахту и заодно контейнер отправить. А у тебя что-то срочное?

— Нет, — ответил Игорь, — просто закрутился, не успел с ним познакомиться.

— Не волнуйся, через неделю он вернется, сам к тебе прибежит, замполиты без вашего брата жить не могут. Так что еще неизвестно, кто первый должен знакомиться.

Сизов ухмыльнулся, обнажив желтые зубы, и вальяжной походкой направился в свой кабинет.

На следующий день Чернов до обеда просидел в своем кабинете, обдумывая дальнейший план действий. К сожалению, никаких серьезных идей в голову не приходило, и он решил действовать по обстановке. Ближе к обеду он отправился в вычислительный центр. Простояв около сорока минут за капониром и наблюдая за входной дверью, Чернов наконец дождался, когда Лобанов вышел из здания и направился на обед. Игорь выждал еще пару минут и ускоренным шагом пошел к Бондаренко. Тот сидел в своем кабинете, пил чай и читал книгу. Чтобы не закрывать вычислительный центр, они с Лобановым ходили на обед по очереди.

Увидев вошедшего Чернова, трясущегося от холода, старый капитан удивленно спросил:

— Ты откуда такой замороженный?

— С аэродрома иду, как назло не одной попутной машины не было. Можно я у тебя погреюсь? — Игорь сам не заметил, как перешел с Бондаренко на «ты».

— Да ради Бога! Давай я тебе чаю налью. У меня жена его на травах настаивает. Бьюсь об заклад, такого чая ты никогда не пил.

Не дожидаясь ответа, он взял чистый стакан и налил туда янтарную жидкость из термоса. Чай действительно оказался очень вкусным и очень сладким. Видимо, изначально туда добавили еще и мед. Чернов сделал несколько глотков и почувствовал, как тепло стало растекаться по всему телу. Он откинулся на спинку стула и расстегнул шинель. Владимир Федорович молча смотрел на гостя и ждал, когда тот заговорит. Обоюдное молчание

затянулось. Первым нарушил тишину хозяин кабинета:

— Ну, рассказывай, какая нужда тебя привела ко мне? В жизни не поверю, что ты просто так зашел погреться, не дойдя до дома пятисот метров.

— Ну, конечно, не просто так, — начал на ходу импровизировать Игорь, — я ведь шел на обед и вспомнил твое сало. У меня до сих пор во рту стоит его привкус. Ничего подобного в своей жизни я никогда не пробовал. Дело в том, что на паек в этом месяце я получил свинину, а там много сала. Хочу сделать по твоему рецепту.

Бондаренко довольно заулыбался, потом нехотя почесал подбородок и произнес:

— Вообще-то я своих кулинарных секретов никому не раскрываю, но если тебе так понравилось, то запоминай. Хотя, — он сделал многозначительную паузу, — такого как у меня, у тебя все равно никогда не получится.

— Это почему же? — возмутился Игорь.

— Потому что рецепт приготовления — это полдела. Весь секрет в самом сале. Для того чтобы оно было нежным и мягким, нужно выбирать сало без прожилок, капилляров и обязательно чтобы оно было белым, а не розовым. И выбирать его нужно спичкой. Если спичка мягко заходит в сало, значит, это то, что нужно. Если спичка проходит туго, то как ты этот шмат не соли, жеваться он не будет. Слушай дальше. Даже если ты выбрал сало правильно, то перед тем как солить, его нужно вымочить в огуречном рассоле, чтобы корочка не дубела.

Бондаренко «сел на своего конька» и начал рассказывать все варианты засолки и маринада сала. В этом вопросе он был настоящим профессионалом и явно хотел удивить гостя многообразием известных ему рецептов. Чернов в свою очередь уже не слушал своего консультанта, а думал о другом. Прошел уже почти час общения. Бондаренко только при нем выпил два стакана чаю, а в туалет так ни разу и не вышел. «Видимо, легко добраться до копии диссертации тоже не получится», — подумал Чернов.

— Ты меня слушаешь или нет? — отвлек его от своих мыслей собеседник.

— Федорович, конечно, слушаю. Я и не думал раньше, что в приготовлении сала может быть столько нюансов, — польстил ему Игорь.

— Это еще что, — довольный Бондаренко поднял указательный палец вверх, — я тебе сейчас расскажу, как в наших условиях можно делать солонину. Язык проглотишь!

В этот момент с обеда вернулся Лобанов. Он удивленно посмотрел на беседующих офицеров и, приложив руку к головному убору в знак приветствия, быстро скрылся в своей каморке.

— Федорович, — перебил Игорь рассказчика, — давай ты мне потом расскажешь рецепт солонины, а то на голодный желудок слушать о таких изысках у меня уже нет сил.

Бондаренко в ответ засмеялся и снисходительным тоном добавил:

— Ладно, иди обедай. Я тоже скоро пойду. Когда сало сделаешь, принеси попробовать, посмотрим, у кого вкуснее получается.

— Обязательно, — ответил Игорь.

Он встал, не торопясь, застегнул шинель и, попрощавшись с начальником вычислительного центра, направился домой.

Ситуация приняла неожиданный для Игоря оборот; то, что, как он предполагал, сделать легко и просто, превращалось в сложную задачу. Получить образец почерка и изъять копию диссертации оказалось прямо-таки проблемой. Тогда капитан принял решение «надеть фуражку»: в Особых отделах так называли метод, когда нужно воздействовать на

военнослужащего не ведомственной принадлежностью, а силой своих погон.

Вечером он зашел домой, чтобы поужинать и переодеться в меховую куртку. Жена уже не задавала мужу лишних вопросов, почему вечером он уходит. Она привыкла, что у Игоря основная работа начинается тогда, когда у всех нормальных людей заканчивается.

Чернов обошел здание вычислительного центра вокруг и спрятался в темноте напротив окна комнаты, в которой находился Лобанов. Там горел свет. Ждать пришлось достаточно долго. Около двадцати одного часа в комнате погас свет. Еще через минуту из здания вышел матрос и направился в сторону казарм. Вот тут капитан Чернов вышел из своей засады и пошел к нему навстречу. Поравнявшись с ним, Игорь собрал весь металл в голосе и произнес:

— Товарищ матрос, вы почему не приветствуете офицера?

— Так вы же в куртке, откуда мне знать, что вы офицер?

— Да будь я хоть прапорщик, вы обязаны приветствовать всех старших по званию. Как ваша фамилия? Из какого подразделения?

— Матрос Лобанов. Вертолетный противолодочный полк, — испуганным голосом ответил матрос, неуклюже прикладывая руку к головному убору. Он стоял, придерживая второй рукой край бушлата.

— Что вы там прячете? — заметив оттопыренную полу, спросил капитан и пощупал то место, которое прикрывал Лобанов. Под бушлатом был какой-то предмет. — Немедленно покажите мне, что там у вас.

Боец нехотя вытащил из-за пазухи бутылку, закрытую полиэтиленовой пробкой. Офицер открыл ее и, даже не нюхая, понял, что там спирт.

— Ну и куда ты ее нес? — не унимался Чернов.

— В казарме телевизор сломался, нужно было протереть контакты, — ответил матрос.

— Эту лапшу ты на уши своим командирам вешать будешь, — капитан положил бутылку в карман куртки и скомандовал: — Следуйте за мной, матрос Лобанов.

Игорь зашел в свой кабинет, снял куртку и повесил ее на спинку стула. Затем, сев за рабочий стол, рукой указал Лобанову на свободный стул. Тот, понурив голову, не снимая шапки, сел. Чернов положил перед матросом лист бумаги и сунул в руки авторучку:

— А теперь пиши на мое имя объяснительную, где ты украл спирт, для каких целей и куда нес. Надеюсь, ты понимаешь, где ты находишься? Поэтому не советую ваньку валять, а пиши чистосердечно все, как было.

Матрос тяжело вздохнул и, не задавая никаких вопросов, начал писать, тщательно обдумывая каждое предложение. Тем временем Игорь открыл сейф и спрятал туда так называемый вещдок. Через несколько минут Лобанов передал объяснительную записку оперработнику. Тот быстро пробежал по ней глазами и отправил ее вслед за бутылкой спирта. Затем, закрыв и опечатав сейф, уже спокойным тоном сказал:

— Можете быть свободны, товарищ матрос, и передайте своему командиру, чтобы сообщил мне о принятых в отношении вас мерах.

Матрос отдал честь и пулей выскочил из кабинета.

Игорь удовлетворенно откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Образец почерка подозреваемого он получил. Осталось выполнить вторую часть задачи — изъять копию диссертации. В этом случае, учитывая новые обстоятельства, у опера появился новый план.

Утром, как только Чернов зашел в кабинет, сразу зазвонил телефон.

— Слушаю вас, — ответил Игорь.

— Капитан Бондаренко беспокоит. Разрешите к вам сейчас зайти, — раздался встревоженный голос на другом конце провода.

— Владимир Федорович, я догадываюсь, по какому вопросу вы хотите со мной поговорить, но я сейчас занят. Если вы не против, я сам зайду к вам в обед. Надеюсь, вы уже придумали, как наказать своего подчиненного, — степенно ответил Чернов.

— С этим у нас строго, он уже сегодня заступит в караул, со старшиной я договорился, — отрапортовал Бондаренко.

— Федорович, не волнуйся, все нормально, я никому о вчерашнем докладывать не буду, — опять перешел с официального на обыденный тон Игорь.

— Хорошо, я буду ждать, — немного успокоившись, ответил Бондаренко.

Дождавшись обеда, Чернов положил бутылку со спиртом в «дипломат», а затем вытащил из стола упаковку таблеток «Фуросемид». К тридцати годам Игорь начал поправляться, особенно после зимы. Поэтому периодически использовал это мочегонное средство в борьбе с лишним весом. Он вытащил из упаковки две таблетки, размял их в порошок и пересыпал в маленький кулечек, который затем спрятал во внутренний карман. Так, проверив все необходимое для продуктивной встречи, он пошел в вычислительный центр.

Бондаренко ждал его в полной готовности. Он даже вышел на крыльцо в ожидании гостя. Когда Игорь зашел к нему в кабинет, на столе стояли тарелки с нарезанным салом, солеными груздями и банкой тушенки.

— Прощу к столу, — произнес гостеприимный хозяин.

Чернов демонстративно открыл портфель и поставил на стол бутылку со спиртом.

— Возвращаю трофей законному хозяину, — сказал он.

— Спасибо тебе, Игорь, а я голову ломал, куда спирт у меня девается? Испаряется, что ли? — стал возмущаться Бондаренко.

— Ну, ты все на бойца не вали, в прошлый раз мы тоже немало «шила» вдвоем испарили, — возразил ему опер.

— Мы — это не в счет, «испаряли» мы представительские расходы, а он спер то, что я на аппаратуру получаю, — продолжал возмущаться старый капитан.

— Федорович, у меня предложение, — начал Игорь, — давай застолье перенесем на вечер, а то ко мне грозился шеф заехать. А сейчас, если есть, лучше чайку твоего попьем.

Бондаренко довольно улыбнулся и стал убирать тарелки в стол.

— Вижу, зацепил тебя мой чаек. Я же говорил, что ты такого нигде не отведаешь. Только моя жена умеет такой чай заваривать.

Он достал из-под стола термос и стал разливать чай по стаканам. Затем, подвинув, стакан поближе к Чернову, серьезно спросил:

— Так где ты моего «орла» поймал?

Игорь посмотрел по сторонам и, перейдя на полусшепот, спросил:

— В здании кто-то есть или все уже на обед ушли?

— Да вроде бы никого.

— Выгляни, посмотри, не хочу, чтобы лишние уши слышали наш разговор, — пояснил свою просьбу Чернов.

Бондаренко быстро вышел и пошел проверять помещения центра. В этот момент Игорь быстро высыпал в стакан заранее приготовленный порошок и размешал его чайной ложечкой. Через минуту в комнату вернулся Бондаренко, спокойно сел за стол и сделал глоток чаю.

— Ну, рассказывай, мы одни, — Федорович положил ногу на ногу и приготовился слушать гостя.

Игорь начал рассказывать обстоятельства своей встречи с Лобановым, предварительно обыграв ее «случайность».

Выслушав рассказ, Бондаренко допил чай, и как бы резюмируя все услышанное, заявил:

— Вот так, растишь щенка, холишь, лелеешь, а он вырастает и начинает за пятки кусать. Я ведь ему доверял, как самому себе, а он у меня же и воровал. Если бы не носили погоны, набил ему рожу, чтобы мать родная не узнала.

«Если бы ты знал, какую свинью он приготовил вам с командиром», — про себя подумал Игорь.

— Не расстраивайся, — попытался успокоить его Чернов, — самое главное, что все это всплыло. Не подпускай теперь к себе его близко — и все будет хорошо. Федорович, я сейчас схожу домой, а часам к семнадцати ты отпусти своих женщин домой, и уже спокойно посидим, «шильца» поьем под твое сало. Договорились?

— Не вопрос. Я женщин хоть сейчас могу отпустить, от них все равно толку никакого.

Игорь встал, застегнул шинель и в сопровождении начальника центра направился к выходу.

— До вечера, — попрощался он и вышел на улицу.

Дождавшись условленного времени, Чернов позвонил Бондаренко. Услышав в трубке знакомый голос, не представляясь, спросил:

— У нас все по плану?

— Конечно, — кратко ответил тот.

— Выхожу, — также лаконично сказал Игорь, и поспешил к месту встречи.

Как и в обед, стол был накрыт, и бутылка открыто стояла на столе. Организатор застолья быстро пропустил гостя к столу, а сам закрыл помещение на ключ.

Без долгих приготовлений он налил себе треть стакана и передал бутылку Игорю. Тот налил себе чуть меньше и разбавил спирт водой.

— Давай выпьем за нас, за настоящих мужиков, — предложил старый капитан и чокнулся стаканами с гостем. Вытерев рот ладонью, он стал быстро закусывать. Не прошло и минуты, как он вновь взял бутылку и налил себе опять. Затем, взглянув на удивленное лицо Игоря, произнес:

— Между первой и второй чтобы пуля не пролетела.

Он залпом осушил стакан и закурил сигарету. Сделав несколько затяжек, он затушил ее и виноватым тоном сказал:

— Игорек, ты посиди здесь, мне надо выскочить кое-куда.

Не дожидаясь реакции, он открыл дверь и выбежал на улицу. Туалета в помещении центра не было. Пользуясь такой возможностью, Чернов снял с гвоздя ключ от комнаты Лобанова, быстро туда вошел и, не включая свет, сразу полез под диван за заветным свертком. К счастью, тот был на месте. Игорь быстро выскочил из комнаты, замкнул дверь и

повесил ключ на гвоздь. После этого сунул пакет в «дипломат» и вернулся к столу. Через минуту в комнату вошел изможденный Бондаренко.

— Что случилось? — поинтересовался у него Игорь.

— Ты знаешь, видимо, почки застудил. Сегодня, особенно после обеда, в туалет бегаю, как реактивный. У меня такого никогда не было. Завтра, если не пройдет, схожу в санчасть, — с тревогой в голосе ответил Бондаренко.

— Так, может быть, на сегодня закончим, и ты пойдешь домой, отдохнешь? — предложил Чернов.

— Да, щас, оставляю я так просто недопитую бутылку, — возмутился Федорович. — Если что-то застудил, то «шило» и прогреет. Давай наливай.

Невзирая на частые выходы за пределы центра, два капитана все же осилили бутылку и разошлись по домам.

Наутро Игорь проснулся с больной головой. Он лежал в постели и думал: «Неужели здесь, на Севере, все служебные вопросы и дальше придется решать только через спирт? Меня так надолго не хватит. Надо искать какие-то новые формы общения. А какие? Насколько удалось узнать людей в гарнизоне, то офицеры и прапорщики в силу своих увлечений условно делятся на четыре категории. Первая и самая малочисленная — это художники. Все свое свободное время они посвящают полотнам. В Мурманск обычно ездят за красками и холстами, покупают специальную литературу, посещают выставки и периодически обмениваются между собой своими работами. Надо отдать должное, у многих из них полотна получались на достаточно профессиональном уровне. Подобраться к этой категории не просто, особенно если нет общих интересов. Вторая категория — охотники и рыболовы. Эта группа поглощает большую часть гарнизона. Но, к сожалению, у меня нет ни удочки, ни ружья. Третья категория — знахари и экстрасенсы. В большинстве случаев это шарлатаны с завышенной самооценкой, пытающиеся убедить окружающих в своей уникальности. Связываться с этой группой нет смысла вообще. Четвертая категория — это лыжники, но, к сожалению, все они одиночки. Есть, правда, еще пятая — любители «шила». Эта категория самая многочисленная и объединяет все предыдущие. Итак, круг замкнулся».

Игорь прервал свои размышления, тихо встал, чтобы не разбудить жену, и пошел в ванную комнату. Около десяти минут он стоял под холодным душем, приводя себя в чувство. Наконец, когда состояние немного улучшилось, он вышел из ванной и направился в кухню варить кофе. Там уже была жена и готовила завтрак. Она строго посмотрела на мужа и сказала:

— Я понимаю, что оперативная работа требует издержек. Я ничего тебе не говорю, когда ты ночью уходишь и возвращаешься за полночь, когда по выходным тебя вызывают то в отдел, то еще куда. Я все понимаю. Но когда ты приходишь с работы в таком состоянии, как вчера, этого я понять не могу. Я никогда не поверю, что этого требовала оперативная работа. Когда мы жили в Приазовске, у тебе тоже была оперативная работа, но ты никогда таким не возвращался домой. Короче, не буду дальше развивать эту тему, но предупреждаю: если ты не остановишься, я заберу детей и вернусь к маме.

Она демонстративно поставила на стол тарелку с яичницей и вышла из кухни. Состояние жены Игорь прекрасно понимал, но не стал ей ничего объяснять, потому что в этой ситуации любые доводы будут малоубедительными.

Дождавшись восьми часов утра, он позвонил подполковнику Можайскому:

— Доброе утро, Андрей Викторович. Готов доложить о выполнении задания. Оба

документа у меня.

— Доброе. Неужели тебе хватило одного дня, чтобы все обставить? — удивленно произнес начальник. — Молодец. В 9.00 я тебя жду у себя в кабинете, там все расскажешь.

— Андрей Викторович, нам нужно срочно съездить в Мурманск в Управление КГБ, потому что тетрадь мне сегодня нужно вернуть на место, — напомнил Чернов.

— Тогда сделаем так: я зайду в отдел, зарегистрирую сопроводительные документы — и сразу поеду на моей машине в Мурманск. На обратном пути, не заезжая в отдел, я отвезу тебя в гарнизон, а Иващенко о твоих достижениях доложу сам, — предложил начальник.

В четверть десятого офицеры выехали из отдела. Можайский вел автомобиль, а Чернов сидел рядом справа и смотрел на пробуждающийся от зимы пейзаж. Как только они выехали на трассу Североморск — Мурманск, начальник спросил:

— Судя по амбре в салоне, вчера опять задействовал «традиционный метод»?

— А что, сильно чувствуется? — вопросом на вопрос ответил капитан и отвернулся в сторону окна.

— На воздухе не очень, а в машине довольно ощутимо, — отметил Можайский. — Давай поступим следующим образом. Когда будем проезжать поселок Росляково, ты сходи в аптеку, купи мятную настойку и минеральной воды. Накапай побольше настойки и выпей. Проверенное средство, сам периодически пользуюсь, — он весело подмигнул Игорю, — а пока расскажи, как все прошло.

Чернов начал рассказывать подробно, от начала до конца, не опуская ни одной детали. Андрей Викторович слушал его молча, но периодически на его губах появлялась улыбка.

В Росляково Чернов сделал все так, как рекомендовал начальник. Жидкость получилась неприятная на вкус, но очень пахучая. Когда они подъехали к зданию Управления КГБ, Можайский сосредоточенно посмотрел на Игоря и сказал:

— Ты знаешь, пойду я в Управление сам. От тебя так разит мятой, что «пиджаки» одуреют от твоего аромата. В конце концов, твое присутствие здесь и не обязательно, — в военной контрразведке «пиджаками» называют сотрудников территориальных органов.

Он взял папку с документами и вышел из автомобиля. Ждать пришлось около часа, пока Можайский вновь не появился на пороге здания. Он легкой походкой спустился по ступенькам и сел в автомобиль.

— Все отлично. Фотокопии диссертации будут готовы завтра, а результаты графологической экспертизы обещали сделать в течение трех дней. Еще дня три уйдет на получение заключения о степени секретности документа. Так что по срокам мы успеваем закончить дело до увольнения Лобанова в запас, — отчитался начальник.

— Подождите, Андрей Викторович, о каком увольнении идет речь? Ведь матроса нужно под трибунал отдать за измену Родине, — не скрывая возмущения, возразил Чернов.

— Не то время, Игорь. Не забывай, сейчас перестройка, и правозащитные общественные организации еще нас сделают врагами. Давай разберемся в юридических аспектах. Его кто-то задерживал при передаче секретных документов представителю иностранной разведки? Нет. Он, согласно своему должностному положению, имел доступ к этой диссертации? Нет. Он ее украл у командира или из «секретки»? Нет. Командир сам ему передал ее. Он знал, что представитель фирмы в Москве причастен к иностранным спецслужбам? Вряд ли. Видишь, сколько всплывает нюансов. Любой адвокат камня на камне не оставит от этого дела, а Лобанова сделают жертвой репрессий КГБ.

Можайский посмотрел на своего коллегу. Тот заметно изменился в лице и молча,

невидящим взглядом смотрел вперед. В машине повисла напряженная тишина. Наконец Игорь произнес:

— Не пойму одного: для чего тогда нужно было все это затевать, если на выходе получился пшик?

— А вот здесь, коллега, я с вами не соглашусь, — продолжил подполковник. — Кому нужен арест двадцатилетнего пацана? Тебе? Я думаю, что морального удовлетворения ты от этого не получишь. Ему? За десять лет зоны он не перевоспитается, а превратится в настоящего уголовника и станет абсолютно бесполезным для общества. Его родителям? Вряд ли они выдержат арест единственного сына, на которого возлагают большие надежды. От него будет гораздо больше пользы государству, если он останется на свободе.

Подполковник продолжал управлять автомобилем, периодически боковым зрением наблюдая за своим подчиненным.

— И все же я не могу понять логику ваших рассуждений. К чему вы ведете? — спросил окончательно расстроившийся Игорь.

— А я думал, что ты уже понял, к чему я клоню. Видимо, после вчерашнего тебе нужно более доходчиво объяснять, — он усмехнулся и продолжил: — Сейчас, при наличии имеющихся материалов, склонить Лобанова к сотрудничеству с органами КГБ не составит никакого труда. Во вторую половину диссертации наши аналитики в Москве внесут некоторые изменения, и она окажется абсолютно бесполезной для иностранных спецслужб. Более того, пока их научные умы будут придумывать свои контрмеры в противовес нашей дезинформации, их экономика понесет заметный урон. Сам же Лобанов восстановится в МВТУ и будет продолжать сотрудничать с представителями иностранных спецслужб, но уже под нашим контролем. Во-первых, мы, то есть КГБ, сможем знать, что интересуется спецслужбы НАТО, их разведустремления. А во-вторых, через него мы сможем периодически поставлять иностранным разведкам дезинформацию в области промышленного шпионажа. А это дорогого стоит. Суди сам, что выгоднее: упрятать Лобанова за решетку или заставить работать в интересах КГБ в частности и государства в целом?

Аргументы начальника действительно были сильными, и Чернов с ними согласился, однако ему было обидно из-за другого. Если бы начальники заранее посвятили его в свои планы, то Лобанова он бы завербовал еще у себя в кабинете, когда поймал с бутылкой спирта. Тогда не было бы ни вчерашней пьянки, ни сегодняшнего скандала с женой.

Тем временем офицеры уже подъезжали к гарнизону.

— Как ты собираешься вернуть тетрадь? — останавливаясь возле штаба, спросил Можайский.

— Сейчас опять позвоню Бондаренко и договорюсь о встрече после работы. У меня будет около двух часов до возвращения Лобанова из караула. Думаю, изыщу возможность положить тетрадь на место, — ответил Игорь.

— Только ради Бога, без «традиционных методов». А то потом по завершению дела как бы не пришлось отправлять тебя на принудительное лечение, — засмеялся Можайский.

— Не придется. Меня раньше жена убьет, — улыбнулся в ответ Игорь.

Они попрощались, Можайский вернул тетрадь и, развернувшись на стоянке, поехал в отдел. Чернов, не заходя в кабинет, направился в штаб соседнего полка к своему коллеге Виктору Мухину. Тот сидел в кабинете, курил и безразлично смотрел в окно.

— Ба-а, кто к нам пришел! Какие люди и без охраны! — радостно воскликнул майор. — Какими судьбами?

— У меня к тебе просьба, — начал разговор Игорь.

— Да сколько можно? У меня после прошлой твоей просьбы так ничего и не забулькало, а у тебя уже вторая, — шутя, перебил его Мухин.

При упоминании о спиртном у Чернова неприятно что-то сжалось в области желудка.

— Ладно, говори, — хозяин кабинета заметил, что гость не расположен сегодня к шуткам.

— Мне нужно, чтобы ты в половине седьмого вечера зашел в вычислительный центр и что-то спросил или попросил у начальника, не важно что, лишь бы он вышел из кабинета.

— Во сколько-во сколько? — с удивлением переспросил майор. — Ты с ума сошел, я в это время уже ужинаю, а потом с женой смотрю сериал «Рабыня Изаура».

— Витя, но мне очень нужно. С меня пол-литра «шила», — попытался пошутить Игорь.

— Да если вспоминать, сколько ты мне должен, то вряд ли канистрой ограничишься. Ладно, что мне нужно спросить в вычислительном центре? Как пройти в библиотеку? — вспомнил он эпизод из кинофильма «Операция «Ы» и засмеялся.

— Ну, придумай что-нибудь серьезное и правдоподобное. Мне нужно, чтобы ты на пару минут отвлек Бондаренко — и все.

— Серьезное так серьезное. Я у него спрошу: «У вас продается славянский шкаф?» Бондаренко от такого вопроса войдет в ступор, и как раз минуты две ему понадобится, чтобы выйти из него, — Мухин продолжал шутить, видимо, в течение дня ему никто не испортил настроения.

— Витя, ну мне действительно очень нужно, — почти взмолился Чернов, — я потом что хочешь для тебя сделаю.

— Ну, это само собой, — продолжая иронизировать, сказал майор, — а пока давай партию в нарды сыграем.

Он вытащил из шкафа доску и стал, не торопясь, расставлять фишки. Неизвестно почему, но эта игра была популярной во всех авиационных частях. На каждом борту, в каждом эскадрильском домике обязательно она была неотъемлемой частью, и не существовало ни одного человека, который бы не умел в нее играть.

— Играем в простого или супербешенного? — называя варианты игры, спросил Мухин.

— В супербешенного, — сразу ответил Игорь, расставляя свои фишки.

Ограничиться одной партией не получилось, и игра затянулась на полтора часа.

Вспомнив о том, что он не договорился о встрече с Бондаренко, Игорь спросил у Виктора:

— Можно я от тебя позвоню?

— Конечно, — Мухин прищурился от попавшего в глаза табачного дыма, и, шутя, добавил: — К той канистре, которую ты должен, добавь еще сто граммов.

Игорь, уже не реагируя на шутку, набрал номер телефона вычислительного центра.

— Капитан Бондаренко слушает, — почти сразу прозвучал ответ в трубке.

— Федорович, добрый день. Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался состоянием здоровья Чернов.

— Вчера еще так себе, а сегодня все отлично, — бодро ответил старый капитан.

— Рад за тебя. Ты сегодня будешь ждать Лобанова или сразу уйдешь после окончания рабочего дня? — спросил Игорь.

— Да куда ж я уйду? Ключ у нас один. А ты что-то хотел? — без энтузиазма спросил Бондаренко.

— Ты ж мне так и не рассказал рецепт солонины, — напомнил ему Чернов.

— Ну, заходи, — обреченным тоном ответил начальник вычислительного центра и повесил трубку.

«Кажется, я становлюсь навязчивым, — подумал про себя Игорь. — Сегодня верну тетрадь, и надо будет сделать паузу в общении с Бондаренко, а то он скоро будет от меня прятаться».

Затем, обратившись к хозяину кабинета, сказал:

— Витя, спасибо за гостеприимство, но мне надо заскочить домой, а то я сегодня еще не обедал.

— Святое дело, — с пониманием ответил тот.

Игорь быстро оделся и уже на выходе напомнил:

— Виктор, только не забудь о нашем договоре.

— Сможешь потом часы сверить. Ровно в половине седьмого, я зайду на вычислительный центр и совершенно серьезно спрошу у твоего Бондаренко: «Здесь посылают на Марс?» И, услышав соответствующий отзыв, пойду туда, куда он мне укажет.

Они дружно рассмеялись, и Игорь направился домой.

Войдя в квартиру, он услышал стук швейной машинки. Люда, находясь в декретном отпуске, занималась кройкой и шитьем. Хотя на Севере и был полуторный оклад, но там еще не сняли подоходный налог с денежного довольствия офицеров. А учитывая отсутствие северной надбавки, которую Игорь еще не выбрал из-за непродолжительного пребывания во льготном регионе, а также цены в магазинах с северным коэффициентом, то денег в семье хронически не хватало. Поэтому жене приходилось подрабатывать.

Услышав, что домой пришел муж, она вышла в коридор и, не подходя к нему, пошла на кухню. Скандалы в семье Черновых были большой редкостью, но если они происходили, то носили затяжной характер. Игорь также молча проследовал за ней. Люда поставила на стол тарелку с борщом и молча удалилась. На часах было уже около семнадцати часов. Игорь быстро поел, помыл тарелку и вышел в коридор одеваться. В этот момент вышла Людмила и, удивленно посмотрев на мужа, спросила:

— И как расценивать сей демарш?

— Какой демарш? — не понял Игорь.

— Куда ты собрался, на ночь глядя?

— Мне нужно выскочить по делу всего на пару часов, к ужину вернусь, — попытался успокоить ее муж.

— Ну, если у тебя будет такое же дело, как вчера, то можешь ночевать в кабинете, — она демонстративно вернулась в комнату, где стояла швейная машинка, и закрыла за собой дверь.

Игорь взял портфель и направился в вычислительный центр. Он застал там капитана Бондаренко за прежним занятием. Тот сидел в своем кабинете, курил и читал книгу. Увидев Чернова, он не выразил никаких эмоций, а, поздоровавшись, закрыл входную дверь изнутри, вновь сел за стол и уперся взглядом на вошедшего гостя.

— Что с тобой? — глядя на него, спросил Чернов. — Ты сегодня какой-то не такой.

— Мне после вчерашних посиделок жена такую обструкцию устроила! Я же до тебя три дня подряд поддатый домой возвращался, — объяснил свое состояние Бондаренко и добавил: — Игорек, давай сегодня на сухую поговорим?

Чернов облегченно вздохнул, потому что, следуя в вычислительный центр, опасался

продолжения вчерашнего вечера.

— Что ты, Федорович, у меня у самого дома режим полного радиомолчания. Жена сутки не разговаривает.

Бондаренко удовлетворенно улыбнулся и предложил:

— Тогда чайку?

Он достал свой двухлитровый термос и налил два стакана.

— Так о чем ты хотел поговорить? — в свою очередь спросил он.

— Ну, конечно же, не о солонине. Просто после утреннего скандала домой идти не хочу.

— Ну, это ты, парень, зря. Тебе сейчас надо быть повнимательнее к жене. Она ведь к Северу непривычная, целыми днями дома одна с детьми. Подруг, видимо, еще нет. Вот и лезут дурные мысли в голову. Тут порой даже моя такие концерты закатывает, что хоть из дому беги. Это на них так полярная ночь действует. Депрессия у них начинается после нее. Мы приехали сюда в начале 70-х, с работой для жены тяжело было, она первые несколько лет тоже дома сидела. Так вот, когда я приходил с аэродрома, она была вся зареванная. Говорила, что одиноко ей, все к матери хотела вернуться. На следующий год еще хуже было. Ревновать меня стала к официанткам из технической столовой. Я с тех пор даже перестал там завтракать и ужинать, только дома. И так продолжалось до тех пор, пока сама в столовую не устроилась. А когда стала среди людей крутиться, то все и нормализовалось. Так что ты особо не дури, не меня своими байками развлекай, а лучше иди домой к жене. Лишний раз обними ее да посуду по своей инициативе помой. А ссора в семье из-за пьянки — это ерунда. Я думаю, не первый и далеко не последний раз. Привыкнет.

В этот момент раздался настойчивый стук в дверь.

— Ты кого-то ждешь? — настороженно спросил Чернов.

— Нет. Лобанову рано, они должны только оружие сдавать, — ответил Бондаренко.

— Закрой меня в матросской комнате, а то не дай Бог командир приехал, потом устанешь объяснять ему, что мы просто так болтали за закрытой дверью.

Бондаренко открыл комнату Лобанова и пропустил туда Чернова. Тот заскочил в комнату, захватив с собой шинель и портфель. Федорович, закрыв помещение на ключ, пошел открывать входную дверь.

На пороге стоял запыхавшийся майор Мухин.

— Что случилось, товарищ майор? — спросил он вошедшего.

Тот стоял в расстегнутой шинели и держал в руках целлофановый пакет с тюбиком клея.

— Где они? — успокаивая дыхание, спросил Мухин.

— Кто они? — переспросил капитан.

— Матросы. Они побежали в сторону вычислительного центра.

— Какие матросы? Не было здесь никого. Вы можете сказать, что произошло? — недоумевая, спросил Бондаренко.

Мухин, поменяв тон, начал рассказывать:

— Представляешь, Федорович, возвращаюсь я с командно-диспетчерского пункта, смотрю: за тренажерами какие-то тени мелькают. Я туда, а там три матроса, меня увидели и как кинулись в твою сторону. Я подбежал к тому месту, где они стояли, а там вот что валяется, — Мухин показал на пакет и тюбик с клеем, а затем продолжил: — Я за ними, а они свернули за угол твоего центра и как в воду канули, токсикоманы чертовы.

Представляешь, кому мы охрану аэродрома доверяем?

— Ужас, — невозмутимо согласился с опером Бондаренко, — но сюда никто не забегал, тем более что и дверь была закрыта.

— Ну, извини за беспокойство, — Мухин сделал растерянный вид, немного молча постоял на пороге и медленно направился в сторону штаба.

Капитан закрыл за ним дверь и выпустил из укрытия Чернова. Пока Бондаренко общался с майором, Игорь аккуратно положил тетрадь на место и спокойно ждал завершения из разговора.

— Кто это был? — спросил он начальника вычислительного центра.

— Твой коллега с соседнего полка. Я смотрю, вам уже совсем нечем заняться. Это же надо, майор КГБ среди ночи за матросами-токсикоманами бегает, — не переставал возмущаться старый капитан. — Вот раньше особисты были! Их вообще не было видно, но зато они все обо всех знали. И боялись их больше, чем командира. Знаешь, как раньше твоих коллег называли в полках?

Он не стал ждать ответа Игоря, а сразу ответил сам:

— Майор «Добрый вечер», потому что когда они приходили в кабинет или на стоянку, у людей в глазах темнело.

Бондаренко сел на стул и рассмеялся от своей же шутки.

Игорь улыбнулся собеседнику и произнес:

— Да бог с ним, с Мухиным. Ты, Федорович, прав, что касается наших женщин. Спасибо тебе за совет. Пойду мириться с женой.

Он встал, неторопливо надел шинель и, захватив портфель, на прощание крепко пожал руку старому капитану.

«Как жаль, что с этим открытым и добрым человеком приходится вести двойную игру», — про себя подумал Игорь. Он вспомнил училищную жизнь и первые годы офицерской службы. Как было легко и приятно быть самим собой в отношениях с людьми! К сожалению, в жизни часто приходится заниматься не тем, чем хочется, а тем, чем надо. И пока ты носишь погоны, не ты выбираешь, чем надо заниматься, а совсем другие люди и обстоятельства.

Он посмотрел на часы, стрелки часов показывали 18.55. Игорь улыбнулся. Кажется, сегодня он сдержал свое слово перед женой.

Игорь зашел домой, открыв дверь своим ключом.

— Игорь, это ты? — услышал он голос жены.

— А кто ж еще, — снимая обувь, ответил он.

Людмила вышла в коридор и удивленно посмотрела на мужа. Она не ожидала, что сегодня он придет так рано.

— Ужинать будешь? — спросила она.

— Я еще не проголодался, — ответил Игорь, — давай лучше посидим, посмотрим телевизор. Кстати, сейчас должно быть какое-то кино.

— Ага, твой любимый сериал «Рабыня Изаура», — с иронией в голосе ответила Людмила.

Услышав название фильма, Игорь вспомнил о Мухине. Тот сегодня вечером собирался смотреть его вместе с женой. «Надо поблагодарить товарища за помощь», — подумал Чернов и стал набирать номер телефона своего коллеги.

— Витя, большое тебе спасибо за содействие, — сказал Игорь, услышав ответ в трубке.

— Служу трудовому народу, — бойко ответил Мухин и, усмехнувшись, добавил: — За канистру обещанного «шила» я для тебя и не такое сделаю.

— Ты молодец, отлично придумал, я все слышал, когда ты заходил к Бондаренко. Феллини отдыхает.

— Еще бы, — довольно ответил майор, — прослужишь с мое в контрразведке — и у тебя фантазия работать будет.

Он засмеялся и, попрощавшись, положил трубку.

Игорь сел на диван, обнял жену, следуя совету капитана Бондаренко, и стал смотреть бразильский сериал. Ему показалось, что более нудного испытания в его жизни еще не было, но вина перед женой обязывала разделить с ней сегодняшний вечер.

Следующий день вернул Чернова к повседневной рутине. Нужно было согласовать с командованием списки экипажей, запланированных на предстоящую боевую службу в Средиземном море, оформить ряду офицеров допуска к секретным документам и работам, а также продолжить отбор кандидатов из числа офицеров и матросов для работы в органах КГБ. Несколько месяцев назад Игорь подобрал одного матроса в качестве кандидата для поступления в Высшую школу КГБ СССР. Им оказался паренек из Ленинграда — Евгений Корякин. Он вырос в семье подводника, капитана второго ранга. После школы поступал в Военный институт иностранных языков, хотел быть военным переводчиком, но не прошел по конкурсу. По результатам проведенной спецпроверки причин для отказа от дальнейшего его оформления не было. Настал этап, когда нужно было проверить его пригодность к оперативной работе на выполнении отдельных поручений. В связи с этим оперработник рекомендовал ему установить дружеские отношения с матросом Лобановым и выяснить возможные изменения в его поведении и дальнейших планах. Для обеспечения их конспиративных встреч Чернов договорился со старшиной полка, что тот еженедельно будет направлять именно этого матроса для уборки служебного кабинета. Такая практика существовала во всех частях ВМФ. Более того, на кораблях за каждым офицером был закреплен матрос, в обязанности которого входила ежедневная приборка в его каюте.

В десять часов от работы с документами Игоря отвлек вошедший матрос Корякин.

— Товарищ капитан, матрос Корякин для приборки прибыл, — доложил он.

— Заходи, Женя, присаживайся. Убирать сегодня не надо, давай лучше поговорим о наших делах, — капитан поздоровался с матросом и предложил присесть на свободный стул.

Они обменялись несколькими ни к чему не обязывающими фразами, а затем Чернов задал вопрос в отношении Лобанова:

— Ну, как там поживает наш академик? Жаловался, что я поймал его со спиртом?

— Не просто жаловался, а возмущался, — с улыбкой ответил парень и продолжил: — Я лучше расскажу по порядку. Предпринимать какие-то действия для установления с ним близких отношений мне не пришлось. Знакомы мы около года, он, правда, старше меня на призыв. Но учитывая, что в казарме его почти нет, то и друзей у него мало. Ко мне он сам потянулся, когда узнал, что я из Питера... Извините, из Ленинграда, — матрос смущенно прервался. Коренные ленинградцы всегда называли свой город именно так. — Учитывая, что основная масса матросов у нас либо из Поволжья, либо из Средней Азии, то нам сам Бог велел держаться вместе. Он мне все рассказывал о своей прошлой жизни, учебе в МВТУ, с своей девушке. И скажу, что до отпуска он был открытым и доброжелательным. А после отпуска, особенно после второго, его как подменили. Он перестал со всеми общаться. Отвечает как-то односложно. В казарме старается не задерживаться и сразу бежит в вычислительный центр. Если раньше мы с ребятами вечером иногда приходили к нему в карты поиграть или телевизор посмотреть, то сейчас он никого даже на порог не пускает. Хотя, казалось бы, через пару недель — дембель, а он чего-то боится. Но самое интересное в другом, — матрос сделал паузу и добавил: — Обычно все стремятся попасть в приказ на увольнение в первую партию. А этот сам попросил старшину, чтобы его уволили в июне. Такое ощущение, что у него здесь какие-то дела незавершенные.

— А с чего ты взял, что он просил об этом старшину? — спросил Чернов.

— После «залета» с вами ему объявили три наряда вне очереди. Когда он сходил в караул, то сам сказал, что попросит старшину два последующих наряда заменить увольнением в последней партии.

— И когда он об этом сказал? — уточнил Игорь.

— Да, вчера вечером.

— Хорошо, а в чем заключалось его возмущение после задержания мною? — продолжал допытываться капитан.

— Он нес спирт баталерщику. Тот достал ему две новые майки — тельняшки. Дома он кому-то их обещал. Так вот, сначала он возмущался, что спирт забрали. А потом его понесло. Начал говорить, что армия насквозь прогнила, офицеры — сплошь одна пьянь. Матрос вообще бесправный. Что вся страна такая. Извините, но я все повторять не буду, — парень в силу своего воспитания не хотел повторять услышанное сотруднику КГБ, боясь навредить своей репутации. — Скажу последнее. Он заявил, что, когда закончит МВТУ, то обязательно эмигрирует за границу и будет там заниматься научной деятельностью, потому что в нашей стране для себя перспектив не видит.

Кандидат на учебу закончил свой рассказ. Видимо, не просто было ему все произнести, потому что он весь покрылся испариной, и руки предательски дрожали. Чернов не стал больше задавать ему вопросов. Все, что хотел узнать, он сегодня услышал.

— Спасибо, Женя. Ты успешно справился со своим поручением. А теперь нужно проверить твою склонность к писательской деятельности, — Игорь пристально посмотрел на матроса и пояснил: — Оперативная работа — это не только засады, операции и конспиративные встречи с негласными источниками. Пятьдесят процентов успеха зависит от того, как опер сможет описать полученную информацию и преподнести ее начальству. Поэтому давай посмотрим, как ты справишься с этой задачей. Вот тебе лист бумаги и постарайся последовательно и подробно расписать все, что ты мне рассказал и, может быть, хотел рассказать, но упустил. — Чернов пододвинул Корякину бумагу и ручку, а сам вышел из-за стола и пересел в кресло.

— Я не буду тебе мешать. Считай, что нашего разговора не было, а тебе нужно передать мне эту информацию любой ценой. — Игорь откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза.

Матрос в течение двух минут крутил пальцами авторучку, обдумывая текст, а затем, почесав затылок, приступил к написанию отчета.

Игорь молча обдумывал только что полученную информацию. Мотив действий Лобанова теперь был ему понятен. Загадкой оставалось его желание демобилизоваться в последней партии. «Корякин, возможно, прав, говоря о незавершенных делах. Но что же еще держит Лобанова? Что он не успел сделать? — размышлял Чернов. — Пора его остановить, пока он не сделал того, о чем мы догадываемся. Завтра же нужно решить вопрос с руководством о выходе на прямой контакт с Лобановым».

— Кажется, все написал, — прервал матрос размышления Чернова.

Он протянул лист бумаги капитану. Тот быстро пробежал глазами по тексту и остался удовлетворенным. Информация была изложена лаконично, сухо и в то же время объемно.

— Молодец, в тебе пропадает писательский талант. Может, пока не поздно, пойдешь учиться в литературный институт, а не ВКШ? — подмигнул Игорь матросу.

— Нет, товарищ капитан. Я хочу быть чекистом, — улыбаясь, ответил Корякин.

— Смотри, чтобы потом не пожалел, — Чернов протянул руку кандидату в органы,

давая понять, что на сегодня время их общения закончилось.

После обеда капитан Чернов уже сидел в кабинете Можайского. Он передал ему отчет Корякина и молча ждал реакции начальника. Тот, в свою очередь, прочитав документ, поднял глаза на подчиненного и спросил:

— И какие мысли родились по этому поводу?

— Мотив действий Лобанова теперь ясен. Парень не просто хочет заработать себе денег на диссертации командира, но получить определенные дивиденды от иностранных спецслужб, чтобы потом сбежать за границу. Я думаю, что его вербовка ничего не даст. При таких настроениях и планах маловероятно, что он будет работать в интересах КГБ. Я предлагаю проконсультироваться с нашими юристами и довести его до уголовного дела.

— Какой же вы кровожадный, мой юный друг, — с иронией начал Можайский, — я согласен с тобой, но нужно делать поправку на возраст. В двадцать лет в нем говорит еще юношеский максимализм. Теперь что касается вербовки. Я за свою оперативную жизнь вербовал и на патриотической основе, и на материальной, и на зависимости, и даже с использованием компроматериалов. Так вот, самые работоспособные агенты те, которых вербуют либо на зависимости, либо последних. Только разговор между нами, а то потом меня обвинят в подрыве основ советской контрразведки, — чуть понизив голос, предупредил капитана подполковник. — На патриотической основе вербуют многих. Эти многие соглашаются, но мало кто из них представляет собой какую-то ценность по своим возможностям и способностям. На материальной основе работают до тех пор, пока есть деньги. В военной контрразведке это не практикуется. А вот последующие две основы заслуживают отдельного разговора. Допустим, мы завербуем Лобанова. Мы, то есть КГБ поможем ему восстановиться в училище, и все годы учебы он будет зависим от нас. Вся дальнейшая карьера его будет также зависеть от нас. Мы всегда сможем вспомнить ему диссертацию Шкилева. Даже если он сбежит за границу, мы всегда сможем умышленно допустить «утечку» информации о том, что он агент КГБ. Уверяю тебя, не сладко ему там придется. Так что никуда он не денется. Другого выхода у него нет. Теперьждемся результатов экспертиз и перейдем к активным действиям. Ты будешь работать с Лобановым, а мы с полковником Иващенко будем обрабатывать Шкилева.

При этих словах Чернов нахмурился. Меньше всего Игорю хотелось быть источником неприятностей для командира полка. Можайский как опытный психолог понял настроение Игоря и по-дружески заверил его:

— Не волнуйся, завершающую стадию этого дела беру на себя. Я обставлю все так, что ты останешься в стороне. Но безнаказанно его халатность оставлять нельзя. Он взрослый мужик и должен был думать, что делает.

Подполковник еще раз взял в руки отчет кандидата в органы, просмотрел его и положил в свой сейф.

Прошла неделя. За это время из Управления КГБ СССР по Мурманской области Особый отдел поступили результаты графологической экспертизы. Как и ожидалось, почерк в тетради и в объяснительной признаны идентичными. Автором записей признан матрос Лобанов.

Еще через три дня из 8-го отдела Северного флота поступило заключение о степени секретности материала, содержащегося в представленных фотокопиях. В частности, там было изложено следующее: «Оценить степень секретности предъявленных вами материалов не представляется возможным, так как документ не имеет ни начала, ни завершающей части. Вместе с тем анализ имеющейся части материала свидетельствует о наличии в нем сведений, составляющих военную тайну».

Капитан Чернов несколько раз перечитал данное заключение и вернул его Можайскому. — «Военная тайна» — это лучше, чем ничего, — высказал свое мнение Игорь.

— Лично для тебя — это идеальный выход, — сказал Можайский и пристально посмотрел на капитана, ожидая от него уточняющего вопроса.

— И в чем же его идеальность? — не заставил себя долго ждать капитан.

— Для дикорастущих и перспективных оперов, но не обремененных практическим опытом, разьясняю, — начал пояснять Можайский. — Одной из главных задач контрразведчика на оперативно-обслуживаемом объекте является защита государственных секретов. Если бы мы получили заключение, согласно которому эти фотокопии были признаны «совершенно секретными», то есть составляли государственную тайну, каково было бы твоё положение? Как оперативный работник ты не выполнил свое основное предназначение. Сведения, составляющие государственную тайну, попали в руки вероятного противника. Вывод один — оперработник не соответствует занимаемой должности. Если ты думаешь, что я накручиваю тень на плетень, то ты ошибаешься. Вспомни случаи, когда Беленко угнал МиГ-25 в Японию, а капитан Зуев — МиГ-29 в Турцию. Ты думаешь, как сложилась судьба тех оперов, которые обслуживали эти авиаполки? — Можайский сделал непродолжительную паузу. Чернов продолжал молча его слушать. — То-то же. На их служебной карьере был поставлен жирный крест. А ситуация почти аналогичная. В тех случаях совершенно секретная техника попала в руки противника. В твоём случае совершенно секретная разработка попала в те же руки. Так что если бы мы получили то заключение, на которое ты надеялся, то пополнил бы ряды «сбитых летчиков», как называют специалистов, чья карьера закончилась по независящим от них причинам.

Можайский улыбнулся, глядя на мрачного Чернова, и добавил:

— А теперь возьмем нашу ситуацию. Мы не знаем, в каком объеме передал Лобанов диссертацию иностранцам, и не будем особенно глубоко рыть в этом направлении, чтобы ты сам в эту яму не свалился. То, что нам удалось получить, не имеет ни начала, ни конца. Значит, можно сделать вывод, что противник еще не получил информацию в полном объеме. И главное здесь, что не попала она к ним в руки, благодаря твоим усилиям. Конечно, не без помощи руководителей, но мы скромно не будем претендовать на твои лавры. А тот кусок диссертации, который был признан военной тайной, — это головная боль командования. Военная тайна не является государственной, а относится к категории служебной. И в том, что произошла частичная утечка, — основная вина командира полка и начальника штаба как

лиц, отвечающих за режим секретности в части.

Он вышел из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Затем вновь обратился к капитану:

— Надеюсь, теперь ты понял, как тебе повезло?

— Понял, — хмуро ответил Игорь. Он вспомнил предостережения майора Мухина по этому поводу и еще раз убедился, что опытный опер проявляется не только в результативности своей работы, но и в умении предвидеть нежелательные последствия своих действий и избежать их.

Чернов сидел молча, уставившись глазами в одну точку, и вдруг произнес:

— А я знаю, почему Лобанов хотел уволиться в последней партии.

Горящими глазами он посмотрел на начальника и, не дожидаясь с его стороны вопроса, продолжил:

— Мы не читали эту диссертацию. Когда я нашел ее, то по форме написания понял, что начала в ней нет. А закончена она или нет, я этого определить не мог. Если она не закончена, то Лобанов ждал ее окончания. Все, как всегда, очень просто. Видимо, первую часть он уже передал иностранцам, теперь нужно передать вторую.

— Ну, вопрос по первой части мы поднимать не будем, коль уж решили не возбуждать уголовное дело. А вот в беседе с Лобановым ты этот вопрос подними. Чем больше ты из него выжмешь компры, тем плотнее он будет сидеть у нас на крючке, — посоветовал начальник.

Офицеры еще просидели в кабинете около часа, обсуждая планы реализации этого дела. Наконец, когда все проблемы были обсуждены, Можайский, прощаясь, сказал:

— Завтра я решу все организационные вопросы в штабе ВВС, а послезавтра жди нас в гости.

Он пожал руку подчиненному, сел за стол и принялся листать телефонный справочник абонентов штаба ВВС.

Через два дня, когда Игорь пришел на службу, его несколько удивил царивший в штабе ажиотаж. Несколько матросов в спешном порядке мыли полы и стены в штабе, а офицеры и прапорщики убирали прилегающую территорию.

В коридоре Игорь увидел заместителя начальника штаба майора Абдулова, тот нес на подпись командиру папку с документами.

— Что случилось? Из-за чего такой переполох? — поинтересовался у него Чернов.

— Ждем внезапную комиссию ВВС флота по проверке службы войск. А ты, кстати, не в курсе, чем вызвана эта проверка?

— А я откуда могу знать? — удивленно ответил Игорь.

— Говорят, что в составе комиссии будет твой шеф, поэтому думал, что ты знаешь, — пояснил свой вопрос майор.

— Если бы было что-то серьезное, мне бы он сообщил. Вероятнее всего, решил осмотреть подконтрольные объекты, — успокоил его опер.

— Извини, Игорь, мне срочно нужно к командиру. Потом поговорим, — сказал Абдулов и поспешил на доклад.

Капитан Чернов зашел в свой кабинет, повесил шинель в шкаф и стал наблюдать за происходящим на улице. Окна его кабинета выходили на плац, поэтому Игорь сидел и, глядя в окно, ожидал приезда проверяющих.

Около десяти часов к штабу полка подъехали два автомобиля «Волга» и «УАЗ». Из них вышли заместитель начальника штаба ВВС СФ по службе войск полковник Дегтярев

старший офицер инженерно-авиационной службы ВВС подполковник Калинин, начальник противопожарной службы майор Горлов, подполковник Можайский и еще два старших офицера, фамилии которых Чернов не знал.

К старшему группы тотчас подбежал комендант гарнизона майор Кулик и доложил об обстановке в гарнизоне. Игорь также вышел на плац поприветствовать своего начальника. Офицеры штаба ВВС приняли доклады от начальников подведомственных служб и направились к командиру полка. В этот момент Можайский отвел в сторону Чернова и полушепотом спросил:

— Напомни мне, где Лобанов прячет тетрадь?

— В диване, там на днище фанера не закреплена. Если ее немного приподнять, то сразу увидите сверток.

— Хорошо. Думаю, на месте разберусь. С нами ходить не надо, это шоу надолго. Когда все закончим, я к тебе зайду сам, — дал последнее указание подполковник и присоединился к группе.

После того как проверяющие посетили кабинет Шкилева, они пошли посмотреть комнату для хранения оружия офицеров и прапорщиков, параллельно проверяя знания дежурными своих функциональных обязанностей.

Ближе к концу рабочего дня, когда комиссия проверила несение службы во всех подразделениях, в карауле и на аэродроме, они наконец добралась до вычислительного центра. Претензий к порядку на объекте и противопожарным мерам ни у кого не появилось. Группу постоянно сопровождал капитан Бондаренко, и вопросов к нему не возникло, за исключением одного.

— У вас здесь установлена дорогостоящая аппаратура, — спросил подполковник Можайский, — а как организована охрана данного объекта?

— У нас круглосуточная охрана, — с гордостью ответил Бондаренко. — Приказом по части дежурным назначен матрос Лобанов, который постоянно находится здесь.

— А когда же он отдыхает, если круглосуточно несет службу? — задал вопрос полковник Дегтярев.

— С этим нет проблем, у него на объекте есть комната отдыха, — доложил капитан и показал на закрытую дверь.

— Открывайте, посмотрим, — равнодушно приказал полковник.

— Дежурный по вычислительному центру матрос Лобанов, — представился проверяющим матрос.

Дегтярев молча осмотрел помещение и сказал ему:

— Ну-ка, сынок, выйди покури, мне с твоим начальником пообщаться надо.

Бондаренко, еще минуту назад надеявшийся на похвалу, вдруг заметно изменился в лице и обреченно посмотрел на полковника.

— Товарищ капитан, это что за ночлежка? Почему матрос находится вне подразделения? — заорал Дегтярев.

— Приказом определили. Это же не я придумал, — залепетал капитан.

— А телевизор в комнате, магнитофон, чайник — это тоже приказ командира? — не унимался председатель комиссии. — Вы что? Первый день на флоте? Не знаете, что разрешено иметь матросу, а что нет?

Ярость полковника начинала нарастать по мере того, как он находил все новые и новые нарушения. Игральные карты, найденные в столе, он вообще бросил в лицо Бондаренко.

— Почему парадная форма и спортивный костюм находятся здесь, а не в баталерке? Неужели контролировать единственного вашего матроса должен полковник из штаба ВВС? Я вижу, что вам, товарищ капитан, надоело сидеть в тепле, мозги от безделья начали плавиться. Думаю, вам пора вернуться туда, откуда пришли. На стоянку вертолетов. Там от вас пользы больше будет... А что тут? — полковник поднял сиденье дивана и стал выбрасывать на пол простыни и подушки. Когда полость дивана опустела, в разговор вмешался Можайский:

— А там что? — он подошел к мебели, поднял незакрепленный край фанеры. К его удивлению там ничего не было. Подполковник стал хаотично дергать все рейки и пружины, пока не сдвинул диван с места. В углу на полу лежал сверток, завернутый в газету.

— Что это? — обратился Дегтярев к капитану и, взяв в руки находку, стал ее разворачивать.

— Не могу знать, товарищ полковник, — ответил Бондаренко.

— Да что вы вообще знаете? — махнул на него рукой проверяющий.

— Позвольте взглянуть? — попросил Можайский.

— Пожалуйста, — полковник передал ему тетрадь.

Подполковник быстро посмотрел содержание и убедился, что в руках у него именно то, что нужно.

— Вы не возражаете, если я заберу эту тетрадь для изучения? — скорее констатировал факт, нежели спросил Можайский у полковника.

— Да, конечно. Забирайте, можете и этого капитана забрать к себе, может, после беседы в Особом отделе у него мозги заработают, — Дегтярев кивнул в сторону поникшего капитана.

— Капитан Бондаренко мне не нужен, а вот вечному дежурному я бы задал пару вопросов, — ответил начальник Особого отдела.

— Бондаренко, позови своего Анику-воина, — приказал капитану полковник.

Тот, ни слова не говоря, бегом выскочил на улицу и позвал растерянного матроса.

— Что это за тетрадь? — спросил Лобанова Можайский, продолжая читать ее содержание.

— Это мой конспект, я собираюсь после службы восстанавливаться в вузе и повторяю пройденный материал, — не моргнув глазом, соврал матрос.

— И на каком факультете вы учились? — поинтересовался офицер.

— Факультет робототехники и комплексной автоматизации, — сразу ответил Лобанов.

— Что-то, я смотрю, конспект совсем не соответствует вашей специализации, — Можайский пристально посмотрел на матроса. Тот, не сказав ни слова в ответ, опустил голову и густо покраснел. Полковник Дегтярев с недоумением посмотрел сначала на подполковника, потом на матроса, но воздержался от вопросов. Ему нужно было закончить разговор с Бондаренко.

— Короче так, сегодня к ужину вы, майор Кулик, — обратился он к коменданту, — докладываете мне, что все это барахло принял на хранение старшина полка. А в отношении вас, капитан Бондаренко, решение будет принято отдельно.

Полковник, не подавая руки на прощание, направился на выход. Все офицеры комиссии последовали за ним.

— Товарищи, садитесь в машины, сейчас поедem обратно, — дал команду он своим коллегам и, взяв под локоть Можайского, отвел его в сторону. — Как я понимаю, вы нашли

то, что хотели? — полковник загадочно улыбнулся.

— Надеюсь, что да. Спасибо вам за помощь, — офицеры пожали друг другу руки.

— А в отношении Бондаренко вы действительно будете принимать какие-то меры? — поинтересовался Можайский.

— Нет, конечно, — ответил полковник. — Кому он нужен на стоянке? Пусть здесь до пенсии добывает. Не мог же я без повода устроить такой «шмон». А капитан переживет, периодически всем нужны такие встряски, чтобы не расхолаживались.

Он засмеялся и пошел к своему автомобилю.

Около девятнадцати часов в кабинет Чернова зашел уставший, но довольный Можайский. Он победно бросил на стол тетрадь и стал снимать шинель.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Ну, ты меня и заставил подергаться, — поправляя волосы перед зеркалом, начал он рассказывать. — Представляешь, поднимаю угол фанеры на днище, а там ничего нет.

— Как нет? — удивился Игорь. — А где ж она была?

— Видимо в прошлый раз, когда ты ее возвращал на место, глубоко засунул под обшивку. Я ее нашел только тогда, когда сам диван отодвинул. Представь мое состояние. Руководство всех уровней ждет завершения этого дела, и тут вдруг тетради нет... Ладно, это уже в прошлом. У тебя чай есть?

— Конечно, сейчас включу чайник, — Чернов стал расставлять чашки на стол.

— А пока чайник закипает, давай обговорим завтрашний день. Я тетрадь заберу с собой, завтра утром ты вызови к себе Лобанова, а Иван Петрович в это время вызовет Шкилева, чтобы они не смогли обговорить общую версию, а там в телефонном режиме будем обмениваться информацией. Когда будешь разговаривать с Бондаренко, успокой его, что никто его переводить на стоянку не будет.

— А что, у вас там дело и до этого дошло? — улыбаясь, спросил Чернов.

— Ты бы видел, какой там спектакль устроил полковник Дегтярев. Он так драл бедного капитана, я в какой-то момент подумал, что он вот-вот заплачет. Да, полковник на своем месте. Настоящий службист, — с восторгом отметил Можайский.

— Бедный Владимир Федорович, мне его искренне жаль. За что мужик страдает? — посетовал Чернов.

— Ничего. Любую ситуацию нужно использовать в своих целях. Скажешь ему, что ты через начальника договорился о том, чтобы его оставили на месте. Он еще твоим должником будет себя чувствовать, — пошутил Можайский.

Дальше они пили чай, и подполковник рассказывал о прошедшем мероприятии со своими комментариями и наблюдениями.

На следующий день после построения полка Игорь позвонил в вычислительный центр.

— Слушаю, капитан Бондаренко, — хмуро ответил начальник центра.

— Владимир Федорович, добрый день, — поприветствовал его опер.

— Кому добрый, а кому и не очень, — ответил тем же тоном капитан.

— А что так? — делая вид, что ничего не произошло, поинтересовался Игорь.

— А то вы не знаете, — вновь перешел на официальный тон Бондаренко. — Вчера тут ваш шеф такую бучу закрутил, что я теперь готовлюсь либо звезду с погон снимать, либо на стоянку уходить. Как чувствовал, что этот Лобанов меня подставит.

Капитан вздохнул в трубку и замолчал.

— Федорович, не все так страшно, как кажется. Мой шеф вчера переговорил с

полковником Дегтяревым, и они договорились, что в отношении вас никаких мер предпринимать не будут. Мы своих людей ценим и не подставляем, — многозначительно отметил Чернов. — А вот с Лобановым, я хотел бы сейчас пообщаться.

— Сейчас пришло, — уже более оживленно ответил Бондаренко и положил трубку.

А в это время командиру полка полковнику Шкилеву позвонил полковник Иващенко.

— Добрый день, Леонид Павлович. Начальник Особого отдела ВВС флота полковник Иващенко беспокоит вас. Нам нужно поговорить.

— Здравия желаю, — не ожидая ничего хорошего от этого звонка, ответил Шкилев. — Пожалуйста, я на месте.

— И я на месте, — давая понять, что разговор должен пройти на территории Особого отдела, парировал Иващенко.

— Хорошо, я буду через пятнадцать минут, — согласился командир и стал надевать шинель.

— Товарищ капитан, матрос Лобанов по вашему приказанию прибыл, — доложил Лобанов, входя в кабинет Чернова.

— Присаживайся, — Игорь указал ему на стул возле приставного стола. — Догадываешься, по какому поводу я тебя вызвал?

— Так точно, — ответил матрос.

— Ну, вот и отлично. Тогда не будем терять время. Рассказывай, как у тебя оказалась диссертация командира полка, и для чего ты ее себе переписал?

Матрос не поднимая глаз, опустив руки под стол, сразу начал отвечать:

— Мне ее дал мой начальник, капитан Бондаренко для того, чтобы я сделал расчеты, — и все.

— Если тебе нужно было сделать расчеты, зачем ты тогда переписывал текст?

— Чтобы потом не сбиться, какие результаты к каким данным относятся, — также быстро ответил Лобанов. Видимо, вчера он рассмотрел все возможные варианты вопросов и продумал ответы к ним.

— Звучит убедительно. Если б не одно «но», — Игорь сделал многозначительную паузу и пристально посмотрел в глаза матросу. — Диссертация командира имеет гриф «Совершенно секретно», а ты самовольно переписал ее в незарегистрированную тетрадь. А это уже можно расценить как незаконный сбор секретных сведений.

— Товарищ капитан, я, конечно, военнослужащий срочной службы, но не дурак, как вы меня воспринимаете. Я выполнял приказание своего начальника. По своим служебным обязанностям допуска к секретам не имею, и секретной рабочей тетради у меня нет, чтобы в ней делать записи. Поэтому, если кто-то и допустил нарушение режима секретности, то, во всяком случае, не я. И ничего я не похищал и не собирал. Тетрадь командира полка находится в секретной части. А эти рабочие выписки я сделал и забыл куда засунул, потому что мне они не нужны. Как вы сами заметили, дальше вычислительного центра они не ушли. Товарищ капитан, я не пойму, какие ко мне претензии? — с вызывающей улыбкой спросил матрос.

«Видимо, парня вчера кто-то хорошо проинструктировал, — подумал Чернов, — надо подбираться к нему с другой стороны».

— Претензий у меня к тебе много. Я вижу, что после задержания со спиртом ты меня воспринимаешь не совсем серьезно. Неужели ты думаешь, что мой начальник нашел эту тетрадь случайно? У нас случайного ничего не бывает. Я нашел ее давно. И то злополучное

задержание было инсценировано только для того, чтобы получить образец твоего почерка. А получив образец твоего почерка, я смог убедиться, что именно ты сделал эти записи. Коль ты не хочешь рассказывать, зачем ты переписал диссертацию командира и для кого, поведем разговор в другом русле.

Игорь сложил ладони в замок и монотонным голосом начал выдвигать свои аргументы:

— Когда ты призвался на флот, то давал подписку, что в период службы не имеешь права контактировать с иностранцами. Было такое? — чуть повысив голос, спросил матроса Чернов.

— Было. Но я с иностранцами никогда не общался, — невозмутимо ответил Лобанов.

— А вот здесь позволь тебе не поверить. Ты попал в поле зрения наших коллег в Москве еще в свой первый отпуск, — начал блефовать Игорь. — В отделе есть фотография, когда ты заходишь в здание советско-норвежского совместного предприятия «Хорет», и есть магнитофонная запись твоего разговора с иностранцем из этой фирмы.

При этих словах улыбка с лица Лобанова сошла. У него нервно начал дергаться левый глаз.

— Ну, он не иностранец, он наш соотечественник из Прибалтики, — попытался оправдаться матрос и понял, что проговорился.

— Ошибаешься. Он гражданин Норвегии. А теперь посмотрим, будешь ты мне дальше врать или начнешь говорить правду. Сейчас от твоих показаний зависит, кем ты выступишь на процессе, свидетелем или главным подозреваемым, — продолжал свою игру капитан.

— На каком процессе? — удивленно переспросил Лобанов.

— Как на каком? На судебном, по факту шпионажа.

— А какой разговор у вас записан на пленку? — вновь спросил матрос.

— Слишком много у тебя вопросов, а я бы хотел услышать ответы. Но если для тебя это имеет значение, то все разговоры. А теперь я слушаю тебя, начинай по порядку. Кому принадлежала инициатива передачи диссертации командира полка иностранцам? На каких условиях ты передал первую часть работы и, наконец, сколько тебе должны были заплатить за нее? Я-то, конечно, ответы на эти вопросы знаю, но хотелось бы их услышать от тебя.

— Товарищ капитан, — дрожащим голосом заговорил Лобанов, — разрешите задать вам последний вопрос?

— Слушаю.

— Меня посадят? — обреченно спросил он, — На сколько лет?

— Скажу тебе откровенно. У тебя есть два выхода. Первый: ты мне рассказываешь все честно и, если твои ответы совпадают с нашими данными, мы тебе поможем восстановиться в училище, начнем плодотворное сотрудничество и с твоей помощью разоблачим иностранного шпиона. Второй вариант: ты продолжаешь вешать мне лапшу на уши, потом излагаешь ее на бумаге, а затем следователь КГБ в Москве разобьет твои данные имеющимися у них доказательствами. И тогда привлекут к ответственности тебя за передачу иностранному гражданину сведений, составляющих государственную тайну. А иностранца выдворят из страны за противоправную деятельность — и все.

Капитан откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, приготовился слушать.

Матрос в течение нескольких минут молча разглядывал ладони руки, видимо, взвешивая все «за» и «против», и наконец сказал:

— Инициатива была моя. Мой школьный друг хорошо зарабатывает на том, что продает различные изобретения.

— Кому продает? — уточнил капитан.

— Лукасу Гайлюсу из фирмы «Хорет». Я действительно не знал, что он иностранец. Мне и мой друг говорил, что он из Прибалтики. Да и он особенно не заинтересовался этой работой, потом только сказал, что сможет использовать этот метод в поиске затопленных кораблей английского флота. Я ему еще ничего не продал. Первую часть я оставил ему бесплатно. Вторую часть, которую вы нашли, я должен был привезти ему после увольнения, и только после этого он бы мне заплатил.

— Сколько? — поинтересовался Чернов.

— Пятнадцать тысяч рублей.

— Кто определил эту сумму?

— Я, — ответил Лобанов.

— А зачем тебе столько?

— Хотел машину купить, гараж и что-то себе оставить, чтобы родителей не беспокоить.

— А ты не будешь против, если уже по нашему заданию отнесешь этому человеку вторую часть диссертации? Правда, деньги придется сдать, — спросил Игорь.

— После таких разворотов мне уже никакие деньги не нужны. Но проблема здесь в другом: окончания диссертации нет, — он сделал паузу, тяжело вздохнул и добавил: — А теперь, видимо, и не будет.

— За окончание ты не беспокойся, если ты согласишься сотрудничать с КГБ, продолжение появится, — заверил его Чернов.

— Я согласен. Что я должен написать? — с готовностью на все спросил Лобанов.

— Для начала напиши мне все, что только что рассказал, а потом заполни вот эту подписку и подпишись.

Капитан пододвинул матросу чистый лист бумаги и бланк с установленной формой подписки о сотрудничестве. Лобанов, не задавая лишних вопросов, заполнил бланк и поставил свою подпись. Затем взял чистый лист бумаги и стал писать все то, что только что рассказал оперработнику.

После обеда капитан Чернов сидел в кабинете Можайского и докладывал результаты проведенной беседы. Начальник отделения, улыбаясь, слушал подчиненного, не скрывая морального удовлетворения. По завершении доклада Игорь спросил у него:

— Ну а как повел себя Шкилев в кабинете Иващенко?

— Разговор у них был тет-а-тет, при закрытых дверях. Единственное, что мне рассказал Иван Петрович, это то, что Шкилев написал рапорт на увольнение.

После этих слов Игорь нахмурился и произнес:

— Жаль Леонида Павловича, как-то не по себе, что именно я стал причиной его неприятностей. Была бы сволочь какая, а так хорошего человека под пенсию подвел.

— Не кори себя, Игорь. Хороший человек — это еще далеко не все. На такой должности нужно уметь отвечать за свои дела и поступки. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы все пошло по-другому. Никто не скажет, каким материальным ущербом для страны обернулась бы его халатность. Да и ты, скорее всего, в звании капитана завершил бы карьеру в органах. Вряд ли Шкилев переживал бы по поводу твоей загубленной судьбы. Так что пусть радуются, что все остались на свободе. Ну а ты, Игорь, сегодня-завтра отписывайся по этому делу и с понедельника готовься в отпуск.

— А как же с Лобановым быть?

— Все, что от тебя зависело, ты сделал. Теперь в отношении него мы отправим

ориентировку в Москву, а там уже начнется работа территориальных органов. Лобанов твой через пару недель уволится и станет их клиентом. А ты отдыхай, и с новой силой начинай копать. Здесь, на Севере, работы для нашего брата не меньше, чем в столице.

Можайский улыбнулся капитану и стал складывать документы в сейф. Игорь тогда еще не знал, насколько окажется прав его начальник и какие перипетии его ждут впереди.

Часть вторая
КОДИРОВЩИК

Нельзя сказать, что сорок семь суток отпуска для Игоря Чернова пролетели как один день. За это время вместе с женой они погостили у ее родителей в Луганске, съездили отдохнуть в пансионат на Керченский полуостров, где начиналась офицерская служба Игоря. Затем проведали его родителей в Ставропольском крае. Это был первый отпуск капитана Чернова за период службы на Севере. После его окончания Игорь возвращался к месту службы один. Обычно офицеры и прапорщики на летний период оставляли семьи на Большой земле, и для мужчин наступали тяжелые времена. В шутку лето на Севере называли «кобелиным сезоном», потому что увидеть женщину в гарнизоне в это время было сложно. А мужчины, пользуясь бесконтрольностью со стороны вторых половин, довольно часто теряли человеческий вид, но это воспринималось всеми спокойно, как неотъемлемая часть службы в Заполярье. С появлением в гарнизоне жен жизнь очень быстро возвращалась в нормальное русло.

Прибыв в гарнизон, Игорь с удивлением для себя отметил, как красиво стало вокруг. Природа поражала буйством красок. Некогда заснеженные сопки утопали в зелени кустарников, голубое небо отражалось в водной глади бесчисленного множества озер, со всех сторон окружавших поселок. Едва войдя в квартиру, Игорь быстро распаковал чемодан, переоделся в спортивный костюм и пошел гулять. К своему стыду, за предыдущие месяцы службы ему ни разу не приходилось удаляться от гарнизона дальше чем на пятьсот метров. Просто не было необходимости, да и ходить по глубокому снегу без нужды не было желания. Спустя девять месяцев службы в этом гарнизоне он наконец открыл для себя другой Север. Игорь был приятно поражен изобилием ягод вокруг: кусты черники покрывали здесь все свободное пространство, ближе к воде начинались заросли морошки, а склоны сопок были просто усеяны ковром брусники и вороники. Такого изобилия даров природы Чернов никогда не видел даже на Украине. Видимо, сама земля после долгой зимы стремилась летом выдать сразу все свои богатства. Он уходил все дальше от гарнизона на север и каждый раз находил для себя что-то новое и интересное. Как оказалось, на одной из сопок были установлены фуникулер и трасса для скоростного спуска. Видимо, зимой здесь проводились соревнования лыжников. К сожалению, Игорь не был поклонником этого вида спорта, но в этот момент позавидовал его приверженцам. Начиная с середины февраля, после восхода солнца у них была отличная возможность приятно провести время на свежем воздухе. Игорь удалялся все дальше и дальше, периодически пугая затаившихся зайцев и куропаток, пока не поднялся на самую высокую сопку. Растительности на ней практически не было, за исключением сплошного ковра ягеля. Чернов забрался на ее вершину и увидел: впереди, как на ладони, простирался Североморск. «Сколько же я прошел? — подумал Игорь. — Не меньше десяти километров». Он посмотрел на часы, стрелки показывали двадцать часов. Нужно было возвращаться назад. В разгаре стояла полярная ночь. Здешние ночи существенно отличались от белых ночей Ленинграда, когда в полночь царили сумерки. Тут, в Заполярье, солнце не заходило вообще. Так, при солнечном свете, капитан Чернов уставший, но довольный вернулся домой. До условного утра он проспал без сновидений, дорога в гарнизон и вечерняя прогулка сделали свое дело.

После доклада начальнику отделения Особого отдела ВВС о своем прибытии капитан Чернов направился в штаб. Не заходя в свой кабинет, он зашел в гости к майору Сизову,

поделился с ним вчерашними впечатлениями от прогулки. А выйдя от него, направился к заместителю начальника штаба майору Абдулову. Стас Абдулов был на два года старше Игоря. В свое время он окончил Оренбургское летное училище и летал на Ту-95 в гарнизоне Североморск-1. Однако по состоянию здоровья через пять лет ему пришлось оставить небо и перейти на штабную работу.

— Прими мои соболезнования по поводу возвращения из отпуска, — вместо приветствия сказал он вошедшему капитану, улыбаясь.

— Спасибо на добром слове, — ответил Чернов, протягивая ему руку.

— Как отдохнул?

— Отлично, — ответил Игорь и стал рассказывать о своих перемещениях по стране и впечатлениях от отпуска. Закончив рассказ, он, в свою очередь, спросил у Абдулова: — Ну а как тут, пока меня не было?

— Небо на землю не упало, — засмеялся тот, — все нормально, никто не умер, техника цела, люди тоже.

— А по моей линии что-то было интересное? — поинтересовался Чернов.

— Да нет. Авиагруппа вернулась с боевой службы, но их опрашивал майор Мухин. Все нормально, — Стас почесал подбородок, выдержал непродолжительную паузу и, понизив голос, добавил: — Хотя был один момент. Но его быстро замаяли и даже служебного расследования не проводили. Короче, дело было так. Шкилева отправили в госпиталь на списание. Полком стали командовать Федя Салюков как первый заместитель командира и начальник штаба Федотов. Но, сам знаешь, Феде ничего не надо, ему только летать, а Федотов начал свою власть показывать. Он добился восстановления на летную работу и сейчас спит и видит себя в командирском кресле. Это предисловие, — театрально предупредил майор. — В конце июня полк перелетел на лагерный аэродром «Талые ручьи», а там — как в пионерском лагере: каждый делает, что хочет.

Абулов прервался, как будто забыл сказать что-то важное, и продолжил:

— Помнишь, весной был приказ, что всем категориям летного состава, кто садится на палубу, штатная категория по воинскому званию поднимается на одну ступень?

— Конечно, помню. И что? — спросил Чернов.

— А то, что в этот момент, когда полк был на «Талых ручьях», треть летного состава получила очередные звания. Представляешь, какая там была пьянка?

— Представляю. А как это меня касается? — начал нервничать Игорь.

— А так. Не знаю, есть взаимосвязь с этим или нет, но после сабантуя очень быстро и тихо списали секретную кодовую таблицу в группе спецсвязи. И что интересно: Федотов был и председателем комиссии, которая якобы уничтожила эту таблицу, и лицом, утвердившим этот акт. А такого не должно быть. По закону комиссия создается на основании приказа командира полка, где определяются ее председатель и члены комиссии. А потом начальник штаба или командир утверждает этот акт. А здесь получается, что сам акт составил и сам его утвердил. Видимо, не захотел Федотов придавать огласке это дело, чтобы взыскание не получить. Ну, а Федя, скорее всего, до сих пор не в курсе, что произошло.

— И какие у тебя версии по этому поводу? — поинтересовался капитан.

— Стоп-стоп-стоп, — поднял руки Стас, — я замначальника штаба, мои задачи четко расписаны в уставе, а выдвигать версии — это твой хлеб. Каждый ест свою морковку. Я тебе информацию подкинул, а ты ее пережевывай.

Майор хитро улыбнулся и вытащил из стола кисет с табаком и трубку. Он медленно раскурил ее и добавил:

— Даю тебе еще одну наколку, — он многозначительно посмотрел на капитана, выпустил дым и произнес: — В составе комиссии был человек, который на сегодняшний день не имеет допуска к секретам, но является близким другом подполковника Федотова.

— Все понял, — Чернов резко встал с места, — я пошел в «секретку» искать этот акт.

— Удачи, — пожелал ему Абдулов и попросил: — Если вдруг что, я тебе ничего не говорил.

— Естественно, — на ходу ответил оперработник и закрыл за собой дверь.

Войдя в помещение секретной части, он поздоровался с делопроизводителем:

— Добрый день, Лидия Васильевна.

— Здравствуй, Игорь. Давно тебя не было видно, в отпуске был? — улыбаясь, спросила женщина. Лидия Самбурова работала в секретной части полка более пятнадцати лет. Она была на десять лет старше Чернова и позволяла себе относиться к нему снисходительно. Хотя так она относилась практически ко всем молодым офицерам. Это право, по ее мнению, давало ей другое обстоятельство — ее муж был заместителем командира полка по безопасности полетов.

— Да, сегодня первый день. Никак не могу еще настроиться на работу.

— Ну и не надо себя заставлять. Лучше расскажи, где был, что видел. Мы на следующей неделе тоже с мужем уходим в отпуск. Ты не представляешь, как мне уже здесь все надоело.

Игорь в который раз начал рассказывать о проведенном отпуске. Закончив повествование, он практически без паузы, чтобы избежать лишних вопросов, попросил ее:

— Дайте мне, пожалуйста, дело с актами об уничтожении секретных документов и дело со служебными расследованиями.

Улыбка сошла у нее с лица, и она нехотя пошла к шкафам с секретной литературой.

— Что-нибудь случилось? — с легким волнением в голосе спросила Самбурова.

— Нет, просто хочу посмотреть, что произошло в части за время моего отсутствия.

— Пожалуйста, — пытаюсь казаться спокойной и равнодушной, протянула она капитану два дела и журнал выдачи документов для росписи в получении.

Чернов расписался за получение в журнале и карточках-заместителях, которые передал женщине, а затем направился в свой кабинет. Едва за ним захлопнулась дверь, как бдительная сотрудница секретной части сразу же позвонила начальнику штаба:

— Игорь Игоревич, заходил особист, взял дело со служебными расследованиями и акты списания секретных документов.

— Черт бы его побрал, откуда он взялся на мою голову? — выругался тот. — А зачем ты ему их дала?

— А как я могу ему не дать документы? Он имеет право беспрепятственно их получать, — резонно возразила женщина.

— Ладно, пусть копается, — окончательно разозлился начальник штаба и бросил трубку.

Игорь зашел в свой кабинет, осмотрелся вокруг после полуторамесячного отсутствия, вытер накопившуюся пыль со стола и принялся изучать полученные документы. Интересующий его акт был подшит в дело последним листом. Чернов перечитал его. Стандартная форма: комиссия в составе подполковника Федотова, капитана 3-го ранга Омельченко и прапорщика Горохова отобрала для уничтожения путем сожжения следующие наименования документов как не представляющие исторической и документальной ценности. Дальше шел перечень телеграмм с учетом их номеров, ключи к шифровальной машине и последним пунктом отмечена таблица с указанием регистрационного номера. «Странно, — подумал Игорь, — как может кодовая таблица не представлять документальной ценности, если она необходима для работы с шифровальной машиной и имеет гриф «Совершенно секретно»? Надо задать этот вопрос начальнику штаба».

Он запер дверь кабинета и направился к подполковнику Федотову.

— Разрешите? — спросил Чернов, войдя к нему в кабинет.

— По какому праву вы врываетесь ко мне без предупреждения, особенно когда я работаю с секретными документами? Что за хамство? — заорал подполковник.

Игорь не был готов к такому развитию событий и на некоторое время оторопел. Затем, взяв себя в руки, спокойно ответил:

— Я к вам зашел по служебному вопросу, а не просто так поболтать. Если вы так ревностно беспокоитесь за режим секретности, то почему работаете с секретными документами при открытых дверях? И не забывайте, что вы для меня не начальник, а я вам не подчиненный. Я здесь представляю Комитет государственной безопасности, и если я к вам зашел, значит, и мой вопрос к вам не праздный.

— Ты капитан, а я подполковник, поэтому перечитай устав, может, вспомнишь о субординации.

— О субординации я помню всегда, но, видимо, придется последовать вашему совету. Я надеюсь, вы будете себя более комфортно чувствовать, когда вопросы по поводу незаконного списания кодовой таблицы вам будет задавать лично полковник Иващенко, а не я. В обычной жизни он не опускается до уровня начальника штаба полка, но, учитывая серьезность ситуации, думаю, с удовольствием уделит вам время, — с сарказмом ответил Чернов и демонстративно направился к выходу.

— Постой, — закричал Федотов и через пару секунд добавил: — ...те.

Он был в курсе, как разговаривает начальник Особого отдела КГБ СССР по ВВС флота офицерами полкового звена. Недавний пример общения с полковником Шкилевым долго муссировался среди командиров и их заместителей в гарнизоне.

— Слушаю вас, товарищ подполковник, — Игорь сделал ударение на последнем слове.

— Да не обижайся на меня, с утра завели вводными, вот и не сдержался, — примирительным тоном сказал Федотов.

— На обиженных воду возят, — ответил Чернов и в свою очередь захотел уколоть подполковника. — А что касается устава, то я его знаю не хуже вас. Согласно его требованиям, военнослужащие, независимо от должностного положения и званий, должны обращаться друг к другу на «вы». Или вы предпочитаете, чтобы и я к вам тоже обращался на «ты»?

Глаза у Федотова налились кровью, он хотел опять сказать что-то резкое, но вовремя остановился и уже официально сказал:

— Я слушаю вас, Игорь Геннадьевич. Чем могу быть вам полезен?

— Меня интересует, Игорь Игоревич, причина уничтожения кодовой таблицы на аэродроме «Талые ручьи», — в тон ему ответил Чернов.

— А почему вы об этом спрашиваете у меня? Спросите у моего помощника по спецсвязи и режиму секретности, это его епархия.

— Председателем комиссии, согласно акту, были вы, а не он. Поэтому кто, как не вы, мне выдаст информацию из первых рук?

— Товарищ капитан, неужели вы думаете, что мне, начальнику штаба полка, на лагерном аэродроме больше заняться нечем, как бумажки жечь? Мне принесли акт, я его подписал. Спрашивайте у тех, кто сжигал.

— А кто сжигал, если одного из трех членов комиссии, как уже оказалось, не было не месте уничтожения? — спросил Игорь, имея в виду самого Федотова.

— Еще раз вам говорю, разбирайтесь с членами комиссии, если я совершил государственное преступление, подписав этот злополучный акт, то готов понести соответствующее наказание. А сейчас мне некогда, мне нужно работать, — закончил разговор Федотов, и, надев очки, сделал вид, что углубился в изучение документов.

Чернов, не прощаясь, вышел из кабинета начальника штаба и направился к себе. В первый день после отпуска он уже понял, чем ему придется заниматься в ближайшие несколько дней. Для начала нужно вызвать к себе прапорщика Горохова и опросить его, пока начальник штаба не провел с ним инструктаж. Он набрал номер телефона группы спецсвязи и через начальника вызвал к себе в кабинет прапорщика. Через двадцать минут тот уже сидел за столом у Чернова.

— Иван Тимофеевич, — обратился к нему оперработник, — я хотел бы узнать от вас о причинах сожжения кодовой таблицы. Надеюсь, у вас хватит здравого смысла не рассказывать мне, что она устарела и вам прислали новую? В Особом отделе используется аналогичная шифровальная машина для кодированной связи, и я имею определенные навыки работы с ней.

— Не сомневаюсь, — обреченно ответил прапорщик.

— Тогда я внимательно вас слушаю, — поторопил его Игорь.

— А рассказывать особо нечего. Когда сворачивали кодогруппу перед отлетом на базу, машинально собрал все не нужные бумаги и общей массой выбросил в печь. Когда увидел, что горит таблица, пытался ее вытащить, но там был сильный жар. Побежал за водой, хотел залить печь, но было уже поздно.

— И кто может это подтвердить? — поинтересовался у него капитан.

— Да все члены комиссии подтвердят. У них на глазах она сторела. Мы поэтому и акт переписали. В старом акте кодовой таблицы не было, — дрожащим голосом ответил Горохов.

— А как получилось, что в отношении ваших действий командование не проводило служебного расследования? Во всяком случае, в деле нет материалов проверки данного факта, — Чернов показал на вторую папку.

— А нечего было расследовать, все произошло на глазах начальника штаба, он сразу и вклеил мне «строгача», а затем в штабе ВВС этот вопрос, видимо, уладил, — продолжал оправдываться Горохов.

Чернов посмотрел на прапорщика и покачал головой.

— Ваша версия звучит убедительно, но есть одна нестыковка. Начальник штаба отсутствовал при сожжении документов. Я только что был у него, и он мне сказал, что не присутствовал при уничтожении. Кто мне лжет, начальник штаба или вы?

— Я вам говорю правду, спросите у Омельченко, — твердо заявил прапорщик.

Они просидели, молча глядя друг на друга, около минуты, когда, наконец, Чернов спокойно сказал:

— Я вас больше не задерживаю, можете быть свободны.

Прапорщик от неожиданности закашлял. Затем, не веря своим ушам, спросил:

— Так что, и писать ничего не будем?

— Нет, не будем, — ответил Чернов, и когда Горохов подошел к двери, добавил: — Во всяком случае, пока.

Прапорщик тяжело вздохнул, поправил фуражку и вышел в коридор. Не долго думая, Игорь последовал за ним. Закрывая свой кабинет, он увидел, как в конце коридора Горохов

без стука зашел к начальнику штаба.

«Теперь остается опросить капитана 3-го ранга Омельченко, — подумал Чернов. — Он, безусловно, расскажет то же самое, видимо, легенду они уже обговорили, но есть смысл уточнить детали».

Оперработник вышел из здания и быстро направился в домик второй эскадрильи, где одно из помещений занимала группа средство объективного контроля. Именно там служил капитан 3-го ранга Омельченко в должности старшего кодировщика. На входе в строение они столкнулись лицом к лицу. Тот явно куда-то торопился.

— Вячеслав Михайлович, вы могли бы мне уделить пару минут? — вежливо спросил его Игорь.

— А можно позже? Меня начальник штаба к себе вызывает, — ответил тот.

— Ничего, мне тоже нужно в штаб, так что нам по пути.

— Хорошо, я слушаю, — согласился офицер.

— Меня интересует только один вопрос. Почему и при каких обстоятельствах сожгли кодовую таблицу на «Талых ручьях»?

Омельченко улыбнулся и, не задумываясь, ответил:

— По случайности. Прапорщик бросил ее в печь вместе с пустыми конвертами, а когда хватился, то уже поздно было.

— И что, нельзя ее было вытащить?

— Конечно, нет. Ты был на «Талых ручьях»? — спросил он Игоря.

— Нет еще, а что?

— Там печь представляет собой топку котельной. Кто ж туда полезет, — усмехаясь, ответил Омельченко.

— А не пробовали водой залить? — продолжал атаковать вопросами Чернов.

— Бесполезно. Во-первых, отопительный сезон закончен, поэтому воду в котельной отключили в связи с ремонтом труб. А во-вторых, то пламя, которое там пылало, водой не зальешь.

Очень быстро офицеры пришли в штаб полка. Чернов пошел в свой кабинет, а Омельченко направился к начальнику штаба.

Усевшись в кресле и прикрыв глаза, Игорь стал анализировать полученную информацию. «На первый взгляд, ситуация обычная. В практике подобное бывает. Но почему начальник штаба посчитал нужным остаться в стороне от этого нарушения, хотя прекрасно осознает, что допустил нарушение режима секретности, точнее, закрыл на него глаза и при этом нарушил его документальное оформление? Это, в общем, одно и то же, но в данном случае заслуживает меньшего наказания. Почему в состав комиссии он включил офицера, который не имеет допуска к секретам? Почему Горохов утверждает, что побежал за водой, чтобы потушить огонь, а Омельченко заявляет, что тушить водой никто и не собирался? Следующий момент. За счет чего в топке могло быть сильное пламя, если отопительный сезон закончен? Судя по акту, документов для уничтожения было немного и их спокойно можно было сжечь в ведре. Что же там было на самом деле, если лгут все трое? Надо опрашивать своих негласных источников, из числа тех, кто был на лагерном аэродроме. Эти трое мне ничего не скажут, тем более после беседы у Федотова», — подумал Чернов и стал собирать документы для сдачи в секретную часть.

Когда делопроизводитель секретной части приняла документы, она обратилась к Чернову:

— Игорь, начальник штаба приказал, чтобы ты зашел к нему после сдачи документов.

— Лидия Васильевна, начальник штаба мне не может приказать, потому что я служу в другом ведомстве. А вы доложите ему, что его просьбу мне передали, — Чернов улыбнулся женщине и вышел в коридор.

Не успел он войти в кабинет, как раздался телефонный звонок. Опытный майор Мухин когда-то учил его: «Не спеши поднимать трубку, отвечай после четвертого или пятого звонка. Так поступают все начальники, а сразу отвечают на звонок только дневальные на тумбочке». Чернов не спеша сел за стол, потер руки и снял с рычага трубку. Он не успел ответить, как услышал разъяренный голос начальника штаба:

— Ты что себе позволяешь? Тебе кто дал право опрашивать моих подчиненных по поводу моих действий?

— Во-первых, насколько я понял, мы еще не перешли на «ты» в наших отношениях. А во-вторых, меня этого права никто не лишал, оно дано мне моими служебными полномочиями. Если вы хотите со мной что-то обсудить, то я готов уделить вам время после обеда, даже без предварительных договоренностей, — мягко отреагировал на хамство Чернов.

В ответ абонент бросил трубку.

До конца дня Игорь просидел у себя в кабинете, обдумывая версии случившегося на лагерном аэродроме и свои дальнейшие отношения с начальником штаба. «Если в первом случае вопросов было больше, чем ответов, то в ситуации с начальником штаба все было ясно, как белый день. Закоренелый солдафон Федотов всегда будет видеть в Чернове не представителя органов госбезопасности, а обычного капитана. Идти с ним на примирение — значит подчиниться его воле и, образно говоря, стать в строй его подчиненных. Тогда можно потерять свой авторитет не только в его глазах, но и перед всеми офицерами полка. Продолжать словесные перепалки — тоже смысла нет, потому что ничем хорошим и продуктивным это не закончится. Остается одно — погонями надавить на погоны. Другими словами, доложить данную информацию полковнику Иващенко, а тот быстро расставит точки над «i». Тогда Федотову придется выбирать из двух зол меньшее, а в его случае — это мир с капитаном Черновым», — подумал Игорь. На этом решении он и остановился. На следующий день он прямо с утра отправился в Особый отдел доложить полученную информацию. Подполковник Можайский, внимательно выслушав его, немного подумал и решительно подвел итог всему услышанному:

— Я считаю так: по факту незаконного уничтожения кодовой таблицы необходимо проинформировать командующего ВВС, пусть они проводят свое расследование и сами наказывают виновных. Я не думаю, что кто-то из этих троих умышленно ее похитил. И прапорщик из СПС, и начальник штаба в этом не заинтересованы, тем более что сразу подпадают под подозрение. Омельченко там вообще «левый чайник». Видимо, нашли первого попавшего незадействованного человека. Да и нет у нас оснований утверждать, что она была похищена. Видимо, так на самом деле все и было, как они утверждают. А вот ваши отношения с Федотовым как-то решать надо. Было бы лучше, если бы ты сам, без нашей помощи, нашел с ним точки соприкосновения.

— Да я обеими руками «за», — ответил Игорь, — но он во мне видит только капитана и не более того. О чем бы мы с ним ни говорили, все заканчивается разницей в погонах. Что же, мне ждать, пока подполковника присвоят?

— Пожалуй, к тому времени Федотов либо уйдет на пенсию, либо станет

полковником, — Можайский улыбнулся и предложил свой вариант примирения: — Давай, я поговорю с ним, а не Иващенко. Я не буду акцентировать внимание на вашем конфликте, опрошу его по ситуации с кодовой таблицей и сделаю так, что у него надолго пропадет желание ездить в Особый отдел общаться с равными по званию. Думаю, после этого для него выгоднее будет решать вопросы с тобой. Пока суть да дело, набросай текст информации командирующему, а я пока вызову на беседу Федотова.

Игорь взял лист бумаги и сосредоточенно стал обдумывать содержание информации, а Можайский подвинул к себе телефонный аппарат внутренней связи и набрал номер одного из заместителей командирующего ВВС.

Чернов возвращался домой, но чувства удовлетворенности от общения с начальником не испытывал. Отношения с начальником штаба его мало беспокоили. Он не мог согласиться с мнением начальника о том, что уничтожение кодовой таблицы было случайностью. Каких-то конкретных версий пока не возникло, но интуиция подсказывала, что не все так просто.

Вернувшись в штаб, капитан первым делом направился в отдел кадров. В пустом кабинете сиротливо сидел начальник майор Кухарев. Учитывая, что все женщины были в отпуске, он одним пальцем что-то печатал на печатной машинке. Чернов поздоровался с ним и спросил:

— Можно я у тебя посмотрю личные дела офицеров и прапорщиков?

— Смотри, — равнодушно ответил тот, — шкафы открыты.

За годы службы в отделе кадров майор привык к частым появлениям у себя сотрудников Особого отдела и воспринимал их желание поработать с документами как обыденное явление. Поэтому он даже не посмотрел, чьи личные дела взял Чернов. А Игорь начал работу с изучения личного дела подполковника Федотова. Ничего особенно интересного для себя он там не нашел. Послужной список характерен для многих офицеров полка: срочная служба, военное училище, офицерская служба, учеба в академии. В характеристике есть отдельные моменты, характеризующие его как личность: заносчив, болезненно реагирует на критику, но в то же время обладает высокими командными и организаторскими способностями.

Личное дело прапорщика Горохова вообще оказалось тонким и «серым». Служил срочную службу в этой же части, затем школа прапорщиков и четыре года службы в СПС (группа спецсвязи).

А вот досье капитана 3-го ранга Омельченко заставило Чернова внимательно его перечитать и сделать определенные пометки в блокноте. Сам он родился в Краснодаре. Отец — Омельченко Михаил Степанович, уроженец города Полтавы. Мать — Омельченко (девичья фамилия Кирсанова) Анна Федоровна, родом из г. Энгельса Саратовской области.

После окончания Краснодарского высшего военного училища имени Штеменко был направлен на Балтийский флот для прохождения службы на должности помощника начальника штаба по спецсвязи и режиму секретности одной из частей. Характеризовался исключительно положительно, однако в 1987 году был снят с должности старшего офицера 8-го отдела Кронштадтской флотилии по служебному несоответствию, лишен допуска к секретам и переведен для дальнейшего прохождения службы в распоряжение командующего Северным флотом. В настоящее время проходит службу в противолодочном вертолетном полку в должности кодировщика группы СОК (средств объективного контроля). Женат, имеет двоих детей.

«Это что же надо было совершить, если одно из первых лиц в части, ответственное за контроль режима секретности, лишили допуска и сняли с должности? — подумал Игорь. — Видимо, без вмешательства наших коллег там не обошлось. Надо будет направить запрос в Кронштадт для выяснения причин перемещения его по службе».

Вернувшись в кабинет, Чернов все же решил встретиться с одним из своих негласных источников и выяснить для себя, что же произошло на аэродроме «Талые ручьи». Он позвонил своему давнему знакомому Косте Белову, с которым дружил еще в военном

училище. К счастью, тот после обеда оказался дома.

— Костя, привет. А ты почему дома? — спросил Игорь.

— Сегодня предварительная подготовка, завтра полеты с утра, вот я и дома, — ответил одноклассник.

— Ты завтра летаешь? — поинтересовался Чернов.

— А что, есть предложения? — вопросом на вопрос ответил Белов.

— Я вернулся из отпуска, привез хорошую водку, а отметить начало трудовой деятельности не с кем.

— Ну, ты же знаешь, друзья всегда помогут, к счастью, меня завтра в плане нет, — с оптимизмом ответил Костя, — называй время и место. Через пять минут составлю тебе компанию.

Они договорились встретиться у Чернова дома, и Игорь пошел готовиться к встрече друга. Белов не заставил себя долго ждать: как и обещал, через пять минут уже стоял на пороге квартиры. Они вдвоем по-холостяцки быстро накрыли на стол и приступили к трапезе.

Игорь в который раз рассказал о своем отпуске, об изменениях в родном училище, об общих знакомых, оставшихся на Украине. Затем Константин перебил Игоря и спросил:

— Давай, пока еще не все выпили, ты у меня спроси, что хотел. Я ведь вас, особистов, знаю, просто так поболтать не позовете.

Он засмеялся и потом добавил:

— Ладно, не обижайся, что там у тебя за проблемы начались со старта?

— Проблем нет, — ответил Игорь, — есть текущий вопрос. Меня интересует капитан 3-го ранга Омельченко.

— И в связи с чем он тебя интересует? — откидываясь на спинку дивана, спросил Белов.

— Понимаешь, когда вы были на «Талых ручьях», в 8-й группе, в спецсвязи, уничтожили один документ, который не должны были сжечь. Так вот, в состав комиссии начальник штаба назначил его, хотя знал, что у того нет допуска к секретам. Вот у меня и возник вопрос, почему именно его, а не кого-то другого, но с допуском. На крайний случай, у нас у любого начальника штаба эскадрильи есть как минимум вторая форма допуска.

Белов задумался, затем вытер рот платком и сказал:

— Я не могу утверждать точно, но могу предполагать. Ты же знаешь, что Федотов по основной специальности не вертолетчик, перевелся к нам не так давно из полка БЕ-12. Особого авторитета у него нет, но, тем не менее, он мечтает занять командирское кресло. Даже, говорят, получил допуск на полеты на вертолетах. Если по акту нужно было сжечь то, чего реально не существовало, то летчики могли на это не пойти, а то и вообще сдать его тебе, чтобы ликвидировать как кандидата в командиры. А Омельченко в последнее время стал для него лучшим другом.

— И что же их объединило? — спросил Игорь.

— Не поверишь, машина Омельченко. — Белов улыбнулся и налил себе воды в стакан.

— Интересная мысль, но не понятная.

— Да все очень просто, — стал пояснять Костя, — У Славы Омельченко есть «Жигули». В регионе нигде на заправках нет бензина, а он даже в магазин на машине ездит. Вот к нему в друзья Федотов и втерся. На служебные «УАЗы» выделяют по двадцать литров в неделю, поэтому дальше аэродрома на них не уедешь. А так со Славой они и в Мурманск, и в

Североморск постоянно мотаются. Более того, Омельченко даже на «Талые ручьи» на своих «Жигулях» приехал. Представляешь, через весть Кольский полуостров своим ходом! Зато там они с Федотовым оторвались, постоянно мотались по «шкурным» делам, то за красной рыбой, то за олениной.

— А как себя держал Омельченко с другими офицерами? — продолжал спрашивать Чернов.

— Одно могу сказать, друзей у него там не было да, по-моему, и здесь нет. Мутный он какой-то. Так вроде со всеми общается, смеется, за столом сидит, но никогда ничего ни о себе, ни о своей службе не рассказывал. Такое ощущение, что вчера погоны надел и о прошедшей службе вспомнить нечего.

— Ну, а на лагерном аэродроме он с кем еще общался, кроме Федотова?

— Сам по себе был. Несколько раз видел его с прапорщиком — шифровальщиком, у того в один из дней какая-то проблема с техникой была, так он по приказу начальника штаба помогал ему. Вот и все.

— Ну, а как отметили присвоение новых званий?

— С этим у нас всегда все проходит на высшем уровне. Дошло до того, что некоторых командиров на руках в туалет выносили.

— А ты неужели все до конца запомнил? — улыбнувшись, спросил Игорь.

— А что я, мне срок на майора выходит только на следующий год. Поэтому в этот раз граненый стакан со звездой залпом не выпивал.

— Тогда, может быть, вспомнишь, как вели себя Омельченко и Горохов?

— Очень пристойно, Горохов тихо вырубился, а Слава его отнес в койку и вернулся за стол. Так что все было интеллигентно и культурно, — пошутил Белов.

— А Горохов спал вместе со всеми в казарме или нет?

— Нет, конечно. У себя, в «шифровалке». У него там кровать стоит.

— А что потом было?

— Потом закончился спирт. Инженер больше не дал, и все разошлись.

— А Омельченко куда пошел?

— Да я откуда знаю, что я за всеми следить должен был? И вообще, мы пить сегодня будем или нет? — возмутился Костя.

— Извини, за работой соскучился, — пошутил Игорь и стал разливать водку по стаканам.

На следующее утро Игорь сразу позвонил Можайскому по каналу засекреченной связи и доложил:

— Андрей Викторович, я считаю необходимым взять в проверку Омельченко. Вчера я встретился с одним человеком, — Чернов не стал называть источника информации, — и тот мне проведаль, что на «Талых ручьях» тот был вхож в комнату шифровальщика Горохова. Более того, в один из дней, когда весь личный состав отмечал присвоение очередных званий летчикам, Горохов напился до потери сознания, и отводил его в шифровальную комнату именно Омельченко. Прапорщик был без чувств, поэтому Омельченко мог воспользоваться его ключами и взять там все, что угодно, не только кодовую таблицу.

— Могло быть. Согласен. Но зачем это надо Омельченко? — с интересом спросил Можайский.

— Я посмотрел личное дело этого капитана 3-го ранга. Так вот, всплыли интересные обстоятельства. Он по военному образованию специалист по спецсвязи и режиму секретности. Был старшим офицером 8-го отдела штаба Кронштадтской флотилии. Но его быстро сняли с должности, лишили допуска и убрали куда подальше.

— Лихо девки пляшут, — удивился Можайский, — будет лучше, если ты подъедешь ко мне, и мы обговорим все детали лично, а не по телефону. А то ты там поваришься еще день в собственном соку и будешь требовать санкцию на арест Омельченко как американского шпиона.

Подполковник засмеялся и положил трубку.

Через час Чернов сидел в кабинете начальника и докладывал обо всем, что смог узнать за вчерашний день.

— Итак, какие возникли мысли и версии? — задал вопрос Можайский, прохаживаясь по кабинету.

— Я думаю, что кодовую таблицу не сожгли. Ее мог похитить Омельченко, когда приносил в «шифровалку» Горохова.

— Сразу вопрос, — перебил его Можайский, — с какой целью?

— Вариантов может быть множество. Для того, чтобы шантажировать того же Горохова, с целью вымогательства денег. Выступить благодетелем или помощником перед начальником штаба, чтобы потом восстановиться в должности. И, наконец, продать ее иностранным спецслужбам, а может быть, вообще он ее выкрал по заданию иностранных спецслужб.

— Стоп-стоп-стоп, тормози, — остановил капитана начальник, — смотрю, тебя понесло. Во-первых, какую сумму он мог вымогать путем шантажа у бедного прапорщика, который прослужил-то всего четыре года? У него же еще выслуги нет, и богат он — как церковная крыса. И, я тебе скажу, молодые прапорщики не цепляются так за службу, как офицеры. Поэтому он мог смело доложить о хищении начальнику штаба, и тогда возникли бы проблемы у самого Омельченко. А вот тому неприятности никак не нужны, ему до пенсии не очень долго осталось. Вариант с начальником штаба тоже отпадает. Если бы Омельченко украл, а потом якобы нашел таблицу — это одно дело. А так, коль ее списали, от ее появления толку никакого. Более того, сразу бы начали разбираться, как они все трое уничтожили документ, если он опять появился. Теперь что касается продажи кодовой

таблицы иностранным спецслужбам. Я понимаю, что ты еще находишься под впечатлением от дела Лобанова. Но я сомневаюсь, что опытный офицер, почти наш коллега, будет так глупо подставляться.

— А что с последним вариантом? — спросил Чернов.

— С этим вариантом сложнее. Надо разобраться с его личностью, интересами, образом жизни, прошлым. Ты не хуже меня знаешь, чтобы завербовать офицера, нужны определенные обстоятельства, условия и самое главное — основа. За границей он не был, в дальние походы за рубеж не ходил, родственников за границей не имеет, членов семьи, озлобленных на Советскую власть, я думаю, тоже нет. Иначе его бы в такое училище не приняли. Там отбор проводится почти такой же, как в КГБ. Давай сейчас не будем торопиться, распиши все запросы в отношении него и родственников и обязательно в Особый отдел КГБ СССР по Кронштадтской флотилии. Когда придут ответы на наш запросы, тогда и будем выдвигать версии и строить планы. Я думаю, к тому времени и командование проведет свое служебное расследование. Да, кстати, мне ведь Федотов написал в объяснительной, что не присутствовал при уничтожении документов. В состав комиссии включил Омельченко только потому, что тот в прошлом специалист по режиму секретности. Я пообещал, что пока не буду ее показывать командующему. Так что он теперь у нас на крючке, — довольно улыбнулся Можайский.

Чернов ответил улыбкой начальнику, а затем взял несколько листов бумаги и удалился в отдельный кабинет выполнять его указания.

Через час он принес запросы на подпись. Можайский их внимательно перечитал и подписал. Затем, отложив их в сторону, обратился к Игорю:

— Ну, пока почта и наши коллеги будут работать, тебе придется вспомнить, что ты не только военный контрразведчик, но и где-то еще и моряк, раз в морской форме ходишь.

— Звучит интригующе. А можно конкретнее? — попросил разъяснений Чернов.

— Через три дня начинаются учения сил Северного флота. Эскадрилья от твоего полка перелетает на авианесущий крейсер «Баку». Принято решение, чтобы ты вместе с ними вышел в море, — сообщил Игорю начальник. — Ты как переносишь качку?

— Еще не знаю. На Азовском море на катере катался и все, — Чернов смущенно улыбнулся. — Когда вернусь, расскажу.

— Ну и отлично, — подытожил Можайский. — В таком случае собирайся, послезавтра ты должен быть на корабле. Созвонись с корабельным опером, он тебя встретит и поможет разместиться на месте, — подполковник протянул Чернову листок бумаги с номером телефона коллеги.

Весь следующий день Игорь готовился к переезду на корабль. Бывалые летчики посоветовали ему сразу купить свой замок для каюты и запастись продуктами. Это они объяснили тем, что ужин на корабле для летного состава в семнадцать часов, и до отбоя абсолютное большинство успевают опять проголодаться. Бегая по магазинам, Чернов не упустил возможности встретиться еще с одним своим негласным источником из числа технического состава.

Валерию Коленову было уже около сорока лет, он жил один, жена от него ушла, поэтому часто выпивал, иногда уходя в продолжительный запой, но командование не торопилось его увольнять за это. Во всей округе не было лучшего мастера по ремонту автомобильных двигателей и карбюраторов. Поэтому целыми дня он находился в гараже, порой месяцами не появляясь на стоянке вертолетов.

— Ты что такой озабоченный? — спросил он у вошедшего Чернова.

— Завтра на корабль сажусь, — с гордостью ответил Игорь.

— Хорошее дело, я по молодости очень любил ходить в море на боевую службу. Там своя жизнь, размеренная и стабильная. Моряки сами по себе копаются, через каждые полчаса тревоги себе устраивают, а мы — сами по себе, летчиков никто там не трогал. Если полетов нет, то мы как на курорте себя чувствовали, — он мечтательно закатил глаза и смачно цокнул языком.

— Вот и я, получается, с курорта на курорт, — сказал Игорь, и продолжил: — Валера пока меня не будет, ты мог бы понаблюдать за Омельченко?

— А как же я за ним наблюдать буду? Он же то в эскадрильском домике, то на аэродроме, а я всегда здесь. Вижу его только тогда, когда он машину из гаража выгоняет и потом назад ставит.

— А где его гараж? — поинтересовался Чернов.

— Да вот, перед тобой, — Коленов показал рукой на стоящий напротив гараж.

Игорь обошел его, чтобы осмотреть со всех сторон. Строение заметно отличалось от всех остальных как размерами, так и своей добротностью. Величиной он был с одноэтажный дом, изготовлен из сварных листов металла, к нему было подведено электричество, а с задней части виднелась антенна.

— Валера, а что у него там внутри? — спросил Чернов, показывая на гараж.

— Как и положено: смотровая яма, есть комната отдыха, там у него телевизор стоит, диван, приемник, даже лестница на чердак установлена. Но что там, я не знаю.

— Валера, мне нужно бежать, но ты за ним посмотри, когда приходит, с кем, что приносит, что уносит, чем занимается в гараже. Мне любое твоё наблюдение будет интересным. А я когда вернусь с учений, все тебе расскажу и объясню.

— Хорошо, посмотрю, — буркнул Коленов, и полез под машину.

На следующий день, капитан Чернов стоял на причале возле крейсера «Баку» в ожидании своего коллеги. Величие и мощь корабля произвели на него неизгладимое впечатление. Он больше напоминал многоэтажный небоскреб площадью с олимпийский стадион, чем боевую технику. Игорь смотрел на эту махину и не верил своим глазам; ему казалось, что он попал в какой-то фантастический мир и перед ним не военный корабль, а какая-то межгалактическая космическая станция из кинофильма «Звездные войны».

К нормальному восприятию мира его вернул подошедший офицер в морской форме.

— Старший оперуполномоченный капитан 3-го ранга Полежаев Вадим Петрович, — представился он и протянул руку, — можно просто Вадим.

Чернов ответил на приветствие и назвал свое имя. Они сразу перешли на «ты».

Поднявшись на борт и отдав честь флагу, Полежаев предложил:

— Давай сначала пройдем в мою каюту, оставишь там вещи. Я тебя представлю командиру, а потом покажу корабль.

Авианесущий крейсер Игорь представлял себе совсем по-другому, во всяком случае, не так, как их показывали в фильмах. Просторных коридоров там не было и в помине. Скорее их можно было назвать туннелями, бессистемно уходящих то вниз, то вверх, то в стороны. На потолке тускло горели защищенные металлической сеткой светильники.

Кабюта корабельного опера тоже не произвела должного впечатления на Игоря. Она была размером как купе поезда. И все там было компактное: узкая кровать, крошечный столик, условный шкаф.

— Уютно здесь у тебя, — деликатно отметил Игорь, осматривая жилище.

— Это потому, что мне по штату положена отдельная каюта. У остальных офицеров каюты на двоих. Вот там не протолкнуться. А у меня простор.

Полежаев гордо разлегся на койке и потянулся, таким образом демонстрируя свободу движений в помещении. Затем, он посмотрел на остолбеневшего Чернова и спросил:

— Ты что, первый раз на корабле?

— Конечно, первый, я только в прошлом году перевелся сюда. До этого служил в транспортной авиации, — оправдываясь, ответил Игорь.

— Ничего, после этого выхода станешь настоящим моряком. Имей в виду, забортную воду придется пить вместе с «салагами». Так у нас отмечают первый выход в море, независимо от чинов и званий.

— Не будем нарушать традиций, нам все равно, что пить, — шутя, ответил Чернов и добавил: — Пошли к командиру?

Кабинет командира корабля тоже сильно отличался от кабинетов наземных начальников такого уровня. По площади он был едва вдвое больше каюты Полежаева.

Сам командир оказался тоже своеобразным человеком. Он, не прерываясь, читал документы, даже никак не отреагировав на появление сотрудников Особого отдела. Когда происходило знакомство, то говорил только Вадим. Сам командир, не глядя на них, только кивал в знак согласия и молча жестикулировал. После того как Полежаев сказал, что его коллега впервые попал на корабль, тот покачал головой и выдавил из себя:

— Это «пробоина» в службе. Ликвидируй.

Кому была адресована эта команда, Полежаеву или Чернову, никто не понял, но оба одновременно встали с места в ожидании разрешения следовать на осмотр корабля. Командир махнул рукой либо в знак согласия, либо в знак прощания и вновь углубился в чтение документов.

Впечатления от экскурсии по крейсеру тоже были двойными. Первое чувство, появившееся у капитана Чернова, — это гордость за советский военно-морской флот. Второе — легкая паника. Игорь вспомнил художественный фильм «Лицедеи», где герой Семена Фарады ходил по коридорам административного здания и кричал: «Ну, кто так строит?». У Чернова возникло такое же чувство. У него, не укладывалось в голове, как может человек свободно ориентироваться в этих многочисленных лабиринтах.

Ближе к обеду Игорь выбрал себе каюту в конце условного коридора почти в носовой части корабля. Полежаев рекомендовал ему выбрать где-то ближе к середине, но он категорически отказался из соображений конспирации, так как надеялся там встречаться со своими негласными помощниками.

После обеда Чернов не рискнул самостоятельно продолжить знакомство с крейсером, а вышел на палубу подышать морским воздухом и полюбоваться морем. Игорь облокотился на ограждение и стал смотреть на водную гладь. В этот момент раздался резкий голос в динамике громкоговорителя: «Товарищ капитан-лейтенант, отойдите от лееров». «Интересные на флоте команды», — подумал Чернов и перевел взгляд на береговую линию. В этот момент тот же голос повторил команду. Игорь осмотрелся по сторонам, но, не увидев никого вокруг, вновь стал рассматривать берег. В третий раз голос в рупоре заорал по-другому: «Капитан...твою мать, отойди от перил!» Тогда Чернов понял, что команды относились непосредственно к нему, а леера — это, видимо, и были перила.

Чернов решил направиться в свою каюту и ждать там прибытия авиагруппы на корабль.

Однако, вернувшись к себе, увидел, что дверь открыта, а все его вещи разбросаны. В чемодане не оказалось продуктов, фотоаппарата и одеколona. Только после этого Игорь вспомнил, что не поменял замок в каюте.

За ужином он поделился своими неприятностями с Полежаевым, но тот отнесся к этому происшествию очень спокойно. Не прекращая жевать, он спросил:

— А тебя что, в полку не предупредили, что здесь каюты летчиков «бомбят»?

— Предупредили, — ответил Игорь, — но я не думал, что это произойдет так быстро.

— А ты надеялся, что в твою каюту наведаются матросы уже после того, как ты все съешь? — усмехнулся местный оперработник.

— Нет, конечно, но сейчас надо же что-то делать, — не унимался Игорь. — Доложить командиру, например, пусть назначит служебное расследование.

— Ага, сейчас. Во время учений он будет назначать расследование. У нас воровство было, есть и будет. Тут знаешь, сколько шхер на корабле? Отделение матросов можно спрятать — и до конца похода их никто не найдет. Численность одного экипажа без авиагруппы больше тысячи шестисот человек, а с летчиками и за две тысячи переваливает. Так что смирись, в следующий раз умнее будешь.

Игорь замолчал, хотя на душе были неприятный осадок и обида. Обида за то, что матросы обворовали именно его, оперативного работника, который должен был предвидеть и не допустить подобного хотя бы по отношению к себе, и тем более что был предупрежден о подобных традициях.

Утром на палубу сели вертолеты полка. У Игоря было ощущение, что на крейсере он провел целую вечность, и поэтому встречал однополчан, как самых желанных и долгожданных друзей. В течение дня летчики и техники занимались размещением на корабле и загоняли в подпалубный ангар вертолеты.

На следующие сутки после торжественного построения и поднятия флага крейсер вышел в море. Почти весь день Чернов провел на палубе. Для него это был первый выход в море. В детстве он много читал о морских приключениях, немало видел художественных фильмов о военных моряках, но ни одна книга, ни один фильм не могли описать тех чувств, какие он испытал в тот момент. Сочетание безбрежных водных просторов, синего неба и невероятной скорости привело Игоря в состояние эйфории. Он радовался, как ребенок, и не мог сформулировать для себя, что же так влияет на его настроение. В душе было чувство праздника, и даже пронизывающий ветер не омрачал этого состояния. Игорь смотрел на окружавших его моряков и отметил для себя, как светятся от воодушевления их лица. Эти люди были сродни дельфинам, в море она были в своей стихии, а на суше — в ожидании моря. Он не заметил, как к нему подошел штатный руководитель полетов подполковник Каплунов и поинтересовался:

— Что, интересно?

— Не то слово! — с восторгом ответил Игорь. — Кто бы мог подумать, что за эту работу еще и зарплату платят.

— В каком смысле? — не понял услышанного Каплунов.

— За такое удовольствие еще нужно самим деньги платить, как на аттракционах.

— Это поначалу. Потом ты убедишься, что морская служба — это тяжелый труд. А когда проболтаешься в море несколько месяцев, не представляешь, какими натянутыми становятся отношения между моряками. Они так надоедают друг другу, что порой даже до драк доходит, — он посмотрел на удивленного Чернова и добавил: — Ну, ты не волнуйся, мы в

море будем недолго, выйдем в нейтральные воды полетаем, постреляем и вернемся.

Подполковник усмехнулся и, похлопав Игоря по плечу, сказал:

— Я вообще-то за тобой пришел. Ты в моряки посвящаться собираешься?

— А что, уже пора? — спросил Чернов.

— В море вышел — значит пора. Пойдем, спустимся в ангар. У нас посвящают в моряки рядом с вертолетами.

На месте торжественного ритуала присутствовал почти весь личный состав авиагруппы. В отдельном ряду стояли несколько молодых офицеров и прапорщиков. Старший авиагруппы подполковник Медведев дал первому из них плафон от светильника, наполненный морской водой. Согласно традиции каждый из посвящаемых должен был его выпить полностью, но, учитывая индивидуальные особенности каждого, пили, кто сколько сможет. Чернову ранее приходилось глотать воду Азовского моря, но вода Баренцева моря оказалась более соленой и горькой. Но традиции есть традиции. Пришлось выпить почти все.

Ночью первое радужное представление о морской службе было омрачено погодными условиями и морской стихией. Игорь проснулся оттого, что упал с койки и сильно ударился плечом. Сначала он не понял, что произошло. Чернов попытался встать, но ноги его не держали. Ощущение было таким, что каюта превратилось в вагонное купе скорого поезда и лифт одновременно. Мало того, что каюта качалась по горизонтали, она еще опускалась на несколько метров вниз, а затем сразу начинала подниматься вверх. Игорь сел на койку и уцепился руками за стол, чтобы зафиксировать свое положение и прийти в себя. Теперь наконец он понял, что это шторм. «Теперь смогу рассказать Можайскому, как я переношу качку», — улыбнувшись, подумал Игорь. Однако на этом его оптимизм закончился. Примерно через час он почувствовал первые позывы тошноты. Пролетав несколько лет на самолетах транспортной авиации и испытав перепады высот при воздушных ямах, он был уверен, что окажется невосприимчивым к морской качке. Но в море все оказалось наоборот. Ближе к утру, он был в полуобморочном состоянии от постоянных рвотных позывов. Игорю казалось, что вот-вот сознание его покинет, как вдруг в каюту зашел старший авиагруппы подполковник Медведев. Почувствовав специфический запах в помещении и увидев, чуть живого опера, он колоритно выругался и сразу вышел. Спустя несколько минут он вернулся вместе с инженером эскадрильи майором Антоновым. Тот, как дежурный фельдшер, держал в одной руке флягу со спиртом, в другой — стакан.

— Я не буду пить, — с ужасом вскрикнул Чернов, увидев гостей.

— А придется, — театрально ответил подполковник, — ни одно лекарство так не помогает от рвоты, как «шило».

— Ты не спорь, Игорь — примиренчески сказал инженер, — не ты первый, не ты последний. Почти все через это прошли.

Он заботливо налил полстакана спирта, вытащил из-за пазухи кусок черного хлеба и протянул Чернову. Тот, едва совладав с собой, проглотил жидкость и долго не мог восстановить дыхание, так как воды рядом не оказалось. Затем лег на койку и, к своему удивлению, ощутил, как тепло растеклось по всему телу и перестало тошнить.

— Мы сейчас уйдем, — сказал Медведев, убедившись в успехе своей миссии, и добавил: — Ты пока не засыпай. Пришлем тебе специально обученного матроса, чтобы приборку сделал, а потом поспи. Где-где, а здесь про тебя никто не вспомнит, поэтому отдыхай.

Офицеры тихо вышли, закрыв за собой дверь. Через несколько минут в каюту вошел

перепуганный матрос с тряпкой и, украдкой взглянув на офицера, быстро начал убирать последствия его первого выхода в море.

Игорь незаметно заснул и сколько находился в этом состоянии — не помнил. Но проснулся он от сильного шума неизвестного происхождения. Он быстро привел себя в порядок и вышел на палубу. В это время вертолеты с грохотом поднимались в небо. Остановившись возле самолето-подъемников, Чернов долго наблюдал эту завораживающую картину. После возвращения машин на базу неожиданно раздался оглушающий залп. В ход пошли ударные силы ракетного и зенитно-ракетного комплексов.

Чернов спустился в каюту капитана 3-го ранга Полежаева. Тот сидел за столом и что-то сосредоточенно писал.

— Не помешаю? — спросил его Игорь.

— Заходи, — ответил Полежаев, не отрываясь от бумаг: — Ну, как пережил шторм?

— Неважно, прямо скажем, наизнанку выворачивало, — честно признался Чернов.

— Это потому, что ты каюту выбрал не по центру. В центре не болтает, а ближе к баку или юту при шторме амплитуда бывает до сорока метров. Так что с флотским крещением тебя, Игорек!

Полежаев отложил авторучку в сторону и, улыбаясь, пожал руку коллеге.

Затем совершенно серьезным тоном добавил:

— Ты давай, приходи быстрее в себя и начинай работать с летчиками. Они доложили командиру корабля, что в нескольких милях от нас барражирует разведывательный корабль НАТО «Марьятта», в районе поиска обнаружена неопознанная подводная лодка. Так что включайся, на учениях всякое может быть, и вертолет угнать за границу могут, и за борт бросить не то, что нужно, и, не дай Бог, вывести из строя боевую технику. А в этом случае с тебя не просто шкуру снимут, а еще и под трибунал отдадут.

— Да, красочные ты мне картины расписал, — пытаюсь шутить, ответил Чернов.

— Это не картины, это жизнь. И то, что я тебе сказал в общей форме, все когда-то где-то с кем-то уже произошло. Поэтому делать выводы тебе. Кстати, в прошлом году мы были в Средиземке на боевой службе. Так вот, когда проходили пролив Гибралтар, то один из матросов выпрыгнул из иллюминатора и вплавь направился к берегам Португалии. Потом, когда стали разбираться, оказалось, что он заблаговременно вырезал из коврика ласты, сделал непромокаемый пояс из спасательного костюма, а до этого самостоятельно учил португальский язык. Вот так. К сожалению, я все это узнал потом.

— И чем ты отделался?

— Можно сказать, легким испугом. Объявили строгий выговор и вычеркнули из резерва на выдвижение. Так что теперь я — вечный опер и вечный капитан 3-го ранга.

Он вновь сел за стол и продолжил писать, уже не обращая внимания на Чернова. А тот тихо вышел из каюты и направился к летчикам. «Да, видимо, морского круиза не получится, оперативная работа должна быть непрерывной, независимо от условий службы», — сделал для себя очередной вывод Чернов.

Неделя на корабле прошла быстро. За это время Чернов стал почти свободно ориентироваться в морской терминологии и командах, однако постоянное нахождение в замкнутом пространстве стало действовать на него угнетающе. Ему хотелось вновь почувствовать твердую почву под ногами, погулять по сопкам, посмотреть на диване телевизор, ну и, конечно же, поскорее увидеть жену и детей. Последнее желание было нереальным, так как семья должна была вернуться домой только к концу августа.

В гарнизон Игорь попал вместе с экипажами на вертолете. На берегу ждать его было некому, поэтому примерить на себя еще одну морскую традицию — встречу с семьей на причале — у него не было никакой возможности. Первое, что сделал Чернов, войдя в квартиру, — это набрал ванну горячей воды и поставил варить пельмени. Лежа в ванной и предвкушая домашний ужин, Игорь окончательно понял, что морская служба — это не его стихия. Ночью он долго не мог не заснуть, его продолжало качать, как на корабле, и на уши давила непривычная тишина.

На следующий день ровно к девяти капитан прибыл на доклад к начальнику.

— С возвращением на базу, — протянул ему руку Можайский. — Как впечатления?

— Знаете, Андрей Викторович, в очередной раз убедился, насколько я правильно поступил, что решил посвятить себя авиации, а не флоту, — ответил Игорь.

— Неужели не понравилось? — улыбаясь, поинтересовался начальник.

— Понравилось, но только первые несколько часов, а потом начались сюрпризы.

Чернов начал рассказывать о том, какие приключения произошли с ним на корабле.

Можайский внимательно слушал Чернова, периодически вставляя в разговор свои шутки и комментарии. После того как капитан закончил свой рассказ, начальник прекратил улыбаться и серьезно сказал:

— В отношении твоего Омельченко пришел ответ из Особого отдела КГБ СССР по Кронштадтской флотилии. Как оказалось, причиной для снятия с должности послужил привод его в милицию. Наш подопечный, находясь в Ленинграде в командировке, был задержан милицией с проститутками. Будучи в нетрезвом состоянии, он устроил дебош в гостинице и оказал сопротивление милиции при задержании.

— Ну и за что было снимать с должности? Обычный случай для командированного офицера, — попытался возразить Чернов.

— Согласен. Случай обычный, — он сделал паузу и добавил — но для обычного офицера, а наш офицер осведомлен в государственной тайне, и об этом не следует забывать. И самое интересное, что при задержании у него оказалось шесть тысяч рублей, происхождение которых он отказался пояснять и милиции, и командованию.

— Это действительно интересно, — согласился Игорь, — для командировочных расходов многовато. Хотя, если предполагать, вариантов может быть куча.

— Я знаю, что у тебя буйная фантазия, но давай не будем гадать, через агентуру выясни, насколько его материальное положение соответствует доходам, и проведи в отношении него полную спецпроверку. Может быть, это нам даст какую-то зацепку, — посоветовал Можайский, — первичные запросы тоже вернулись, но там все чисто.

Подполковник протянул капитану бланки спецпроверок. Чернов просмотрел их и, положив в свою папку, спросил:

— Я направлял мотивированные запросы по местам рождения его и членов семьи. Ответы на них прислали? — с надеждой спросил Игорь.

— Пришли. Позже возьмешь их у секретаря. Но там тоже ничего интересного. Рождение отца подтвердили, а на мать данных нет.

— Что значит, нет данных? — переспросил капитан.

— Такое бывает, она родилась до войны, а в войну могли архивы сгореть. Здесь ничего

необычного нет, такое часто бывает, особенно, если города находились под немецкой оккупацией, — ответил Можайский.

— А я думаю, есть. Отец родился в Полтаве. Этот город был под оккупацией, а архивные данные сохранились. Город Энгельс в годы войны не был под немцами. Его даже не бомбили, а архивы не сохранились.

— Коллега, откуда такая осведомленность в истории этого города? — спросил Можайский, раскачиваясь на стуле.

— Я там был на стажировке после третьего курса, — пояснил Чернов.

— Тогда для того, чтобы внести ясность, предлагаю в отношении матери направить запрос в паспортный стол по месту жительства и по месту выдачи паспорта, чтобы выслали копии всех учетных данных. Хотя не знаю, что это нам даст, но если тебе от этого станет легче, то пиши.

Подполковник сложил ладони в замок и многозначительно посмотрел на Чернова, давая понять, что ждет от него готовые документы на подпись.

До обеда Игорь зарегистрировал очередную партию запросов и направился в гарнизон. Не заходя домой, он пошел в гараж к Валерию Коленову. Тот, как всегда, был в гараже и продувал жиклеры на разобранном карбюраторе.

— Ну что, моряк, вернулся на берег? — он засмеялся и вытащил из тумбочки бутылку спирта. — Давай за возвращение по пять капель.

Как по мановению волшебной палочки, на столе оказались стаканы, кусок сала и хлеб.

— Валера, мне еще работать надо, — попытался уклониться от приглашения Чернов.

— А я что здесь, дурака валяю? Замполиту, между прочим, карбюратор ремонтирую.

Он обиженно посмотрел на Чернова, выждал паузу и демонстративно стал закрывать пробкой бутылку. Потом также демонстративно заявил:

— Ну, если тебе некогда со мной пообщаться, то и я не скажу тебе того, что собирался.

Игорь обреченно сел на табурет, взял бутылку и сам налил себе четверть стакана. Коленов удовлетворенно присел напротив и последовал примеру гостя.

— Так чем ты хотел меня удивить? — спросил опер собеседника.

— Как ты и просил, — начал гостеприимный хозяин, — все это время наблюдал за Славиком.

Так он обычно называл Омельченко.

— Каждое утро он выезжал из гаража и вечером ставил машину обратно. С собой ничего не приносил, ничего не выносил, никого не приводил, и к нему никто не заходил.

— Да-а, — с сарказмом и явным разочарованием произнес Чернов, — такую информацию, я, наверно, до утра не переварю.

— А это не все, — испытывая терпение, продолжил техник, — каждую неделю по четвергам он приходит к двадцати часам в гараж и около часа там сидит при закрытых дверях. В прошлый раз я хотел тебе об этом сказать, но решил сам перепроверить. Я попытался зайти к нему в гараж следом, но он заперся изнутри и мне так и не открыл.

— И о чем это свидетельствует? — удивленно спросил Чернов.

— А это вопрос не по окладу. Ты опер, ты и думай, — парировал Коленов.

Не дожидаясь ответа, он налил себе еще треть стакана спирта, залпом выпил его и закурил.

— Валера, а давно он машину купил? — продолжал опрашивать собеседника Чернов.

— Уже здесь купил. Два или три года назад. Ему Володя Лукьянов ее продал. Тот

вернулся с боевой службы, и ему эту машину выделили согласно очереди. А потом выяснилось, что, пока он был в морях, его жена гуляла налево и направо. Он подал на развод, а жена потребовала раздела имущества. Вот и пришлось продать машину, чтобы деньги разделить. Так что Славику повезло.

— А откуда ж у него деньги взялись? Он же недавно на Севере?

— Я в чужие карманы не заглядываю, — гордо заявил Коленов, — может, родители помогли, может, жена «потрудилась». Она ведь у него в квартирно-эксплуатационной части работает, а там — клондайк. Люди в своих ведомственных квартирах ремонт делают за свой счет, а она под это дело списывает казенные стройматериалы. Ведь ремонт служебного жилья должна проводить КЭЧ своими силами и бесплатно. Можно только представить, сколько она имеет от этой кормушки.

Игорь задумался, нужно было быстро проанализировать то, что он услышал, и принять решение о дальнейших действиях. Мыслительный процесс вновь прервал хозяин гаража.

— Ты пить будешь или пришел на меня посмотреть? — с обидой спросил он.

— Валера, извини, но после корабля мне «шило» не лезет, — слукавил Игорь.

— Это точно, я, когда с боевой службы возвращался, неделю минимум в завязке был, — с пониманием ответил Коленов, — а потом ничего, восстанавливался.

Кое-как Чернову удалось вырваться из гаража гостеприимного Коленова. Он наконец зашел в свой кабинет, сел в кресло и решил обобщить все, что получил за последние дни в отношении капитана 3-го ранга Омельченко. Получалась следующая картина. Находясь в Ленинграде в командировке, он был задержан в гостинице с крупной суммой денег. Шести тысяч было достаточно, чтобы там купить автомобиль. Однако на Север он прибыл без автомобиля. Брать с собой такую сумму на карманные расходы тоже не логично. Значит, эти деньги он мог получить от кого-то в Ленинграде. Там он, видимо, был один, поэтому нанял проституток и захотел что-то отпраздновать. Не исключено, что именно получение этой суммы. Возможно, что первоначально денег могло быть больше, ведь за ресторан и проституток нужно было заплатить. Далее, после снятия с должности и перевода в Заполярье, он почти сразу покупает автомобиль. Тогда жена еще не могла заработать таких денег на аферах в КЭЧ, а деньги уже были. Конечно, он мог занять, но тогда он был вновь прибывшим в гарнизон, и вряд ли ему кто-то помог. Следующий момент. Он систематически уединяется в гараже, где есть радиоприемник. Возможно, там у него происходит канал связи с разведцентром. Вопрос: почему тогда он не занимается этим дома? Дома два сына-школьника, занятие отца может вызвать у детей лишние вопросы и еще хуже, они могут рассказать это одноклассникам.

Итак, нельзя исключать, что Омельченко был завербован и получил деньги за какую-то информацию. Возможно, что это был не единичный случай, поэтому после прибытия на Север у него уже была нужная сумма для приобретения автомобиля. И сейчас он продолжает сотрудничество с иностранной разведкой, используя свой радиоприемник как возможный канал односторонней связи.

«Все получается складно, за исключением одного: когда и на какой основе он мог быть завербован, — подумал Игорь. — Пока я не выясню этот вопрос, руководство мои доводы не сочтет серьезными».

На следующий день с утра капитан Чернов вновь появился в отделе.

— Что-то ты зачастил, — сказал секретарь отдела прапорщик Шишов, — тебе что, на объекте заняться нечем?

— Потому и зачастил, Володя, что работы море, — ответил ему Игорь, — дай мне, пожалуйста, литерное дело по спецслужбам противника.

— Серьезная заявка, — весело отметил секретарь и протянул капитану толстую папку с документами.

Чернов начал искать по оглавлению документы, касающиеся каналов связи иностранных спецслужб со своей агентурой на территории СССР. Наконец он нашел то, что искал. В аналитической справке службы «Р» КГБ СССР было отмечено, что Мюнхенский разведцентр БНД осуществляет радиосеансы на территорию СССР по четвергам с двадцати до двадцати сорока по московскому времени. От радости Игорь едва не подпрыгнул на месте, он схватил дело и побежал в кабинет к Можайскому. Тот внимательно выслушал доводы молодого сотрудника, походил по кабинету, обдумывая услышанное, и заявил:

— Рациональное зерно в этом, конечно, есть, и на совпадение не похоже. Но в контрразведке любые признаки причастности лица к иностранным спецслужбам всегда можно истолковать бытовыми интересами, и в жизни очень часто именно так и получается.

Шпионов всегда искали по признакам шпионской деятельности, а вычисляли только на каналах связи с представителями иностранных спецслужб и с использованием технических средств. Нам не дадут в отношении него провести никакие активные мероприятия, пока у нас не будет достоверных данных о нахождении его в вербовочной ситуации. А это значит, перепроверяй, где он был в отпусках, кто из его друзей или одноклассников эмигрировал в Германию, где он вообще мог познакомиться с немцами.

— Так мне тогда целый год придется копаться в его личном деле и поднимать все его связи, — разочарованно произнес Игорь.

— А как ты хотел? На блюдечке с голубой каемочкой тебе никто ничего не принесет, — констатировал начальник.

Он посмотрел на поникшего Чернова и уже более мягким тоном сказал:

— Не расстраивайся, в нашем деле отрицательный результат — это тоже результат. Материал ты получил очень интересный, теперь нужно его правильно обработать. А спешить здесь не надо. Завтра суббота, можешь на службу не выходить. Отдохни, расслабься, а со следующей недели начнем что-то думать.

На прощание он пожал руку капитану, взял под мышку литерное дело, оставленное Черновым, и понес его в секретариат.

Возвращаясь домой, Чернов встретил летчика Сергея Корнева. Они жили в одном доме, и оба в данный момент «холостяковали».

— Какие планы на выходные? — здороваясь, спросил Корнев.

— А что, есть предложения? — вопросом на вопрос ответил Игорь.

— Если есть желание сходить по грибы на необитаемом острове, могу взять тебя с собой, — предложил Корнев. Он летал на вертолете Ка-27Е, используемом Северным флотом для выполнения задач по замеру радиации в акватории Баренцева моря и прилегающих объектах. Поэтому вертолет был задействован независимо от планов командования полка и зачастую в выходные дни.

— С великим удовольствием, — согласился Игорь. — А что с собой брать?

— Тару для грибов и желательно надеть летный комбинезон. Морьякам мы представим тебя как штурмана-оператора. Нам придется садиться в поселке Гаджиево, взять на борт аппаратуру, а потом полетим по маршруту, который нам укажут, — пояснил Корнев.

— Когда мне нужно быть на аэродроме?

— Вылет запланирован завтра на десять утра, так что приходи к этому часу, не позже, потому что ждать не будем. И постарайся не намного раньше, чтобы меньше тебя видели возле вертолета. Без разрешения командира полка брать на борт посторонних лиц категорически запрещено.

— Договорились, — ответил Чернов, — завтра буду, как штык.

На следующее утро без четверти десять Чернов крутился возле эскадрильского модуля, держа в руках свернутую парашютную сумку. Корнев заметил его, но жестом руки показал, чтобы тот ждал его команды. После доклада о готовности вертолета к вылету летчик разрешил всем членам экипажа занять свои места и махнул рукой Чернову. Игорь подбежал к вертолету и сразу запрыгнул в кабину. Машина быстро поднялась в воздух, и взору открылся удивительный пейзаж летнего Севера. В лучах утреннего солнца заиграли красками зеленые сопки в сочетании с каменными скалами, покрытыми островками цветущего мха.

Вертолет летел в направлении Кольского залива. Корнев открыл форточку и закурил. В

авиации запрещено курить в кабине во время полета, но, видимо, Сергей решил произвести впечатление на пассажира, так как подобное в самолете повторить невозможно из-за высокой скорости полета.

— Ну, как впечатления? — спросил летчик у Игоря.

— Обалдеть, как на колесе обозрения, — не скрывая восхищения, ответил Чернов.

— Сейчас я тебе сделаю аттракцион, — Корнев наклонил штурвал влево, и машина с креном резко пошла вниз к воде. На высоте около двадцати метров машина выровнялась и устремилась вдоль залива на север. Впереди шел, поднимая брызги, большой десантный корабль. В считанные секунды вертолет догнал его, оставив капли воды на блистере. Затем машина по велению командира резко взметнулась ввысь и направилась в сторону противоположного берега. Вдруг на самом выходе из залива неожиданно появился городок с аккуратными домиками, плацем и вертолетной площадкой.

— Это Гаджиево — гарнизон моряков, — сказал Корнев, — мы здесь обозначим посадку, возьмем ящик с аппаратурой и полетим дальше.

Как только вертолет коснулся колесами земли, к нему сразу устремились два мичмана с металлическим ящиком в руках. Игорь вышел из кабины, моряки вежливо поздоровались с ним и сразу же принялись устанавливать на борту свою технику. Весь процесс занял не более двух минут. Игорь вновь забрался в кабину, и винтокрылая машина направилась строго на север. Ранее Чернову приходилось летать на остров Кильдин, но в этот раз он остался в восточной части, а вертолет отклонился в сторону норвежских территориальных вод. Вся акватория моря в этом районе была усыпана небольшими скальными островами. Пролетая над одним из них, командир экипажа обратился к Чернову:

— Давай здесь, на вершине сопки, мы тебя высадим. Тут растительности больше. Садиться не будем, просто зависнем в метре над поверхностью, чтобы не фиксировать посадку, а ты выпрыгни и иди собирать грибы. Минут через сорок мы за тобой вернемся. К этому времени ты нас жди на вершине сопки.

Чернов, не задавая лишних вопросов, прыгнул вниз. Сначала ему показалось, что для сбора грибов сорока минут очень мало. Но когда он подошел к склону и посмотрел вниз, его мнение резко изменилось. Вся поверхность земли была словно усыпана оранжевыми шапками подосиновиков. Удивительным казалось то, что на территории не было никаких следов человека, ни тропинок, ни углей от костра, никакого мусора. Через двадцать минут парашютная сумка была под завязку заполнена грибами. Игорь уже с трудом поднялся на вершину сопки и присел в ожидании вертолета. Погода стала портиться, небо закрыли тучи, и начал срываться мелкий дождь. Прошло около часа, как Чернов ступил на этот необитаемый остров, а вертолета все еще не было. Настроение стало портиться, постепенно переходя в тревогу. «Ни дай Бог, по метеоусловиям экипажу дали команду возвращаться на базу, и они не смогут меня забрать, — подумал Игорь. — Неужели придется ждать их следующего вылета?» К счастью, через пять минут он услышал шум двигателя приближающегося вертолета.

Машина зависла в метре от земли, и Игорь сначала погрузил в кабину сумку с грибами, а затем забрался сам.

— Вы что так долго? Я уже волноваться начал, — спросил Игорь Корнева.

— Мы решили дать тебе больше времени для сбора грибов, поэтому, отработав задание, вернули аппаратуру в Гаджиево, а потом прилетели за тобой. Я вижу, ты удачно походил, — отметил Сергей, показывая на парашютную сумку с грибами.

— Я даже не ожидал, что их здесь так много будет, — не скрывая восторга, ответил Игорь.

— Это не удивительно, их тут никто не собирает, — констатировал Сергей.

Через двадцать минут вертолет приземлился на аэродроме. Сразу к машине подошли техники, среди которых был инженер полка по вертолетам и двигателям майор Левтеров. Он сдержанно поздоровался с Черновым, бросив беглый взгляд на сумку с грибами, и назидательно произнес в адрес Корнева:

— Ох, Сережа, доиграешься ты когда-нибудь.

Чернов быстро вышел за границу стоянки вертолетов и уже спокойным шагом направился в сторону гарнизона. Оставшийся день Игорю было чем заниматься дома, до полуночи он чистил грибы. К обеду следующего дня к нему пришел в гости Сергей Корнев, и они просидели на кухне почти до вечера, вспоминая курсантскую жизнь и прожитые годы.

Следующая неделя была для Игоря Чернова не особенно продуктивной. Опрос агентства в отношении Омельченко ничего не дал. Никто не замечал с его стороны повышенного интереса к секретам, ни к кому из секретносителей он в друзья не напрашивался, хотя и к себе никого близко не подпускал, вел обычный размеренный образ жизни. Чернов уже начал сомневаться в объективности своих предположений, пока ему вновь не позвонил Можайский и не вызвал к себе.

— Что у тебя по Омельченко? — строго спросил он.

— К сожалению, нового ничего. Обычный человек без каких-то отклонений. Я уже думаю, может быть, я невольно сгустил краски.

— Как мы быстро пошли на попятную, — с иронией отреагировал начальник. — А как же немецкий шпион?

— Вы же сами сказали, что нужно найти, где и как он мог оказаться в возможной вербовочной ситуации. А я никак не могу ничего подобного узнать. Просмотрел все его отпуска. Каждый год он отдыхает только в Краснодаре и в позапрошлом году еще был в поселке Саваслейки Кулебакского района Горьковской области. Где-где, а там вряд ли он мог контактировать с немцами.

— Ну что ж, может, это тебе даст подсказку, — с интригующей улыбкой Можайский протянул Чернову лист бумаги.

— Что это? — спросил Игорь.

— Ответ из загса города Энгельса в отношении матери Омельченко.

Капитан схватил листок бумаги в руки и сосредоточенно начал его читать. В документе было изложено, что мать капитана 3-го ранга Омельченко Кирсанова Анна Федоровна в 1946 году при получении паспорта взяла фамилию и отчество своего отчима Кирсанова Федора Андреевича, поменяв фамилию Шваб и отчество — Генриховна.

— Ничего себе, — едва сдерживая эмоции, высказал Игорь.

— Да, мы с тобой совсем забыли, что город Энгельс до войны был столицей автономии немцев Поволжья. Это первое.

— Я не то что забыл, я этого даже не знал, — смущенно сказал Чернов.

— А второе, — продолжал Можайский, — представляешь, как бы жила эта женщина в СССР после войны с Германией с немецкой фамилией Шваб?! Так что теперь выясняй, с кем из своих кровных родственников контактирует его мама, есть ли среди них граждане Германии, приезжали ли они в СССР, и где в это время был наш подопечный. Так что копай, Игорек, копай, ты на верном пути. Слава не за горами.

Можайский засмеялся и выжидающе посмотрел на коллегу.

Однако это указание начальника Чернов не торопился выполнять. Подобная переписка с территориальными органами КГБ и госучреждениями могла затянуться на многие месяцы. Игорь понимал, что ситуация с Омельченко интересна только для него и его руководства. На местах каждый занят своим делом, и вряд ли там кто-то будет углубляться в существо его проблем в ущерб своим интересам. На отправленные запросы он сможет получить ответы только на те вопросы, которые поставит перед коллегами. А для того чтобы правильно поставить вопросы, посчитал Чернов, нужно восстановить пробел в своем образовании и выяснить судьбу немцев Поволжья и их автономии в военный и послевоенный период.

Поэтому первым делом он направился в гарнизонную библиотеку.

Перечитав несколько справочников и энциклопедий, Игорь многое узнал об этой этнической группе. Как оказалось, в 18-м веке по приглашению Екатерины Второй началось переселение немецких крестьян на свободные земли Поволжья и Северного Причерноморья. Позже потомки этих переселенцев оставались в местах своего первоначального компактного проживания на протяжении полутора столетий, сохраняя немецкий язык, вероисповедание и элементы национального менталитета. В последующий период широко практиковалось приглашение в Россию ученых, военных, деятелей искусства из числа немцев. В 1918 году в качестве одной из первых автономий Советской России образовалась именно Трудовая коммуна Автономной области немцев Поволжья, преобразованная в 1924 году в Автономную ССР немцев Поволжья со столицей в Покровске, позже переименованном в город Энгельс. По мере обострения отношений между СССР и Германией ухудшалось отношение и к советским немцам. Так, в 1937–1938 годах все представители этой национальности, работавшие в оборонной промышленности, были уволены либо арестованы как немецкие шпионы. Такие же меры были приняты к немцам, проходившим службу в рядах Красной Армии. В 1939 году автономия была упразднена. После начала Великой Отечественной войны большинство немцев Указом Президиума Верховного Совета СССР были обвинены в сотрудничестве с Германией и выселены в Казахстан, на Алтай и в Восточную Сибирь. В послевоенное время ситуацию изменил визит в СССР канцлера Германии Конрада Аденауэра и подписание ряда межправительственных соглашений, в результате которых был снят режим спецпоселений для немцев и начался процесс их эмиграции в ФРГ, ГДР и Австрию.

Учитывая полученные сведения, Игорь уже представлял, в каком направлении ему вести дальнейший поиск. Через архивы МВД, городской архив города Энгельса нужно установить состав семьи Швабов до войны, кто из них был подвергнут переселению и в какие регионы, кто затем из них эмигрировал в Германию, а также кто из них позже приезжал в СССР по частным делам.

Ответы на эти запросы пришлось ждать долго.

Тем временем закончилось короткое северное лето. Люда с детьми вернулась, и для Игоря вновь началась размеренная семейная жизнь. Вместе они ходили на сопки за грибами. Однажды выезжали даже всем отделом в пограничную зону собирать бруснику.

Север для семьи Черновых не был уже столь суровым и мрачным. Каждый из них — и Игорь, и Люда — находили в этом крае свои преимущества и даже подумывали остаться служить здесь на второй пятилетний срок. Однако в рабочем процессе у капитана Чернова вновь образовался застой. От агентуры не поступало никаких данных о признаках шпионской деятельности Омельченко. Комплекс оперативно-технических мероприятий также ничего не дал. Подразделение «Р» Управления КГБ по Мурманской области подтвердило устойчивый прием радиовещания Мюнхенского разведцентра в районе его гаража, однако в период очередного сеанса тот отсутствовал. Наружное наблюдение за пределами гарнизона также ничего не дало. Голос проверяемого был даже проверен по системе «Шелли», где накапливались аудиозаписи неустановленных абонентов, звонивших в иностранные посольства. Результат также был отрицательным.

К концу сентября наконец пришли долгожданные ответы на запросы. Копии полученных справок и выписок свидетельствовали о том, что у матери Омельченко был родной брат Борис, на десять лет старше ее. В 1939 году он был призван на действительную

военную службу в Красную Армию, однако перед началом войны был демобилизован и сослан на поселение в Красноярский край. По данным Государственного архива Красноярского края, в 1955 году он эмигрировал в ФРГ.

Их отец Шваб Генрих Маркович умер в 1933 году. Мать Шваб (девичья фамилия Кербель) Фрида Яковлевна в 1936 году вышла замуж за Кирсанова Федора Ивановича и, естественно, взяла фамилию мужа.

Шваб Анна Генриховна проживала вместе с матерью в городе Энгельсе до 1953 года. В 1946 году при получении паспорта взяла фамилию и отчество отчима. Так она стала Кирсановой Анной Федоровной. Родственники отнеслись с пониманием к столь непростому решению девушки, после войны оставаться в СССР с немецкой фамилией и характерным отчеством было сложно. В 1950 году она вышла замуж за студента Саратовского политехнического института Омельченко Михаила Степановича и в 1953 году переехала вместе с ним в Краснодар по распределению.

В 1971 году гражданин Германии Борис Шваб приезжал в город Энгельс к матери вместе с четырнадцатилетним сыном Хельмутом.

Перечитав эту информацию несколько раз, Чернов сказал Можайскому:

— Андрей Викторович, судя по возрасту, Борис Шваб на роль немецкого разведчика не подходит, да и неизвестно еще, жив ли он. А вот Хельмуту сейчас должно быть около тридцати трех лет. Мне кажется, им стоит заняться всерьез. Кстати, он ведь доводится нашему объекту проверки двоюродным братом.

— Согласен с тобой, — без оптимизма ответил тот, — но нас поджимают сроки. Бесконечно заниматься этим делом мы не можем. Сейчас возьми все материалы, и пойдем к Ивану Петровичу, он потребовал зайти.

— Разрешите, товарищ полковник? — спросил Чернов у Иващенко, заходя к нему в кабинет.

— Заходи, — глядя исподлобья, буркнул начальник отдела. Он осмотрел Чернова с головы до ног, закурил и лишь потом предложил присесть. — Ну, показывай, что ты наработал, — он протянул руку к материалам проверки.

Игорь передал ему папку и положил сверху вновь полученные документы.

Полковник молча читал, не выражая никаких эмоций и не задавая уточняющих вопросов. Затем, отложив папку в сторону, строго спросил:

— И что ты намерен делать дальше?

— Буду проверять Хельмута, кто он, как часто бывал в СССР. Сопоставлю, где в это время находился сам Омельченко. Выясню, что он делал в Кулебакском районе Горьковской области, там он становился на учет в районном военкомате...

— И как долго ты собираешься заниматься этой писаниной? — перебил его начальник. — Пока майора не получишь, а там хоть трава не расти? Капитан, где здесь наш интерес? Все, что ты здесь подшил, высосано из пальца. Комиссия штаба ВВС установила в ходе расследования, что кодовая таблица была действительно уничтожена по халатности. Должностные лица наказаны. А то, что офицера с бабами милиция задержала, — то с такими основаниями мы пачками можем заводить дела по шпионажу. У нас в командировках каждый третий на бабах залетает, так что теперь, всех шпионами считать? Все ваши признаки причастности к иностранной агентуре косвенные. Сейчас, после перестройки, у каждого второго кто-то из родственников за рубежом появляется. В общем, так, даю тебе еще месяц, если не убедишь меня в причастности Омельченко к спецслужбам

противника, то еще год проходишь капитаном. Ты меня понял? А там посмотрим, может быть, и должности старшего оперуполномоченного для тебя многовато, при таком профессионализме.

Он еще раз посмотрел своим испепеляющим взглядом на подчиненного и презрительно рявкнул:

— Иди работать, бездельник.

При этом разговоре присутствовал Можайский, но он так и не проронил ни слова. Спорить с Иващенко не было смысла, материалы проверки стояли на контроле в Особом отделе флота.

— Езжай домой, сегодня все равно от тебя никакого толку — обратился Можайский к Чернову, — запросы я сам распишу. — Не прощаясь, он направился в свой кабинет.

Игорь ехал домой и проклинал тот день и час, когда согласился перейти на работу в КГБ. Десятки и сотни его коллег, списанных с летной работы, благополучно устраивались работать на командные пункты управления ВВС или переходили на штабную работу, и никто никогда не мог упрекнуть их в бездеятельности. Они оставались в авиации, поступали в академию и делали завидную карьеру на земле.

Следующий месяц прошел так же безрезультатно, как и предыдущий. Чернов уже подумывал, что есть смысл написать рапорт о переводе в другой отдел либо вообще на другую работу, не связанную с оперативной деятельностью. В середине октября в отдел поступила ориентировка из Управления КГБ по Мурманской области о приезде к концу месяца в область сотрудников военного атташата ФРГ. В связи с этим предлагалось направить в их адрес фотографии всех лиц, проверяемых в связи с возможной причастностью к агентуре спецслужб Германии, для постановки на контроль. Особых надежд на успех по этому поводу Чернов не питал, но тем не менее фотографию направил.

Октябрь подходил к завершению. В один из дней Игорю позвонил Можайский и сказал:

— Тебя вызывает на доклад Иващенко, подготовься доложить о проделанной работе.

— Я могу подать только рапорт на перевод, больше мне доложить Иващенко нечего, — обреченно произнес Чернов.

— Не надо так мрачно, тут пришли ответы в отношении твоего подопечного и его немецкого родственника, если правильно доложишь, то еще можно повоевать, — с оптимизмом произнес начальник.

Игорь бросил трубку и, поймав попутную машину, направился в отдел.

Поступившая информация действительно заслуживала серьезного внимания. По данным Управления КГБ СССР по Горьковской области, Омельченко в 1988 году приобрел в Кулебакском районе заброшенный дом, расположенный в трех километрах от станции дальнего обнаружения ПВО. Однако на данном участке никаких ремонтно-восстановительных работ либо строительства по сей день не ведется.

Пятнадцатый отдел ПГУ КГБ сообщил, что Хельмут Шваб неоднократно ранее посещал СССР в качестве журналиста немецкого журнала «Фокус». Данное печатное издание специализируется на освещении событий в СССР и странах Восточной Европы. Он по роду деятельности наиболее часто посещает Москву и Ленинград, где имеются постоянные представительства этого журнала.

— Что это нам дает? — вслух стал рассуждать Чернов. — Журналист — это профессия, которая наиболее часто используется спецслужбами в качестве прикрытия для профессиональных разведчиков. Используя родственные связи, Шваб легко мог завербовать

Омельченко. Их конспиративные встречи могли проводиться в Ленинграде. Когда последний проходил службу в Кронштадте, выезд в Ленинград был обычным делом как по службе, так и в быту. Сейчас, на Севере, это было связано с определенными проблемами, но в отпуске Омельченко в любом случае ездил с пересадкой в Ленинграде. Да и в выходные дни не было проблемой самолетом вылететь в Ленинград. Этот вариант был упущен в ходе проверки.

— Ну что ж, логика в этом есть. Теперь посмотрим, как это воспримет Иван Петрович, — выслушав мнение подчиненного, резюмировал начальник. — А теперь иди к нему и доложи свою версию. Удачи.

Можайский похлопал по плечу Чернова и вновь сел за рабочий стол.

Полковник Иващенко молча слушал доклад капитана, периодически делая пометки в рабочем блокноте. В завершение доклада он снял очки, закурил сигарету, и откинувшись на спинку кресла, произнес:

— Эта версия могла быть принята, если бы ты ее озвучил месяца два назад. А сейчас у нас, кроме опять-таки предположений, ничего нет. Где документ, подтверждающий факт контакта Омельченко с немцем? Нет. Где информация о причастности Шваба к немецкой разведке? Нет ее. Что толку от того, что он купил дом в районе станции дальнего обнаружения, если он там не появляется? А ты не думал, что он, выйдя на пенсию, захочет использовать его просто как дачу или тупо перепродать? Короче, — отрезал Иващенко, — за прошедший месяц ты так и нашел сведений, подтверждающих причастность Омельченко к немецким спецслужбам. Поэтому мое обещание остается в силе.

Он набрал номер телефона внутренней связи Можайского и сказал:

— Андрей Викторович, представление о присвоении воинского звания «майор» капитану Чернову верните в секретариат и передайте секретарю мое указание включить его в акт на уничтожение. Не заслужил ваш подчиненный очередного звания.

А затем, уже обращаясь к Чернову, спокойно произнес:

— Все материалы проверки тоже в акт, и чтобы фамилию Омельченко я больше не слышал. Свободен.

Он вновь надел очки и, не обращая внимания на капитана, углубился в изучение поступивших документов.

Чернов вышел из кабинета Иващенко с чувством полного опустошения. Ему казалось, что карьера закончилась, и вновь возникло непреодолимое желание написать рапорт на увольнение, вернуться домой и заниматься сугубо мирным трудом. Не долго думая, он зашел в секретариат, взял лист бумаги и размашистым почерком быстро написал рапорт. Секретарь отдела прапорщик Шишов с сочувствием на него посмотрел, но не рискнул что-либо спросить. Игорь зарегистрировал рапорт и сразу же понес его на подпись Можайскому. Тот прочитал текст и, не ставя никакой резолюции, небрежно бросил его в сейф.

— Я не думал, что ты так быстро сдашься. Честно сказать, ты меня разочаровал.

— А как я должен на все это реагировать? Я работал и считаю, что все правильно делал. Не моя вина, что у нас методы работы и возможности дореволюционные. Если бы у нас были такие технические возможности, как у территориальных органов, можно было бы сделать все в сжатые сроки. А так от меня ничего не зависело. Это я зависел от работы почты, от исполнительности оперов на местах, от сроков рассмотрения различными начальниками моих запросов на проведение оперативных заданий. И второе, я мог бы понять, если бы звание задержали за дисциплинарный проступок, а так получается, что тех, кто ничего не

делают, не замечают. А те, кто работает, становятся козлами отпущения.

— Ну, не горячись. Я тебя прекрасно понимаю, сам в твои годы кучу необдуманных поступков совершил. Поэтому у меня по закону есть десять дней для рассмотрения твоего рапорта. Если за десять дней не успокоишься, я подпишу твой рапорт. Если нет, то это твое решение.

— Разрешите идти? — по-военному спросил Чернов, заканчивая со своей стороны разговор.

— Идите, — официально ответил Можайский.

Приехав в гарнизон, Чернов, не заходя домой, решил снять стресс традиционным способом. Он вытащил из сейфа бутылку спирта и направился к своему коллеге из соседнего полка майору Мухину. Тот как всегда находился у себя в кабинете, молча курил и смотрел в окно. Появление Чернова воспринял без удивления, ему успел позвонить прапорщик Шишов и рассказал о происшедшем в отделе.

Он с пониманием отнесся к «инициативе» Чернова, поэтому сразу поставил на стол банку тушенки и бутылку с минеральной водой.

— Я уже все знаю, поэтому не бреди себе душу рассказами, — начал Мухин. — Помнишь, я тебе как-то говорил, что в нашей системе главное — не высовываться? Дежурные результаты всегда можно показывать, причем не выходя из кабинета. У тебя постоянно кто из полка на боевой службе. Вернулись — опросил их по иностранцам, выясни, кого из них и что интересовало относительно нашей службы... Вот тебе и данные о разведустремлениях или развединтересе. Эти сведения, может быть, и даром никому не нужны, но ты свое предназначение формально выполнил. У меня в прошлом году был случай. Военный музей перевозил свое имущество в Москву. Четыре ящика в самолет не поместилось, они и оставили их на командно-диспетчерском пункте, естественно, без документов. Мне об этом сообщили. Когда ящики вскрыли, там оказалось двенадцать единиц оружия: пулеметы, автоматы, противотанковые ружья. В итоге оружие оказалось не боевым, так как на музейных экспонатах обычно стволы просверливали, но мне засчитали это как результат — изъятие двенадцати единиц вооружения, и профилактическое мероприятие в отношении руководства военного музея сделал.

— Я не могу сказать, что я уж сильно копаю, но мне как-то само собой подобная информация попадается, — попытался оправдаться Игорь.

— А ты, прежде чем информацию выдавать наверх, думай, чем будешь ее завершать, — тогда и не будет таких ситуаций. Ну, а что касается задержки звания, то все это ерунда. Это не повод для увольнения. Посмотри на наших полковых технарей. Половина из них в лучшем случае к сорока годам дослуживается до капитана. Так что ж теперь, всем рапорта на увольнение писать? Дорогое удовольствие будет для Министерства обороны увольнять всех старших лейтенантов и капитанов в тридцать лет. Поэтому успокойся. В конце концов, Иващенко тоже не вечный, его вот-вот тоже попросят на выход. Все-таки уже пятьдесят один год мужику. В этом возрасте обычно только генералы служат.

Они еще посидели около часа, и на душе Игоря стало немного легче. Дома он ничего не рассказал жене, но заснуть в эту ночь так и не смог.

Утром он подшивал поступившие документы к материалам проверки Омельченко для сдачи в архив. В этот момент зазвонил телефон. Обычно утром звонили ему только из отдела, поэтому Игорь ничего хорошего от этого звонка не ждал.

— Хорошо, что ты на месте, — услышал он взволнованный голос Можайского, — бери материалы на своего кодировщика, я за тобой сейчас заеду.

— А что случилось? — спросил Чернов.

— Все расскажу в машине, нас вызывают в следственный отдел Управления КГБ ССРС по Мурманской области.

— Ого! — произнес Чернов, но Можайский в этот момент уже положил трубку.

Через пятнадцать минут офицеры уже ехали в Мурманск, в Управление КГБ.

— Так что же все-таки случилось? — вновь поинтересовался Игорь.

— Вчера наши коллеги задержали Омельченко в Мурманске при попытке передачи кодовой таблицы для шифровальной машины помощнику военного атташе ФРГ Клаусу Груббе. Они сопровождали визит военного атташе в Мурманск. Ночью за гостиницей у них состоялся контакт. Слава Богу, группа захвата успела сработать и изъяла таблицу в момент передачи. Наш подопечный сейчас в изоляторе, а дипломата объявили персоной нон грата и сегодня выдворили за пределы СССР. Так что ты оказался прав. Поздравляю!

Игорь удовлетворенно улыбнулся, но воздержался от комментариев.

Приехав в Управление КГБ, они сразу направились в следственный отдел. Там их встретил старший следователь подполковник Кукушкин Василий Игнатьевич. Он был среднего роста, худощав, редкие волосы аккуратно зачесаны назад. На вид ему было около сорока лет.

Офицеры поздоровались и сразу же прошли в кабинет к следователю.

— Мне нужно будет изучить материалы проверки для того, чтобы знать, в каком направлении вести допрос. Тем более что ваш проверяемый активно сотрудничает со следствием. Должен вам доложить, интереснейший тип. Пока я его допрашивал, он мне рассказал очень много интересного. Оказывается, что немцы вышли на него сразу после окончания военного училища. У него оказались родственники в Германии по материнской линии, о которых ранее никто не знал, в том числе и он. Так вот, через них на него и вышли, когда он был в отпуске в Энгельсе. Там у него жила бабушка. Именно находясь у нее, он познакомился со своим дядей, гражданином ФРГ, приехавшим навестить сестру. В дальнейшем прямых контактов с новоявленным родственником он не поддерживал, но периодически кто-то к нему приезжал с подарками от дяди. Сначала это были шмотки, потом бытовая техника, а затем и деньги. Деньги Омельченко взял под расписку, вот тут его на крючок и посадили. С тех пор его этой распиской и шантажировали. Во всяком случае так он рассказывает. Далее во время службы в Кронштадте, регулярно выезжая в командировки в Ленинград, он контактировал с агентом-связником и сообщал ему о планируемых учениях, поступлении новой техники на флот и многое другое. Затем ему поставили задачу купить дом в Горьковской области в районе станции дальнего обнаружения ПВО и дали деньги на его покупку. Часть из них он прокутил, причем с шумом, за что и был снят с должности, а на остальные купил себе автомобиль уже по новому месту службы. Дом он все же приобрел в указанном районе, но годом позже и совершенно бесплатно, так как село оказалось почти заброшенным, и там половина домов были свободными. После перевода на Север он уже реже контактировал с немцами. В основном связь осуществлялась с ним по радио, а от него — письмами на подставной адрес. Однако, как он уверяет, после прибытия в Заполярье не выполнил ни одного их задания и денег от них не получал. Кодовую таблицу похитил случайно, потому что кодировщик был пьян, а ему в руки попали ключи от шифровальной комнаты. Таким образом он захотел напомнить о себе и в очередной раз дополнительно заработать денег. Ну, вот и все, а дальше будем его допрашивать, может быть, еще что-то узнаем. Обязательно проверим домик в селе, не исключено, что там установили шпионскую аппаратуру контроля за режимами работы станции ПВО. Будем надеяться, что наши коллеги из Горьковского Управления нас не подведут и что-нибудь интересное там найдут.

Назад Можайский и Чернов возвращались в состоянии эйфории. Дело, которое продвигалось с такими потугами, наконец успешно завершилось.

— А что по этому поводу сказал Иващенко? — поинтересовался у Можайского Чернов.

— А он ничего еще не знает, — весело ответил подполковник. — Когда позвонили в отдел, он уехал в Особый отдел флота, но я там его не нашел. Так что он еще не в курсе, что его ждет.

— Тогда для него это будет сюрприз.

— Возможно, но я не думаю, что очень приятный. Конечно, с одной стороны, он выдаст этот результат наверх как свое достижение, а вот перед тобой вряд ли извинится. Иван Петрович не любит проигрывать.

— Да мне его извинения даром не нужны, мне важно осознавать, что все это время я был на верном пути.

Почти одновременно автомобиль Можайского и служебная «Волга» полковника Иващенко подъехали к зданию Особого отдела.

— Вы откуда? — спросил полковник, выходя из автомобиля.

— Выезжали в следотдел областного Управления КГБ. Наши коллеги задержали капитана 3-го ранга Омельченко во время контакта с помощником военного атташе ФРГ — победно доложил Можайский.

Иващенко строго посмотрел на Чернова, потом перевел взгляд на начальника отделения и спросил:

— Почему я, начальник отдела, узнаю об этом последним?

— Вы были в Особом отделе флота, а в Управлении срочно потребовали нашего присутствия, — дипломатично ответил Можайский.

— Зайдите ко мне оба, — строго приказал полковник.

После того как начальник отделения закончил доклад, Иващенко в течение минуты сидел молча, перебирая пальцами авторучку. Затем взял трубку телефона засекреченной связи и доложил:

— Товарищ контр-адмирал, докладываю, что в результате проведенных совместно с Управлением КГБ СССР по Мурманской области комплекса оперативно-технических мероприятий нами задержан офицер ВВС Северного флота капитан 3-го ранга Омельченко Вячеслав Михайлович в момент передачи представителю иностранного государства документов, представляющих государственную тайну.

Далее он подробно рассказывал об основаниях проверки и принятых мерах, не упустив возможности отметить свой личный вклад в успешном завершении этого дела. Затем он долго слушал речь начальника Особого отдела флота контр-адмирала Фомина, периодически вставляя уставные: «Есть», «Так точно». В завершении телефонного разговора он браво ответил вышестоящему начальнику: «Служу Советскому Союзу!», видимо, за объявленную благодарность. Положив трубку на рычаг, он удовлетворенно посмотрел на присутствующих в кабинете и сказал, обращаясь к Чернову:

— Что сидишь? Бегом готовь аналитическую справку на руководство Особого отдела флота по результатам проверки за моей подписью. — а затем, посмотрев на Можайского, обратился к нему: — А почему я не видел представление на присвоение воинского звания

«майор» этому капитану? Вы что, не знаете, что за месяц до истечения срока она должно попасть в кадровый аппарат?

Можайский не стал напоминать ему о вчерашнем указании и лаконично ответил:

— Сейчас занесу, оно у меня в сейфе.

Он встал с места и направился в свой кабинет.

— Пойдите, — окликнул его Иващенко, — можете поощрить Чернова своей властью, но вносить его фамилию в резерв выдвижения пока рано.

— Есть, — ответил Можайский и, едва скрывая улыбку, вышел из кабинета.

Часть третья
НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Октябрь 1974 года. США

Генерал Дэниэл Грэхем только что покинул овальный кабинет Белого Дома, где у него состоялся очень тяжелый разговор с Президентом США Джеральдом Фордом в отношении эффективности работы Разведывательного управления Министерства обороны США руководителем, которого он был назначен всего месяц назад. Планы Конгресса США создать на базе РУМО единую военную разведку не увенчались успехом, так как это ведомство не выдерживало никакой конкуренции между спецслужбами родов войск в силу своей заорганизованности. В связи с этим, неоднократно звучали предложения конгрессменов об упразднении данной структуры, как таковой. Особую озабоченность у Администрации вызывала малоэффективная работа ведомства на Восточном направлении. Генералу было дан последний шанс спасти РУМО и провести в ней реорганизацию, способную вывести военную разведку на более высокий уровень.

Генерал Грэхем ехал в своем персональном автомобиле и размышлял, где, когда и в чем были допущены просчеты его предшественниками, приведшие к столь плачевным результатам. С одной стороны, поражение во вьетнамской компании, с другой стороны сокращение армии на 30 % и как следствие — сокращение штата РУМО, сделали свое дело.

Незаметно автомобиль подъехал к центральному входу здания Пентагона. Водитель быстро выскочил из-за руля и открыл заднюю дверь. Генерал медленно вышел из салона и направился в свой кабинет. Едва переступив порог, он бросил портфель на стол и упал в кресло. Просидев около минуты с закрытыми глазами, он встал, вытащил из шкафа коробку с гаванскими сигарами и с наслаждением закурил. Выпустив облако ароматного дыма, он дал команду своему секретарю срочно вызвать к нему первого заместителя Директора РУМО генерала Тиге. Через несколько минут тот зашел в кабинет своего шефа.

— Добрый день, Юджин, — поприветствовал хозяин кабинета вошедшего заместителя.

— Здравствуй, Дэниэл, — ответил тот.

Они давно были знакомы, еще с войны в Корее, поэтому наедине общались, как старые приятели, тем более, что Тиге был на несколько лет старше своего босса.

— Присаживайся, — предложил Грэхем, указывая рукой на свободное кресло. Сам он сел в кресло стоящее напротив и подвинул своему заместителю коробку с сигарами.

— Спасибо, Дениэл, ты же знаешь, что я бросаю курить, сам понимаешь, сердце, — Тиге указал пальцем на левую часть груди, с сожалением посмотрел на сигары и отодвинул их ближе к Грэхему.

— А я вот не могу лишиться себя такого удовольствия. Знаешь, с тех пор, как мы потеряли Кубу, я жалею о двух вещах, о пляжах Варадеро и настоящих сигарах, которые можно было купить только на острове, — генерал задумчиво поднес сигару к губам и продолжил:

— Но пригласил я тебя не за тем, чтобы ностальгировать о прошлом. Сегодня в очередной раз мне пришлось выслушать массу нелицеприятных отзывов президента о нашем ведомстве, и он дал мне последний шанс изменить положение дел к лучшему. Ты гораздо дольше меня работаешь в разведке на Восточном и Восточно-европейском направлениях, у тебя большой опыт работы против стран Варшавского Договора и не мне тебе рассказывать о тех проблемах, которые мы получили в последнее время. Меня интересует твое мнение, как

старого разведчика, что нужно кардинально менять в первую очередь?

— Я был готов к этому вопросу и подготовил тебе докладную с моими выводами и предложениями, — Тиге протянул кожаную папку с документами своему шефу, — Но на словах скажу следующее: Во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, где активно представляли свое присутствие русские, мы потеряли преимущество в воздухе, что существенно повлияло на исход нашего противоборства. Хотя американские самолеты не уступали советским, а по некоторым показателям даже их превосходили, тем не менее, войну в воздухе мы проиграли. Современная авиационная техника, стоящая на вооружении армии СССР кардинально отличается от тех аналогов, которые мы смогли получить из третьих стран. Я говорю мы, потому что любая война — это война спецслужб, осуществляемая силами армий. Так вот, если мы имеем возможность получать определенные сведения о разработках и технических возможностях авиации русских из открытых источников и средств аэрокосмической и технической разведок, то практически не имеем представления о боевой подготовке летного состава и решаемых задачах авиацией противника. А самое главное — не имеем возможности влиять на качество их решения и действовать на опережение. В связи с этим, нам необходимо поднять на совершенно новый уровень агентурную работу не только на уровне штабов противника, но и в самом низовом звене — в авиационных полках. С этим, в последнее время у нас образовался серьезный пробел. От тех агентов, которых мы вербовали в третьих странах, толку оказалось мало. Вернувшись в Союз, большинство из них отказывались от дальнейшего сотрудничества с нами, и их пришлось ликвидировать. Других, либо увольняли из армии за пьянство, либо переводили на другие должности, не связанные с боевой подготовкой.

— Мне все это известно, у тебя есть конкретные предложения? — не выдержал Грэхем.

— На сегодняшний день, мы сформировали группу молодых людей, практически подростков, выходцев из семей эмигрантов, для нелегальной заброски в СССР, с целью их последующего поступления в военные училища с последующей легализацией в войсках.

— Мне кажется, это не лучший вариант, — перебивая коллегу, высказал сомнение генерал, — Не исключено, что после заброски в страну, у этих молодых людей могут случайно найтись знакомые, с которыми они ранее дружили или просто общались, и тогда нас ждет очередной провал.

— Я видимо, неправильно выразился, — улыбнувшись, заметил Тиге, — Эти юноши никогда ранее не проживали в СССР. Они родились и выросли в США. Особую ставку мы делаем на выходцев из семей бывших украинских националистов.

— Почему именно на них, а не на русских или выходцев из Прибалтийских республик?

— Во-первых, у нас и в соседней Канаде очень многочисленная украинская диаспора. Во-вторых, ими созданы и активно работают различные антисоветские организации. В-третьих, как правило, в этих семьях, детям с рождения прививается ненависть ко всему советскому и, как подсказывает практика, эта ненависть с годами усиливается. У русских же наоборот, они со временем, начинают копаться в своих корнях, зачитываются Толстым и Достоевским, и как следствие, у них просыпается ностальгия. Эта категория не очень надежная. Латыши, литовцы, эстонцы, даже живущие в СССР, остаются там оперативной средой по сей день. Их неохотно принимают в военные училища, а если они и попадают в армию, то их либо вербуют, либо они становятся объектами проверок КГБ. Поэтому самым оптимальным материалом для вербовки остаются именно украинцы. Кстати, в СССР они считаются самыми преданными сторонниками коммунизма после белорусов.

Тиге на минуту прервался, вытащил из папки еще один документ и, протянув его генералу, продолжил:

— Особо ценным является то, что услуги по подбору кандидатов нам предлагают сами члены «Союза освобождения Украины» — организации украинских националистов у нас в США. В настоящее время с этими кандидатами плотно работают специалисты — филологи, историки, этнографы и другие. В первую очередь шлифуют их речь. Первоначально стоит задача убрать из их лексикона все американизмы, специфический акцент, разъяснить и научить правильно использовать местный сленг, вплоть до ругательств. Затем, с каждым из них изучают легенду, причем так, чтобы они свободно могли описывать город, в котором, якобы, выросли и при этом их никто не смог заподозрить в несоответствиях. К счастью, в этом им помогают их же родители.

— А дальше как? — перебил Тиге Грэхем.

— Дальше, мы заключили договоренность с разведцентром в Мюнхене, где эти люди будут проходить специальную подготовку. После ее завершения, через Чехословакию и Польшу их будут переправлять на территорию СССР, там их обеспечат документами, а дальше, как воспитанники детских домов они будут поступать в военные училища на льготных условиях, что будет давать им стопроцентный успех при зачислении. На период учебы и первых годах службы в войсках, никакой агентурной работы с ними проводить не будем. Другими словами, пять — семь лет отношения с ними будут законсервированы. Этот период даст им возможность раствориться в общей массе и полностью адаптироваться в военной среде. А дальше, начнем работать по намеченной программе.

— Идея хорошая, но до конца не продуманная, — возразил Грэхем, — Что касается ВВС, то летчиков, которых допускают к выполнению боевых задач или разведывательным полетам, в обязательном порядке проверяет военная контрразведка. И тут сложно будет все предусмотреть.

— Этот вариант мы тоже рассматривали. Для создания легенд мы использовали реальных людей, которые в различные годы ушли в мир иной. Как правило, у наших кандидатов по легенде минимум родственников. А что касается спецпроверки в войсках, то в Советском Союзе по Законодательству обычно проверяют лиц, начиная с 18 лет. К этому времени наши люди уже будут учиться в военных училищах. Даже, если КГБ и заинтересует школьная жизнь нашего человека, его фамилия будет значиться в числе выпускников школы.

Тиге откинулся в кресле и, ожидая реакции начальника, с улыбкой посмотрел на генерала Грэхема. Тот, положив в пепельницу тлеющую сигару, еще минуту молча обдумывал услышанное, а затем сказал:

— Знаешь, Юджин, я рад, что мы работаем вместе. Твоя программа, конечно, не сиюминутная, на реализацию ее уйдет несколько лет, но, по крайней мере, на очередном докладе Президенту, я смогу привести ему убедительные доводы в отношении перспектив нашей службы. Я еще раз перечитаю твои документы, а ты распорядись, чтобы советник по рекрутированию представил мне доклад о подготовке и расстановке кадров.

— Есть сэр, — вставая с кресла, ответил генерал Тиге и не спеша, направился к выходу.

Февраль 1991 года, Мурманская область

Если для большинства людей необъятного Советского Союза новый год наступал 1 января, то для жителей Кольского полуострова новый год наступал в феврале, когда на горизонте всего на несколько минут показывалось солнце. Обычно с появлением первых лучей у людей просыпались оптимизм, жажда жизни и новые надежды на лучшее. Однако, в этом году обитатели гарнизона ничего подобного не испытывали. Некогда могучий, спокойный и богатый, по материальному обеспечению, Север начал терять свою привлекательность. Общая обстановка в стране, захватила в свой круговорот и авиационные гарнизоны Заполярье. Совсем недавно, ломившиеся от товаров полки магазинов вызывали уныние у жен офицеров, а боевые службы полка на авианесущих кораблях, стали для летчиков предметом воспоминаний или почти несбыточных надежд.

Для майора Игоря Чернова шел третий год его службы в особом отделе КГБ СССР по ВВС Северного Флота.

Однажды утром его разбудил телефонный звонок. Он встал с постели и посмотрел на будильник. Стрелки часов показывали без четверти пять. Он нехотя вышел в коридор, где висел телефон и снял трубу.

— Товарищ майор, это оперативный дежурный капитан Лесниченко, у нас ЧП — взволнованно доложил офицер.

— Что случилось? — сонным голосом спросил Игорь, постепенно приходя в себя.

— Горит модуль первой эскадрильи.

— Какой модуль? — не понял спросонья Чернов.

— Эскадрильский штаб на стоянке вертолетов, — пояснил дежурный, — Пожарная команда выехала к месту происшествия, командир полка приказал проинформировать Вас.

Не дожидаясь дополнительных вопросов, дежурный быстро отключился.

Чернов вернулся в комнату, и, не включая свет, чтобы не разбудить детей, начал одеваться.

— Ты куда? — не открывая глаз, спросила жена. Она привыкла к особенностям службы мужа и его ненормированный рабочий день воспринимала спокойно.

— На аэродром. Спи, я скоро вернусь, — Игорь поцеловал жену, в коридоре накинул куртку и тихо, чтобы никого не разбудить, вышел на улицу. Февральский мороз быстро его взбодрил. Он огляделся по сторонам. Возле соседнего дома стоял УАЗ командира первой эскадрильи. Игорь ускоренным шагом направился в его сторону. Водитель беззаботно дремал в кабине.

— Боец, ты кого ждешь? — разбудил его Чернов.

— Командира и инженера эскадрильи, — испуганно ответил водитель, поправляя сдвинувшуюся с головы шапку.

— Давно стоишь? — спросил Игорь.

— Да, минут пять, как приехал, — глядя на часы, проворчал матрос.

Через несколько секунд из подъезда выскочили командир эскадрильи подполковник Чирков и инженер эскадрильи майор Глушаков. На ходу, застегивая куртки, они подбежали к автомобилю.

— Хорошо, что ты уже здесь, — обратился к Игорю Чирков, — Командир приказал тебя

забрать.

— Все трое быстро забрались в «УАЗ» и автомобиль, выбрасывая снег из-под колес, двинулся в сторону аэродрома.

— Кто-нибудь знает, что конкретно произошло? — поинтересовался Чернов у сидящих офицеров.

— Пока точно сказать не могу, — начал командир эскадрильи, — по информации оперативного дежурного загорелся модуль, по информации дежурного по стоянке подразделения — горит домик, где хранятся формуляры на вертолеты.

— Только бы не домик, — покачав головой, произнес инженер. И уже обращаясь к Чиркову, добавил:

— Сколько раз я говорил, что формуляры нужно перенести в эскадрильинский модуль. Все никак место не могли выделить.

— Ну, хватит причитать Юра, — прервал инженера командир, — приедем на место, посмотрим, может, не так страшен черт, как его малюют.

— Тебе легко говорить, — не унимался Глушаков, — если сгорят формуляры, все вертолеты превратятся в металлолом. Представляешь, сколько нужно будет потратить времени, чтобы документально восстановить все работы, какие проводились на них с момента выпуска. На это, как минимум полгода уйдет. Без формуляров вертолет в воздух подниматься не может, а через два месяца у нас боевая служба.

— Что ты несешь, — закипая, возмутился Чирков, — ничего, что я — командир эскадрильи? И я, в первую очередь, отвечаю за все, что происходит в подразделении. А за срыв боевой службы именно мне голову оторвут.

— Вместе отвечать будем, — примирительным тоном согласился инженер.

Игорь молча слушал разговор двух офицеров и думал о своем. Он не раз заходил в этот домик. Это было ветхое деревянное строение еще времен Отечественной войны, с каменным цоколем. Отопления там не было, и из освещения была только одна лампочка в корабельном плафоне с металлической решеткой. Если вечером там никого не было, то проводка не могла замкнуть, так как рубильник отключался с внешней стороны здания. Да и в обязанность дежурного по стоянке входила проверка состояния освещения. Ежеквартально майору приходилось готовить докладные записки о противопожарном состоянии уязвимых в диверсионном отношении объектов, поэтому он имел четкое представление об этом сооружении.

Через 10 минут автомобиль уже был на аэродроме. Вокруг пылающего домика крутились пожарные, заливая пеной пепелище. От строения остался практически только фундамент. Майор Глушаков попытался вытащить из огня еще не до конца сгоревший формуляр, но быстро отскочил в сторону, так как пламя захватило рукав куртки.

— Товарищ майор, отойдите от огня, — обратился к нему начальник пожарной команды, — Там уже ничего не спасешь, очень сильный жар.

Он с сочувствием посмотрел на инженера и направил струю пены на вновь возгорающийся очаг пламени.

Еще через полчаса, на аэродроме собрались все командование полка в полном составе. Дежурный по стоянке части стоял возле прибывших автомобилей и виновато озирался по сторонам. Глядя на тлеющие руины, первым заговорил командир полка. Он подозвал к себе дежурных по стоянке части и подразделения.

— Кто мне внятно доложит, что здесь произошло? — обратился он к подошедшим

офицерам.

— Я был на командном пункте, когда мне доложил о пожаре дежурный по стоянке эскадрильи, поэтому ничего сказать не могу, — отчеканил дежурный по стоянке полка капитан Гаврилов, — это может подтвердить дежурный диспетчер и метеоролог.

— Алиби обеспечивать себе будешь у прокурора, — недовольно ответил командир. Подполковник Масюнин Валерий Сергеевич был назначен на должность командира полка менее месяца назад. По летным меркам он был достаточно зрелым для такого назначения, ему шел 42 год. По своей сути, он был смелым и отчаянным офицером, не боявшимся ответственности. Поэтому не переносил слюнтяев и трусов среди подчиненных. Он презрительно посмотрел еще раз на Гаврилова и обратился к лейтенанту Морозову — дежурному по стоянке подразделения:

— Что Вы можете доложить, товарищ лейтенант?

— Я был в районе домика в 4 утра, — начал доклад дежурный, — В это время там было все спокойно. Еще с вечера я проверил рубильник, он был выключен. А когда я дошел до границы стоянки, то услышал какой-то звук, напоминающий гул пылесоса, только кратковременный. Я думал, что произошло что-то в гарнизоне, потому что прозвучал он как-то приглушенно. Но, тем не менее, я решил вернуться к домику через стоянку. Когда я прошел до середины маршрута, то увидел, что в окне строения горит мерцающий свет. Я побежал туда и через минуту уже был на месте. Однако, помещение внутри все уже было объято пламенем. Я сразу позвонил на командный пункт, оперативному дежурному и с помощью огнетушителя попытался потушить огонь. Но это оказалось бесполезно.

— Что-то ты мутишь, лейтенант, — перебил его командир, — Если в 4 часа все было нормально, а в 4.20 уже бушевало пламя, значит или ты не был на месте или домик подожгли из огнемета. Ты на пикниках костер разводил хоть раз?

Масюнин вопросительно посмотрел на дежурного, тот виновато опустил голову и молчал.

— То-то же. Времени достаточно потратить нужно, чтобы дрова загорелись, а тут за считанные минуты, да на морозе, все моментально сгорело.

— Я говорю так, как было на самом деле, — огрызнулся Морозов, — спросите у часовых, они тоже видели огонь, когда тот уже бушевал.

— Сейчас! Побегу я матросов опрашивать, — возмутился Масюнин, — после смены, немедленно ко мне.

Командир резко развернулся спиной к лейтенанту и направился к месту пожара.

Он окинул взглядом всех стоящих возле пепелища и сказал:

— Товарищи офицеры, дайте возможность пожарным сделать свое дело, а пока все ко мне в кабинет, нечего затаптывать следы и возможные улики. Еще нужно установить причину пожара. Я правильно говорю, товарищ майор? — обратился он к стоящему рядом Чернову.

— Так точно, — по-военному ответил Игорь, — но я останусь здесь, мне нужно еще кое-что выяснить.

— Не вопрос, только потом если что-то будет интересное, меня проинформируйте, — усаживаясь в автомобиль, сказал командир. Он откинулся в кресле и, устремив взгляд вперед, дал команду водителю двигаться в сторону штаба. Остальные офицеры последовали его примеру, рассаживаясь по служебным автомобилям.

Игорь, проводив взглядом отъезжающих, попросил у лейтенанта Морозова фонарик и

стал осматривать место происшествия. Еще раз опрашивать дежурного, он посчитал лишним, так как тот был потрясен произошедшим и вряд ли мог вспомнить какие-то детали без наводящих вопросов.

В радиусе 20 метров от дымящихся руин домика, снег был утрамбован, как на дороге, ногами пожарных и приехавших начальников. Тем не менее, Чернов решил осмотреть прилегающую к месту пожара территорию. Двигаясь по спирали вокруг домика, он с каждым кругом удалялся все дальше и дальше от пепелища. Пожарные смотрели на него с недоумением, некоторые прятали улыбки, покручивая палец у виска. Не обращая ни на кого внимания, Чернов шел по глубокому снегу, освещая фонариком каждый сантиметр белой поверхности, и очень сожалел, что не надел унты. Через полчаса поисков его ноги до такой степени заоченели, что не чувствовал кончиков пальцев. Февральский мороз в Заполярье был в своем апогее. Наконец, когда Игорь удалился от места пожара метров на 40, то увидел торчащий из снега осколок стекла. Он взял его в руки, повертел и хотел выбросить подальше, посчитав, что его отбросило в момент нагрева окна, но в последний момент остановился. Его внимание привлек край, не тот, который был закреплен штапиком на окне, а тот, который отломился. На этой стороне был виден четкий и ровный рубец от стеклореза, а по середине просматривалось темное матовое пятно. Чернов потрогал его пальцем, оно напоминало след пластилина. Игорь аккуратно положил находку в целлофановый кулек, который всегда у него был в куртке и сунул в нагрудный карман. Не оглядываясь по сторонам, он обратил внимание, что из массы следов вырисовалась одиночная дорожка, ведущая в балку. Чернов, не затаптывая вмятины в снегу, пошел туда, откуда они исходили. Буквально, через 20 метров, следы резко пошли вниз и строения стоянки сразу пропали из виду. На самом дне балки Игорь увидел свежую лыжню. По своей ширине следы были явно не от спортивных лыж, а скорее от охотничьих. По характерному следу, можно было определить, что лыжник не скользил на них, как спортсмены, а шел по снегу короткими шагами. Батарейки в фонарике уже садились, но Игорь, нагнувшись над следами обуви, заметил, что на них нет оттиска протектора. Такое могло быть только на старых унтах, так как фирменная подошва клеилась у них прямо на войлок и после нескольких лет хождения по снегу, отпадала сама собой.

Теперь сомнений у Чернова не было, поджог был умышленный. В связи с этим, возникло множество вопросов, но самых главных из них два: Кто? И ради чего?

Все, что Игорь предполагал найти, он нашел. Быстро поднявшись к месту пожара, едва переводя дыхание, он подошел к лейтенанту Морозову, кутившему возле эскадрильского модуля. Тот уже заметно успокоился и равнодушно наблюдал за работой пожарных, которые, в свою очередь, продолжали заливать остатками пены дымящиеся руины. Этого офицера в гарнизоне знали все, он был не просто военнослужащим, он был местной достопримечательностью. Единственный офицер, которому за всю службу трижды присваивали воинское звание «старший лейтенант» и столько же его лишали за чрезмерное увлечение шилом. Тем не менее, после каждого случая его оставляли служить до следующего раза.

— Я хотел бы задать Вам пару вопросов, — обратился к нему Игорь.

— Пожалуйста, — не глядя на него, ответил Морозов.

— В котором часу вы заступили в наряд?

— В 18 часов, сразу после развода.

— В это время, кроме дежурной смены кто-то на аэродроме был? — поинтересовался Чернов.

— Нет, — без колебаний ответил техник.

— Вы не вспомните, кто-то из военнослужащих дежурной смены ходил ставить или проверять петли на зайцев за аэродромом?

Лейтенант удивленно посмотрел на назойливого майора.

— Да, Вы что? Мы ж почти придворный полк, нас за ночь проверяют несколько раз. Ни дай бог, кого на месте не окажется, греха не оберешься. Нет, у нас такого не бывает. Петли на зайцев, конечно, ставят, но только тогда, когда полеты идут, а вчера никто не летал, все с аэродрома еще в обед уехали. В 18 часов стоянка была закрыта.

— Тогда еще вопрос, — продолжал Чернов, — А вечером со стороны балки никто из лыжников или охотников на аэродром не поднимался?

Морозов снисходительно улыбнулся и заявил:

— Товарищ майор, у нас в полку народ хоть и отчаянный, но не дурной. Какой же идиот ночью поедет кататься на лыжах по сопкам. Тут и волки периодически попадают и росوماхи гуляют, а дикие собаки, так, вообще, стаями бродят. Нет, я таких камикадзе у нас в гарнизоне не знаю.

Лейтенант бросил окурок в снег, поднял воротник куртки и сказал:

— Извините, товарищ майор, но мне нужно дежурить. С наряда меня пока никто не снимал, пойду, проверю другие объекты.

Не дожидаясь ответа, он сунул руки в карманы и медленно поплелся в противоположную сторону аэродрома.

Чернов, оставшись один, только сейчас почувствовал, до какой степени он замерз. Ног он не чувствовал уже давно, а теперь перестал чувствовать пальцы на руках. Даже в меховых перчатках они начали болеть от холода. Кожа на лице задубела от мороза так, что любая гримаса отзывалась болью. Игорь взял рукой горсть снега и попытался им растереть лицо, но стало еще хуже. Оно сразу же покрылось ледяной коркой. В поисках автомобиля, Чернов с надеждой огляделся по сторонам, но, к великому сожалению, никакого транспорта на аэродроме, кроме пожарных машин, уже не было. Ждать было некого и нечего. Игорь втянул голову в воротник куртки и трусцой побежал в сторону гарнизона.

Войдя в квартиру, Игорь с порога ощутил как его ноги и руки стали сначала покалывать, а потом не терпимо болеть. Он сбросил с себя одежду прямо в коридоре, забежал в ванную и встал под горячий душ. Через несколько минут, он почувствовал себя значительно лучше. Боль в отмороженных пальцах постепенно утихла. Медленно к нему стало возвращаться нормальное восприятие жизни. Игорь услышал приятный запах жареного картофеля и у него резко проснулся волчий аппетит. На кухне его ждала жена, она подвинула ближе к нему тарелку с завтраком и спросила:

— Что случилось, почему ты среди ночи побежал на аэродром?

— Там здание сгорело, — с полным ртом ответил Игорь.

— Никто, хоть не пострадал, — поинтересовалась Люда.

— Нет, — также лаконично ответил Игорь, не переставая работать вилкой.

Людмила поняла, что с голодным мужем разговора не получится, встала из-за стола и вышла в детскую комнату собирать старшую дочь в школу.

Необыкновенно вкусный после мороза завтрак неожиданно прервал телефонный звонок. Чернов нахмурился, утренние звонки, как правило, не предвещали ничего хорошего.

— Слушаю Вас, — едва прожевав, ответил Игорь.

— Это я Вас слушаю, — на противоположном конце провода раздался голос новоявленного начальника отделения майора Горбченко, сменившего в этой должности подполковника Можайского, — Вы хоть в курсе, что у Вас ЧП в полку.

— В курсе, я с пяти утра на ногах и только что прибыл с места происшествия, — ответил Чернов.

— Через пять минут будьте готовы доложить мне все обстоятельства дела. Я, между прочим, сижу у вас в кабинете и вместе Евгением Герасимовичем, уже обсуждаем возможные причины пожара.

Игорь положил трубку и стал быстро одеваться. Сомнений не было, о пожаре в полку сообщил начальнику майор Дубовик. Перед новым шефом тому явно хотелось предстать в выгодном свете, чтобы в ближайшее время получить должность старшего оперуполномоченного. Этот офицер прибыл в гарнизон в конце прошлого года, так же как и Чернов, из Киевского военного округа. До этого назначения, он никогда не был оперативником, а прошел путь от прапорщика — секретаря отдела до начальника секретариата армии. Поговаривали, что с этой должности его сняли за незаконное уничтожение конфискованной валюты, хотя все понимали, что это было чистое хищение, но доказать или опровергнуть тогда данный факт никто не смог или не захотел. Затем, его направили в командировку в Чернобыль, а после возвращения оттуда, должности, соответствующей его рангу, в округе не нашлось. Его долго держали за штатом, временно переназначая на вакантные должности, а затем, предложили перевод в Заполярье. Так он оказался на Севере. По своим человеческим качествам, он был необыкновенно коммуникабелен. За 2 месяца пребывания в гарнизоне Дубовик стал на короткой ноге практически со всеми выходцами из Украины. Он не стеснялся всем обещать замену на родину, используя свои связи в Киеве. Как ни странно, но многие ему верили, в результате чего, ему через месяц выделили трехкомнатную квартиру, на складе он получил летное обмундирование, хотя не имел в оперативном обеспечении летных частей, а также

ежемесячно получал продовольственный паек для высшего офицерского состава. Ему шел 43 год и по возрасту, он был старше всех сотрудников особого отдела ВВС, за исключением самого начальника.

Когда Игорь зашел в кабинет, Горобченко сидел за его рабочим столом, мирно курил «Беломор» и пил чай. Дубовик устроился напротив, и рассказывал ему байки о своей бывшей службе на прежнем месте.

— Чем порадуете, Игорь Геннадьевич? — вместо приветствия с порога начал начальник, — вы не стойте в дверях, располагайтесь.

Он помешал ложечкой чай и ехидно улыбнулся, указывая на свободные стулья.

— Спасибо за приглашение, — с иронией ответил Чернов, — насколько я понимаю, это еще мой кабинет.

Игорь, не торопясь, снял шинель, поправил волосы и сел в кресло, вытянув ноги.

Улыбка сошла с лица Горобченко. Он сделал глубокую затяжку папиросой, выпустил дым кольцами и строго спросил Чернова:

— Я готов выслушать Ваш доклад по данному ЧП.

Как военный человек Чернов встал и доложил:

— Я провел первичный осмотр места происшествия и на основании полученных фактов могу утверждать, что поджог имел преднамеренный характер.

— Так-так, что же Вы такого там нашли, что берете на себя такую ответственность?

— Во-первых, я нашел на снегу осколок стекла от окна домика с явными следами стеклореза и пластилина? Во-вторых, от места происшествия в балку тянулась дорожка следов, причем в обе стороны, а на дне балки обнаружена свежая лыжня. Поэтому я предполагаю, что неизвестный по балке на лыжах, прошел на стоянку вертолетов, стеклорезом вырезал край окна, чтобы его не разбивать и не создавать лишнего шума. Затем, вылил горючую жидкость на пол и поджег. Дежурный по стоянке части утверждает, что пламя разгорелось в считанные минуты.

— И это все? — удивился начальник.

Чернов молча кивнул головой.

— С Вашей фантазией, товарищ майор, нужно романы писать, а не оперативной работой заниматься. Надо же какая улика, — Горобченко с наигранной возмущенностью взмахнул руками, — след стеклореза на стекле. А чем, по-вашему, это стекло вырезали? Лазером что ли? И пластилин наверняка использовался в качестве замазки.

Он захихикал и посмотрел на Дубовика, ожидая от того поддержки. Однако, Евгений Герасимович, многозначительно поднял брови, но ничего не ответил.

— Опять же, подумаете, лыжня в балке. — продолжал Горобченко, — У нас лыжников в гарнизоне больше, чем алкашей. Вся округа изрезана лыжней.

— Вчера был снегопад, — попытался доказать свою правоту Игорь, — и любую лыжню занесло бы снегом, а ближе к ночи он прекратился. Там четко видно, что кто-то шел на лыжах, потом их снял и пешком поднялся к эскадрильскому домику.

— Хватит разводить демагогию, Игорь Геннадьевич. Пока я вас ждал, в штаб приехал начальник противопожарной службы ВВС Флота. Он высказал предварительный вывод о том, что пожар произошел от возгорания электропроводки. Уже готовится приказ о наказании виновных. Поэтому, тема закрыта. Вы лучше вместе с командованием завтра же проверьте противопожарное состояние, уязвимых в диверсионном отношении объектов и

мне доложите отдельной справкой. Все ясно?

— Так точно, — недовольно ответил Чернов и сел опять в кресло.

Горобченко, вальяжно встал, надел шинель и, пожав присутствующим руки, напоследок сказал:

— Зайду к командиру полка поздороваться и поеду к себе, а вы держите меня в курсе.

Не скрывая удовольствия на лице, он гордо вышел из кабинета.

— Я что-то не понимаю, или мир перевернулся? — обратился Чернов к Дубовику, когда остались наедине, — то нам предъявляют претензии, что мы плохо работаем, то не дают работать там, где есть реальное дело.

— Ты когда майор получил? — издалека начал Евгений Герасимович.

— Недавно, а что? — не понял вопроса Игорь.

— А то. Ты сейчас можешь выдвигать хоть какие версии. По всем нашим канонам, даже если завалишь дело, тебя в звании уже понизить не смогут. Только в должности. Выдвигать на вышестоящую должность тебе пока рановато. А вот его недавно назначили начальником, а представление на «подполковника» еще не подписали. Так что, для него главная задача — получить очередное звание, а там хоть трава не расти. Да ты, наоборот, радуйся, что так получилось. По ментовской терминологии — это «глухарь» стопроцентный, а тут сам начальник дает указание не заниматься этим делом.

Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошел майор Мухин Виктор Николаевич — старший оперуполномоченный соседнего вертолетного полка.

— Здорова, мужики, — весело поприветствовал он присутствующих, — наслышан о сегодняшнем ЧП. А почему вы в кабинете, а не на пожаре.

— На пожаре я уже был, а нам там заниматься нечем. Нет нашей компетенции, как говорят в правоохранительных органах. Проводка там загорелась, причем при выключенном рубильнике. Во! Как, — с сарказмом ответил Игорь и хлопнул ладонь по поверхности стола.

— Это кто так сказал? — меняя выражение лица, спросил Мухин.

— Как кто? Наш отец и наставник — Горобченко Сергей Дмитриевич, — съерничал Чернов.

— А-а, ну значит, так оно и есть. Сергей Дмитриевич у нас круче бога, это все знают, — наигранно произнес Виктор и подкатил глаза вверх, а затем, после непродолжительной паузы, добавил, — Особенно, когда и что должны завезти в военторг на следующей неделе.

Все весело рассмеялись. Майора Горобченко, в его бытность старшим опером, коллеги по отделу всерьез не воспринимали. За всю службу у него никогда не было никаких мало-мальски значительных результатов. По итогам года начальники его не замечали, потому, что, как правило, накануне он отвозил им по канистре спирта и, как результат, на подведении итогов сразу находились другие объекты для критики. В связи с этим, назначение его на должность начальника отделения для всех стало, громом среди ясного неба. А Горобченко, в свою очередь, сразу после назначения на должность, установил дистанцию в отношениях между бывшими коллегами, начав демонстративно разговаривать с ними исключительно на «Вы» и по имени-отчеству.

— А вообще, мужики, — начал Мухин, усаживаясь за стол, — я здесь дольше вас всех живу и скажу одно. Пожары на Севере никто никогда не расследовал всерьез. Пожары стали, как русская народная забава для местных жителей. Живем-то скучно, одно развлечение, когда что-то загорится. Помнишь, Игорь, как прошлым летом загорелись гаражи? — обратился он к Чернову. Тот в знак согласия кивнул.

— Так вот, — уже обращаясь к Дубовику, продолжил Мухин, — горело сразу семь гаражей, народ выскочил, но никто не тушил, все сидели напротив, как в цирке, и обсуждали, кто, что в гараже прятал. А еще был случай в 84 году, — Виктор вытащил пачку сигарет «Oral», — Загорелись склады боеприпасов Северного Флота под Североморском на Окольной Губе... Фейерверк был такой, что все подумали, будто началась третья мировая война. Над городом поднялся гриб по подобию ядерного взрыва, неуправляемые ракеты летали, как конфетти на Новый год. Адмиралы резко свои семьи в аэропорт отправили, корабли сразу вышли в море. Шороху было, жуть! Но, в конечном счете, опять, признали виновниками двух матросов, якобы, куривших в неподобающем месте. Кого-то потом сняли с должности, кому-то взыскание объявили, а так все относительно спокойно обошлось. Никого не посадили, хотя ущерб был нанесен на несколько миллионов рублей. Правда, с некоторых офицеров погоны сняли за саботаж и дезертирство, потому что бросились не на корабли, а на поезд с вещами, но это уже другая история. Вот такие дела ребята.

Он зажег спичкой сигарету и обратился к Игорю:

— А что на аэродроме реально сгорело?

Чернов еще раз рассказал, что он нашел в районе пожара и какую версию выдвинули представители противопожарной службы ВВС Флота. Мухин задумался, почесал подбородок и, стряхнув пепел в пепельницу, произнес:

— Хреново. Если это чья-то месть за то, что его не включили в состав авиагруппы на боевую службу, то это должно повториться. И не только в твоём полку, но и, возможно, в моем. У меня ведь тоже две эскадрильи корабельного базирования.

— А почему ты так решил? — поинтересовался у него Дубовик.

— Женя, посуди сам, — выпуская дым кольцами, стал рассуждать Виктор, — Если это сделал летчик или техник из мести. На боевую службу его не пошлют и не пошлют его конкурента по эскадрилье. Но ведь задачу с Флота из-за этого никто не снимет. Значит, на боевую службу пойдет другая эскадрилья одного или другого полка. А виновник торжества будет на месте восстанавливать формуляр своего вертолета, если, конечно, он техник. А если летчик, то «летать» будет по стоянке «пешим по — летному» — есть такое упражнение в авиации. И что тогда получится? Сам себе придумал геморрой, а другому дал возможность заработать денег.

— Витя, а у меня есть другая версия, — оживился Чернов, — а если этот злоумышленник вообще не из первой эскадрильи. Тогда получается, что первая эскадрилья выходит из строя и подготовку к боевой службе возлагают на резервную эскадрилью, где служит наш вредитель.

— Ой, ребята, скучно мне с вами, пойду я лучше свои склады проверю, с людьми пообщаюсь, далек я от ваших проблем, — зевая, сказал Дубовик и вытащил из шкафа куртку.

— Женя, не торопись, — остановил его Мухин, — для тебя тоже версия найдется.

— А я каким боком к вашим боевым службам? — удивился Дубовик.

— А таким. У тебя в обслуживании база авиационно-технического обеспечения, а там вооружение, топливо, продовольствие. Все то, что необходимо для жизнедеятельности авиагруппы во время похода. Ты не исключаяешь возможности, что наш «злоумышленник» действует с более дальним прицелом? Например, сорвать боевую службу вообще, как таковую?

Дубовик тяжело вздохнул, повесил куртку обратно в шкаф и сел на свое место. Немного обдумав аргументы, выдвинутые Мухиным, Дубовик заявил:

— А какой тогда смысл этот поджог устраивать тыловику? Его в любом случае на боевую службу не направят.

— А ты не забыл, что этот, так называемый, диверсант может действовать по заданию чьих-то спецслужб? — понизив голос до шепота, таинственно произнес Мухин.

— Ну, ты, Витек, загнул. У нас в Афгане, меньше на спецслужбы грешили, чем ты здесь, в богом забытом гарнизоне «накрутил».

— Это потому, что ты в секретариате служил и не знал, чем опера на передовой занимаются.

— Да, все их докладные через меня проходили, — обиженно возмутился Дубовик.

— Тогда спроси у своего земляка, — он кивнул на молча сидящего Чернова, — какие он в прошлом году материалы выкрутил. До последнего момента никто не верил, что один «клиент» выкрал секретную диссертацию командира полка для передачи норвежской разведке, а второй — кодовую таблицу для передачи разведке ФРГ.

Дубовик недоверчиво посмотрел на Игоря:

— Что, серьезно или разыгрывает?

— Больше слушай его, — уклонился от ответа Чернов.

— Короче, мужики. Подводя итог нашего мини-совещания, хочу сказать следующее:

— О руководящей роли начальника говорить не буду. Начальники, как покойники, да простит меня бог, — Мухин театрально поднял взор к потолку и перекрестился, — о них либо хорошо, либо никак. Поэтому, если поджоги повторятся, нам порвут задницы на британский флаг. Следовательно, независимо от указаний Горобченко, будем искать вредителя сами, по-тихому.

— Я думаю в первую очередь нам нужно установить, кто из резервных эскадрилий планируется на боевую службу, а там уже выяснить, у кого из технарей есть охотничьи лыжи, — предложил Игорь.

— Почему именно технарей? — удивился Мухин.

— Во-первых, я там обнаружил след унтов без протектора. Обычно такие бывают у технического состава, потому что они зимой ходят в унтах постоянно. Летчики унты практически не носят, они ходят в летных берцах, поэтому унты у них остаются в первозданном виде до окончания срока эксплуатации. Во-вторых, поджигатель точно знал, в каком месте ночью должны были находиться дежурные по стоянке части и подразделения, чтобы выйти из балки незамеченным. Летчики в такие наряды не ходят, поэтому я их исключаю.

— Логично, — ответил старожил отдела и поднялся на выход.

— Я тоже наведаюсь к командиру, — сказал Чернов, и вышел из кабинета следом за Мухиным.

Подполковник сидел за рабочим столом и отрешенно смотрел в окно. Он недавно проводил представителей противопожарной службы ВВС Флота и, явно, не был доволен их заключением. Он посмотрел на вошедшего Чернова и молча, показав рукой на свободный стул, предложил присесть.

— Ну, как тебе этот цирк? — обратился он к Игорю, — пожар возник из-за замыкания в сети при отключенном токе. И самое главное, что Командующего этот вывод устраивает.

Масюнин заерзал на стуле, было видно, что он не в силах скрывать своего возмущения, но усиленно пытался держать себя в руках.

— Что ты думаешь по этому поводу? — обратился он к Игорю.

— Я думаю, что это был умышленный поджог, — спокойно ответил Чернов и рассказал командиру о том, что обнаружил в окружении домика, — Нет сомнений, что кто-то специально ночью пришел на стоянку и поджог формуляры. Теперь предстоит выяснить, кому это было нужно и зачем.

— Это явно сделано против меня, — многозначительно произнес Масюнин.

— Почему против Вас? По-моему, тут причин может быть масса, — усомнился Чернов.

— Дело в том, что мою кандидатуру на должность командира полка предлагали из Москвы, а местное командование имело на эту вакансию своих претендентов. Представление на звание «полковник» уже отправлено, а теперь его видимо вернут обратно. Дальше, еще пару таких «замыканий» и меня переведут куда-нибудь на бумажную работу в штаб ВВС. Так что, скорее всего, это МНЕ пытаются «сплести лапти». Согласись, до моего назначения в полку ничего подобного не происходило.

Игорь молча кивнул в знак согласия, про себя констатируя, что появилась еще одна версия, которую они ранее не рассматривали.

— Мне мой шеф сказал, чтобы я этим делом тоже не занимался, причем категорично. Видимо Ваша версия имеет под собой основания. И, тем не менее, мне кажется, это не последний поджог. Поэтому я буду искать поджигателя сам, как говорят, без протокола.

— С моей стороны, можешь рассчитывать на любую поддержку, — командир вышел из-за стола и протянул руку Чернову, давая понять, что разговор закончен.

Игорь ответил на рукопожатие и, не отпуская руки, сказал:

— Очень буду Вам признателен, если дадите команду, чтобы мне подготовили списки членов военно-охотничьего коллектива нашего полка.

Масинин удивленно взглянул на Чернова.

— Не вопрос, сегодня к концу дня списки охотников будут у тебя, — пообещал он, но воздержался от выяснения причин столь неожиданной просьбы.

Игорь вернулся в свой кабинет, Дубовика уже не было на месте и Чернов сел в старое, но уютное кресло, чтобы спокойно обдумать все произошедшее за сегодняшней день. Неизвестно кто и когда принес этот экземпляр мебели в кабинет. Но именно в нем, Игорь чувствовал себя комфортно и мог настроиться на рабочий лад. Именно в нем ему в голову приходили неожиданные идеи. Однако, после появления в кабинете соседа в лице майора Дубовика, уединиться со своими мыслями было все сложнее и сложнее. Тем не менее, он вытянул ноги, закрыл глаза и стал размышлять.

Согласно первой версии, если причина поджога — месть, то военнослужащие первой эскадрильи исключаются. В данном случае, техническому составу придется документально восстановить все записи о проведенных работах на вертолетах с момента и выпуска. Нормальный здравомыслящий человек никогда себе не будет искусственно создавать такие проблемы, какая бы цель при этом перед ним не стояла.

Согласно второй версии, если поджигатель из другой эскадрильи, то не факт, что именно его вертолет или экипаж будет отобран на боевую службу. Значит, у этого злоумышленника должен быть покровитель, который бы смог повлиять на включение его в основной состав авиагруппы, хотя бы на уровне командира эскадрильи.

Согласно третьей версии, если этот поджог совершен по заданию иностранной спецслужбы, то этого поджигателя где-то должны были завербовать. С этим сложнее, наш человек, систематически испытывающий дефицит практически всего, может быть завербован где угодно и на чем угодно.

Версия Масюнина, которая сначала показалась Игорю убедительной, после непродолжительного осмысления показалась маловероятной. На должность командира он был назначен совсем недавно, по сложившимся традициям, в течение полугода его никто не имеет права наказывать, а тем более снимать с должности. Да, и сам Масюнин не скрывал, что это назначение произошло по указанию из Москвы. На периферии вряд ли кто-то пожелает провоцировать конфликт с Министерством Обороны.

«И так, — подвел для себя итог Чернов, — наиболее живучими остаются вторая и третья версии. Чтобы начать их проверку нужно выяснить, кто из летчиков третьей эскадрильи по своим допускам готов выйти на боевую службу, а уже оттолкнувшись от них, обратить внимание на технический экипаж. Второе, что необходимо сделать, это еще раз просмотреть учеты лиц из оперативной среды. Здесь могут быть и лица, попадавшие в полицейские участки за границей, и те, кто имеет родственников за границей, и те, чьи родственники пострадали от Советской власти.

Игорь открыл сейф и достал из него дело, где был поименный список лиц с наличием компроматериалов. Это учет на объекте вели все оперработники со дня регистрации дела и каждый из них, курировавший этот полк, вносили свой вклад. За этот период времени многих людей, занесенных в список, в полку уже не было. Кто-то вышел в запас, кто-то перевелся к новому месту службы, кто-то умер. Чернов отметил в списке тех, кто еще оставался в полку, таковых оказалось 19 человек. В основном это были люди, у которых были родственники ранее судимы, либо репрессированные в послевоенное время. Некоторые попадали в иностранных портах в полицейские участки, находясь в нетрезвом состоянии, кое-кто попал в этот список из-за склонности к фарцовке. Все эти люди в свое время кем-то проверялись, но ничего конкретного, что давало бы повод подозревать их в причастности к иностранной разведке, не было.

А причина для занесения капитана Логвиненко в список лиц с наличием компроматериалов вообще вызвал у Игоря ироническую улыбку. Как было отмечено в деле: «По словам оперативного источника на португальском у Логвиненко был нацарапан тризуб — знак украинских националистов». За это «страшное нарушение» с ним провели профилактическую беседу в политотделе гарнизона, где он сам пояснил, что этот знак оставил ему в шутку кто-то из сослуживцев, как уроженцу Западной Украины. Игорю стало интересно, кто же из оперативных работников усмотрел в этом случае происки спецслужб противника и опять улыбнулся. В специальной графе была указана фамилия старшего

лейтенанта Горобченко Сергея Дмитриевича. Именно, нынешний начальник отделения в свою бытность оперуполномоченного на данном объекте и сделал эту запись.

От мыслительного процесса Игоря отвлек неожиданный стук в дверь.

— Войдите, — крикнул он. На пороге появился старший прапорщик Илларионов — внештатный председатель общества охотников и рыболовов гарнизона. Ему было далеко за 40 лет, но он держал себя в прекрасной физической форме. На всех спортивных соревнованиях по борьбе, проводимых в гарнизоне, участвовал наравне с молодыми и зачастую одерживал над ними верх.

— Товарищ, майор, по приказу командира полка принес вам список охотников, — густым басом доложил прапорщик и протянул свернутые в трубочки списки.

— Большой спасибо, — ответил Чернов, разворачивая их, и тут же спросил его:

— Владимир Ильич, среди этих людей есть любители зимней охоты, кто использует специальные охотничьи лыжи?

Илларионов поднял глаза к потолку, почесал затылок и уверенно произнес:

— У нас в полку точно нет. В других не знаю.

Он, молча отдал честь и вышел из кабинета. Прапорщик был в том возрасте, когда уставные понятия о старших и младших стирались. К заместителям командира полка и командирам эскадрилий в неофициальной обстановке он обращался исключительно на «ты» и по имени, так как в свое время, когда те были лейтенантами, Илларионов уже был гораздо старше их и считался мастером в своей специальности. По своей штатной должности он был инструктором парашютно-десантной службы, поэтому будущим командирам доставалось от него очень серьезно, независимо от чинов и званий. Помимо этого, многие старшие офицеры вынуждены были обращаться к нему за помощью, особенно, когда вопрос касался вступления в общество охотников или получения разрешения на покупку оружия. В связи с этим, старый прапорщик не считал нужным спрашивать разрешения у молодого майора, чтобы войти, а тем более, чтобы выйти.

Игорь, улыбнувшись, посмотрел в след уходящему посетителю и принялся изучать полученные списки.

На самом деле в полку оказалось не так много людей увлеченных охотой. Всего 46 человек. Из них, Чернов исключил военнослужащих первой эскадрильи, а также тех, кто на момент поджога отсутствовал в полку по причине отпуска или командировки. В результате отсева в числе подозреваемых оказалось всего два человека: старший техник вертолета ст. лейтенант Игнатов и начальник группы радио-технического обеспечения третьей эскадрильи капитан Демехин. Последний сразу был исключен из списка, так как ожидал приказ об увольнении в запас по возрасту. Так, методом исключения, в числе подозреваемых, единственным оказался старший лейтенант Игнатов. Однако, это обстоятельство никак не вселяло оптимизма Чернову, потому как никаких других признаков причастности этого офицера к поджогу не было. Среди лиц, с наличием «компрматериалов», охотников также не оказалось.

В этой ситуации сроки проверки над Игорем не довели, и он продолжал службу в обычном режиме, при этом, не забывая о поиске поджигателя.

Март также в гарнизоне оказался не спокойным. После завершения Международного женского дня весь гарнизон обсуждал курьезное ЧП, произошедшее в праздничную ночь. Из окна общежития с четвертого этажа выпал штурман вертолета капитан Ломинога, находившийся в нетрезвом состоянии. По счастливой случайности упал он в сугроб и остался невредим. Утром, на построении полка командир объявил ему строгий выговор за употребление спиртных напитков, и это известие стало самой обсуждаемой новостью дня в первой половине дня 9 марта.

После обеда Игорь застал Дубовика в кабинете, как никогда озадаченного и взволнованного. Тот суетливо перебирал бумаги, отбирая чистые бланки объяснительных записок.

— Женя, что случилось? — спросил у него Чернов.

— Вам с Мухиным языки вырвать мало, накаркали, черти, — не отрываясь от своего занятия, пробубнил Евгений Герасимович.

— Да, ты можешь внятно сказать, что произошло?

— Что, что. Как вы и обещали, теперь поджог у меня на объекте. Только что потушили склад противолодочного вооружения. Слава богу, вовремя заметили, а то был бы фейерверк, не хуже, чем в Североморске.

— Если не возражаешь, я пойду с тобой, — предложил Чернов.

— Конечно, не против. Ты ведь теперь у нас почти эксперт по этим вопросам, — пошутил Дубовик и, закрыв портфель, стал надевать шинель.

Когда оперативники прибыли на место происшествия, возле склада собралась достаточная многочисленная толпа. В основном это были матросы, работавшие на складе и подъехавшие должностные лица базы обеспечения, хотя и обычных зевак оказалось предостаточно. Вызывать пожарную команду не было необходимости, так как пламя вовремя увидел часовой, и очаг быстро потушили своими силами. Склад противолодочного оборудования и вооружения представлял собой старое бревенчатое здание. Оно не отвечало никаким требованиям противопожарной безопасности, но на его реконструкцию систематически не хватало денежных средств. Поэтому внутри здание обложили огнеупорным кирпичом, а внешние стены периодически обрабатывали специальным противопожарным составом.

Расталкивая присутствующих, Дубовик с Черновым пробрались к месту возгорания.

— Все сделали два шага назад! — громогласно скомандовал Евгений Герасимович, — свидетели, подошли ко мне.

После этих слов, толпа заметно стала редеть.

— Как Ваша фамилия? — обратился он к первому попавшемуся прапорщику, — Как Вы здесь оказались?

— Прапорщик Тимофеев, — назвал себя молодой парень, — я шел на вещевой склад, увидел скопление людей, вот и подошел. А так, я вообще, ничего не видел.

Обратиться к другим наблюдателям Дубовик не успел, так как в считанные секунды возле склада остались только его начальник, несколько работавших матросов, часовой и два представителя штаба базы. Он отвел оставшихся людей в сторону для опроса, оставив Чернова на месте пожара.

Исследовать там особо было нечего, обгоревшая стена, внизу растаявший снег и лужа пены, а вокруг куча следов. Игорь взял обломок доски стал методично счищать слои грязи возле того участка, где просматривался очаг пожара. Вдруг под импровизированным скребком что-то блеснуло. Игорь поднял находку, ею оказалась металлическая часть одноразовой зажигалки. Судя по тому, что она не успела поржаветь, хотя покрылась черным нагаром, можно было предполагать, что оказалась она в этом месте совсем недавно. Игорь аккуратно положил найденный предмет в целлофановый пакет и сунул в карман. После этого он долго смотрел на стену и не мог понять, что на ней не так, как должно быть.

— Что ты на нее уставился, как баран на новые ворота? — прервал размышления Игоря подошедший Дубовик, — Пройдем в кабинет. Тут уже делать нечего.

— Подожди, Герасимыч, — ответил Чернов, — тебе не кажется, что здесь что-то не так?

Игорь указал рукой на обгоревшую стену.

— Кажется. Не так здесь то, что стена обгорела, — усмехнулся Дубовик.

— Да нет, же. Посмотри внимательнее. Она обгорела не сплошным пятном, а хаотическими полосами.

— И что тебя в этом напрягает? — серьезно спросил Дубовик.

— Ты знаешь, в детстве, мы часто наливали в пластиковую бутылочку бензин, в крышке делали отверстие, затем тонкой струей выписывали на заборе какую-нибудь гадость, а после этого поджигали. Бензин выгорал вместе с верхним слоем, и на заборе оставалось ничем не смываемое слово. После этого, хозяину приходилось только красить забор полностью.

— А ты, как я посмотрю, в детстве был еще тем пакостником, — улыбнулся Дубовик и продолжил, — Так ты хочешь сказать, что кто-то полил стену бензином и поджог?

— Именно.

— Я сомневаюсь. Вспышка сразу бы привлекла внимание окружающих. Все-таки сейчас сумерки и любой огонь сразу привлек бы внимание, а тем более, сразу осветил бы поджигателя. Что-то здесь не то.

Офицеры медленно направились в сторону штаба, на ходу обсуждая различные версии происшедшего.

— А что дал опрос тех, кто находился на складе? — поинтересовался Чернов.

— Особенного ничего. Начальник склада с матросами занимались перестановкой ящиков внутри склада. Часовой стоял при входе на территорию. За все это время на склад заходил только капитан Лукьянов из вертолетного полка, оставить заявку на торпеды. Часовой видел, как он заходил на территорию склада и как выходил. К тому месту, где произошло возгорание, он не подходил. Да и пожар возник уже после того, как Лукьянов уехал.

— На месте происшествия я кое-что нашел, — Игорь достал из кармана пакет с металлической деталью от зажигалки и показал ее Дубовику.

— И какие мысли тебя посетили по этому поводу? — поинтересовался тот.

— Пару дней назад в гарнизоне по кабельному телевидению показывали американский боевик. Там один из злодеев, чтобы вызвать панику в музее, пластырем прикрутил сигарету к зажигалке и положил их на шкаф под датчиком дыма. Сам успел выйти из здания, сигарета дотлела до пластмассы зажигалки, расплавил ее, газ вспыхнул и начался пожар. Сработали датчики, заревела сирена, началась эвакуация посетителей музея.

— Знаешь, Игорь, в моем возрасте уже тяжело отслеживать ход твоих мыслей. Говори

прямо, какая у тебя версия, — не выдержал Дубовик.

— Я думаю, дело было так. В любом случае часовой куда-то отходил по нужде. Хотя это и запрещено Уставом, но на морозе себя тяжело сдерживать. В это время кто-то зашел за здание, брызнул из бутылочки бензин, положил под стену зажигалку с сигаретой и удалился. Весь процесс мог занять не больше минуты.

— Звучит правдоподобно. А вот какая цель при этом преследовалась? Если так, то этот поджог мог потухнуть сам по себе, когда бензин на стене выгорит. Я думаю, нужно вернуться и опросить всех, кто там работал, и выяснить, кто из них, возможно, отлучался из помещения склада. Хотя, такое мог сделать и часовой. Я имею ввиду, проявить бдительность, «своевременно заметить» пожар, приступить к его тушению и, тем самым, заработать отпуск, — неожиданно для себя высказал очередную идею Дубовик.

— Может и так, — согласился Чернов и задумчиво произнес, — А может быть, и нет. Матросы не могли видеть этот фильм, у них в казарме нет кабельного телевидения. А вот отвлечь внимание на ложный объект, то есть отвлечь внимание от расследования поджога на моем объекте, кто-то вполне мог.

— Ну, ты не лезь в дебри. Бойцы до армии много фильмов видели по видео, может, у кого-то в памяти и отложилось, — сказал Евгений Герасимович и, развернувшись, опять направился в сторону склада.

Когда Чернов зашел в штаб, к нему сразу обратился дежурный:

— Товарищ, майор, командир полка просил Вас зайти к нему.

Игорь поблагодарил прапорщика и направился в кабинет Масюнина.

— Хорошо, что ты меня застал, — протягивая руку Чернову, сказал командир, — мне подготовили новые списки для направления на боевую службу, нужно их согласовать.

Игорь взял листок бумаги с перечнем фамилий и бегло просмотрел его.

— Что-то мало людей в этот раз, — не отрывая глаз от списка, произнес Чернов.

— А что ты хотел. Страна перешла на рыночную экономику. Ремонт авианесущих крейсеров финансировать некому, поэтому теперь на боевую службу будут выходить большие противолодочные корабли, а там авиации не больше одного отряда. Вот мы и направляем один отряд Ка-27 и один вертолет целеуказания Ка-25. Так что всего 24 человека основного состава и столько же резервного.

— Хорошо, я внимательно еще раз просмотрю списки и сообщу Вам окончательное решение, — заверил командира Чернов.

— Игорь, у меня одна просьба к тебе, — перешел на дружеский тон Масюнин, — Основной состав можешь перемещать в резерв и обратно, как тебе заблагорассудится, только не убирай из списка тех, кто уже там есть. Сам понимаешь, осталась одна эскадрилья, способная выполнять боевую задачу, менять летчиков мне уже не кем. Только те, кто в списке, имеют допуски к полетам на корабле в простых и сложных метеоусловиях днем и ночью. У остальных налета не хватает.

— Не волнуйтесь, Валерий Сергеевич, все будет нормально, — заверил командира Чернов.

— Ну и отлично, — Масюнин пожал руку Чернову и стал надевать шинель, готовясь к отъезду в штаб ВВС.

Каждый прекрасно понимал смысл этого согласования. Серьезных причин для отвода кого-то из военнослужащих от несения боевой службы не было, но командиру полка нужно было подстраховать себя подписью особиста, на случай возможного ЧП, чтобы разделить ответственность. А Чернову необходимо было внести в состав авиагруппы свою агентуру. Эти правила игры давно были известны, и каждая из сторон их строго придерживалась.

Не успел Чернов зайти в свой кабинет и приступить к работе, как в дверь постучались.

— Открыто, — крикнул Игорь.

В дверях появился командир вертолетного отряда майор Давыдов. В списке авиагруппы его подразделение числилось, как резервное.

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил вошедшего хозяин кабинета.

Летчик присел на стул, стоящий возле приставного стола, и стал нервно тереть в руках шапку, не решаясь начать разговор. Чернов также молчал. Пауза затягивалась.

— Вы что-то хотели, — первым нарушил молчание Чернов.

— Да, — осторожно начал Давыдов, — Насколько мне стало известно, уже подготовлены списки авиагруппы.

— Они у меня, — подтвердил Игорь, указав на лист бумаги лежащий перед ним.

— Как коммунист, я должен сделать Вам официальное заявление, — уже более твердым голосом заявил офицер.

— Внимательно Вас слушаю.

— Мне уже сообщили, что в основной состав включен авиаотряд майора Логвиненко, — Давыдов сделал паузу и взглянул на собеседника. Не увидев никакой реакции с его стороны, он продолжил:

— Я считаю, что его нельзя отпускать за границу. Недавно я узнал, что у его жены в Канаде проживает дядя. Поэтому я не исключаю возможности, что Логвиненко может угнать вертолет за границу.

— Серьезное заявление, — произнес Чернов, взглянув на посетителя, — Однако, боевая служба корабля будет проходить в Средиземном море, а оттуда до Канады лететь далековато.

— Вы никогда не были на боевой службе, — перебил его Давыдов, — поэтому не знаете, что в Средиземном море несет постоянное боевое дежурство Шестой флот ВМС США. Их корабли всегда находятся в зоне прямой видимости с нами. Так что, долететь до них можно даже при полупустых топливных баках...

Игорь слушал этого человека и едва сдерживал себя, испытывая от общения с ним чувство гадливости.

— Насколько я знаю, вы вместе с Логвиненко заканчивали Сызранское летное училище и сейчас дружите семьями, — теперь уже Чернов перебил Давыдова.

— А причем здесь это? — возмутился летчик, — Дружба — дружбой, а партийный долг и политическая бдительность должны быть выше этого.

Чернов, подавляя улыбку, подвинул чистый лист бумаги ближе к Давыдову, а затем сказал:

— Абсолютно с Вами согласен, пишите заявление.

— Какое заявление? — опешил летчик.

— Как, какое? — в тон ему ответил Чернов, — В отношении изменнических намерений майора Логвиненко.

— Я ничего писать не буду. Я вам сообщил оперативную информацию, а Вы уже поступайте с ней, как считаете нужным.

— А, ну если так, тогда, напишите мне подписку о негласном сотрудничестве с органами КГБ, и будем считать Вашу информацию оперативной, — с улыбкой, предложил Чернов.

Давыдов злобно посмотрел на сотрудника Особого отдела, резко поднялся со стула и, не прощаясь, выскочил из кабинета.

«Нет предела человеческой алчности и подлости» — подумал Чернов, глядя в след уходящему «гостю».

Чтобы отвлечься от неприятного разговора, Игорь стал перечитывать список основного состава авигруппы. К своему удивлению, он увидел там фамилию старшего лейтенанта Игнатова, того самого единственно подозреваемого в деле о поджоге домика с формулярами. Факт того, что он попал в список основного состава, подтверждал одну из версий поджога. Чернов написал все необходимые запросы в отношении него и решил, что завтра поедет в Особый отдел ВВС доказывать Горобченко необходимость взятия Игнатова в оперативную проверку.

На следующий день, ровно в 9 утра он зашел в кабинет начальника. Майор Горобченко, как всегда пил чай и курил «Беломор». От этой привычки, не взирая на свой относительно молодой возраст, он имел серый цвет лица и не сходящую отечность.

Чернов передал ему на подпись запросы. Тот бегло их просмотрел и сказал:

— Я вижу мое указание вы в расчет не взяли?

Чернов понял, что Горобченко имеет ввиду свой запрет на проверку факта поджога, но решил не спорить с ним, а проявить необходимую в тот момент дипломатию.

— Видите ли, Сергей Дмитриевич, вчерашняя попытка поджога склада противолодочного вооружения дает основания предполагать, что это не последний пожар в гарнизоне. Если, не дай бог, еще что-то загорится и нас с Вами вызовут на ковер, мы всегда сможем доказать, что не сидели сложа руки и работали на опережение. Тем более, что после первого поджога у Игнатова стал вырисовываться мотив — у него появился шанс попасть на боевую службу в составе авиагруппы.

Горобченко молча помешал ложечкой остывающий чай, сделал небольшой глоток и подписал запросы. Затем, сделав глубокую затяжку папиросой, спросил:

— Игорь Геннадьевич, к Вам вчера приходил майор Давыдов?

— Заходил, — подтвердил Чернов, — А что? Он уже и к Вам обращался.

— Какая разница к кому он обращался. Меня интересует, почему Вы мне об этом не докладываете, — повышая тон, возмутился Горобченко.

— А нечего докладывать, товарищ майор, — невозмутимо ответил Чернов.

— Как это нечего? — закипая, продолжил начальник, — Вам сообщают о возможном угоне вертолета, а Вы не собираетесь на это реагировать. Вы что, совсем забыли свои обязанности? А если, Логвиненко, действительно, угонит вертолет на американский корабль? Вы в курсе, что у него родственники за границей и в начале службы я обнаружил у него «тризуб» на португее.

— В курсе, — ответил Игорь, я читал Вашу справку, — Но хочу напомнить, что он родом из семьи военнослужащего и в Западной Украине проживал по месту службы отца.

— Вы меня поражаете, Игорь Геннадьевич, — развел руками Горобченко, — А Вы никогда не слышали, что среда определяет мировоззрение человека. И там, в Западной Украине он формировался, как личность?

— В таком случае, Вы должны отвести меня от оперативной работы и перевести на техническую? — усмехнулся Чернов.

— В каком смысле?

— А в таком смысле, что я тоже из семьи военного и школу заканчивал во Львове. Страшно подумать, какому «жестокому формированию» подверглась моя личность, — не скрывая иронии, заявил Игорь и заметив растерянность начальника, предложил:

— Сергей Дмитриевич, есть еще один вариант развития событий.

— Какой?

— Допустим, мы исключаем майора Логвиненко из списков авиагруппы. Он, следуя, духу перестройки и гласности, пишет на нас жалобу в партийную комиссию Флота, обвиняя нас в том, что мы нарушаем его права и дискредитируем в глазах товарищей. Чем мы будем объяснять свое решение? Слухами? Давыдов заявление писать отказался. Если, конечно, Вы вычеркните его из списка своей рукой, и поставите свою подпись, я возражать не буду, — с улыбкой заявил Чернов.

Горобченко серьезно задумался. Брать на себя такую ответственность было не в его правилах, и выглядеть в глазах просителя ничего не решающим начальником, тоже не очень хотелось.

А если, Давыдов пойдет жаловаться на нас, — высказал предположение Горобченко и многозначительно поднял указательный палец вверх.

— Да. Пусть идет, куда угодно. Мало ли у кого, где живут родственники жены. У моей жены тоже есть дядя, но за восемь лет семейной жизни я его ни разу не видел. Не факт, что жена Логвиненко со своим дядей, вообще, когда-то общалась, не говоря уже о муже. К тому же, если мы оставим списки без внесения корректив, то убьем двух зайцев.

— Каких зайцев? — не понял Горобченко.

— Во-первых, не подставим нашу агентуру под угрозу расшифровки, там, в основном составе достаточно наших людей. Вы же знаете, что каждая новая кандидатура в списке, предложенная нами, воспринимается командованием с подозрением. А во-вторых, если Игнатов уйдет на боевую службу и в этот период не будет никаких поджогов на аэродроме, это косвенно нам даст еще одно основание его подозревать.

— Вот именно, что косвенно. Конкретики никакой, — проворчал начальник.

— А откуда ж она возьмется, если Вы мне запретили заниматься этой темой, — усмехнулся Игорь.

— Иди уже работай. У тебя, как у того еврея, на все есть ответы. Иди, — добродушно сказал Горобченко и махнул рукой, давая понять, что не намерен продолжать дальнейший разговор.

Вернувшись в гарнизон, Чернов решил встретиться с капитаном Лукьяновым. Нужно было его опросить и по обстоятельствам пребывания на складе противолодочного вооружения и по личности Игнатова.

Капитан Александр Лукьянов был выпускником Пермского авиационно-технического училища и служил в третьей эскадрилье в должности начальника группы вооружения. На Север он попал, как и большинство офицеров, сразу после выпуска. На сотрудничество с представителем Особого отдела пошел четыре года назад не по зову души, а по необходимости, из-за великого желания попасть на боевую службу и заработать на новый цветной телевизор. Тогда он был в числе претендентов, но окончательное слово по кандидатуре основного техника по вооружению в составе авиагруппы все же оставалось за оперуполномоченным особого отдела. Вот тогда-то к нему и подошел предшественник Чернова — капитан Прохоренко с предложением о сотрудничестве. Лукьянов без колебаний дал свое согласие, в тайне надеясь, что после похода заявит о своем отказе и все вернется на круги своя. Но судьба распорядилась иначе. Крейсер во время похода зашел в югославский порт Сплит, за период стоянки всему экипажу предоставили возможность сойти на берег. Деньгами наши моряки избалованы особо не были, а желание купить товары иностранного производства было очень велико. Поэтому самой распространенной формой торговли между нашими моряками и местными торговцами был «ченч» — форма натурального обмена. Особым спросом на югославском рынке пользовались советские часы под названием «Командирские». Там их можно было поменять на тайваньский двухкассетный магнитофон. Лукьянов, заранее предупрежденный о высокой покупательной способности нашей «валюты» сошел на берег, имея при себе десять экземпляров, за что незамедлительно попал в руки местной таможни. Командир корабля не стал разбираться с нарушителем порядка, ему своих подчиненных хватало, поэтому все документы по задержанию он передал командиру авиагруппы. В этом походе в составе экипажа находился и капитан Прохоренко. Именно он, по договоренности со старшим авиационным начальником группы и не дал хода этим документам наверх. Тогда Лукьянов впервые задумался, что от сотрудничества с особым отделом можно иметь и свою выгоду. В дальнейшем контакты Прохоренко и Лукьянова носили регулярный характер, и как ни странно, переросли в настоящую дружбу. Майор Чернов был того же возраста, что и Прохоренко, поэтому его появление в гарнизоне Александр воспринял без особого напряжения. До дружбы у них не доходило, но, тем не менее, конспиративные встречи всегда были интересными для обоих.

В этот раз они встретились вечером в гараже у Лукьянова. По меркам гарнизона — это было самое надежное место, где могли пообщаться мужчины при закрытых дверях и это ни у кого не вызывало никаких подозрений. Жены, как правило, не ходили в гаражи контролировать своих мужчин, это считалось дурным тоном.

— Чем могу быть полезен? — с порога спросил Александр, протягивая руку вошедшему Чернову.

— Ты всегда бываешь мне полезен, когда у меня возникают какие-то вопросы, — польстил своему собеседнику Чернов. Тот в свою очередь расплылся в улыбке и сел на табурет.

— Присаживайся, — он вытащил из-под верстака маленький стульчик, протер его

тряпкой и подвинул к Игорю.

— Спасибо, — поблагодарил его Чернов, расстегивая шинель.

— Я к тебе не надолго, мне нужно выяснить несколько вопросов по поджогам.

— Тебя какой из них интересует? Тот, что был у нас в полку или тот, что в базе? — уточнил Лукьянов.

— Оба, — ответил Чернов.

Лукьянов тяжело вздохнул и только внимательно посмотрел на опера, ожидая вопросов. Игорь хотел начать издалека, но посчитал, что прелюдии к разговору будут излишними и начал с главного.

— Саша, меня в первую очередь интересует старший лейтенант Игнатов, что ты можешь рассказать о нем вообще?

— А он-то, каким боком вяжется к этим пожарам? — удивился Лукьянов, — Поджог был в первой эскадрилье, а Игнатов служит в третьей.

— А таким, после уничтожения формуляров вертолеты первой эскадрильи автоматически снимаются с боевой службы, значит, на коробку (так обычно называют авианесущий крейсер летчики) сядут вертолеты с вашей эскадрильи, вторая эскадрилья отпадает, так как там только вертолеты целеуказания, — пояснил Чернов.

— Логично, но кроме Игнатова в эскадрилье еще 9 старших техников вертолета и не факт, что должен пойти именно он, — возразил Лукьянов.

— Уже факт. Мне вчера приносили списки на согласование, он в основном составе авиагруппы, — перебил его Игорь.

— Пусть так, но почему именно он, а никто другой? Так можно подозревать любого, кто идет на боевую службу, — заявил техник.

— Есть одно обстоятельство, за домиком в балке я обнаружил свежую лыжню, широкую, от охотничьих лыж. А Игнатов единственный охотник из 10 старших техников вашей эскадрильи.

Лукьянов снисходительно улыбнулся и заявил:

— Пустышку тянете, товарищ майор. Во-первых, Игнатов охотится только на пернатую дичь и только осенью. Он редкий трус, поэтому на серьезного зверя не ходит, и лыж у него никогда не было, ни охотничьих, ни спортивных. Во-вторых, на боевую службу он боится ходить, так как качку не переносит, поэтому каждый раз пытается откосить либо по состоянию здоровья, либо в отпуск отпрашивается. Его два года назад хотели взять борттехником на Ка-27 ПС, так он и тут отказался, потому что летать боится. Так что, Игнатов никак не подходит на роль поджигателя, как говорится, по своим моральным и деловым качествам.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, не спеша, закурил, а затем спросил:

— Следующий вопрос задавать будешь?

Игорь нахмурился. По его мнению, у него была единственная хлипкая зацепка и та оказалась ложной. «Кажется, Горобченко был прав, когда запретил заниматься расследованием этого поджога, — подумал Чернов, — «глухарь» стопроцентный».

— Да, конечно. Что касается второго поджога, мне сказали, что незадолго до пожара на складе, ты был там.

— Да, был. А ты что, меня подозреваешь? — встревожено спросил Лукьянов.

— Нет, но мне нужно знать, кто помимо тебя в это время был на складе, может быть, кто-то заходил в этот момент или просто крутился возле его территории, — пояснил Чернов.

— Я заезжал туда для того, чтобы передать заявку на торпеды и все, — Лукьянов начал произвольно волноваться.

— Кто в это время еще был на территории склада, — продолжал опрашивать Чернов.

— Сам начальник склада прапорщик Осауленко, четверо или пятеро матросов и все. Да я там был всего минут пять, максимум десять. Капитан Ковальчук может подтвердить, он меня привез на своей машине и ждал, когда я был на складе.

Настроение у Лукьянова заметно стало портиться.

— Саша, не расстраивайся. Я тебя не подозреваю, просто уже второй поджог, а у меня ни одной зацепки. Надежда была на то, что ты хоть что-то видел.

— А что ты так переживаешь, разве база — твой объект? — резонно заметил капитан.

— Вообще-то нет, — согласился Чернов.

— Тогда и не расстраивайся, — уловил настроение Игоря хозяин гаража, — Без работы я тебя не оставлю.

Он подвинулся ближе к Чернову и, перейдя на шепот, начал рассказывать:

— На прошлой неделе, отряд Ка-29 должен был на полигоне производить учебные стрельбы, однако их в срочном порядке отменили. Причиной послужил звонок командиру из поселковой милиции о том что, якобы, наш вертолет обстрелял колхозное стадо оленей. Всех вернули на аэродром, проверили вертолеты и боезапас. И что ты думаешь? Точно, в салоне вертолета капитана Уткина обнаружили следы крови. И боезапас был неполный. Стали разбираться, оказалось точно. Они дали залп по стаду, одного из оленей завалили. Потом снизились и пытались затащить тушу в грузовую кабину, в этот момент, откуда не возьмись, появился пастух и начал стрелять по вертолету. Экипаж бросил оленя и сразу скрылся. Они даже сразу не заметили, что в обшивке оказалось две пробоины.

В итоге, командир полка сразу всех членов экипажа наказал, а командира экипажа отправил в поселок заминать вопрос с председателем колхоза.

— Ну, а мне что прикажешь с этой информацией делать? Тем более, что уже все «уладили». Да и вообще, это обычное воздушное хулиганство. В гарнизоне Кипелово, рассказывали, «дальники» на Ту-22 м вообще корову в бомболуке перевозили.

— Ну, это же еще не все, — оставляя интригу, продолжил Лукьянов, — Помимо того, что часть боезапаса была расстреляна до начала стрельб, в ленте еще отсутствовал каждый десятый патрон.

— Ты хочешь сказать, что кто-то хотел сорвать стрельбы? — предположил Игорь.

— Чудак, — возмутился оружейник, — отсутствие одного патрона в ленте не отражается на стрельбе. Вопрос в другом — в эскадрилье умышленно крадут патроны... В пулеметной установке используются патроны калибра 7,62, они подходят и к карабину и к автомату АКМ. Арифметика простая: в ленте 1800 патронов, вот и считай, каждого десятого нет, в итоге на сторону ушло 360 боевых патронов с двух вертолетов.

— Неужели это такая проблема выяснить, кто из твоей группы заряжал эти ленты перед стрельбами.

— А что там выяснять, я знаю, кто занимался подготовкой боезапаса к пулеметам — гордо заявил Лукьянов, — Это прапорщик Поливода. Я думаю, он каждый раз перед стрельбами вытворял подобное, а потом у охотников меняет патроны на пушнину. Его жена в Североморске даже открыла кооператив по пошиву головных уборов. Вот такие у нас служат товарищи.

Он театрально сложил руки на груди и посмотрел на Чернова, ожидая его реакции.

Игорь задумался, почесал подбородок и спросил:

— Саша, ты после проверки боезапаса на вертолете, доложил командиру об отсутствии патронов?

— Конечно, правда, проверка проводилась не лично мной, а комиссией. Единственное что, этот факт конкретно не отмечали, просто указали общую недостачу патронов. Кстати, прапорщика командир тоже наказал, лишил его тринадцатой зарплаты.

— А передай этому Поливоде, чтобы завтра в конце дня зашел ко мне, — попросил его Чернов.

Лукьянов изменился в лице.

— Ты что, меня подставить хочешь? Эту информацию, кроме командира, начальника штаба и двух инженеров никто не знает, — возмутился он.

Саша, вместе с тобой эту информацию знают 5 человек. Это уже не может быть тайной.

Поэтому, если не хочешь, я вызову его через инженера эскадрильи.

— Так, наверно, лучше будет, — сразу согласился с предложением опера Лукьянов.

Они еще немного посидели, а затем каждый пошел к себе домой.

На следующий день, после утреннего развода в кабинет майора Чернова зашел прапорщик Поливода. Собой он представлял жалкое зрелище. Застырянный, в масляных пятнах комбинезон, вытертые, практически без меха унты, техническая куртка с оторванным карманом и невероятно грязная шапка. Лицом он также мало напоминал военного человека: неопрятная бесцветная борода, темные круги под глазами и ничем не перебиваемый запах перегара. Его трясло мелкой дрожью, то ли от вчерашнего пьянства, то ли от самого факта вызова в особый отдел. Он молча стоял в дверях и испуганно смотрел на Чернова.

— Проходите и присаживайтесь, — сухо обратился к прапорщику майор.

Тот также молча присел на край стула, снял шапку и стал рассматривать кокарду на ней.

— Вы догадываетесь. По какому поводу я Вас пригласил? — спросил его Игорь.

— Понятия не имею, — буркнул прапорщик.

— Я жду от Вас объяснений по поводу недостачи патронов в боекомплекте вертолетов, — спокойно сказал Чернов.

— Я все уже рассказал командиру, и дополнить мне нечего, — категорично заявил Поливода и посмотрел прямо в глаза Чернову.

— Ну, что ж, — с легкой ухмылкой ответил Игорь, — если мне рассказать нечего, значит, придется давать объяснения в военной прокуратуре. Как никак, а хищение боеприпасов с целью продажи — это серьезная статья и серьезный срок.

— Да, какое я имею отношение к патронам, если их экипаж расстрелял до начала стрельб. Не надо из меня делать крайнего, товарищ майор, — возмутился прапорщик.

— Вы, наверное, не поняли, меня интересуют не те патроны, которые были расстреляны, а те, которых не хватало в ленте. Если Вас подводит память, то напоминаю, что в ленте отсутствовал каждый десятый патрон. Члены комиссии, которые проверяли боезапас, вчера мне написали по этому поводу свои объяснения, — Игорь показал на несколько перевернутых текстом вниз листов, лежащих у него на столе, — И поверьте мне, этого будет достаточно для возбуждения уголовного дела. А тем более, если сейчас Вас определим на гауптвахту и проведем обыск в гараже и на квартире, то, думаю, сидеть Вам придется долго. Насколько я понимаю, патронов у Вас на целую войну хватит. Не спроста ведь жена кооператив открыла по пошиву меховых изделий.

Игорь многозначительно посмотрел на прапорщика. Тот невольно вздрогнул, руки его задрожали и в глазах появились слезы.

— А если я напишу явку с повинной и все сдам, я смогу избежать ареста, — дрожащим голосом спросил он.

— Я думаю, да. Но все будет зависеть от того, сколько ты сдашь, — Игорь умышленно перешел на «ты», чтобы перевести беседу в более доверительное русло. — Если не поверю, что все патроны вернул, тогда дам ход этим документам, — Чернов вновь указал на лежащие листы бумаги, и, поймав взгляд Поливоды, следившим за каждым его движением, быстро убрал их в стол.

— Ну, тогда я пошел за патронами? — с надеждой в голосе спросил Подивода.

— Конечно, — невозмутимо ответил Чернов, и после небольшой паузы добавил, — Только сначала явку с повинной напиши и главное — укажи, кому ты сдавал патроны, а то у

нас ничего не получится. А потом иди за патронами. Оформим их, как добровольную сдачу.

Он протянул прапорщику лист бумаги и ручку. Тот около минуты не моргая, смотрел в пол, а затем размашистым почерком принялся излагать свое раскаяние. На удивление Поливода оказался очень красноречивым. За полчаса написания текста он дважды просил чистый лист бумаги, так как содержание явки с повинной не уложилось у него на двух страницах.

Закончив, видимо самое длинное сочинение в своей жизни, прапорщик перевел дух и облегченно спросил:

— Ну, я побежал?

— Давай, только быстро, а я пока почитаю, что ты написал, — ответил ему Игорь и взял в руки исписанные листы.

Прапорщик вскочил со стула и пулей выскочил из кабинета.

Чернов начал читать новоиспеченный документ. Почерк у Поливоды не выдерживал никакой критики, но суть понять было можно. Оказалось, что свой «бизнес» он начал 2 года назад с поездки в поселок лопарей — охотников Имандру. Между ними происходил взаимовыгодный обмен — за каждую шкурку Поливода отдавал от 10 до 20 патронов. Дальше он расписал целый лист расценок стоимости охотничьих трофеев в зависимости от количества патронов. Однако, самое интересное он изложил в завершении своей исповеди. Он указал, что периодически, когда не имел возможности выехать за пределы гарнизона, продавал патроны капитану Козаку, который занимается зимней охотой и имеет карабин.

Чернов вытащил из стола списки охотников, которые недавно выдавал за объяснительные записки против Поливоды, и стал искать капитана Козака. Однако, среди охотников полка офицера с такой фамилией не было. Не оказалось его и в списках личного состава. Игорь хотел позвонить в отдел кадров, но в кабинет буквально ворвался Поливода с брезентовой авоськой в руках.

— Вот, — положил на стол свою поклажу прапорщик, — Здесь 300 штук. Все что смог сэкономить на последних стрельбах.

— Хорошо, потом пересчитаем. Ты лучше скажи, кто такой капитан Козак, о котором ты пишешь? — не отрывая глаз от списков, спросил Чернов.

— Как кто? — удивился Поливода, — штурман экипажа второго вертолетного полка. Он раньше служил у нас, но потом его перевели с корабельных вертолетов на Ми-8.

— А какой у него карабин? — поинтересовался Игорь.

— Я не знаю, он мне его не показывал, но говорил, что патроны нужны ему для охоты на крупного зверя.

— А какими шкурами он с тобой рассчитывался? — не унимался Чернов.

— Обычно он рассчитывался деньгами, но иногда и шкурами, если таковые были на момент обмена. Обычно давал оленью, реже волчью, но чаще рассчитывался заячьими или лисьими, хотя, бывали случаи, что и песцовыми.

— Ладно, пиши мне добровольную сдачу патронов, и укажи, что по невнимательности пропустил отдельные ячейки в ленте боезапаса, а я пока пересчитаю их количество, — сказал Игорь, высыпая содержимое сумки на стол.

— А что теперь будет с моей явкой, — осторожно спросил Поливода, — я ведь чистосердечно во всем признался и все патроны сдал?

— У меня в сейфе пока постоит, там же даты нет, — ответил Чернов, продолжая

пересчитывать боеприпасы.

— А давайте ее порвем, да вечером обмоем это дело? — с заискивающей улыбкой предложил осмелевший прапорщик.

— Да, нет, дружище. Вдруг ты опять решишь подзаработать, вот тут-то я твою явку с повинной и передам в военную прокуратуру.

— А что ж мне теперь делать? — удивился прапорщик, — Это ж теперь жене свой кооператив придется закрывать.

— Товарищ, прапорщик. Вашей наглости нет предела. Еще час назад, Вы готовы были пойти на все, чтоб избежать трибунала, а сейчас начинаете со мной торговаться, — возмутился Чернов, переходя на повышенный тон.

Прапорщик замолчал и с обиженным видом принялся оформлять добровольную сдачу боеприпасов.

Закончив написание очередного документа, он протянул его Чернову и спросил:

— Я могу быть свободен?

Получив утвердительный ответ, он надел шапку, отдал честь и молча вышел из кабинета.

Не долго думая, Игорь сразу же набрал номер телефона майора Мухина, оперативно обслуживающего смешанный вертолетный полк. Как всегда, тот ответил после третьего звонка.

— Витя, у тебя в полку есть штурман по фамилии Козак, — без излишних разговоров начал Чернов.

— Есть. А что случилось? — настороженно спросил Мухин.

— Тогда бери в строевой части его личное дело и беги ко мне.

— Есть, товарищ начальник! Разрешите выполнять? — пошутил Виктор, — В твоём нежном возрасте, я был куда более почтительным по отношению к дедушкам русской контрразведки.

— Ну, извини, я хотел тебе показатель подарить, — в тон ему ответил Чернов, — Но если тебя задела мои слова, оставлю его себе.

— Что-то серьёзное? — попытался уточнить Мухин.

— Не знаю. Боюсь загадывать наперед, но как минимум, по итогам месяца, ты можешь оказаться в передовиках, — заинтриговал его Игорь.

— Тогда лечу, — ответил коллега и положил трубку.

Майору Мухину шел тридцать пятый год. Он не мечтал и не хотел быть начальником. Его полностью удовлетворяло положение старшего оперуполномоченного на отдельном объекте, то есть, когда непосредственный начальник находится за несколько километров от него, а то и далее. В свое время он был в составе первых ликвидаторов на Чернобыльской АЭС. На Северном Флоте подобных ему людей было немного, поэтому начальники к нему относились снисходительно, принимая во внимание былые заслуги. Сам же Мухин не стремился что-то искать на своем объекте, однако, ежемесячно выдавал какую-нибудь информацию, позволявшую ему не быть последним в отделе по итогам месяца. Интригующий звонок майора Чернова не заставил его долго ждать. Через 10 минут он уже сидел в кабинете напротив Игоря и читал «явку с повинной» прапорщика Поливоды. Закончив ее изучение, он закинул ногу на ногу, вытащил из кармана сигареты и закурил, обдумывая прочитанное. В это время Чернов листал личное дело капитана.

— Что я хочу тебе сказать, по этому поводу, — прервал молчание Мухин, — карабин мы у него изыщем, к бабке не ходи. За это, конечно, нас не наградят, но, по крайней мере, в конце месяца мордой по батарее возить не будут. А вот, если мы подтянем его к твоим поджогам, тут уже будет интересней.

— И каким образом, ты его хочешь подтянуть? — не понял Чернов.

— А давай рассуждать так, — начал Мухин, — Он охотник. Охотится круглый год, тем более на крупного зверя. Я сам охотник и знаю, что у нас в полку официально ни у кого нет нарезного оружия. Зимой по нашему снегу далеко не уйдешь, на спортивных лыжах он в сопки не пойдет. Значит, у него есть охотничьи лыжи.

— Ты думаешь, домик с формулярами поджег он? — перебил его Игорь, — но тогда какой у него может быть мотив?

— А мотив такой, — Мухин посмотрел, какой раздел личного дела изучает Чернов, — Ты еще не дошел до его аттестаций и характеристик. Так вот, капитан Козак, до твоего прибытия на Север, служил в вашем полку. Во время боевой службы корабль заходил в

сирийский порт Латакия, там личный состав сходил на берег. Во время нахождения в городе, Козак оторвался от группы. То ли умышленно отстал, то ли заблудился, короче до вечера его найти не могли. Благо к полуночи он сам вернулся. Свое отсутствие он вразумительно не смог объяснить, сказал, что захотел пройтись по магазинам и заблудился. Хотя, в это мало верится. За это нарушение его и перевели из корабельной авиации на армейские вертолеты. А теперь представь его состояние. На палубных вертолетах, где категории по званиям на одну ступень выше, его однокашники по училищу все уже майоры, а то и подполковники, а он все еще капитан и майор ему не светит. Так что, чем не мотив для мести. А тем более, он сибирский хохол, а они народ злопамятный.

— Это что за нация такая — сибирский хохол? — спросил Чернов, оторвавшись от изучения его биографии.

— Ты не внимательно читал его личное дело. Он родился в Иркутске. А посмотри место рождения родителей.

Игорь вернулся к странице, где указаны данные на родственников.

— Я в свое время занимался его изучением, поэтому и так помню, — продолжал рассказывать Мухин, — родители его родом из села Ластовка Турковского района Львовской области. Не трудно догадаться, при каких обстоятельствах они оказались в Иркутске.

Действительно, в послевоенное время из районов Западной Украины и Прибалтики осуществлялись массовые переселения семей в Сибирь и на Дальний Восток. Многие после реабилитации вернулись на родину, а некоторые решили осесть навсегда в этих местах.

— По твоим рассказам, он уже попадает и под другую версию, как агент иностранных спецслужб, — усмехнулся Чернов, — Не слишком ли круто ты заворачиваешь?

— Да, нет, на агента он, конечно, не тянет. Пролетарское происхождение не позволяет. Отец был водителем, мать — продавец в магазине. Отец умер, когда ему было 10 лет. Мать умерла, когда Козак учился в военном училище. Полный сирота. Дальше он пробивался по жизни сам. Поступил в Челябинское училище штурманов, после окончания которого, сразу попал в этот гарнизон. Службу начал хорошо, через три года уже был штурманом отряда. Ему прочили большое будущее... Если б не тот залет, был бы сейчас, как минимум, штурманом полка.

Виктор посмотрел по сторонам в поисках пепельницы и не найдя ее в кабинете Чернова, свернул кусок бумаги в кулек и затушил в нем окурочек. Затем, сразу закурив вторую сигарету, продолжил:

— И так, сейчас времени без четверти 16. Полетов завтра нет, поэтому я сейчас вызову к себе Козака, а ты возьми явку с повинной Поливоды и подтягивайся ко мне. Покажу тебе высший пилотаж по изъятию оружия.

— Ты уверен, что он тебе так просто отдаст свой карабин, — усомнился Чернов.

— А куда он денется с подводной лодки, — надевая шинель, ответил Виктор.

Через двадцать минут, после звонка Мухина в штаб эскадрильи, в кабинет к нему зашел капитан Козак. На вид ему было около тридцати пяти лет, ровесник Мухина, но, в отличие от него, был строен, поджар, среднего роста с густыми черными волосами, зачесанными назад и черными карпатскими усами. По своему виду он больше напоминал выходца с Кавказа, нежели из Украины или Сибири.

— Что случилось, Виктор Николаевич, — улыбаясь, спросил он хозяина кабинета, — Чем моя скромная персона опять заинтересовала особый отдел?

Он вошел в кабинет и, не спрашивая разрешения, сел на свободный стул.

— Саня, ты особо не расслабляйся, потому что сейчас тебе нужно будет быстро бежать в одно место за одной штукой, — с улыбкой сказал Мухин. Как показалось Чернову, отношения у них давно вышли за рамки официальных. То ли сказывался легкий характер Виктора, то ли их совместное увлечение охотой.

— За какой штукой? За пузырем что — ли? — усмехнулся Козак.

— Нет, Саша, за пузырем ты потом сбегаешь. А сначала принеси свой карабин, который ты неизвестно где взял и непонятно как используешь? — серьезно сказал Мухин.

— Нет у меня никакого карабина, — категорично ответил Козак.

— Саша, мы знакомы ни один год. Ты меня знаешь, по пустякам я никого к себе не дергаю. Но сейчас случай особый. Вот, Игорю Геннадьевичу, — Мухин указал рукой в сторону сидящего Чернова, — Твой друг прапорщик Поливода написал явку с повинной, в которой указывает, что воровал с вертолетов патроны и продавал тебе. Это не объяснительная записка, которую можно выбросить или переписать, а юридический документ. Поэтому смотри сам. У тебя есть выбор. Или ты приносишь свой карабин, и мы оформляем его, как добровольную сдачу. Даже командир об этом знать не будет, даю слово офицера. Либо, явку с повинной направляем в военную прокуратуру. Поверь, свидетели уже нашлись, которые видели его у тебя. В этом случае, маячит статья за незаконное хранение оружие. А если даже ты его и сбросишь куда-нибудь в прорубь, то тебе потом за ним нырять придется. Поэтому не делай глупостей и беги за карабином. Времени даю тебе сорок минут.

— Да, нет у меня никакого карабина, — после некоторых раздумий попытался вновь повторил Козак.

— У тебя уже тридцать девять минут, — невозмутимо парировал Мухин.

Капитан быстро встал со стула, надел шапку и выскочил из кабинета.

— Ты, думаешь, он вернется? — спросил Чернов.

— Если, не вернется, значит, я, как опер, иссяк и мне пора уходить оперативным дежурным куда-нибудь в Управление, — вынес себе вердикт Мухин, и неожиданно предложил:

— А давай, пока он ходит, сыграем в шеш-беш? — не дожидаясь ответа, он вытащил из шкафа нарды и стал расставлять фишки.

После третьей партии, Мухин взглянул на часы. Время, которое он выделил Козаку, уже истекло. Было заметно, как Виктор начал нервничать, он вновь закурил сигарету и стал молча ходить по кабинету.

В этот момент, без стука в дверь в кабинет зашел капитан Козак. В руках он держал длинный предмет, завернутый в мешковину.

— Ну вот, а говорил, что у тебя нет никакого карабина, — едва сдерживая радость в голосе, произнес Мухин.

— А это не карабин? — ответил капитан.

— А что же? — удивился Виктор.

— СВТ-38.

— Что-что? — переспросил не менее удивленный Чернов.

— Самозарядная винтовка системы Токарева, — ответил Козак и вытащил из мешка оружие.

Мухин покрутил ее в руках. Металл, в некоторых местах, был побит коррозией, но было заметно, что с ней серьезно поработали, чтобы вернуть в рабочее состояние.

— И откуда у тебя этот раритет? — спросил у капитана Мухин.

— В сопках нашел. Тут оружия вокруг море. В этих местах во время войны активные боевые действия проходили, так что, собирая в сопках грибы, можно много чего найти. Вот и я ее нашел. В Мурманске заказал приклад, потому что старый сгнил, отчистил, смазал. Оказалось, к ней подходит наш патрон калибра 7,62мм. А сами понимаете, что значит для охотника нарезное оружие. Это же совсем другая охота, — он с сожалением посмотрел на винтовку, протер еще раз приклад мешковиной и отдал ее Мухину.

— Я тебя, как человек и охотник понимаю, но как опер — обязан выполнять свои обязанности, — почти оправдываясь, ответил Мухин.

— Да, и я понимаю, — согласился Козак, — Лучше скажите, что мне теперь за это будет.

— Я же тебе сказал, ни-че-го. — по слогам произнес Виктор. — Оформляем, как добровольную сдачу, пожимаем руки и расходимся.

— И по служебной линии меня ни как не накажут? — не поверил штурман.

— Я же дал тебе слово офицера, — повторил Мухин.

Он сел напротив Козака, протянул ему лист бумаги и стал диктовать текст документа о сдаче оружия.

Чернов терпеливо ждал, когда коллега закончит общение со своим подопечным. Когда Козак передал лист бумаги Мухину, Игорь осторожно обратился к нему:

— Александр Степанович, а на чем вы передвигаетесь зимой по снегу?

— На лыжах, на чем же еще? — удивился капитан и посмотрел на Мухина. Тот безотрывно читал написанный документ.

— А лыжи обычные или какие-то специальные?

— Обычные промысловые лыжи, марки «Тайга», — ответил Козак, — А почему это Вас так интересует.

— Да, нет, просто праздный интерес, — как можно более безразлично произнес Чернов, — Я просто подумал, что в спортивных лыжах, долго по нашему снегу не походишь.

— Это, да, — согласился капитан, — На спортивных лыжах тяжело ходить, да и быстро ноги мерзнут. В них только бегать нужно. А на охоте нужно гулять, прислушиваться, да и лишнего шума не создавать.

— И много вас таких любителей зимней охоты в гарнизоне? — опять спросил Чернов.

— Охотников много, особенно, если на зайца, да петлями. А вот по сопкам ходить никто не любит. Для этого выносливость нужна и азарт. Я к этому с детства привык, а здесь, так и не нашел единомышленников. Вот и охочусь сам. — Козак тяжело вздохнул и вновь спросил:

— И все-таки, как мне кажется, у Вас не праздный интерес?

— Праздный, праздный, — возразил Чернов, — на следующий год хочу вступить в общество охотников, вот и интересуюсь.

— Ну-ну, — загадочно произнес Козак, и уже обратился к Мухину:

— Я могу быть свободен?

— Конечно, Саша, иди, — спокойно ответил Мухин и протянул капитану руку.

Когда Чернов с Мухиным остались в кабинете наедине, Игорь еще раз повертел в руках винтовку и сказал:

— Ты знаешь, Витя, честно сказать, я не был уверен, что он вернется.

— А я не сомневался. Он в армии с середины 70-х. Это поколение понимает, что в особом отделе не в куклы играют. Это нынешняя молодая «поросль» не боится ни бога, ни черта, ни контрразведки. А после расцвета перестройки и гласности боюсь, что вообще за людей нас считать не будут. Ты видишь, как сейчас разного толка общественные деятели поливают грязью КГБ и ведь никто на государственном уровне даже не пытается остановить эту тенденцию. Поверь мне, это плохо закончится. В любом государстве должны быть органы госбезопасности, иначе самого государства не будет. На идеологии анархизма еще никто и никогда не построил цивилизованного общества, а мы именно к этому сейчас идем.

Он посмотрел на удивленного Чернова, улыбнулся и добавил:

— Но я думаю, что пока мы служим, мы на своем уровне такого не допустим. А новое поколение пусть само себе авторитет зарабатывает. В конце концов, в любой демократической стране должна быть структура, стоящая на страже Закона. Однако, иногда проблема возникает в том, что эта структура начинает работать не на государство, а на какое-то конкретное лицо, либо к руководству ею приходит случайный человек. Тогда наступает коллапс.

Мухин замолчал и задумчиво посмотрел в окно.

— Помимо изъятого оружия, Козак невольно дал нам повод его подозревать.

— И какой же? — переспросил Мухин.

— Ты что не слышал? Он подтвердил, что у него есть лыжи и практически подтвердил, что такие лыжи есть только у него, раз нет единомышленников.

— Эх, Игорь, Игорь, если б он это сделал, он бы тебе про лыжи ни за что не рассказал, не поворачиваясь проворчал майор.

— Что-то не нравится мне твой пессимизм, — осторожно обратился к нему Чернов. — По идее у тебя сегодня настроение должно быть другим.

— Еще не вечер. — Виктор посмотрел на часы и добавил, — Хотя, нет. Уже вечер.

Он глубоко вздохнул, как бы сбрасывая с себя напряжение последних часов, и предложил Чернову:

— Игорек, мы сегодня славно поработали. По-моему было бы не лишним отметить это дело, — он прикоснулся указательным пальцем между шеей и челюстью. — Ты как?

— Увы, Люда просила, чтобы я сегодня пришел пораньше, — попытался отказаться Игорь.

— Ух, и балуешь ты ее! — усмехнулся старший коллега, — Смотри, а то так скоро в диванную болонку превратишься.

Он резко развернулся лицом к Чернову и, облокотившись на стол, продолжил:

— Я старше тебя, поэтому послушай меня. Жена должна быть при муже, а не муж при жене. Тем более, не так часто с этим долбаным сухим законом мы отмечаем свои успехи.

— Давай перенесем это мероприятие на завтра? — попытался сгладить ситуацию Чернов.

На самом деле Людмила спокойно относилась к мужским посиделкам мужа. Все было

гораздо проще, в гарнизоне водка не продавалась, а за годы службы в авиации спирт Игорь так и не научился пить.

— Ладно, возьму тебя на поруки. — Проиригнорировав слова Игоря, сказал Мухин, — Сейчас иди домой, слово, данное женщине, нужно держать, придешь пораньше. Но, как я понимаю, ты не обещал ей целый вечер сидеть дома? — с лукавой улыбкой поинтересовался Мухин.

— Формально, нет, — начал понимать Игорь ход мыслей старшего товарища.

— Тогда иди домой и жди звонка, — категорично отрезал Виктор и многозначительно посмотрел на коллегу.

Когда Игорь вернулся домой, Люда что-то строчила в детской комнате на швейной машинке. Она все еще была в декрете, но постоянно подрабатывала шитьем, так как в гарнизоне не было своего ателье. За два года жизни в гарнизоне у нее сформировалась достаточно солидная клиентура, а качество ее работ не уступало лучшим моделям дипломированных мастеров.

— Игорь, иди на кухню, я только что сварила рыбные пельмени, они еще теплые. Я сейчас закончу и подойду, — крикнула она из своей импровизированной мастерской.

Чернов только сейчас вспомнил, что сегодняшний день у него прошел без обеда. Он подвинул к себе тарелку с пельменями и с аппетитом стал поглощать свое любимое блюдо. Не успел он закончить трапезу, как зазвонил телефон. Игорь снял трубку и сразу же услышал знакомый голос Виктора:

— Сейчас моя Люба придет к твоей жене заказывать юбку, — полупшепотом заговорил Виктор, — Поэтому бери мусорное ведро и бегом ко мне. Минут 20 у нас будет, чтобы обмыть сегодняшний результат.

Он сразу же отключился, не дав Игорю возможности что-то сказать в ответ.

Действительно, не прошло и десяти минут, как к Черновым пришла Люба Мухина. Женщины сразу же уединились в мастерской, а Игорь взял мусорное ведро и, накинув куртку, вышел в коридор.

— Ты куда? — окликнула его Люда.

— Мусор вынесу, — ответил Игорь, надевая ботинки.

— Так, ведро почти пустое, — удивилась жена.

— Остатки рыбы плохо пахнут, — на ходу крикнул Чернов и выскочил на улицу.

Виктор Мухин ждал друга в полной готовности. Когда Игорь зашел к нему, на столе уже стояла бутылка спирта, в сковороде, источая аромат, дымилась жареная картошка, а по тарелкам была разложена свиная тушенка и маринованные помидоры.

— Времени у нас мало, — по-деловому заговорил Виктор, принимая на кухне гостя, — Поэтому за успех сегодняшнего мероприятия.

Он протянул наполовину наполненный стакан спирта Игорю и подвинул ближе к нему тарелку. Чокнувшись стаканами, он залпом выпил спирт и сразу запил его водой из бутылки. Чернов сразу же последовал его примеру. Не успев закусить, Мухин опять наполнил стаканы и, посмотрев на удивленного Чернова, пояснил:

— Времени мало, а нужно успеть.

Как и было обещано, через двадцать минут бутылка спирта была пуста. Игорь почувствовал навалившуюся усталость, но ожидаемого опьянения не ощутил. Он попрощался с Виктором, захватил ведро и вышел на улицу. Мартовский морозный воздух сделал свое

коварное дело. Последнее, что смог вспомнить Чернов из событий прошедшего вечера — это попытку открыть дверь своим ключом. Затем, сознание его выключилось до утра.

Пробуждение было тяжелым. Немыслимо болела голова, и страшно хотелось пить.

Игорь встал с постели и, пошатываясь, направился на кухню. Он открыл воду и стал жадно пить прямо из-под крана. Никогда в жизни обычная вода не казалась ему такой вкусной. В этот момент неожиданно, как из потустороннего мира, прозвучал голос вошедшей жены:

— Как удачно ты вчера мусор вынес. Хорошо хоть вернулся в тот же день, а не через неделю.

— Извини, не думал, что так получится.

— Ладно, это было вчера, — сказала жена, — но впредь не доводи себя до такого свинства.

Без предварительной договоренности о встрече, Чернов и Мухин одновременно подошли к штабу. В отличие от Игоря Виктор имел более помятый внешний вид. Сказывался возраст, лишний вес и начинающиеся проблемы с почками.

— А ты молодец, по тебе не скажешь, что вчера усугублял спиртным, — с завистью констатировал Мухин.

— К сожалению, не могу тебе ответить подобным комплиментом, — сказал Игорь, и тут же предложил:

— Может быть, поедем в отдел позже, когда в себя придем?

— Нет, нужно ехать сейчас, потому что потом, вряд ли сможем объяснить Горобченко, почему сразу не доложили об изъятии оружия.

Мухин сделал глубокий вдох и, посмотрев на Чернова, сказал:

— Ты знаешь, глядя на тебя, вспоминаешь присказку: До 30 лет мужчина пьет и гуляет всю ночь, а на утро выглядит, как будто проспал всю ночь сном младенца. Мужчина от 30 до 40 лет, когда пьет и гуляет всю ночь, на утро выглядит соответственно. А после сорока, он спит всю ночь сном младенца, а на утро выглядит так, будто всю ночь пил и гулял.

Он рассмеялся собственной шутке и, хлопнув Чернова по плечу, сказал:

— Давай, забирай свои бумаги с патронами и через пять минут выходи, поедем в отдел к Горобченко.

Начальник отделения встретил офицеров в своем привычном состоянии: с кружкой чаю и неизменным «Беломором» в зубах. Увидев у Мухина в руках длинный предмет, завернутый в мешковину, он удивленно спросил:

— Виктор Николаевич, Вы что? На рыбалку собрались?

— Нет, — гордо ответил Виктор, — Выполняю Указание начальника Особого отдела Флота по усилению контроля за сохранностью оружия на объекте.

Он развернул винтовку и передал ее Горобченко. Тот повертел ее в руках и, взглянув на Чернова, обратился к нему:

— А что у Вас Игорь Геннадьевич?

— А я выполняю Указание Начальника особого отдела Флота по усилению контроля за сохранностью боеприпасов, — в тон Мухину доложил Чернов и высыпал на стол патроны.

Горобченко с еще большим удивлением посмотрел на офицеров. Сначала он попытался выдавить из себя улыбку, но потом, сделав серьезное лицо, строго спросил:

— Почему я об этом узнаю последним?

— Не хотели Вас лишний раз беспокоить, тем более, что не были до конца уверены в успехе дела. А когда получилось, сразу же Вам привезли результаты и даже соответствующие бумаги. Так что об изъятии оружия и боеприпасов Вы узнаете первым, — ответил за обоих Мухин, оголив крупные белые зубы в улыбке.

Каждый из офицеров протянул начальнику полученных документы. Тот бегло их просмотрел и с сожалением высказал:

— Зря вы поторопились, из этого можно было раздуть уголовное дело.

— Мы исходили из других соображений, — теперь подал голос Чернов, — Компетенция не наша, значит нужно передавать документы в военную прокуратуру. Те отпишут следственные поручения военным дознавателям, а они, в свою очередь, по указанию

командования, успешно завалят эти дела, и мы останемся ни с чем. А так, мы сделали хороший показатель за месяц и для командования остались благодетелями. А главное, теперь эти люди будут с нами работать, хоть и на основе зависимости, но, тем не менее, деваться им некуда.

Логично, — произнес Горобченко, и только после этого позволил себе улыбнуться.

Он взял в руки сопроводительные документы, сел за стол и подвинул к себе ближе телефон прямой связи с особым отделом Флота. Затем, взглянув на офицеров, сказал:

— Зайдите в секретариат, возьмите там входящие документы на ознакомление и по возможности там же отпишитесь по ним.

Документов оказалось предостаточно. Мухин взял в руки увесистую папку, покачал ее, как бы определяя ее вес, и с сожалением произнес:

— А я надеялся, что быстро вернемся в гарнизон и выпьем в кафе по бутылочке пивка. Но видимо, не судьба.

К сожалению, в тот момент никто не мог предположить насколько его слова окажутся пророческими.

Работа в отделе обещала затянуться до конца дня. После обеда Чернов и Мухин, не спеша, возвращались из столовой в отдел. Возле подъезда они увидели майора Горобченко, который громогласно раздавал команды матросам и подгонял водителя своего служебного УАЗа. Увидев офицеров, он крикнул, не сдерживая эмоций:

— Где вас черти носят, у вас на аэродроме опять пожар.

— Я же Вам говорил, что это не последний поджог, — на ходу высказался Чернов.

— Еще раз накаркаете, я Вам лично язык вырву, — истерично выкрикнул Горобченко.

— От кого-то я это уже слышал, — полушепотом сказал Игорь Мухину.

— По моему, вырвать язык тебе обещал Дубовик и совсем недавно, — напомнил Виктор.

Офицеры быстро собрали свои вещи и на автомобиле Мухина выехали в гарнизон. Горобченко выехал самостоятельно на служебном УАЗе.

Март уже был в разгаре, полярная ночь осталась позади. Игорь смотрел в окно и любовался местной природой. Был ясный безветренный день. На небе не было ни единой тучки и от этого оно было неестественно голубым. Кругом, глубокими сугробами лежал белый снег, настолько белый, что в лучах солнца он сверкал хрустальным блеском. Игорь вспомнил детство, когда, оставаясь у бабушки в Ессентуках, катался на санках с горки и играл с мальчишками в снежки.

Однако, по мере приближения к гарнизону, воспоминания детства быстро улетучились.

Из-за сопки черным столбом в небо поднимался густой дым.

Когда они приехали на аэродром, то увидели, что полыхало здание, где находились классы предполетной подготовки. Пламя достигало метров пятнадцати в высоту и прибывшие пожарные машины не в состоянии были справиться с бушующей стихией. В торце здания, где находился склад парашютно-десантного имущества, копошились люди. Ту часть еще не захватил огонь, и они всеми силами пытались вытащить на снег парашюты и спасательные плоты. Игорь снял с себя шинель и бросился помогать выносить имущество из склада. Через 10 минут, огонь охватил и это помещение. К счастью, практически все парашюты были спасены. Из огня не успели вытащить только 5 плотов и столько же резиновых лодок.

Игорь, переводя дыхание, вытер лицо и руки снегом, а затем спросил у рядом стоявшего начальника парашютно-десантной службы майора Комаровского:

— Люди хоть не пострадали?

Тот сидел на парашюте и пересчитывал средства для отстрела сигнальных патронов.

— Вроде, нет, — ответил офицер, — пожар начался, когда все уехали в гарнизон на обед.

— Тогда расскажите мне все подробно, как было, — попросил его Игорь.

— Я мало что видел, — начал начальник ПДС, — На обед не поехал, потому что проводили ревизию склада парашютно-десантной службы. Я решил закончить без обеда, а потом пораньше уйти домой. В окно увидел, как люди рассаживались в «Уралы» для поездки в столовую. Минут через 20–25, я услышал крик матроса — помощника дежурного по стоянке части. Он бегал возле модуля и кричал «Пожар». Я вышел из склада и увидел, как из окон уже валил дым, но огня еще не было. Я попытался войти в помещение и посмотреть остался там кто или нет, но внутри уже начал гореть пластик и дышать было нечем. Насколько было возможно, я осмотрел классы, не увидев людей, я выскочил оттуда, потому что начал задыхаться. Сначала, вместе с прапорщиком, пытались тушить пламя огнетушителями, но оказалось бесполезно. К очагу возгорания подойти было невозможно, а огонь разгорался все сильнее и сильнее. Потом мы бросились спасать имущество склада. Вот, собственно и все. Дальше приехали пожарные и приступили к тушению огня.

— А как Вы считаете, откуда начался пожар? — поинтересовался Чернов.

— Мне показалось из левого дальнего крыла, где штаб второй эскадрильи, — не уверенно ответил майор, — Во всяком случае, дым валил оттуда и пламя, появилось сначала из окна кабинета начальника штаба этой эскадрильи, а потом уже из класса. Класс третьей эскадрильи, что напротив, загорелся чуть позже.

Игорь надел шинель и подошел к стоящему возле автомобиля Мухину. Виктор курил и, не отрываясь, смотрел на пылающий огонь.

— Тебе не кажется подозрительным, что пожар произошел сразу после того, как мы изъяли винтовку у твоего Козака? — высказал свое предположение Игорь.

— Еще как кажется. Ну, не настолько же он глуп, чтобы мстить всем и вся, тем более таким образом? — усомнился Мухин.

— Обиженный человек способен на многое, — философски заметил Чернов.

— В общем, что я считаю, нужно сделать. Здесь от меня толку мало, тебе для общения тут народа хватит. Я поеду в свой полк и выясню, где сейчас находится этот Козак, и чем он занимался целый день.

— И если тебя не затруднит, то по документам строевой части выясни, где он был в день первого пожара, — попросил Чернов.

— Проверю. Удачи тебе, — сказал Мухин и включил мотор автомобиля.

— И тебе того же, — ответил Игорь и пошел в сторону столпившихся людей.

Третий пожар в гарнизоне вызвал гораздо больший ажиотаж, чем предыдущие два. На этот раз в кабинете заместителя начальника Особого отдела КГБ СССР по ВВС Северного Флота собрались руководители всех служб и ведомственных структур. На совещании присутствовали Заместитель Командующего ВВС по службе войск полковник Резник, заместитель начальника противопожарной службы Флота подполковник Макеев, военный прокурор Североморского гарнизона полковник юстиции Фролов, а также ряд начальников отделов штаба Флота и ВВС.

Первая половина совещания заключалась в поиске виноватого. Сначала поступило предложение заслушать командира полка, затем заместителя противопожарной службы Флота.

Разорвал замкнутый круг обвинений полковник Бевза Георгий Маркович, заместитель начальника особого отдела КГБ по ВВС СФ.

— Товарищи офицеры, — начал он, — сейчас не стоит вопрос кого из должностных лиц нужно снимать с должности за халатное отношение к службе. Для нас главная задача найти реального виновника этого происшествия. Списывать третий поджог на случайность нет смысла. И мне хотелось бы выслушать Ваши предложения.

— Я считаю, что завтра, — начал подполковник Макеев, — когда остынет пепелище, нужно чтобы специальная группа просеяла через сито весь пепел. Только так мы сможем определить, что стало причиной пожара. Для этого, нужно создать такую группу и до утра оцепить место происшествия.

— Это не проблема, я думаю, что командир полка Масюнин найдет людей и для охраны и для просеивания пепла, — категорично заявил полковник Резник.

— Есть, — ответил командир полка, привстав со своего места.

— Уголовное дело будем возбуждать по данному факту? — спросил полковник Бевза военного прокурора.

— Для начала военные дознаватели должны провести свою проверку. Ваши подчиненные, — Фролов обратился к Бевзе, — пусть проведут свое расследование. А когда будут установлены причины пожара, либо конкретные лица, виновные в нем, тогда поговорим о возбуждении уголовного дела. Хотя, если нужна будет санкция на проведения необходимых экспертиз, можете рассчитывать на меня.

После совещания, полковник Бевза оставил у себя в кабинете оперсостав гарнизона.

— Сергей Дмитриевич, — обратился он к майору Горобченко, — какие у Вас есть наработки по данному вопросу.

— У нас нет данных о том, что эти поджоги имеют между собой какую-то связь. В первом случае возгорание хранилища формуляров произошло в результате замыкания электропроводки. В данном случае, причины пожара пока неизвестны, — ответил начальник отделения.

— Игорь Геннадьевич, что Вы можете сказать по этому поводу, — обратился Бевза к Чернову.

— Прямых подтверждений связи между этими пожара у меня так же нет, — Чернов посмотрел на Горобченко. Тот одобрительно кивнул. — Но есть определенные предположения, которые требуют проверки.

— Внимательно Вас слушаю, — сказал руководитель отдела.

— Я считаю, что в первом случае имел место преступный умысел, а не замыкание в сети. За стоянкой в овраге я обнаружил свежую лыжню от охотничьих лыж и дорожку следов, ведущих к домику. Учитывая, что за день до поджога выпал снег, лыжня могла быть проложена только в ночь происшествия. Лыжи были необычные по своей длине и ширине. Такие используют профессиональные охотники в тайге. Вчера мы с майором Мухиным изъяли винтовку у штурмана вертолета, который служит в смешанном полку. Тот родился в Сибири в Иркутске и использует подобные лыжи для охоты в зимнее время. Более того, ранее он служил в корабельном полку и был переведен в смешанный полк за нарушение правил пребывания за границей в период боевой службы. Поэтому я считаю, что в первом случае, у него мог быть местнический мотив по отношению к командованию, так как из-за перевода он не смог получить очередное воинское звание. А во втором случае, он мог мстить лично мне за изъятие у него оружия.

— В первом случае все получается логично, а во втором как-то натянуто, — высказал сомнение Бевза и, взглянув на Чернова, спросил:

— У вас все?

— Так точно.

— Майор Горобченко, — теперь Бевза обратился к начальнику отделения, — отныне Ваш рабочий день начинается с доклада о проделанной работе по этим поджогам. Обращаю Ваше внимание на то, что серьезнее данного вопроса на сегодняшний день у нас нет.

— Есть, — понуро ответил Горобченко и бросил колючий взгляд на Чернова.

После возвращения в гарнизон, Игорь сразу же поднялся в кабинет Мухина, чтобы узнать последние сведения о капитане Козаке. Виктор сидел за столом и внимательно просматривал журналы учета вертолетного полка.

— Витя, ну что ты накопал? — спросил его Игорь.

— Ты знаешь, вроде бы что-то и накопал и в то же время появились новые вопросы, — Мухин разложил перед собой журналы с закладками и стал оглашать результаты своего труда:

— Сегодня утром он заступил в наряд, несет службу в качестве оперативного дежурного. И там он находится безвылазно, однако, на обед он ходит на КП, куда привозят пищу. Другими словами, он мог оказаться на аэродроме в обеденное время. Нужно будет еще выяснить, в какое время он выходил.

Он подвинул второй журнал и, раскрыв его, сказал:

— По учету больных, 9 марта Козак был на больничном с диагнозом ОРВИ, причем болел с 6 по 10 марта. В санчасти его не было, мог быть дома, а мог на праздники куда-то смотаться. Теперь, что касается первого поджога, с 12 по 13 февраля, когда горел эскадрильский домик, Козак был в наряде на командном пункте дежурным по приему и выпуску вертолетов. Полетов в этот день не было, поэтому этой ночью наш капитан мог бродить по аэродрому, как ему заблагорассудится.

Он вытащил из стола пачку сигарет, закурил, и, выпустив колечком дым, продолжил:

— Ситуация скверная. Вся эта официальная информация не дает нам оснований подозревать Козака, но и не обеспечивает ему алиби.

— Еще более скверная ситуация оттого, что никакой закономерности не прослеживается. Первый поджог был в среду, второй сразу после 8 марта, сейчас этот, опять среди недели.

Единственное, что меня настораживает, что все поджоги были в те дни, когда на аэродроме не было полетов. Поэтому я все же склоняюсь к мысли, что это делает кто-то из технического состава. Ведь в обычные дни на аэродроме работают только техники, летчики в, основном, сидят в штабных классах в гарнизоне.

— Так-то оно так, — согласился Виктор, — Но тогда у нас опять ни одной зацепки.

— Что значит, ни одной? У нас куча версий и ни одна из них не проработана. Лично я начинаю с первой. Для начала плотно займусь Игнатовым, — оптимистично заявил Чернов.

— Я вижу, у тебя созрел какой-то план? — поинтересовался Мухин.

— Нужно провести оперативный эксперимент, чтобы спровоцировать поджигателя на какие-то новые действия.

— Например? — серьезно посмотрев на Чернова, спросил Мухин.

— Пока точно сформулировать даже для себя не могу, но нужно дать ему новую «вводную», чтобы мы могли в дальнейшем ожидать с его стороны каких-то действий. А так получается, каждый поджог для нас становится неожиданностью. И каждый раз, на месте происшествия никаких следов. Точнее следы есть, но толку от них мало, — попытался объяснить Игорь.

— Не могу уловить направления твоих мыслей, но согласен, сидеть и ждать у моря погоды нельзя, — заметил Мухин. Он встал из-за стола, посмотрел в окно, а потом неожиданно спросил:

— А куда Дубовик пропал? Я его второй день не вижу.

— Спасибо, что напомнил, я с этими событиями тоже про него забыл. И самое, интересное, что и он о себе ни разу не напомнил. Давай, через час сходим к нему домой, может он там помирает, уши просит, а рядом воды подать некому, — предложил Игорь.

— А чего тянуть? Давай, сейчас и сходим, — поддержал предложение Мухин.

— Сейчас не могу, нужно еще решить один вопрос. Завтра с утра пойду раскапывать пепелище, поэтому все намеченные дела хочу сделать сегодня, — объяснил свою позицию Чернов и, не прощаясь, вышел из кабинета своего коллеги.

Вернувшись к себе, Игорь сел за стол и развернул списки личного состава, планируемого на боевую службу. В основном составе числился вертолетный отряд майора Логвиненко. По совпадению старшим техником на его вертолете был старший лейтенант Игнатов, именно тот единственный подозреваемый, который определился после первого поджога. Чернов несколько раз пересмотрел списки основного и резервного состава, затем свернул их в трубочку и направился к командиру полка.

— Ну, что, Пинкертон? Пришел меня обрадовать тем, что нашел поджигателя? — произнес Масюнин, подняв глаза на вошедшего Чернова.

— К сожалению, нет. Я принес откорректированные списки личного состава авиагруппы на боевую службу, — Чернов протянул командиру списки.

— Да, на хрена мне сейчас твои списки? Ты что, не видишь, все от нас ждут результатов расследования пожара, — возмутился Масюнин.

— В любом случае, если б кто-то что-то видел, то уже сообщили Вам или мне. А так, пока не разгребем пепелище, ничего не узнаем. А списки — это сейчас часть моего расследования, — внес в разговор элемент интриги Чернов.

— Поясни, — попросил Масюнин и, присев на диван, приготовился внимательно слушать сотрудника особого отдела. Игорь последовал его примеру и уселся рядом, не дожидаясь приглашения.

— Я все-таки склоняюсь к тому, что все эти поджоги, имеют какое-то отношение к предстоящему походу. Тогда сгорели формуляры первой эскадрильи. В результате, на боевую службу запланированы вертолеты третьей эскадрильи. Сегодня фактически сгорел штаб второй эскадрильи. Как следствие, могут возникнуть проблемы с вертолетами целеуказания. Теперь, по логике вещей, что-то должно произойти в третьей эскадрилье.

— Типун тебе на язык, — заерзал на месте возмущенный командир.

— Типун, не типун, но из основного состава нужно вывести старшего лейтенанта Игнатова, — Игорь сделал паузу, и тут же добавил, — Только не спрашивайте почему, сейчас я Вам все равно объяснить не смогу.

Масюнин почесал подбородок, встал с дивана и стал молча ходить по кабинету. Потом, вновь обратился к Чернову:

— Ты хоть представляешь, что если его убирать, то нужно менять и вертолет, а, следовательно, и весь экипаж.

— Валерий Сергеевич, я не первый день в авиации, экипаж может летать на любом вертолете, а наземный экипаж на корабле и так представлен в усеченном виде.

— Хорошо, — не долго колеблясь, согласился командир. Он взял в руки списки, еще раз их просмотрел, а затем спросил:

— Против кандидатуры капитана Ковальчука из резерва у тебя возражений не будет?

Чернов отрицательно покачал головой.

— Вот и хорошо. Теперь своей рукой внеси изменения и распишись, — Масюнин протянул списки Чернову. Дождавшись подписи, он быстро положил списки в стол и довольным тоном произнес:

— Вот и славно. Теперь я уже никого менять не буду, а если вдруг что..., отвечать вместе будем.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет, — обнадежил его Игорь и в завершении спросил:

— А кого из дознавателей вы назначили расследовать этот поджог?

— А у нас один внештатный дознаватель — капитан Гончаров. Он кстати, сейчас в казарме опрашивает матросов. Можешь к нему присоединиться.

— Завтра присоединюсь. У меня сегодня еще есть дела, — вставая с дивана, произнес Игорь.

— Ну, тогда, будь здоров, — Масюнин пожал руку Чернову и вернулся за рабочий стол.

Не заходя в кабинет, Чернов позвонил Мухину от дежурного по штабу. Через пять минут они встретились на плацу и направились проведать пропавшего коллегу. Перед Новым годом в гарнизоне сдали жилой дом. Он находился на окраине гарнизона почти в самых сопках. Евгений Герасимович получил в нем трехкомнатную квартиру вне очереди, как дважды льготник. На это он имел законное право, с одной стороны, как участник боевых действий в Афганистане, с другой — как ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. Его жена отказалась переезжать в Заполярье из Киева, поэтому в этой квартире он проживал один. От внеслужебного общения с коллегами Дубовик быстро отошел и по истечению непродолжительного времени у него образовался свой круг общения, преимущественно из незамужних женщин — служащих базы и просто разведенных, которых в поселке было предостаточно. Иногда он пытался увлечься и замужними, но в условиях гарнизона это быстро становилось достоянием гласности и тогда у него возникали осложнения в общении с их мужьями. В этих случаях, во избежание нежелательных последствий, Дубовик приходил на службу либо очень рано, задолго до начала построения. Либо, после развода, когда все расходилось по рабочим местам. Вечерами, он пытался подольше засиживаться в кабинете, чтобы избежать нежелательных встреч.

Офицеры подошли к квартире Дубовика и долго звонили в дверь, но никто не открывал. — Витя, постой здесь, я выйду на улицу, посмотрю, есть ли свет в окнах, — сказал Игорь и быстро выбежал из подъезда. Через минуту он вернулся и, восстанавливая дыхание, сказал:

— В комнатах света нет, но есть либо в туалете, либо в ванной, так что давай стучать.

Мухин начал сильно бить кулаком в дверь, но результат был прежним. Тогда он, как можно внятней и громче сказал:

— Игорь, я подежурю здесь, а ты позови соседей, будем ломать дверь. Чует мое сердце, что мы опоздали, там наверняка уже разлагающийся труп. Жаль Женьку, так внуков и не увидел.

Последнее предложение прозвучало с особым пафосом.

В этот момент дверь немного приоткрылась, и послышался недовольный голос Евгения Герасимовича:

— Что вы орете, идиоты, соседей всех переполошите.

Мухин толкнул дверь и вошел в квартиру, Чернов проследовал за ним. В коридоре в трусах и майке, завернутый в плед стоял Дубовик. Под левым глазом у него красовался на пол-лица синяк, начавший по краям зеленеть.

— О, дружище, да ты серьезно заболел, — с наигранной иронией начал Виктор, — наверно, на морозе глаз застудил, когда в замочную скважину за шпионами подсматривал.

— Тебе бы только языком помолоть, — огрызнулся хозяин, — Ночью домой возвращался, об дверной косяк ударился в темноте.

— Я так и подумал, учитывая, что дверь в подъезд открывается внутрь, то только об косяк ты и мог удариться. Да так аккуратно, что даже бровь не повредил, — продолжал шутить Мухин, — А вот интересно, имя есть у этого косяка?

— Вы что пришли, — прикрывая глаз ладонью, серьезно спросил Боровик, —

поиздеваться или по делу?

— Мы друга пришли проведать. Разве это не дело? — Мухин по-хозяйски отодвинул Доровика в сторону, зашел в гостиную и включил свет. Комната была обставлена казенной мебелью, но со вкусом. Чувствовалось, что без женской руки здесь не обошлось. Он расстегнул шинель и уселся в свободное кресло. Затем, весело взглянув на хозяина квартиры, спросил:

— Женя, а ты новоселье собираешься отмечать или нет? В коллективе тоже не прописался, не по-людски это как-то.

— А я выполняю программу КПСС по борьбе с пьянством, — попытался шуткой оправдаться Дубовик.

— Это заметно, — вмешался в разговор Чернов и показал рукой на пустую бутылку водки, стоявшую за диваном.

— Ах, вот оно что! Ты еще и алкаш — одиночка!!! — засмеялся Мухин.

— Я, одиночка? — возмутился Дубовик, — Да ты видел, чтоб я когда-то пил в одиночку?

— Потому и не видел, что бухаешь один, — парировал Мухин, и, указав на пустую бутылку, добавил, — вещдок — штука серьезная.

Евгений Герасимович взял пустую тару и быстро спрятал ее в шкаф.

— Это ко мне сосед вчера приходил, так мы посидели немного, — буркнул он в свое оправдание.

— Короче так, Евгений Герасимович, — продолжал играть Мухин, — от имени партийной организации хочу тебе напомнить основной принцип советского контрразведчика — «Сегодня с нами ты не пьешь, а завтра Родине изменишь».

— Могли бы и своей бутылкой прийти, коль в гости собрались, — надевая спортивные брюки, сказал Дубовик и вышел на кухню.

— Во-первых, мы не знали живой ты или нет, а во-вторых, прописку в коллективе еще никто не отменял, — крикнул ему вдогонку Мухин.

Через минуту тот вернулся с бутылкой водки «Кристалл» и нарезанным лимоном на блюде. Мухин, не спрашивая разрешения, вытащил из посудного шкафа три стакана и по-хозяйски наполнил их поровну. Затем, взглянув на стоявшего возле стола хозяина квартиры, пригласил:

— Женя, да ты присаживайся, в ногах правды нет.

— А в заднице, тем более, — парировал Дубовик, но все же за стол сел.

— За твое гостеприимство, Женя, — произнес тост Мухин и, чокнувшись стаканом со всеми, залпом его осушил. Закусив долькой лимона, он вновь взялся за бутылку, но Чернов остановил его.

— Витя, не торопись. Давай о деле поговорим, тем более, что завтра мне, в отличие от вас, предстоит тяжелый день.

— Я что-то опять пропустил? — растерянно спросил Дубовик.

— Пропустил. У нас опять поджог, — сказал Игорь.

— Это уже серьезно, — Евгений Герасимович подвинул стул ближе к Чернову, — И что сгорело на этот раз?

— Практически весь аэродромный модуль полка.

— По-моему, это уже не мезью пахнет. А чем-то более организованным, — констатировал Дубовик.

— И я же об этом, — согласился Игорь и спросил у него:

— Ты когда матросов опрашивал по поджогу базы, что-нибудь узнал?

— Практически ничего. Те матросы, которые работали в складе, на территорию не выходили. Часовой постоянно стоял на входе, один раз отлучился, чтобы проверить периметр склада и именно в этот момент возник пожар.

— Прямо мистика какая-то. Никого на складе не было, а он сам по себе загорелся. — задумчиво произнес Чернов и стал застегивать шинель.

— Ты куда собрался? — остановил его Мухин, — А на посошок.

— Нет, мужики, без меня, — ответил Игорь и вышел из квартиры, оставив товарищей вдвоем.

Утром, не заходя в кабинет, Чернов направился на аэродром. На месте недавно стоявшего аэродромного модуля, копошились матросы с лопатами. Пепел, залитый водой и пеной, превратился в жидкую черную массу. Просеивать его через сито уже не было никакой возможности. Поэтому одной группе матросов приходилось лопатами выгребать липкую жижу и бросать на металлические щиты, другой группе — с помощью мастерков и шпателей, извлекать из нее все попадающиеся твердые предметы.

— Давно работаете? — спросил Игорь у прапорщика из пожарной команды, который руководил работами.

— Сразу после завтрака пришли, — кутаясь в меховом воротнике куртки, произнес тот.

Чернов посмотрел по сторонам. Кое-где из пепла торчали не сгоревшие балки, в отдельных местах, где огонь был быстро потушен, на морозе образовался лед. Но в целом, место пожара продолжало источать едкий дым. Игорь медленно обошел периметр бывшего строения, и зашел туда, где изначально находился кабинет начальника штаба второй эскадрильи. В этом месте действительно выгорело все дотла, но внимание опера привлекла небольшая впадина, которая не бросалась в глаза при осмотре периметра. Он попросил у матроса мастерок и стал слой за слоем расчищать мокрый пепел над этой впадиной. Наконец, послышался неприятный скрежет металла по стеклу. Игорь снял перчатку и стал пальцами расчищать слой грязи. Наконец, он нащупал горловину от банки. Он быстрее и быстрее стал откапывать, как настоящий археолог, свою находку, пока не уперся в фундамент. На дне импровизированной ямы находился трехлитровый баллон, лопнувший пополам, видимо, от высокой температуры. В нижней части банки лежала связанная узлами не до конца сгоревшая тряпка. Доски пола вокруг баллона прогорели, и емкость оказалась на бетоне фундамента, отчего, видимо, и образовалась впадина на пепелище. У Чернова не оставалось никаких сомнений, что тряпку подожгли и поместили в баллон, чтобы возгорание произошло не сразу, а с определенным запозданием. Игорь накрыл находку фанерным щитом и вышел на снег. Протерев снегом руки и обувь от грязи, он подошел к ближайшему телефону, чтобы сообщить командиру полка о находке. Через полчаса к месту проведения работ подъехал командирский УАЗ. Из него поочередно вышли подполковник Масюнин, заместитель командира полка по инженерно-авиационной службе подполковник Литовкин, и начальник штаба 2 эскадрильи майор Логинов.

— Ну что ты там нашел? — поинтересовался командир у Чернова.

— Взгляните сами, — Игорь повел офицеров к месту обнаружения банки, — теперь, я думаю, у пожарных не будет сомнений, что поджог был умышленный.

Все четверо окружили место раскопки и около минуты молча смотрели на баллон. Затем, подполковник Литовкин присел на корточки, двумя пальцами взял тряпку и понюхал. Аккуратно положив ее на место, он выпрямился и уверенным тоном произнес:

— Керосин.

Он вытер руку носовым платком и обратился к майору Логинову:

— Насколько я помню, у тебя тут каптерка была?

— Да, — утвердительно ответил майор, — Всякий хлам там держал, веники, швабры, рейки для плакатов.

— А керосин откуда там взялся? — спросил его Масюнин.

— Так, в минувшую субботу наша очередь была убирать модуль. Я и дал команду, чтобы керосином промыли весь линолеум на полу и панели. Мы всегда отмываем полы керосином, а за воскресенье запах выветривается, — оправдываясь, сказал начальник штаба.

Командир махнул на него рукой и растерянно посмотрел на Чернова:

— И что мне теперь со всем этим делать?

— В любом случае, необходимо, чтобы ваш дознаватель все это зафиксировал. С учетом того, что есть все признаки поджога, нужно уведомить прокуратуру и отдать на экспертизу находку. Они должны дать заключение по составу жидкости в баллоне и по структуре ткани. Ну а мы должны, в первую очередь узнать, кто ходил за керосином и где его брал, — высказал свои рекомендации Чернов.

— Эх. Игорь, если б все было так просто, — с глубоким вздохом произнес Масюнин. Он повернулся к Логинову и строго спросил:

— Кого ты посылал за керосином в субботу?

— Прапорщика Желудько — дежурного по стоянке подразделения, — сразу ответил майор.

— Давай, быстро мне его разыщи, — он сделал паузу, а затем добавил, — Да, и позвони в казарму, пусть капитан Гончаров срочно приедет на место происшествия и здесь работает. Так и передай, что это мое указание.

Он вновь повернулся к Чернову с Литовкиным и уже более спокойным тоном предложил:

— Ну что, товарищи офицеры, давайте пройдем в здание технико-эксплуатационной службы, там подождем этого Желудько. Послушаем, что он нам расскажет.

Все трое не спеша, направились в рядом стоящее бетонное здание ТЭЧ.

Не успели они зайти в холл, как туда забежал молодой человек в черной технической куртке и унтах.

— Товарищ, подполковник, — сразу начал докладывать он, — прапорщик Желудько по Вашему приказанию прибыл.

— Здравствуй, Желудько. — командир протянул ему руку, затем, присев на подоконник и скрестив пальцы в замок, спросил:

— Ну-ка, расскажи нам подробно, как ходил за керосином, куда, кого видел. Все сначала и до конца.

— Утром, когда пришли матросы на работы в модуль, — начал прапорщик, — меня вызвал к себе начальник штаба майор Логинов. Он поставил мне задачу принести ведро керосина для мытья полов. У нас в этот день на технике никто не работал, и я пошел в третью эскадрилью, у них там готовили технику на боевую службу и на трех вертолетах были техники. Я подошел к первому попавшемуся из них и попросил керосин.

— А кто был этим первым попавшимся? — перебил его Чернов.

— Старший лейтенант Игнатов. Он предложил мне сначала налить отработку, но я попросил чистый, чтобы грязные следы на линолеуме не оставались. Он мне слил прямо с вертолета. А затем, я принес керосин в модуль, и матросы начали мыть пол.

— А что было потом? — уточнил командир.

— Потом я взял в каптерке баллон и слил туда остатки керосина из ведра.

— Кто-нибудь в это время в модуле находился? — вновь спросил Чернов.

— Да, Вы что, товарищ майор, там такая вонь стояла... Только матросы и были.

— Ну, может быть, кто-то заходил в это время и ты случайно видел? — не унимался

Чернов.

— Перед обедом, Игнатов и Ковальчук заходили сдать ключи и расписаться в передаче вертолетов под охрану. А больше никого и не было, все-таки выходной день был.

Прапорщик поочередно посмотрел на всех офицеров, ожидая возможных вопросов.

Масюнин сдвинул шапку на затылок и нервно почесал подбородок.

— У вас у кого-то будут еще вопросы? — обратился он к присутствующим офицерам.

Все отрицательно покачали головой.

— Спасибо, Желудько, я тебя больше не задерживаю.

Прапорщик браво отдал честь, резко развернулся на сто восемьдесят градусов и бегом побежал на стоянку.

Командир вопросительно посмотрел на Чернова и спросил:

— Видимо не просто ты просил Игнатова убрать из состава авиагруппы на боевую службу. Скажи честно, это его рук дело?

— Я не могу утверждать, но подозрения кое-какие у меня есть, — ответил Игорь.

— И сколько ты свои подозрения проверять будешь? Пока он все не спалит?

— Я пока точно не уверен, что это именно он палит, — произнес Чернов.

Масюнин улыбнулся и вновь обратился к Чернову:

— Я сегодня командиру третье АЭ довел, что Игнатова снимаю с боевой службы и меняю на Ковальчука. Так что посмотрим, чем закончится твой эксперимент.

Он хотел протянуть руку, чтобы попрощаться, но затем, неожиданно спросил:

— А какую реакцию на эту замену ты ждешь? Очередной поджог?

— Ни дай бог. Валерий Сергеевич, в этот раз я думаю, до ЧП не дойдет.

— Добро, — ответил тот, и тут же спросил, — Тебя подвезти в штаб или ты здесь останешься?

— Подвезите, здесь мне уже делать нечего.

Всю неделю майор Чернов практически жил на службе. Он пытался выяснить, кто из военнослужащих последним появлялся в здании модуля накануне поджога. С этой целью он опросил практически весь полк выявляя, кто из военнослужащих хоть на минуту мог выпасть из поля зрения. Расчет строился на том, что каждый военнослужащий своими показаниями обеспечивал алиби другому. Так, практически по каждому человеку, он рисовал схему, где отражал, кто его видел, и в какое время. В день, он опрашивал до 20 человек. Естественным путем отсеялось около 70 человек. Автоматически отпали те, кто находился в отпуске, на больничном, в командировке. К сожалению, определить круг лиц, которые могли быть последними в модуле в день поджога, не получалось. Командир полка, понимая важность этой работы, всячески содействовал расследованию Чернова. Почти каждый вечер, по собственной инициативе, Игорь выходил на аэродром, прятался в укромном месте и наблюдал за отъездом личного состава в гарнизон. А затем, еще в течение часа пытался обнаружить того, кто, возможно, мог остаться на аэродроме. К сожалению, каждый раз ничего подозрительного на аэродроме не происходило. И так, каждый день на протяжении недели, он возвращался вечером в кабинет и пытался свести воедино все то, что получил в течение дня и выявить хоть какую-то закономерность, либо незначительную зацепку. Его не покидало предчувствие, что в ближайшие дни должно еще что-то случиться. Угнетало еще и то обстоятельство, что Игорь так до конца и не знал, чего он хотел добиться снятием Игнатова с боевой службы. Интуиция ему подсказывала, что это верное решение, но он не представлял для себя конечного результата. В этот период раньше 24 часов он домой не возвращался. Работать в таком режиме человек долго не может. Не стал исключением и Чернов. Впервые, его некогда здоровый организм, дал сбой. Во время очередного опроса он потерял сознание. Если б еще месяц назад ему кто-то сказал, что можно довести себя до обморока на почти кабинетной работе, он поднял бы того на смех. Но в этот раз повода для веселья оказалось мало. Когда Игорь пришел в себя, возле него крутился Дубовик и лейтенант из медсанчасти.

Андрей, так звали врача, настаивал на срочной госпитализации, он поставил диагноз — переутомление и рекомендовал пройти курс обследования. Но когда он позвонил Горобченко, тот категорично заявил:

— Переутомление — это не диагноз. Передайте Чернову, пусть пару дней отлежится и выходит на службу. Отдохнет в отпуске.

Однако, и пары дней отдыха у него не получилось. Весь первый день он проспал.

На второй день Чернов проснулся почти в 9 часов утра, что было для него непозволительной роскошью. Люда, эти дни очень переживала за мужа. Такое с ним приключилось впервые.

Игорь вышел на кухню, где жена готовила завтрак.

— Зачем ты встал? — воскликнула она — Я бы тебе все принесла в постель.

— Да, что я больной что ли, поем здесь, как нормальный человек. Тем более, что чувствую себя хорошо, — возразил ей Игорь.

— Знаю, какой ты нормальный, мне Евгений Герасимович рассказал, что с тобой было позавчера. Тебя эта служба когда-нибудь доконает. Посмотри на Витю Мухина, или того же Дубовика, вот они живут, как нормальные люди. В шесть часов вечера уже домой идут, а

тебе все нейдет. Мне нужен здоровый муж, а перспектива стать вдовой подполковника КГБ, меня не устраивает. Загонишь ты себя так, а я одной с двумя детьми оставаться не хочу. Поэтому о работе на период больничного забудь, если будет звонить твой Горобченко, я его так пошлю, как его еще никто не посылал.

Не успел Игорь приступить к завтраку, как зазвонил телефон. Игорь встал, чтобы взять трубку, но жена его опередила.

— Если это твой Горобченко, то, как раз будет повод все ему высказать, — сказала она, подходя к телефону. Игорь не стал ждать и тоже подошел к телефону. Людмила ответила на звонок и тут же передала трубку мужу.

— К сожалению, это не Горобченко.

— Слушаю, майор Чернов, — ответил Игорь.

— Это подполковник Литовкин. Здравствуй, Игорь. Я знаю, что ты болеешь, но, похоже у нас опять ЧП, — сообщил очередную новость инженер полка.

— Что на этот раз? — не ожидая ничего хорошего, спросил Чернов.

— Мне только что доложил капитан Ковальчук, что при осмотре своего вертолета он обнаружил отсутствие шупа, которым определяют уровень масла в редукторе.

— И что здесь страшного? Может быть, он сам его и забыл поставить на место, — попытался возразить Чернов.

— Ты не понимаешь, после замены Игнатова на Ковальчука в составе авиагруппы, на боевую службу стали готовить и вертолет Ковальчука. А теперь его нужно загонять на стенд и проводить полное обследование. Если, вертолет окажется поврежденным, нужно будет опять менять и технику и людей, а у нас нет на это времени. Через две недели боевая служба, — обреченно констатировал Литовкин.

— Давайте не будем паниковать,ждем результатов проверки вертолета, а пока, пусть силами эскадрильи ищут шуп, — посоветовал Чернов.

— Да, уже ищут, — голосом, потерявшим надежду, сказал Литовкин и положил трубку.

Игорь вернулся к столу, но прежнего аппетита уже не было. В информации инженера полка он не услышал ничего серьезного, но почему-то появилось чувство тревоги. Чернов терялся в догадках, кому и главное, зачем все это было нужно. Если б все происшедшее объяснялось бытовыми мотивами, то рано или поздно злоумышленник себя проявил. А здесь все происходит без свидетелей и без единой зацепки. Так, в раздумьях он пролежал перед телевизором до обеда, пока ему не позвонил Дубовик.

— Игорь, только что заходил твой командир полка. На нем лица нет. Срочно просил, чтобы ты к нему зашел.

— А что случилось? — поинтересовался Чернов.

— Мне он не докладывал, — ответил Евгений Герасимович, — но, судя по его виду, вряд ли захотел с тобой кофейку выпить.

— Сейчас буду, — сказал Игорь и, повесив трубку, пошел одеваться.

— Ты куда собрался? — строго спросила жена.

— Мне на работу надо, командир просил зайти, — стал объяснять ей Игорь.

— Не пушу, — категорично заявила Люда, — у тебя есть освобождение врача. Ты не один опер в гарнизоне, пусть кто-то другой пойдет к командиру.

— Я один старший оперуполномоченный в полку и никто меня подменить не сможет. Не волнуйся, я быстро, — сказал Игорь и выдавил из себя улыбку.

— Делай что хочешь, — махнула на него рукой жена и быстро скрылась на кухне.

Когда Чернов зашел в кабинет к Масюнину, тот напоминал льва, метавшегося в клетке. Всегда скрупулезно относившийся к своему внешнему виду, он ходил широкими шагами по кабинету в расстегнутой тужурке и ослабленном галстуке.

— Я тебя поздравляю, — едва сдерживая возмущение, произнес командир, увидев Чернова, — Твой эксперимент удался. У нас — очередное ЧП.

— Вы можете объяснить, что произошло? — как можно спокойнее спросил Чернов.

— Что произошло, — повторил Масюнин, расхаживая по кабинету, — Ты мог мне сразу сказать, что у тебя есть по Игнатову? А так, использовал меня как пацана в темную, а мне теперь новый геморрой.

— Пока, Вы не успокойтесь, и не расскажите мне, что произошло, я ничего комментировать не буду, — также категорично заявил Игорь.

Масюнин сел за стол, вытащил из ящика пачку сигарет, закурил и тут же закашлялся.

— Ты видишь, до чего я дошел, — обратился он к Игорю, — даже курить начал.

Затем, сделав две затяжки, потушил сигарету в пепельнице, и продолжил:

— Как ты и просил, я вычеркнул Игнатова из списка авиагруппы, начали готовить на корабль вертолет Ковальчука. Утром мне сообщили, что на вертолете пропал шуп. К обеду его нашли в снегу за стоянкой. Кто-то просто его выбросил. Вертолет отправили на стенд и обнаружили болт в редукторе. Я однозначно считаю, что это Игнатов в отместку за то, что его сняли с боевой службы, сделал такую подлянку. Поэтому ты как хочешь, а я, как командир части, как орган дознания, даю указание дознавателю возбудить уголовное дело в отношении Игнатова по факту вредительства. Если б ты мне сразу все рассказал, я бы его посадил под арест на трое суток, а потом, перевел бы в другой гарнизон, а лучше на остров Кильдин, и не было бы в части столько проблем.

— Успокойтесь, Валерий Сергеевич. На основании чего Вы собираетесь возбуждать уголовное дело? Кто-то видел, что болт подбросил именно Игнатов? Нет. На трое суток, за что его сажать? За то, что ведро керосина в субботу для мытья полов слил? Поймите, нет, ни у Вас, ни у меня достаточных оснований для того, чтобы в отношении него возбуждать уголовное дело, — рассудительно произнес Чернов и сел на стул напротив командира.

— Ну, тогда в чем суть твоего эксперимента? — начиная опять закипать, спросил Масюнин.

— Понимаете, Виктор Сергеевич, — начал Игорь, — я не считаю, что все эти преступления, а это действительно преступления, являются результатом чьей — то халатности или хулиганства. Я уверен, что это результат деятельности одного и того же человека, причем каждое преступление тщательно спланировано и подготовлено. Любое изменение обстановки ломает планы злоумышленника, он на ходу начинает импровизировать и, как следствие, делать ошибки. В нашем случае — это и есть та ошибка. Было бы намного хуже, если бы болт попал в редуктор на корабле. Отвод от боевой службы Игнатова был самым безболезненным выходом из этой ситуации. У меня тоже ничего нет на него серьезного, просто он панически боится корабля и не переносит качку. Так что мы, в какой-то степени, сделали для него благо и поэтому, мотива для вредительства у него нет.

— И какие действия теперь прикажешь мне предпринять? — уже спокойно спросил командир.

— Теперь нужно отвезти шуп в военную прокуратуру для того, чтобы пальчики снять, и я хотел бы побеседовать с Ковальчуком и тем, кто нашел шуп, — попросил Чернов.

— Боюсь, что сегодня у тебя это не получится, — ответил командир, — я уже звонил прокурору, тот обещал помочь. Поэтому я дознавателя отправил туда со шупом и Ковальчука вместе с ним. Это он нашел шуп.

Чернов удивленно посмотрел на командира, но, спустя минуту, спросил:

— А можно вызвать ко мне майора Логвиненко, я хочу побеседовать с ним как со старшим группы.

— Это, пожалуйста, — ответил командир. Он набрал номер телефона третьей эскадрильи и отдал распоряжение, чтобы командир отряда прибыл в особый отдел. Затем, уже более доброжелательно спросил:

— Еще будут какие-нибудь просьбы или пожелания?

— Я все же хотел бы пообщаться с Ковальчуком, — попросил Игорь.

— Не знаю, когда он сегодня вернется, но завтра я тебе его пришлю, — Масюнин сделал себе пометку на календаре. Затем встал из-за стола, подошел к Чернову, пожал руку на прощание и добавил:

— Если что-то новое узнаешь, держи меня в курсе.

— Непременно, — ответил Чернов и вышел из кабинета.

Вернувшись на свое рабочее место, Игорь сразу же набрал номер телефона майора Мухина.

— Витя, узнай, пожалуйста, где сейчас твой Козак...

— Во-первых, здравствуй, труженик невидимого фронта, — перебил его Виктор, — А во-вторых, мой Козак, сегодня отбыл в славный город Туапсе, там, в горах есть база выживания, где летный состав проходит тренировки.

— А что ж ты мне раньше не сказал, что он туда собирается, — спросил Игорь.

— А он туда и не собирался, это я туда его задвинул через своего командира. Я посчитал, что так будет лучше для всех, — спокойно ответил Мухин, — Тем более я выяснил, что в день поджога модуля, он из дежурки вообще не выходил.

— Витя, что ты наделал, — чуть ли не взмолился Чернов, — у нас сегодня опять всплыло еще одно ЧП — кто-то болт в редуктор вертолета подбросил. И что теперь делать? Вдруг это он перед отъездом решил очередную пакость сделать накануне боевой службы?

— Не кипятись ты, — категорично ответил Виктор, — знаешь, как говорят, «нет тела, нет дела». У нас он пока самый реальный подозреваемый, пока его нет, с нас никто ничего спрашивать не будет.

— С тебя-то может быть, и не будут, а мне, что рассказывать по поводу вывода из строя вертолета? — логично заметил Чернов.

— А с чего ты взял, что это его рук дело? Может, это кто-то из твоих? По большому счету, у нас в отношении него все признаки причастности косвенные, — парировал Мухин и тут же продолжил:

— А, вообще, знаешь Игорь, мне этот экстрим совсем не нужен. Через восемь месяцев у меня замена и я хочу спокойно дослужить этот срок. Так что, извини.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа Чернова.

Игорь откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он вспомнил французскую поговорку, которую прочитал в какой-то книге, «Предают только свои». Очень верно подмечено.

Может быть, позицию Мухина и можно понять, они с Козаком давно знакомы и у них общие увлечения. Но, именно в помощи и поддержке Виктора в этот момент так нуждался Чернов.

Неожиданно раздался стук в дверь и на пороге появился майор Логвиненко.

— Вызывали? — спросил он, и, не дожидаясь ответа сел на стул, закинув ногу на ногу.

— Не вызывал, а приглашал, — поправил его Чернов, — А почему так официально, насколько я помню, мы были на «ты»?

— Это было вне службы и за столом (Черновы и Логвиненко семьями вместе отмечали Новый год у общих знакомых), а теперь мы по разные стороны баррикад. Вы расследуете преступления, а мы для Вас — все подозреваемые, — вызывающе заявил майор.

— Сергей, что ты мелешь, — возмутился Чернов, — какие баррикады, какие подозреваемые? У нас сейчас одна цель, чтобы авиагруппа выполнила поставленную задачу. А я работаю над тем, чтобы найти человека, который пытался сорвать выполнение этой задачи.

— И что ты от меня хочешь услышать? — оставаясь в напряжении, спросил Логвиненко.

— Меня интересует обстановка в твоём отряде, в частности, взаимоотношения между теми, кто попал в состав авиагруппы и теми, кто остался в резерве. Ведь не спроста из строя выведен вертолет, который готовится на боевую службу.

— То есть, ты хочешь, чтобы я тебе, как последний стукач, барабанил на своих товарищей? Да я готов поручиться за каждого из них, я со своими ребятами на корабле в общей сложности ни один год проболтался в море, из одной лоханки тушенку жрали и бочку «шила» выпили. А теперь ты думаешь, что я против них буду с тобой на одной стороне работать. Нет, Игорь Геннадьевич, я летчик, а не стукач, и помогать Вам не буду. Сам ищи своего вредителя, ты за это зарплату получаешь.

— Дурак ты, а не летчик. Вредитель, как ты выразился, вредит не мне, а как раз тебе. И если ты этого не понимаешь, грош цена тебе, как командиру, — спокойно сказал Игорь, — И еще скажу. Если я не найду этого злоумышленника, поверь мне, меня даже не накажут. Я как ходил на службу в штаб, так и буду ходить. А вот твоя жизнь окажется под большим вопросом. Кто-то из «твоих верных товарищей», а не из залетных инопланетян, бросил болт в редуктор. Хорошо, что это обнаружили на земле. А если б нечто подобное произошло в море? Тогда ты и твой экипаж ушел под воду рыб кормить. И вряд ли кто-то оценил твою гордость и амбиции. И жены твоих товарищей вряд ли сказали бы тебе спасибо за твою мнимую принципиальность. Я в этом случае, даже взыскания не получу, потому что происшествие, как обычно, спишут на отказ техники, как было уже не раз. Поэтому сейчас, я занимаюсь этим расследованием не ради того, чтобы выяснить, сколько спирта вы слили и под лохань тушенки выпили, а ради того, чтобы сохранить ваши жизни. Мне лично, никто ничем не угрожает. Это вас пытаются убить. Но если ты считаешь, что в этой ситуации мы по разные стороны баррикад, то тогда я тебя не задерживаю. Свою задницу спасай сам. Ты видимо, считаешь, что болт в редуктор подбросил снежный человек? Блажен, кто верует. Я Вас больше не задерживаю, товарищ майор, — отрезал Чернова и тут же добавил, — Знаешь, Сергей, я думал, что ты умнее.

Логвиненко встал с места, что-то хотел сказать, но передумал и, надев шапку, направился к выходу. В дверях он остановился и, не оборачиваясь, буркнул:

— Если что-то узнаю, скажу.

И тут же закрыл за собой дверь.

Так, незаметно наступил вечер, и Игорь стал собираться домой.

— Очень же ты быстро вернулся домой, — не скрывая сарказма, сказала Люда, встретив в дверях мужа, — Завтра я тебя точно никуда не отпущу, вплоть до того, что вещи твои спрячу.

— Завтра, мне необходимо быть на службе, придет главный свидетель, мне очень нужно его опросить, — взмолился Чернов, — а после разговора с ним я сразу же вернусь домой.

Он прижал к груди жену и поцеловал.

На следующее утро, когда Чернов зашел в штаб, капитан Ковальчук уже ждал его возле двери.

— Добрый день, — поздоровался он, — мне передали, что вы меня вызывали.

— Да, я хотел выяснить у Вас подробности пропажи щупа из редуктора на Вашем вертолете, — потягивая руку для приветствия, сказал Чернов, и, открыв дверь кабинета, пропустил Ковальчука вперед.

— Для начала, давайте познакомимся ближе, — предложил Игорь и, сняв шинель, назвал себя.

— Ковальчук Василий Федорович — старший техник вертолета, — представился капитан.

Он был чуть выше среднего роста, густые черные волосы были коротко подстрижены под «ежик», темно-карие глаза и курносый нос с горбинкой и характерное произношение буквы «г» свидетельствовали об его южно-русском или украинском происхождении.

— Я хотел, чтобы Вы мне рассказали все обстоятельства обнаружения отсутствия щупа и как развивались события в дальнейшем, — сразу начал опрос Чернов.

— Да, особенно, и рассказывать нечего, — усаживаясь поудобнее произнес техник, — Накануне были полеты. Утром, я как обычно, провел осмотр вертолета, решил проверить уровень масла в системах. Оказалось, что канал масляного зонда редуктора открыт, а самого зонда, или как вы сказали, щупа, там нет. Я не мог его где-то забыть. Поэтому сразу доложил инженеру эскадрильи. Далее, попробовали вставить туда другой щуп, чтобы измерить уровень масла, но он до конца не входил. Тогда инженер и принял решение отправить вертолет на стенд для проверки, а перед этим все начали искать зонд.

— А как Вы его нашли, ведь не просто его найти в снегу? — спросил Игорь.

— Не так сложно, как вам кажется, — усмехнулся капитан, — я сразу подумал, что со щупом слезать с вертолета не удобно, за пазуху его не положишь, одежду испачкаешь. Поэтому самое первое решение, какое может прийти в голову, это выбросить его подальше. На стоянку никто бросать не будет, значит, должны были бросить в снег. Прошел со стороны сопки и увидел его торчащим из сугроба. Вот и все.

— Да, вы врожденный сыщик, не думали, что ошиблись при выборе профессии? — сделал ему комплимент Чернов.

— Бывает иногда, — засмеялся Василий, — я, по молодости лет, хотел перейти в вашу структуру, даже к Горобченко подходил, когда тот особистом на полку был. Но Сергей Дмитриевич мне сразу сказал, что в Особый отдел берут только с высшим образованием. Так что моя мечта, так и осталась мечтой, я ведь Кировское авиационно-техническое училище заканчивал.

Ковальчук поднял глаза к потолку и мечтательно замолчал.

— Ну, коль уж мы коллеги по духу, — польстил ему Чернов, — хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу всех этих поджогов на аэродроме. Вы ведь, наверняка в своем кругу обсуждали, кому это может быть выгодно.

— Да, никому это не выгодно, — серьезно ответил он, — Я вообще считаю, что дело рук матросов. Знаете, сейчас у молодежи свои развлечения. Мне кто-то рассказывал, что в настоящее время в Москве военные в форме в метро не заходят, потому что появилась

группы малолеток, которые на спор срывает фуражки с офицеров и даже бьют их. И при этом, чем выше звание, тем выше ставки спора. И представьте, эта молодежь сейчас приходит служить к нам. Денег у них нет, вот и играют по ночам в карты на спор. Кто проиграет, тот и делает какую-то пакость. Это мое мнение, потому что взрослый человек на такое никогда не пойдет.

— Наверно в Ваших словах есть рациональное зерно, — согласился с ним Игорь, — но уж больно все как-то продуманно делается, что никаких следов не остается, и никаких свидетелей. Помните, как было при поджоге домика с формулярами...

Игорь не успел закончить фразу, как Ковальчук перебил его:

— Я не знаю обстоятельств поджога домика с формулярами, потому что в это время был в отпуске. В общих чертах ребята рассказывали, но я сам не в курсе. А по поводу продуманности, я вам скажу одно. Вспомните себя в курсантские годы. Не знаю, как вы, а мы такие номера откалывали, что отцы командиры только после выпуска о наших проделках узнавали, и то, от нас. У нас был случай...

Ковальчук собрался рассказать курсантскую историю из своей жизни, но теперь Игорь его перебил:

— Я у Вас еще хотел спросить по поводу попытки поджога базы противолодочного вооружения?

— Я-я, вообще не в курсе, — заикаясь от неожиданности, пробормотал Василий.

— Может быть, я скажу Вам новость, но когда вы подвозили капитана Лукьянова на базу, сразу после вашего отъезда и произошел пожар.

— Так, вы что нас подозреваете? — удивился офицер. Улыбка, не покидающая его все это время, резко сошла с лица.

— Нет, что Вы, — успокоил его Игорь, — насколько мне стало известно, Вы ждали Лукьянова в машине. Может быть, в это время кто-то крутился возле поста. Или ненадолго заходил на склад?

— Нет. Точно никого не было, я бы заметил, — серьезно ответил офицер.

— А перед последним пожаром, Вы никого из матросов не видели, в модуле перед обедом, — Чернов специально акцентировал свой вопрос, чтобы не унижать офицера возможными подозрениями.

— Да, я и нее помню, чтобы туда заходил, я со стоянки сразу поехал на обед. У меня ведь свой автомобиль, я к дежурной машине не привязан, — с гордостью ответил Ковальчук.

— Тогда у меня к Вам последний вопрос, — видя, что утомил человека расспросами, произнес Чернов, — Как вы считаете, мог ли Игнатов сделать это на вашем вертолете в отместку за то, что на боевую службу посылают Вас, а не его? Ведь первоначально в поход планировался он, а не Вы.

— Теоретически — да, наши вертолеты стоят рядом и, периодически, мы друг другу помогаем. Поэтому, если б он залез на мой вертолет, то никто бы на это внимания не обратил. Но, практически, этот вариант маловероятный. Игнатов на такой дерзкий поступок не способен, да и на боевую службу идти у него не было никакого желания. Он в этот раз ни у кого не отпрашивался, потому что над ним уже посмеиваться начали. Мол, служит в корабельной авиации, а корабля боится, как огня.

Ковальчук улыбнулся Чернову и спросил:

— Еще будут вопросы ко мне, а то меня ждут на стоянке.

— Самый последний, — ответил с улыбкой Чернов, — Как Вы умудрились получить

звание капитан на должности старшего лейтенанта.

Техник довольно ухмыльнулся, видимо это тема была предметом его гордости и начал рассказывать:

— Четыре года назад, я выявил заводской дефект на вертолете. Ни наши инженеры, ни представители завода-изготовителя не могли найти причину неисправности, а я нашел. Вот меня и поощрили. Хотели направить на учебу в Академию, но я, к сожалению, упал с вертолета, когда зачехлял его. В итоге, сломал бедро и на том, моя карьера закончилась, — обреченно констатировал Ковальчук.

— Очень жаль, — произнес Чернов, и, пожав ему руку, добавил:

— Если вдруг что, я могу рассчитывать на Вашу помощь?

— Конечно, товарищ майор, чем смогу, обязательно помогу, — он надел шапку и, попрощавшись, вышел из кабинета.

Чернов долго смотрел ему в след и думал, какими разными бывают люди, вспоминая вчерашнюю беседу с майором Логвиненко. Почему, при одних и тех же обстоятельствах, один ведет себя агрессивно, а другой излучает полное понимание и доброжелательность. Одному 28 лет, он летчик, майор, «белая кость» и впереди — радужная перспектива по службе. Второй капитан, и возраст — далеко за тридцать, по армейским канонам — «мазута» — технарь, чью карьеру на флоте можно считать завершённой. А наряду с этим, первый — амбициозен, ершист и заносчив. Второй — гармоничен, отзывчив и доброжелателен. Было бы не удивительно, если б все было наоборот.

Однако, Чернов не долго находился в состоянии умиротворения от общения с Ковальчуком. За годы службы в контрразведке он научился относиться к людям по принципу «доверяй, но проверяй». В семье, школе, в комсомоле его воспитывали совершенно по-другому, и прививали иные ценности, но специфика работы внесла свои коррективы. Нельзя сказать, что это был правильный подход. Но, тем не менее, благодаря такому отношению к людям, он стал более лояльным к их слабостям, даже предательство и обман стали восприниматься совсем по-другому, нежели прежде.

Игорь набрал номер телефона строевой части полка и ему сразу же ответил матрос — писарь. Чернов представился и спросил:

— А где начальник строевой части?

— На докладе у командира, — бойко ответил писарь.

— А журнал учета отпусков личного состава у тебя далеко? — поинтересовался Чернов.

— Нет. Под рукой.

— Тогда посмотри, пожалуйста, когда капитан Ковальчук находился в отпуске, — попросил его Игорь.

— Одну минуту, — буркнул матрос и через несколько секунд сообщил, — по журналу числится с 22 января по 8 марта.

Чернов поблагодарил матроса и отключился. Он пересел в кресло и стал рассуждать. Поджог домика с формулярами произошел в ночь с 12 на 13 февраля, Ковальчук в это время действительно находился в отпуске. Попытка поджога склада была предпринята 9 марта, то есть, в первый день после окончания отпуска. Подготовиться так быстро к совершению преступления он не мог, да и появление возле склада в тот день оказалось случайным. Если б капитан Лукьянов его не попросил подвезти, то в тот день он бы там и не оказался. Выводить из строя свой вертолет перед боевой службой, а потом в спешном порядке его восстанавливать? Тоже не логично.

Ничего не оставалось, как побеседовать со старшим лейтенантом Игнатовым. Игорь, как мог, пытался оттянуть общение с этим человеком. По роду службы ему приходилось влиять на судьбы на людей и порой не всегда позитивно. Поэтому, в глубине души, Чернов испытывал чувство вины перед этим офицером, но успокаивал себя тем, что в какой-то степени помог избежать ему нежелательного пребывания на корабле, хотя и не самым лучшим способом. Он не стал вызывать его в кабинет, а сам переоделся в техническую форму и пешком выдвинулся на аэродром.

Март близился к завершению, но в Заполярье еще ничего не напоминало о завершении зимы, разве что, солнце стало подниматься выше и заметно оживились воробьи возле жилых домов. Стоял прекрасный безветренный день, ярко светило солнце, и настроение Игоря соответствовало природе. Любуясь дикой красотой Севера, он не заметил, как оказался на аэродроме. На следующий день были запланированы полеты, и поэтому весь технический состав работал на технике или расчищал от снега стоянку. Чернов посмотрел по сторонам, возле вертолетов Игнатова не оказалось. Он зашел в эскадрильинский домик и увидел того заполняющим за столом формуляр вертолета.

— Добрый день, — поздоровался Чернов.

Игнатов испуганно посмотрел по сторонам и молча кивнул.

— Сергей, я хотел бы задать тебе несколько вопросов — обратился к нему по имени Игорь.

— Здесь? — уточнил Игнатов, — или пойдем к Вам.

— А зачем идти ко мне? — не понял Чернов, — не будем терять времени.

— Ну, я думал, что после разговора, Вы меня куда-то повезете, — несколько оживился старший лейтенант.

— Ах, вот Вы о чем? — улыбнулся Чернов, перейдя в общении с собеседником на «вы»

— Пока нет на то, оснований. Но, если хотите сделать чистосердечное признание, то пойдем ко мне.

Тогда лучше здесь, — более спокойным тоном ответил техник, — что Вас интересует?

— Для начала, давай перейдем на «ты», так легче общаться, — предложил Чернов, — Тем более, что мы почти сверстники.

— Я не против, — согласился Игнатов, — спрашивай.

— Расскажи, пожалуйста, как проходил рабочий день в эскадрилье, накануне крайнего происшествия. Может быть, кто-то из посторонних крутился возле вертолета Ковальчука? — спросил Игорь.

— Может, кто-то и крутился, я не обращал внимания, своей работы хватало. Но для того, чтобы бросить болт в редуктор, нужно как минимум залезть на кабину вертолета, а там, кроме Ковальчука, я не видел никого.

— Но, согласись, — примирительно сказал Игорь, — Ковальчуку нет смысла выводить из строя свой вертолет накануне боевой службы.

— А мне, можно подумать, есть смысл. Сделали из меня террориста на ровном месте. Людям в глаза стыдно смотреть. Все шарахаются от меня, как от прокаженного, — недовольно произнес Игнатов и вытер рукавом нос.

— Это ты о чем? — не понял Чернова.

— Да все о том же. Сейчас все считают, что это я сделал в отместку за то, что меня сняли с боевой службы. А мне эта боевая служба, как кость в горле, — с дрожью в голосе начал рассказывать офицер, — Я этих кораблей боюсь, как черт ладана. Когда нахожусь на палубе, я постоянно опасаюсь, что свалюсь за борт, а когда не вижу берега, у меня просто начинается внутренняя паника. В каюте я, вообще заснуть не могу, у меня клаустрофобия. Знаешь, многие после училища хотели попасть на флот из-за красивой формы, а я этим никогда не болел. Я родом из Подмосковья и служить хотел в Средней полосе России. Здесь

для меня все чужое. Не о такой службе я мечтал в училище, совсем не о такой.

Игнатов на минуту замолчал, тяжело сглотнул, а затем, посмотрев в глаза Чернову, сказал:

— А что касается рабочего дня накануне ЧП, то к вертолету Ковальчука я не подходил, с аэродрома уезжал вместе со всеми на дежурной машине. А Вася в это время зачехлял вертолет сам, он в тот день на аэродром приезжал на своем автомобиле. Поэтому и возвращался самостоятельно. Так что его и спрашивай, кто ему помогал после нашего отъезда.

Игорь задумался. Получался замкнутый круг, по словам Игнатова, вывести из строя вертолет мог только сам Ковальчук, при этом он меньше, чем кто-либо другой, был в этом заинтересован.

— А мог, кто-то бросить болт после того, как Ковальчук уехал с аэродрома? — не теряя надежды, спросил Игорь.

— Это исключено. Во-первых, вертолет был зачехлен, во-вторых, опечатан его печатью, а в-третьих, сдан под охрану.

— Тогда я ничего не понимаю, — всплеснул руками Чернов, — «Барабашка» на аэродроме завелся?

— Причем тут «барабашка»? — спокойно ответил Игнатов, — Ежедневно, помимо Ковальчука на вертолете постоянно возятся механики, техники групп обслуживания, инженеры. В конце концов, Вася мог утром проверить уровень масла, до вечера туда больше не заглядывать, да и в течение дня не раз отойти от техники либо в туалет, либо на обед. За это время кто угодно мог незаметно подняться на кабину и бросить болт в редуктор. Что бы там Вася не говорил, а я уверен, перед тем, как зачехлить вертолет, он не проверил наличие щупа. Так что я думаю — искать надо только среди тех, кто в тот день работал на вертолете.

Игнатов замолчал, а затем, немного поразмыслив, добавил:

— Хотя, так можно подозревать всю эскадрилью.

— Именно этим я и занимаюсь второй день, — рассеянно пробормотал Чернов.

В ответ техник беспомощно развел руками.

Игорь еще посидел около минуты, пытаясь осмыслить полученную информацию, затем, попрощался с Игнатовым и вышел на воздух.

После прошедшего разговора, приподнятое настроение Игоря стало угасать. За два неполных месяца в полку совершено третье преступление, и каждый раз его расследование заходило в тупик. Большие проблемы возникали из-за того, что ни по одному из случаев не было возбуждено уголовного дела. В этом случае, появились бы дополнительные основания для проведения различных экспертиз и использования оперативно-технических возможностей областного Управления КГБ. А так, приходилось вариться в собственном соку и искать преступника дедовскими методами с соблюдением современного Законодательства.

И так, — подвел итог своим рассуждениям Чернов, — Остается проверить очередную версию, которую выдвинул Ковальчук. Может быть, он прав. И действительно, ко всем происшествиям текущего года имеют отношения матросы, а не офицеры. Ведь именно они, в течение дня постоянно крутятся на аэродроме, при этом, на них никто не обращает внимание. Когда к вертолету подъезжает топливозаправщик для заправки керосином, либо другая спецтехника, никто из технического состава не следит за тем, чем занят матрос-водитель. В этом случае, без оперативных возможностей майора Дубовика не обойтись, так

база аэродромно-технического обеспечения находится в его обслуживании.

Чернов вернулся в штаб и попытался зайти в свой кабинет, но он оказался заперт изнутри. Тогда он постучал и услышал осторожные шаги. Через минуту дверь приоткрыл Евгений Герасимович и извиняющимся тоном попросил:

— Игорь, ты мог бы погулять минут десять, мне нужно закончить серьезный разговор с «источником».

— Хорошо, только не долго, мне нужно с тобой обсудить один вопрос, — ответил Игорь и удалился.

После пешего похода на аэродром желания опять «погулять» на морозе у Чернова не возникло и он остановился в холле штаба, присев на краешек подоконника. Почти сразу к нему подошел заместитель начальника штаба полка Стас Абдулов. Он только что прибыл из штаба ВВС и поторопился сразу же рассказать последние новости. Вдруг в коридоре со стороны кабинета послышался цокот женских каблучков. В холл вышла машинистка строевого отдела Светлана Быстрова. Она подошла к зеркалу, поправила прическу и невольно оглянулась. Увидев Чернова, она густо покраснела и побежала на второй этаж, прижимая к груди папку с документами.

Игорь постоял еще какое-то время с Абдуловым и направился к себе. Дубовик, как ни в чем не бывало, сидел за своим рабочим столом и сосредоточенно что-то писал.

— Ну, как прошел разговор? — не без иронии спросил Чернов.

— Нормально, — не отрываясь от бумаг, ответил тот. Затем, подняв глаза, добавил:

— Агента вербовал, еле уговорил на сотрудничество.

— Видел я твоего ценного агента, когда у нее муж на боевую службу уходит, так ее постоянно кто-то «вербует», — засмеялся Чернов.

Дубовик ничуть не смутившись, гордо усмехнулся и, изобразив тревогу на лице, произнес:

— Удивляюсь я этому гарнизону, представляешь, к кому бы не пошел в гости, все бабы меня хотят. Я в тридцать лет такого успеха не имел, как сейчас, — начал хвастаться Дубовик, — И эта, представляешь, уже неделю за мной ходит. Она в окно увидела, что ты в техничке ушел в сторону аэродрома, так полчаса стояла меня ждала в коридоре. Сначала сказала, что по приказу начальника гарнизона нужно ознакомить меня с внутренними документами, а когда зашла в кабинет, сама дверь закрыла и сказала, что влюбилась в меня с первого взгляда и хочет прямо сейчас. Я пытался ее образумить, говорил, что у нее муж красавец, что я для нее старей, а она ни в какую. Хочу и все. Ну, сам понимаешь, в такой ситуации я не мог оскорбить женщину отказом.

— Ну, конечно, Женя, ты о-очень благородно поступил по отношению к даме, — засмеялся Игорь.

— Ты смеешься, а, действительно, здесь что-то не так. Может здешние мужики после длительного воздержания на корабле и облучения к тридцати года спекаются, поэтому их жены и кидаются на каждого «свеженького»? — выражая озабоченность на лице, сказал Дубовик.

— Учитывая твой возраст, прилагательное «свеженький» как-то с тобой слабо сочетается, — продолжал смеяться Игорь.

— Да, ну тебя, ты еще салабон и не понимаешь, что для женщины мужчина после сорока намного интереснее двадцатилетнего. Так что у тебя еще все спереди, — завершил обсуждение темы Евгений Герасимович своим любимым афоризмом.

Затем, нервно почесав нос, спросил:

— Так что ты со мной хотел обсудить?

— Герасимыч, тут всплыла одна интересная тема. Я получил информацию, что в матросской среде существует некий тотализатор, где они сами придумывают себе конкурсы из серии острых ощущений и на этом делают ставки, — на ходу придумал Чернов.

— Что ты имеешь ввиду? — уточнил Дубовик.

— Я предполагаю, что все эти поджоги — дело рук матросов. Потруси своих негласных источников, может быть, они что-то расскажут.

— Я как раз сейчас собирался пойти на встречу с одним из них. Если нечто подобное существует, он мне расскажет, — заявил Дубовик, и стал быстро собирать свои бумаги в сейф.

— Он расскажет или она? — ухмыльнулся Чернов.

— А тебя, что уже «жаба» начинает давить? — с улыбкой парировал старый ловелас, — Для достижения цели все средства хороши.

Дубовик быстро оделся и пошел на выход. В дверях он остановился и обратился к Чернову:

— Я надеюсь, сегодняшние события останутся между нами?

— Боишься опять вечером на косяк налететь? — пошутил Игорь, — не волнуйся, я уже все забыл.

Последующая неделя ничего нового в расследовании ЧП не принесла. Чернов продолжал встречаться со своими внештатными помощниками, как принято, было называть агентов, но кроме новых фантастических версий ничего существенного эти встречи не принесли. Зато в этот период практически пропал из виду Евгений Герасимович. В кабинете он не появлялся и даже не звонил в течение дня. То ли пользуясь отсутствием жены, он использовал квартиру, как рабочий кабинет, то ли после последней пикантной ситуации, не хотел появляться на глаза Чернову. Однако, в конце следующей недели, он все же появился.

Войдя в кабинет, старый майор небрежно бросил на стол папку с документами, повесил на дверь шкафа летнюю меховую куртку и расслабленно плюхнулся в кресло. Вытянув ноги и скрестив руки на груди, он загадочно посмотрел на Игоря и торжественно произнес:

— Я раскрутил это «кубло». Сейчас по базе готовится разгромный приказ.

Дубовик взглянул на Чернова торжествующим взглядом, явно ожидая соответствующей реакции.

— Я бы порадовался твоему успеху, если б ты меня ввел в курс дела хоть чуть-чуть, — не отрываясь от работы, сказал Игорь.

— Как? А разве ты не в курсе? — наигранно удивился Дубовик.

— А в курсе чего я должен быть? Ты раскрыл в базе преступный синдикат, работающий на сицилийскую мафию? Или тебя представили к Звезде героя? — пошутил Чернов и, отложив бумаги в сторону, приготовился слушать рассказ коллеги.

Дубовик облизнул губы, довольно улыбнулся и сказал:

— Отчасти ты был прав. Конечно, тотализатора среди матросов базы я не обнаружил, а вот подпольное казино раскрыл. И ставки у матросов были далеко не детские. Меньше чем на десятку, они играть не начинали.

— И откуда ж такие доходы у советских матросов? Неужели на «Приме» экономят? — поинтересовался Чернов, имея ввиду сигареты, которые выдавались матросам на паек.

— Круче, — азартно продолжил Дубовик, — В течение последнего года матросы систематически грабили склады, причем все подряд и вещевые и продовольственные и даже склады вооружения. Это мы наивно полагали, что если они сделаны из металлических листов в виде ангаров, то проникнуть в них невозможно. Еще как возможно. Эти деятели, в смысле матросы, на стыках соединения листов открутили крепежные гайки, разобрали кирпичи в фундаменте, и получалось, что, сняв пару кирпичей и освободив металлические листы, можно проникнуть в помещение склада. Затем, что хотели, они выносили оттуда, но мелкими партиями, чтобы недостачу не заметили. Потом, возвращали кирпичи на место, и в итоге, никто ничего не видел и не подозревал. Что характерно, все эти хищения вершились в ночное время, когда склады были под охраной караула. Таким образом, воровали все, начиная от тушенки и заканчивая кортиками. Слава богу, оружие было в опечатанных ящиках. До него они добраться не смогли. Потом, все это сдавали одному бывшему прапорщику, а тот уже все это продавал за пределами гарнизона.

— И как же ты все это раскопал? — поинтересовался Чернов.

— С моим-то опытом работы в контрразведке, — хвастливо ответил Дубовик, — это плевое дело.

— Ну, передай опыт младшему поколению, — попросил Игорь, подразумевая под

младшим поколением себя.

— Короче, нашел я в базе обеспечения одного матросика — киевлянина. Разговорились, оказалось, что его родители живут недалеко от меня. Я пообещал ему, что после службы помогу определить его на работу в КГБ. Потом, без задней мысли, сказал, что который месяц не могу на складе получить морской кортик. Ну, согласись, служить в морской авиации, и не иметь кортика, стыдно для опера.

Дубовик, встал с кресла и подошел к окну. Посмотрев на улицу, и как бы опасаясь, что разговор может кто-то подслушать, вернулся к столу, сел напротив Чернова и продолжил:

— Так вот, этот пацан мне и говорит: «Евгений Герасимович, а хотите, я за сто рублей достану вам новый кортик, могу и за пятьдесят подогнать, но только бракованный». Я и обалдел. «Стольник» отдавать ему было жалко, а полтинник дал. И что ты думаешь?

Дубовик сделал паузу и продолжил:

— Через два дня он приносит мне кортик, правда с царапиной на ножнах, но в целом, состояние хорошее. Деньги назад, я, конечно, не потребовал, но выжал из него все. Парень поплыл и сдал мне все и всех. Я, конечно, его вывел из-под подозрения, но вместе с начальником штаба раскрутили всех его подельников и даже тайники нашли. С завтрашнего дня в гарнизоне будет работать военная прокуратура по этому делу.

Он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу, и посмотрел на Чернова взглядом, требующим оаций.

— Прими мои поздравления, — Чернов пожал руку Дубовику, — Ну, а по поджогам он ничего тебе не рассказал?

Дубовик отрицательно покачал головой.

— Действительно, ничего не знает. В том состоянии, в каком он был вчера, мне бы он все рассказал. Значит точно это работа не матросов.

— А с кортиком ты что сделал? — не скрывая подвоха, спросил Чернов.

— Ты знаешь, оказалось, что он не ученный. У начальника склада была своя заначка. Поэтому решил оставить себе на память. Тем более, что деньги за него уже заплачены, — хитро ответил Дубовик.

В последующие несколько недель и даже месяцев вернуться к расследованию поджогов майору Чернову было не суждено. Авиагруппа под командованием майора Логвиненко благополучно вышла в море на боевую службу. В условиях тотального дефицита и наступившими перебоями в материальном обеспечении частей, задачи особых отделов кардинально менялись. Уже никого не интересовали возможные шпионы или диверсанты. После подтверждения полученной майором Дубовиком информации о хищении материальных средств со складов, Чернова включили в состав комиссии Флота по проверке сохранности материальных средств на всех объектах ВВС. Это был самый неприятный и мрачный период в карьере оперативного работника. По сути, он выполнял в тот период функции сотрудника ОБХСС, но только в войсках. По роду деятельности приходилось постоянно находиться в командировках, приезжая домой только на выходные. Общение с малознакомыми людьми в составе группы, косые взгляды окружающих на проверяемых объектах, проверки складов и учетной документации, а также постоянные пьянки по вечерам, ввели Игоря в депрессию. Благо, что ничего этого не видели ни жена, ни дети. В начале мая они перебрались на большую землю к родителям Люды. В один из приездов домой, Игорь сразу же направился к Горобченко, к тому времени, тот получил очередное воинское звание подполковник и стал более лояльным к своим подчиненным.

— Ба! Какие люди нас посетили! — воскликнул он, увидев в дверях Чернова, — смотрю, поправился, посвежел на казенных харчах.

— Не посвежел, а распух, — буркнул Игорь.

— А что так грустно, неужели не нравится? — поднимаясь с места и протягивая руку Чернову, сказал начальник, — О такой работе можно только мечтать. Никаких тебе встреч с оперативными источниками, никаких докладов. На халяву кормят, поят, командиры не знают куда усадить. Да и, наверно, с собой еще «тормозки» в дорогу дают?

Горобченко ехидно улыбнулся и выжидающе посмотрел на Чернова.

— Именно поэтому я к Вам и пришел, — не поднимая глаз на начальника, начал Чернов, — Я прошу заменить меня в этой комиссии. Не могу я неделями, как крыса шнырять по складам. В конце концов, я сотрудник КГБ, а не тыловик. И за мой объект, в конечном счете, будут спрашивать с меня. А я не знаю, что здесь происходит без меня в полку.

— А как я тебя поменяю и кем? Ты отдан приказом начальника Особого отдела Флота и отменить я его не могу, — резонно заметил Горобченко.

— У меня через две недели плановый отпуск. Поменяйте нас местами с Дубовиком. Пусть он склады проверяет, это его стихия. А я перед отпуском все подобью и спокойно сдам дела. Сергей Дмитриевич, поймите, не могу я больше делать этим заниматься. Противно.

Горобченко постучал карандашом по столу, вытащил из стола папиросу, и, не зажигая ее, сказал:

— Ладно, иди в санчасть, договорись с врачом, чтоб дал тебе освобождение дней на пять, а я с адмиралом твой вопрос утрясу. В конце концов, Евгений Герасимович свое дело по хищениям закрыл, а отпуск у него все равно в сентябре.

Затем, закурив «Беломор», добавил:

— Но только, чтобы справка и твой рапорт у меня сегодня на столе лежали, иначе в

понедельник опять поедешь тушенку считать.

— Есть, — ответил Чернов, и выбежал из кабинета.

Горобченко действительно сдержал свое обещание. Вместо Игоря в командировку уехал майор Дубовик, а Чернов после недели «лечения на дневном стационаре», наконец убыл в долгожданный отпуск.

Это был самый запоминаемый эпизод в жизни семьи Черновых. Так получилось, что у Игоря с Людой после свадьбы не было медового месяца. Тогда, еще, будучи холостяком, он служил в Ворошиловграде, а она работала в Жданове, поэтому на свадьбу им выделили всего трое суток. Потом, началась обычная жизнь обычной военной семьи со своими специфическими особенностями и бытовыми проблемами. Нельзя сказать, что это были серые будни. Как в любой семье у них были праздники, встречи с друзьями и, естественно, знаковые события, которые определяли своеобразные вехи в семейной жизни: появление на свет старшей дочери, учеба в спецшколе КГБ, переезд к новому месту службы, рождение второй дочери и, наконец, переезд на Север. Конечно же, у них были отпуска, Люда в декрете ни разу не выдерживала положенные при рождении ребенка три года. Но, к сожалению, либо их отпуска не всегда совпадали, либо возраст детей не позволял надолго оставлять их у родителей. Этот отпуск оказался первым для них, когда они смогли посвятить все свое время друг другу. Оставив детей у родителей жены на Украине, Черновы поехали на Кавказ. В этот раз они посетили Домбай, где несколько дней от души наслаждались горными пейзажами, хрустальным воздухом, кавказской кухней, а также конными прогулками по цветущим лугам. Только к вечеру, уставшие, но счастливые, они возвращались в свой отель, где провели самые незабываемые ночи в своей жизни. Затем, уже в Ессентуках, они целыми днями гуляли по парку, уходя вглубь тенистых аллей, и целовались в беседке, как в первые дни своего знакомства. Кавказские Минеральные воды были малой родиной Игоря, и он стремился к тому, чтобы Люда полюбила этой райский уголок так же, как он. Периодически, они ездили, то в Пятигорск, то в Кисловодск, где Игорь показывал Людмиле легендарные места, воспетые Лермонтовым, и непосредственно связанные с жизнью и гибелью поэта. Они фотографировались возле знаменитого Провала, где в известном кинофильме «12 стульев», Остап Бендер продавал входные билеты, и возле Ессентукской грязелечебницы, где Киса Воробьянинов просил милостыню на французском языке. Казалось, что счастья не будет конца, время остановилось и все окружающее их, было создано только для них двоих. Пожалуй, в этом отпуске Игорь всерьез усомнился в выборе своей профессии. Именно из-за своей работы, женщина, которую он любил больше всего на свете, оказалась на втором плане. От этого он впервые испытал угрызения совести перед ней, и в то же время большую благодарность ей за то, что оно ни разу не упрекнула его в этом. На тот момент ему очень хотелось вернуть время назад и исправить эту несправедливость. Поэтому ежедневно и ежечасно Игорь пытался превратить для Люды каждый день в праздник.

Однако, все хорошее когда-нибудь заканчивается, так и этот сказочный отпуск подошел к концу. С приятными воспоминаниями и тяжелым сердцем Чернов возвращался к месту службы. Люда с детьми осталась в Луганске, так стал называться бывший город Ворошиловград, а Игорю предстояло еще две недели прожить холостяцкой жизнью. За это время на службе произошли существенные изменения. В гарнизоне на базе отделения сформировали особый отдел КГБ во главе с подполковником Горобченко, и теперь весь

оперсостав находился под его неусыпным контролем. Под новую структуру отдали все левое крыло штаба полка, вытеснив прежних обитателей в новое здание тренажерного комплекса.

Игорь подошел к двери своего кабинета, на которой красовалась табличка «Подполковник Горобченко». Он вошел и удивился, как резко изменилась обстановка в нем. По середине кабинета стоял большой рабочий стол под зеленым сукном с резными ножками и орнаментом по периметру столешницы. Видимо Горобченко присмотрел его, когда расформировывался местный музей ВВС. Тогда там можно было увидеть мебель довоенного периода. Заветного кресла уже не было, на его месте стоял раскладной диван также зеленого цвета. Вдоль стены были выставлены стулья для посетителей. В дальнем углу красовался новый двухстворчатый шкаф, а на приставной тумбе был выставлен чайный сервиз и кофеварка. Сам хозяин кабинета вместе с Мухиным сидели на диване и играли в нарды.

Игорь подошел ближе и доложил:

— Товарищ подполковник, майор Чернов прибыл из отпуска без замечаний.

Горобченко встал с места протянул руку Игорю и сказал:

— Очень хорошо, что без замечаний. Как отдохнули Игорь Геннадьевич?

— Прекрасно. Ну, а здесь как обстановка?

— А мы вот с Сергеем Дмитриевичем недавно отметили, — опередил начальника Мухин, — Что когда тебя в гарнизоне нет, то и происшествий никаких не происходит. У нас тихо, как на болоте.

Они дружно рассмеялись.

— Так в чем проблема, отправьте меня на Юг, пусть там со мной другие помучаются, — ответил Игорь.

— Что Вы Игорь Геннадьевич, — вновь взял инициативу Горобченко, — мы с Вами не мучаемся, мы на вас богу молимся. Если б не Вы, мы б не знали чем и как перед руководством отчитываться. А так, весь доклад по итогам первого полугодия только на Ваших поджогах и был построен. А на Юг мы вас обязательно вернем, но только когда срок замены подойдет. А пока, настраивайтесь на рабочий лад, Ваш кабинет напротив, даже номер телефона оставили прежним. И в воскресенье, присоединяйтесь к нам, мы планируем пойти в сопки по грибы и заодно отметить День авиации.

Он улыбнулся только уголками губ, а затем, сделав задумчивый вид, тут же добавил:

— Хотя нет, с пикником у Вас ничего не получится. Чуть не забыл, с 18 на 19 августа Вы заступаете в наряд по Особому отделу Флота. Если, конечно, у Вас получится договориться с начальником секретариата капитаном второго ранга Скрышником, то милости просим, а так..., приказ подписан.

Игорь вышел из кабинета начальника и, осмотревшись на новом рабочем месте, сразу же набрал номер телефона начальника секретариата Особого отдела КГБ Флота.

— Слушаю, капитан второго Скрышник, — почти сразу ответили на противоположном конце провода.

Игорь поздоровался с ним и, не успев изложить суть вопроса, как тот его опередил — Если ты по поводу инструктажа, то приезжать не надо, не первый раз заступаешь в наряд. Нового я тебе все равно ничего не скажу.

— Я по другому поводу звоню, — стал объяснять Чернов, — Нельзя меня заменить в это дежурство кем-нибудь из корабельных офицеров?

— А ты чем лучше их? — удивился Скрышник.

— Александр Николаевич, — благодушным тоном начал Чернов, — В воскресенье День авиации. Неужели нельзя было поставить в наряд кого-то из флотских? Поверьте, плохая примета.

— Черт, представляешь, забыл, — с сожалением сказал тот, — Менять уже поздно. Давай сделаем так, ты все-таки заступишь в наряд, тебе после 45 суток отпуска, хватит праздников. Зато в четвертом квартале, я обещаю тебя в наряд не ставить.

— Хорошо, — грустно ответил Игорь и повесил трубку.

В воскресенье утром майор Чернов ехал на автобусе в Североморск заступать в наряд дежурным по Особому отделу флота. Стоял на удивление теплый и солнечный день, но настроение у него было скверным. Игорь с курсантских времен не любил заступать в наряды. Единственным утешением было то, что наряд выпадал на выходной день. Обычно, дежурства по воскресеньям были спокойными, потому что в отделе не было никого, кроме матросов взвода охраны. Можно было спокойно почитать книгу или посмотреть воскресные программы по телевидению. Но самым ценным было то, что в понедельник был гарантирован выходной день.

Как и ожидал Игорь, воскресный наряд прошел тихо и спокойно. Если не считать принятых докладов с мест и завершающего доклада в Москву, то можно сказать, что Чернов провел сутки на диване перед телевизором (в комнате дежурного стоял старый раскладной диван).

Утром, он как обычно проснулся и после доклада в Москву об обстановке на Флоте, включил телевизор. На всех каналах транслировалась, либо камерная музыка, либо балет «Лебединое озеро».

«Видимо, кто-то умер из членов Правительства», — подумал Чернов и включил радиоприемник. К сожалению, и там программы не отличались разнообразием. В семь часов утра, наконец, на экране появился диктор, который ровным, хорошо поставленным голосом сообщил, что в СССР объявлено чрезвычайное положение, в связи с тем, что Президент СССР Михаил Горбачев не способен выполнять свои функциональные обязанности по состоянию здоровья. При этом вся полнота власти в стране переходит в руки Государственного Комитета по чрезвычайному положению.

На этом сообщение было завершено и на экране вновь появились танцующие балерины.

Едва успел Игорь выключить телевизор, как в дежурку вошел капитан второго ранга Скрыпник. Он был явно взволнован, но старался казаться спокойным и даже попытался шутить.

— Ты что натворил? — обратился он к Чернову, не дослушав его доклад, — Стоило на сутки оставить тебя у руля. Так, вон чего натворил.

— Я же говорил, что плохая примета авиатора ставить в наряд на День авиации, — попытался отшутиться Игорь.

— Ну и глазливый же ты Чернов, — Скрыпник махнул рукой на Игоря и вышел из кабинета.

В это утро все офицеры прибыли на службу раньше обычного и сразу же собрались в кабинете начальника Особого отдела Флота.

После возвращения в гарнизон, Чернов решил зайти в отдел, чтобы узнать последние новости. Во Флотском отделе никто из офицеров не решился рассказать, о чем шла речь на совещании у начальника. На удивление все офицеры со всех гарнизонов ВВС, включая Горобченко, находились в кабинете Мухина. Увидев Чернова. Они заметно оживились.

— Ну, рассказывай, что там произошло? — вставая со стула, сразу спросил начальник отдела.

— Горбачева сняли, — растерянно ответил Чернов.

— Да, это мы и без тебя знаем, — подал голос из — за стола Мухин, — ты расскажи, что говорят в «столице».

— Я сменился, когда еще никто ничего не обсуждал, — пояснил Игорь, — наоборот, думал, что пока доеду до гарнизона, вы мне что-то расскажете.

— Жаль, — произнес майор Пшеничный, старший оперуполномоченный в авиационном полку Бе-12, — мы на тебя так надеялись.

В кабинете повисла напряженная тишина. Горобченко растерянно смотрел в окно, Мухин молча курил, уставившись в одну точку, остальные изображали, что что-то заполняют в тетрадах. Игорь осмотрел всех присутствующих и, обращаясь к Горобченко, спросил:

— Ну, коль, никаких вводных нет, я пошел отдыхать?

— Какой отдых! — возмутился начальник, — В любую минуту могут поднять отдел по тревоге. Сидите на местах и ждите указаний.

Последнюю фразу Горобченко адресовал всему оперсоставу. Он направился в свой кабинет, чтобы позвонить руководству.

— Говоришь, выходной у тебя сегодня, — не без сарказма спросил у Игоря Мухин, — Тогда давай партейку в нарды сбачаем.

Не дожидаясь согласия, он достал из шкафа доску и стал расставлять фишки. Разговор Горобченко с вышестоящим Руководством затянулся на три партии. Наконец, он вышел из кабинета и растерянно произнес:

— Довожу до сведения всего оперсостава Указание начальника особого отдела Флота. Из рабочих кабинетов не выходить, подготовить акты по уничтожению всей рабочей документации, сейфы закрыть и опечатать, с агентурой не встречаться.

— А что ж теперь делать? — спросил Пшеничный.

— Занимайтесь самообразованием, — буркнул Горобченко и тут же направился назад в свой кабинет, давая понять, что не настроен отвечать на возможные вопросы.

— Да, ни дай бог родиться в эпоху перемен, — философски констатировал Пшеничный и сел за свой стол.

— А я всю свою службу в контрразведке мечтал получить такую команду. А вот сейчас почему-то радости не испытываю, — грустно пошутил Мухин.

— А что так? — поинтересовался Чернов.

— До пенсии выслуги не хватает, — ответил Виктор, вновь расставляя фишки.

Он закурил новую сигарету, смачно затянулся и после непродолжительной паузы добавил:

— А вообще, мужики, по-моему, пришел конец военной контрразведке. В войска обратно нас не возьмут, придется осваивать новые профессии. Хотя, мы ведь ничего делать не умеем. Поэтому, предлагаю организовать ансамбль песни и пляски Особого отдела Северного флота, и будем разъезжать с концертами по зимовкам оленеводов. Иван Петрович Иващенко будет играть на баяне, а мы петь. Подполковнику Горобченко дадим бубен.

— А потом в бубен, — усмехнулся Пшеничный.

Все дружно, но не весело рассмеялись.

Так, до конца дня никаких команд и не последовало. Вечером по телевидению Игорь смотрел трансляцию пресс-конференции с лидерами ГКЧП, где вице-Президент СССР Янаев с трясущимися руками отвечал на вопросы журналистов. Именно тогда впервые прозвучало определение этих событий, как государственный переворот. Часом позже, Борис Ельцин, как Президент России, зачитал свой Указ «О незаконности действий ГКЧП».

— Неужели это начало гражданской войны, — мрачно подумал Чернов, наблюдая по телевизору, как накаляются страсти в Москве, — Интересно, в каком виде эти волнения дойдут до Заполярья.

А тем временем, в гарнизоне все шло своим чередом и никаких существенных перемен не происходило, если не считать того, что все полеты были временно приостановлены. Командованием Флота была прекращена боевая служба корабля с авигруппой и дана команда возвращаться на базу. Оперсостав особого отдела, как всегда, своевременно приходил на службу, и беспрерывно вместе с Горобченко играл либо в нарды, либо в домино. В армии подобное времяпрепровождение называлось отпуском при части, однако это мало радовало офицеров, потому что, после любого затишья всегда начинается буря.

На пятый день, когда в глазах рябило от фишек, Горобченко вызвал к себе в кабинет Чернова.

— Игорь Геннадьевич. — начал он почти официально, — Довожу до вас указание начальника особого отдела ВВС. 26 августа Вы должны в составе экипажа подполковника Тюнина сесть на борт плавучего госпиталя «Свирь» и принять участие в праздновании 50-летия конвоя «Дервиш-91». Слышали о таком мероприятии?

— Конечно, слышал, юбилей Северного конвоя судов стран антигитлеровской коалиции.

— Молодец, — похвалил начальник, — тогда иди, готовься.

— А что готовить? — улыбнувшись, пошутил Игорь, — печень что ли?

— При чем тут печень? — не понял Горобченко.

— Ну, Вы же сказали готовиться к празднованию, — не прекращая улыбаться, заметил Чернов.

— Да, — Горобченко провел рукой по волосам, сел за стол и, посмотрев на Чернова, серьезно, сказал:

— Смешно. Я оценил твою шутку. А теперь, присядь.

Игорь опустился на стул возле приставного стола и, сложив руки в замок, приготовился слушать начальника.

— Суть вот в чем, — начал тот, — На праздник собираются ветераны конвоя из Великобритании, США, Канады и еще ряда стран. Там будут телевизионщики, причем они будут летать и на нашем вертолете и на Британском. От вашего полка выделяется один вертолет и два экипажа. Я посмотрел их составы, наших источников там нет, поэтому принято решение послать туда тебя, чтобы ты отмечал, на что будут обращать внимание иностранцы. Также нужно по особенностям поведения определить, кто из них возможно причастен к спецслужбам этих государств.

— Есть две проблемы, — перебил начальника Чернов.

— Давай, рассказывай — сказал Горобченко, включая электрочайник в розетку.

— Во-первых — начал Игорь. — Мне не знаком пилотажно-навигационный комплекс на Ка-27. А во-вторых, у меня нет нового летного комбинезона.

— Ну, ты даешь, Игорь, — возмутился Горобченко, — да кто ж тебя посадит на место штурмана. Ты пойдешь в резервном экипаже, который изначально летит туда в качестве балласта. А во-вторых, какой комбез? В парадной форме полетите и в белой фуражке с «капустой». Поэтому не печень иди готовить, а парадную форму. И договорись с Тюниным, когда и где будете встречаться перед вылетом.

Игорь встал с места, подвинул стул и спросил:

— Я могу быть свободным?

— Иди, собирайся, — Горобченко сделал глоток из стакана, и чертыхнулся оттого, что обжог язык. Когда Чернов подошел к выходу, начальник крикнул:

— Чернов, стой. Самого главного тебе не сказал. Когда будешь на корабле, имей ввиду, все торжества будут происходить на «Свири», это госпитальное судно. Женского персонала там столько же, сколько и мужского. Поэтому, к бабам не приставать, шило не жрать, с иностранцами в контакт не вступать.

— Ну, с шилом и бабами понятно, — стоя в дверях, ответил Игорь, — а как быть с иностранцами? Там же наверняка пойдут «братания» с ветеранами и коллегами. Как быть? Я ж тогда сразу расшифруюсь.

Горобченко задумчиво почесал затылок, поднес к губам стакан, но, вспомнив, что только что обжог язык, поставил его место. Затем, посмотрев строгим взглядом на Чернова, сказал:

— Если контакта нельзя будет избежать, то создай ситуацию, чтобы рядом кто-то был из членов экипажа. По каждому контакту с иностранцами доложишь мне письменно и очень подробно. Все ясно?

— Так точно, — в тон ему ответил Игорь и вышел из кабинета.

Подполковник Юрий Тюнин был самым молодым подполковником в полку. Ему было присвоено это звание досрочно, когда едва исполнилось 29 лет. К этому времени он уже был заместителем командира эскадрильи и считался самым перспективным летчиком в корабельной авиации. По жизни он был очень коммуникабельным и открытым человеком. У него не было покровителей среди вышестоящего командования. Всего в жизни он добивался сам. Видимо сказывалось, то, что он вырос в неполной, но многодетной семье. Отец бросил их, когда мальчик пошел в первый класс. Мать одна растила троих детей, где Юра был старшим и поэтому все мужские обязанности ложились на его плечи. Их отец был армянином по национальности, поэтому, когда Юрий достиг 16-летия, он, не простив поступка отца, взял фамилию и национальность матери. Хотя, внешность и кавказский темперамент изменить было не возможно. По окончании школы, чтобы не быть обузой для семьи, он поступил в Сызранское летное училище, где навсегда полюбил небо и уже не представлял себе дальнейшую жизнь без вертолетов.

Игорь Чернов был очень доволен, что направлен на это мероприятие вместе с Тюниным. Они познакомились почти сразу после прибытия Игоря в гарнизон. Постепенно их служебные отношения переросли в дружбу, и они часто семьями отмечали праздники или просто, навещались друг к другу в гости.

Рабочий день подошел к концу и Чернов, не заходя домой, сразу направился к своему будущему «командиру».

— О, привет. Игорек, — сказал удивленный Тюнин, увидев в дверях Чернова, — ты как раз к столу успел. Я заканчиваю готовить мусаку с овощами.

Он посторонился, приглашая Игоря войти в квартиру.

— Может, я не вовремя? — заглядывая в квартиру, спросил Игорь, — Ты кого-то ждешь?

— Да, кого я могу ждать, моя Маринка еще у матери в Бердянске, поэтому, как и ты, холостякую.

— Ты же сказал, что что-то готовишь. Вот я и подумал, что ждешь гостей, — пояснил Чернов, снимая шинель.

Хозяин добродушно усмехнулся:

— Во-первых, до жути надоела столовая еда. А во-вторых, ни что-то, а мусаку. Ты ел когда-нибудь мусаку моего приготовления?

Игорь отрицательно покачал головой.

— О, дорогой, тогда ты еще не жил. Те, кто не пробовали моей мусаки, те не испытали настоящей радости в жизни. — Он не стал ждать, когда Чернов снимет обувь, а сразу побежал на кухню, откуда исходил манящий аромат жареного мяса и овощей. Колдуя у плиты, он крикнул:

— Возьми тапочки под вешалкой и иди сюда, через минуту все будет готово.

Игорь зашел на кухню. В это время Юра убрал с плиты кастрюлю и поставил ее на стол. Затем, полотенцем снял крышку и с гордостью спросил:

— Ну, как тебе?

Блюдо действительно выглядело очень аппетитно. Чисто внешне оно напоминало плов, но помимо риса в нем было много овощей.

— Я уже слюной захлебываюсь, — без доли лукавства ответил Чернов.

— Тогда прошу к столу, — Тюнин указал Чернову на свободный стул и вытащил из холодильника бутылку с коричневой жидкостью.

— Это что? — спросил Игорь.

— Это для аппетита, — пояснил Тюнин, разливая содержимое бутылки по рюмкам, — Настойка «Золотого корня». Вещь классная, не хуже Женьшеня. Так что давай по чуть-чуть.

— Знаю я эту классную штуку, — накладывая себе в тарелку мусаку, начал рассказывать Игорь, — В прошлом году, так же летом, к нам коллега приезжал из Гренихи — гарнизона подводников. Выпили такую бутылку на троих, так два дня, даже в пробегающих кошках, женщину видел.

— Не удивительно, «Золотой корень» на потенцию хорошо влияет, — отметил Юрий и поднял рюмку.

— За успешную предстоящую работу, — он залпом осушил рюмку и сразу начал закусывать.

Игорь последовал его примеру. Национальное блюдо действительно оказалось очень вкусным и ни с чем не сравнимым, поэтому, опустошив тарелку, Игорь наполнил ее снова. Тюнин довольно посмотрел на гостя и налил по второй.

— Юра, я зашел узнать у тебя, что и как будем делать во время этого «Дервиша», — начал Игорь, — Мне Горобченко цель мероприятия в двух словах рассказал. Хотелось бы от тебя узнать детали.

— Да, какие детали, — махнул рукой Юрий, — послезавтра в 9 утра вылетаем. Ты будешь, якобы, штурманом, второго экипажа, то есть у Толика Сахарова. Правда, полетим на одном вертолете, но это не важно. В первый день покатаем группу телевизионщиков над морем, чтоб они засняли с воздуха театрализованное представление. Вечером банкет в Мурманске для ветеранов. Наше присутствие там не предусмотрено. Потом круиз вдоль Кольского полуострова с заходом в Архангельск. Там покатаем на вертолете всех желающих и по домам.

Он на минуту прервался и стал быстро набивать рот своим кулинарным произведением. Затем, вытерев губы, спросил:

— А кстати, у тебя летный комбез есть?

— А зачем комбез, мне Горобченко сказал, что в парадной форме полетим? — удивился Игорь.

Ага, в смокингах и при бабочке, — засмеялся Тюнин, — Ты хочешь, чтоб над нами весь Флот смеялся? Короче, как я понял, комбеза у тебя нет.

Он сделал секундную паузу и продолжил:

— Это не беда, завтра найду твой размер. С собой возьми повседневную форму и обязательно значок штурманской классности, чтоб не вычислили. Ну а так, вроде все. В 9 утра встречаемся на аэродроме.

— А до 29 августа вернемся? — спросил Игорь.

— А что у тебя за дела 29? — спросил Тюнин.

— Люда с дочками возвращается. Хотелось бы успеть их встретить.

— Ой, блин, — схватился за голову Юра, — Моя Маринка тоже 29 прилетает. С этой службой совсем счет дням потерял. Завтра надо будет с кем-то договориться, чтоб встретили, на случай, если не успеем.

Он вновь наполнил рюмки и на правах хозяина и провозгласил тост:

— Давай выпьем за наших женщин. Если б ни они, хрен бы мы стали теми, кем стали.

Они поднялись и выпили за женщин стоя.

В конечном счете, выпить «по чуть-чуть» не получилось, и на следующий день Игорь вновь пережил ощущения годичной давности.

26 августа утром Игорь прибыл на аэродром в добром расположении духа. К нему вновь вернулись те ощущения эйфории, когда он, будучи штурманом, поднимался в небо. В этот день он не хотел вспоминать об оперативной работе, он чувствовал себя членом экипажа, неразрывным звеном единого живого организма, где каждый зависит друг от друга и при этом полностью доверяет друг другу. На протяжении всей своей дальнейшей жизни Чернов так больше и не почувствует той атмосферы доверия в коллективе, которая царит в экипаже. Но тогда, возможно, последний раз в жизни, он наслаждался этим чувством.

Игорь подошел к курилке, где сидели несколько офицеров и техников. Они что-то бурно обсуждали. Главным действующим лицом там был майор Давыдов, тот самый, который накануне боевой службы приходил в кабинет к Чернову с информацией в отношении своего друга и конкурента. Летчик в этот момент демонстративно сжигал свой партийный билет и громко смеялся. Увидев Чернова, и продолжая играть на публику, он выкрикнул:

— О, в каком веке особист появился на стоянке! Что пришел сюда работу себе присматривать? Вас ведь скоро разгонят, как партийные органы.

— Ты за меня не волнуйся, я не пропаду, — парировал Чернов, — Ты лучше о себе подумай, куда ты теперь будешь ходить исполнять свой партийный долг.

Чернов многозначительно улыбнулся.

Усмешка мгновенно сошла с лица летчика, его глаза налились кровью. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент поймал на себе вопросительные взгляды сослуживцев. В курилке повисла напряженная тишина. Он быстро вскочил, на ходу надел фуражку и быстрым шагом направился к своему вертолету. Игорь поздоровался со всеми присутствующими и, увидев Тюнина, поспешил к нему.

Насколько долго длился полет, Игорь не заметил. В воздухе время для него всегда останавливалось. Он наслаждался высотой, голубым небом и бескрайним простором. Каждый раз, поднимаясь в небо, Чернов испытывал неопишуемые ощущения. Казалось, что вокруг становится больше воздуха, и от этого легче дышалось. Все недавние земные проблемы моментально уходили куда-то очень далеко, и хотелось лететь, лететь и лететь. Тем не менее, как-то неожиданно прямо по курсу в море показался белый пароход, очень напоминающий круизный лайнер.

— Игорь, посмотри — впереди «Свирь», выходим на глиссаду, — сказал Тюнин, обращаясь к Чернову. Через несколько минут, винтокрылая машина зависла над вертолетной площадкой и точно притерлась в обозначенный круг.

В это время на борту плавучего госпиталя полным ходом проходили юбилейные торжества. На палубе было много ветеранов того исторического конвоя, как наших, так и иностранных. Ветераны из стран Запада заметно отличались от советских юбиляров. На них были одинаковые береты с красивыми кокардами и клубные пиджаки. Наши ветераны выглядели заметно скромнее и по одежде и по манере поведения. Иностранцы держали себя на судне гордо и уверенно, чувствуя себя хозяевами на этом празднике. наших ветеранов отличал неуверенный взгляд, да и держали они себя, скорее, как гости. Хотя, надо отдать должное, многие из них, свободно общались с иностранцами по-английски без переводчика. Надо было отдать должное организаторам торжеств. Они превзошли сами себя. Почти целый

день в кинозале демонстрировались фильмы по тематике юбилея. На стенах были развешаны цветные карты и схемы, где указывались места затопления судов того конвоя. Всюду играла музыка, члены команды раздавали ветеранам подарки и как обязательный элемент — тельняшки.

На следующий день начались торжества на море. Группа из 6 советских кораблей различного назначения вышли в обозначенный район. В вертолете Тюнина разместили трех представителей телевидения. Девушка по имени Тамара непрерывно что-то восторженно говорила в камеру. В это время внизу происходила имитация морского сражения, гремели орудия, с кораблей производились стрельбы по надводным целям, что-то дымилось, и над водой летали самолеты, имитируя атаки с воздуха. Наконец, в районе острова Медвежий, «Свирь» встретился с британским фрегатом «Лондон». Вертолет по просьбе тележурналистов сделал еще круг над кораблями и успешно произвел посадку на базовое судно. Все дальнейшее представление экипаж Тюнина наблюдал вместе с гостями. Уже ближе к вечеру с борта британского фрегата взлетел вертолет и направился к «Свири».

— Пойдем, встретим? — предложил Тюнин, показывая на приближающегося «гостя» и выдвинулся в сторону вертолетной площадки.

— Товарищи, офицеры, — послышался незнакомый голос за спиной, — Вы далеко собрались?

Все одновременно оглянулись. За их спиной стоял офицер в погонах капитана третьего ранга, небольшого роста с бритой головой и квадратным туловищем. Было очевидно, что он регулярно посещает спортзал, где предпочтение отдает атлетическим видам спорта.

Внимательно оглядев всех четверых, он представился:

— Старший оперуполномоченный Особого отдела капитан третьего ранга Тороп Александр Иванович.

— Заместитель командира эскадрильи подполковник Тюнин Юрий Николаевич, — представился командир авиагруппы. Его примеру последовали все остальные. Пожимая руку Чернову, Тороп спросил:

— Мне знакомо Ваше лицо, мы раньше нигде не встречались?

— Я думаю, встречались, — ответил с улыбкой Игорь, — скорее всего на подведении итогов в Особом отделе Флота.

Моряк тоже улыбнулся.

— Тогда понятно, что ж будем работать в тандеме, — он еще раз пожал он руку Чернову и все вместе направились к английскому вертолету.

Когда лопасти несущего винта остановились, из кабины высыпались люди с кинокамерами, микрофонами, магнитофонами и быстрым шагом направились к месту проведения праздничных мероприятий. Последним вышел из вертолета офицер в сером комбинезоне, надетым поверх повседневной формы. Он был высокого роста, спортивного телосложения и неопределенного возраста. От него исходил аромат дорогого парфюма. Летчик с надменной улыбкой подошел к офицерам и представился по-русски:

— Роб Дрэвет — командир.

При его акценте слово «командир» прозвучало, как «Командер», поэтому никто не понял, что это — воинское звание или должность, но заострять на этом внимание постеснялись.

— Вы — первый пилот? — задал вопрос Тюнин, пытаясь показать свою осведомленность в штатных должностях британских ВВС.

— Нет, согласно Вашей терминологии, я штурман. На наших вертолетах командиром является тот, кто осуществляет поиск подводных лодок, а у пилота своих забот хватает. — почти без акцента произнес офицер.

Члены советского экипажа молча переглянулись, и только штурман экипажа майор Епиков попытался на это среагировать, сказав Тюнину:

— Видишь, командир, как принято в цивилизованных армиях. У них в экипажах командир тот, кто головой работает, а у нас тот, кто руками.

— Ничего, — буркнул Тюнин, — Вернемся в каюту, я тебя сделаю «командиром», ты у меня до конца командировки руками работать будешь.

От имени командования корабля, английский экипаж поприветствовал замполит госпиталя и пригласил командира на экскурсию по судну.

— Если Вы не против, — ответил офицер, — Я осмотрю судно вместе со своими коллегами.

— Та же кухня, что и у нас, — шепнул Чернову Тороп, — тоже нельзя наедине контактировать с иностранцами.

Игорь невольно улыбнулся. Чтобы заполнить паузу, образовавшуюся ожиданием, Тюнин спросил у британского коллеги, показывая на вертолет:

— Это «Линкс фри би си ай»?

Называя модификацию, он изо всех сил попытался произнести ее на английский манер.

— Дрэвет удивленно посмотрел на Тюнина и произнес:

— А вы не плохо знаете нашу технику!

— Еще бы! Тоже, не лаптем щи хлебаем! — засмеялся тот.

— Извините, — растерянно переспросил иностранец, — Что делаете?

Юрий понял, что произнес не переводимую для англичанина фразу, поэтому сразу попытался исправить положение:

— Я имел ввиду. Что тоже изучаем вооружение вероятного...

Здесь уже наступила очередь реагировать Чернову. Он незаметно, но ощутимо стукнул Тюнина ниже спины, потому, как следующим его словом должно было быть — «противника». На удивление тот сразу понял, что чуть не допустил оплошность и, как из пушки выпалил из себя:

— Вероятного союзника на северо-атлантическом театре военных действий.

Особисты и замполит тревожно переглянулись между собой и уставились на Тюнина. Тот покраснел, как рак, и, поняв, что от волнения говорит не то, что нужно, вновь произнес:

— Товарищи, — обратился он к корабельным офицерам, — Я совсем забыл, что мы свой вертолет не поставили на колодки. Поэтому покажите нашему коллеге свое хозяйство, а мы через пару минут к вам присоединимся.

Как только летчики остались одни, Чернов, огляделся по сторонам, взял Тюнина под локоть и отвел в сторону.

— Юра, ты хоть думаешь, что ты несешь, где и кому?

— А что тут такого? — невозмутимо ответил летчик. — Подумаешь, оговорился.

— Еще не известно, чем эти оговорки закончатся, — назидательно произнес Игорь.

— Да, что тут такого, подумаешь, — огрызнулся Тюнин, — Они такие же летчики, как мы. Поэтому и воспримут все нормально.

— Такие, да не совсем, — стал разъяснять Чернов, — Я вот тоже, вроде как летчик, да не совсем. И этот Роб, по-моему, тоже такой же летчик, как я, только еще круче. Ты заметил,

какой у него русский? Думаешь, он его в школе на факультативе изучал? Да и экипаж, как-то от него обособленно держится. Я не исключаю, что все наши разговоры будут писаться, а потом неизвестно в каком журнале появятся. Поэтому, Юра, давай договоримся. Общаться с ними будем по самой крайней необходимости. Пусть их развлекает корабельный замполит, а мы будем их слушать и фиксировать, что их интересует.

— Как скажете, товарищ начальник, — улыбнулся Тюнин, — но давай хотя бы сфотографируемся на фоне его вертолета. Это у них «последний писк» корабельной техники, нам начальник разведки на занятиях рассказывал.

Он спустился в каюту за фотоаппаратом и через несколько минут поднялся на палубу. Когда офицеры подошли к вертолету, английского экипаж еще не вернулся. Поэтому Тюнин сделал не только снимки на память, но и фотографии Чернову для отчета перед своим руководством. Через час, английский экипаж на вертолете вернулся на фрегат «Лондон». Весь остаток дня и всю ночь, на судне не умолкала музыка. Гости периодически уходили в свои каюты отдыхать, но для самых стойких, праздник продолжался. Только на следующий день все участники конвоя «Дервиш-91» зашли в Мурманск. Так получилось, что «Свирь» и «Лондон» оказались на причале рядом. Погода была осенняя, моросил дождь, но, тем не менее, на причале играл оркестр. Ветеранов пригласили на открытие монумента памяти, потом для них был запланирован концерт и праздничный ужин.

Чернов вместе с остальными членами экипажа стояли на палубе и наблюдали, как гости спускаются на берег.

— Юра, в котором часу прилетают твои? — спросил Чернов, имея ввиду его семью.

— В 21.20, — ответил тот.

— А мои в 20.30. К этому времени мы успеем вернуться? — спросил Игорь.

— Вряд ли, нам еще сутки тащиться до Архангельска и там еще день гуляний, — обреченно сказал Тюнин, — И встретить их никто не сможет. В связи с событиями в Москве выезд за пределы гарнизона запрещен Командующим.

— Ну, это вам запрещен, а у нас свой командующий есть — заявил Игорь, — Пошли к особисту, я от него позвоню Горобченко и попрошу машину в аэропорт.

В течение пяти минут проблема со встречей семей была решена. Тюнин облегченно вздохнул и, обращаясь к сослуживцам, сказал:

— Ну что мужики, завтра мы не летаем. Как вы насчет того, чтобы и нам отметить юбилей конвоя?

Он вопросительно посмотрел на каждого и увидел в их лицах полное одобрение.

— Тогда пять минут на сборы, на улице дождь, поэтому гладиться не надо, все равно намокнем.

Через десять минут два экипажа уже стояли на причале, не решаясь, в каком направлении выдвинуться.

Вдруг Чернов увидел, как по трапу фрегата «Лондон» спускается на берег их знакомый — Роб Древет. Он шел один и явно собирался куда-то пойти, потому что предусмотрительно накинул на себя водонепроницаемый плащ.

— А вот и наш британский «друг» — сказал Игорь Тюнину.

— Отлично, давай и его возьмем с собой — радостно воскликнул летчик и, не дожидаясь, согласия направился навстречу англичанину.

Чернов попытался что-то возразить, но понял бесперспективность своих аргументов. В коем веке у летчиков появилась возможность пообщаться со своими коллегами из других

стран и мешать им в этом, было глупо.

— Роб! — на ходу крикнул Тюнин, — Иди к нам.

Иностранец огляделся по сторонам и, выдавив из себя улыбку, степенно направился навстречу советским летчикам.

— Роб, пойдем с нами отметим юбилей, а заодно и наше знакомство, — восторженно предложил Тюнин.

— Я хотел посмотреть город, — ответил Древет, — неизвестно, смогу ли еще раз сюда попасть.

— Да, мы по ходу тебе покажем и город, и достопримечательности и злачные места? — не унимался Тюнин.

— Что такое злачные места? — не понял иностранец.

— Ну, это рестораны, кафе, всякие забегаловки, — стал пояснять Тюнин.

— А почему рестораны злачные? У вас это как-то связано со злом? — продолжал недоумевать гость.

— Ни коем образом, — вмешался в разговор Чернов, — Злачные места, от слова — «злак». Злаки — это хлебные культуры, поэтому все заведения, где встречают гостей хлебом и солью, называют злачными.

Игорь сам удивился, как его пробило на такую чушь, но никто из коллег не засмеялся, видимо пропустив это мимо ушей.

По поведению Древета было видно, что принять это предложение он не может, а отказаться — тем более. Как человек, ищущий поддержки извне, он с надеждой оглянулся назад, и обреченно вздохнув, предложил:

— Погода сегодня не располагает к прогулкам. Я приглашаю вас к себе в каюту. У меня есть, как говорят у вас, выпивка.

— Не вопрос. С удовольствием! — согласился Тюнин, увидев одобряющие взгляды товарищей. Искать приключений под дождем ни у кого большого желания не было.

Кабюта британского офицера оказалась гораздо просторнее, нежели у наших моряков, поэтому всего гости разместились в ней свободно. Древет предусмотрительно пригласил одного из членов своего экипажа, молодого парня с азиатской внешностью. Тот постоянно молчал и на каждый взгляд советских коллег отвечал улыбкой.

Хозяин каюты, не торопясь, поставил на стол чистые стаканы и вытащил из шкафа бутылку виски. Затем, оглядев присутствующих, поинтересовался:

— Извините, я не спросил, может быть, кто-то желает пива?

— Да, — ответил доселе молчавший второй летчик майор Сахаров, — мы, наверное, с пивка начнем?

Тюнин строго посмотрел на него, но ничего не сказал. Древет, открыл холодильник и поставил на стол четыре пестрые жестяные банки. В каюте повисла напряженная тишина. Роб смотрел на гостей, ожидая с их стороны каких-то действий, гости ожидали первого шага от хозяина. Когда пауза заметно затянулась, Тюнин, махнув рукой, первым прервал молчание:

— Роб, наливай.

— А как же пиво? — удивился английский летчик.

— Не волнуйся, мы им запивать будем, — потирая руки, ответил советский подполковник.

Древет, с недоумением на лице, разлил янтарную жидкость по стаканам, и произнес

тост:

— За здоровье!

Все дружно повторили тост и залпом осушили стаканы. Хозяева только пригубили. Древет посмотрел на присутствующих и под одобряющие взгляды наполнил бокалы вновь.

— Роб, — обратился к англичанину Чернов, — А откуда Вы так хорошо знаете русский язык?

— Я не думаю, что так уж хорошо его знаю, — довольно улыбнувшись, начал англичанин, — Как видите, смысл некоторых ваших фраз я не понимаю. А вообще, я читал, что у вас есть какой — то особенный сленг, под названием мат, состоящий из 4–5 слов, с помощью которого можно выразить любую мысль?

Чувствуя, что Древет пытается уйти от ответа, Чернов попытался вернуть разговор в прежнее русло:

— Этому языку мы вас за пять минут обучим. А все-таки, литературный русский, где изучали?

Хозяин каюты на несколько секунд замешкался, а потом продолжил:

— Я вырос в аристократической английской семье. Моя гувернантка была русская. В свое время, ее дед в России был то ли князем, то ли графом, но после вашей революции они разорились и эмигрировали к нам в Англию. Когда я рос, она учила меня русскому языку и рассказывала ваши сказки. Так что, можно сказать, что по воспитанию, я тоже русский.

Он вновь поднял стакан и сказал:

— Я предлагаю тост за вашу страну и ваш народ!

Гости и хозяин встали со своих мест.

— Спасибо, Роб, — ответил за всех Тюнин и вновь выпил до дна.

Он сделал несколько больших глотков пива, снял с тужурки свой значок «Летчик первого класса» и протянул его Древету.

— Роб, возьми на память о нашей встрече.

Англичанин снял со своего мундира аналогичный знак и протянул его Тюнину. В свою очередь, майор Епиков вытащил из кармана металлический рубль с изображением Ленина и также протянул иностранцу. Тот в ответ, отдал штурману металлический фунт.

Не долго думая, майор Сахаров вытащил из кармана купюру достоинством в 100 рублей, которая за последний год значительно обесценилась и, протягивая ее Дробу, сказал:

— А я коллекционирую бумажные деньги. Вот фунтов стерлинга в моей коллекции еще не было.

Английский офицер, посмотрев на купюру, улыбнулся и сказал:

— Сожалею, но у меня при себе нет купюр аналогичного достоинства.

Дальнейший разговор за столом не был столь радушным, как его начало. От всех вопросов Тюнина в отношении возможностей английских палубных вертолетов, Древет тактично уходил, ссылаясь на то, что не в состоянии выразить по-русски специфические технические термины. Что касалось его интереса к денежному довольствию советских офицеров и других социальных благах, то, приходилось открыто лгать, либо преподносить издержки советского бытия в более приглядном виде. Так, рассказывая об автомобильном парке своей семьи, английский офицер поинтересовался у присутствующих советских коллег, какими автомобилями в быту пользуются они и члены их семей. Видя тупиковость ситуации, Чернов взял инициативу на себя и с гордым видом ответил:

— Видите ли, Роб, у нас в стране настолько хорошо развит общественный транспорт,

что советскому человеку нет надобности, иметь личный автомобиль.

Епиков, в этот момент, допивавший пиво, неожиданно поперхнулся и громко закашлял.

Невзирая на то, что общение происходило с некоторыми сложностями, Древету все же пришлось достать из шкафа еще одну бутылку виски и опустошить все запасы своего пива.

Прощаясь у трапа, Тюнин долго и крепко пожимал руку новому другу. Переполненный чувствами и радушным приемом он не заметил, как перешел в разговоре с англичанином на «ты».

— Роб, большое тебе спасибо, за гостеприимство, — пытаясь сковать в объятиях британского коллегу, — продолжал говорить разомлевший Тюнин от имени советской авиагруппы. — Своим приглашением, ты застиг нас врасплох. У русских не принято ходить в гости с пустыми руками, поэтому в Архангельске мы ждем тебя и членов твоего экипажа на борту нашего корабля.

Тюнин, явно не хотел покидать гостеприимное судно, а члены его экипажа не могли ему перечить. В свою очередь, хозяин мужественно терпел выражение братской любви со стороны своих гостей, которые, судя по выражению лица, изрядно ему надоели. Чернову, который среди советских летчиков оставался наиболее трезвым, пришлось приложить немало усилий, чтобы завершить затянувшиеся проводы.

На утро личный состав авиагруппы был необычайно молчаливым и хмурым. Ожидаемого «разбора полетов» не последовало ни со стороны Тюнина, ни со стороны Чернова.

Только к концу следующего дня госпитальное судно «Свирь» в составе конвоя, взяло курс на Архангельск. Более суток, огибая побережье Кольского полуострова, караван судов шел до конечного пункта своего маршрута. Чернов постоянно находился в каюте с членами экипажа, играл с ними в нарды и карты, но покоя в душе не было. Он знал, что его жена с детьми уже должна была приехать, и он искренне сожалел, что не смог их заблаговременно предупредить о своей командировке.

В Архангельске, подполковника Тюнина уже не интересовали запланированные торжества. Как кавказский мужчина он заботился о том, как организовать встречу гостей на своем корабле. В магазинах Архангельска, как и в магазинах Мурманска, спиртное и мясопродукты продавалось только по талонам, которых, естественно, ни у кого не было. Поэтому ничего не оставалось, как накрыть стол подручными средствами. У корабельного начпрода выпросить что-то из деликатесов не получилось, так как столы ветеранам и без того подорвали корабельные запасы. Пришлось слить спирт с вертолета и часть его обменять у местного кока на консервированную таранку, сало и квашенную капусту.

С наступлением вечера, Тюнин взял для надежности майора Епикова и направился на британский фрегат за английским летчиком. На этот раз, без сопровождения британской стороны, их на борт не пустили, поэтому, они, как смогли, попросили вахтенного вызвать к ним командира вертолета. Древет долго отказывался от приглашения, но в конечном итоге согласился. Вместе с еще одним членом экипажа он появился в каюте Тюнина. Хозяин, рассадил гостей, сам снял тужурку и, закатив рукава, стал нарезать сало. Англичане молча смотрели на его приготовления. Наконец, когда все было готово, Юрий вытащил из портфеля флягу и стал разливать спирт по кружкам.

— Что это? — почувствовав характерный запах, спросил Древет.

— Шило, — кратко ответил Тюнин и тут же пояснил: — Традиционный напиток русских летчиков.

Англичанин осторожно поднес кружку к носу и передернулся.

Закончив все приготовления, Тюнин встал с места и официальным тоном произнес:

— Я рад приветствовать вас на борту нашего корабля, — заметив, что фраза прозвучала, как в салоне пассажирского авиалайнера, он продолжил: — За содружество советской и британской авиации.

Все почти одновременно встали и по примеру хозяина залпом выпили.

Англичанам повторить тоже самое не совсем удалось, у них резко перехватило дыхание и в спешном порядке пришлось отпаивать их водой.

Когда, они немного пришли в себя, Тюнин предложил:

— Утощайтесь, друзья. Все свежее.

— А что здесь можно кушать, — спросил Древет.

— Как что? — удивился Тюнин, — Отличное сало, капусточка, таранка. Он стал подвигать тарелки ближе к гостям.

— Спасибо, — тактично ответил летчик, — Но нам нужно еще привыкнуть к вашей кухне.

— А что к ней привыкать? — возразил Тюнин, беря вилкой капусту, — У вас что, в Англии такое не едят?

— Мы не едим свиной жир в чистом виде, — стал пояснять англичанин, — А вот эта рыба, считается у нас мертвой.

— Тогда быстрее привыкай, — наполняя опять кружки, сказал Тюнин, — А то закуска имеет тенденцию быстро заканчиваться.

Дальше, это уже было не застолье, а своеобразный тренинг, а проще сказать издевательство над представителем европейского аристократического рода. В конечном

счете, английский экипаж пришлось провожать до трапа британского фрегата.

На следующий день, с госпитального судна «Свирь» были запланированы полеты корабельных вертолетов. Сначала показательный полет осуществил британский экипаж, в составе которого по неизвестным причинам отсутствовал Древет. Они осуществили показательный подъем на борт людей, условно терпящих бедствие в море, и вернулись на базу. В свою очередь, подполковник Тюнин предложил своим английским коллегам осуществить так называемый полет дружбы в составе советско-британского экипажа. В этом случае, командир советского экипажа любезно пригласил своего британского коллегу. Шансов остаться на палубе у того не оставалось.

Роб Древет подошел к вертолету со стороны командирского кресла и стал забираться в кабину. Он был необычно бледен и рассеян. К нему подошел Тюнин и тихо, чтоб не слышал никто другой, сказал:

— Роб, тут мое место, штурман сидит справа.

Англичанин, не вылезая из кабины, перелез на соседнее кресло и пристегнулся.

Через несколько минут, вертолет медленно поднялся вертикально вверх, а затем, наклонившись кабиной вниз, с левым креном стремительно понесся над морем. В воздухе, пользуясь отсутствием командования, Юрий устроил настоящее шоу. Он поднимал вертолет вертикально в небо и также вертикально бросал его вниз, выводя в горизонтальный полет возле самой воды. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за непревзойденным мастерством советского летчика. Когда вертолет прижался к заветному кругу посадочной площадки, верхнюю палубу взорвал шквал аплодисментов. Как только остановились лопасти, Древет выскочил из кабины и неуверенным шагом удалился в сторону галюна. Тюнин открыв свою дверь, и обратился к Епикову, который руководил посадкой с палубы:

— Саня, пару дней назад я обещал тебе, что дам возможность поработать руками? Так вот, бери ведро с тряпкой и драй кабину.

— А почему я, что матросов нет на судне? — возразил Епиков.

— Он тебе блеванул прямо в локатор, смотри сам, тебе на этом месте головой работать. Матросы, сам знаешь, как убирают.

Штурман, чертыхаясь, поплелся искать ведро с тряпкой.

Тюнин вышел из кабины, помахал рукой зрителям, и подошел к Чернову.

— Знаешь, Игорь, — расстроено произнес он, — Ты был прав. Не хрена, он не летчик, а точнее не штурман. Когда в кабину залез, то даже не понял, где штурманское место. Представляешь, за штурвал полез. И в воздухе держал себя, как истеричная баба. Хватался руками за все, что можно. Я себе ладони отбил, когда бил его по рукам. А после кабрирования, когда я вертолет выровнял, его сразу стошнило. Мы тоже не безгрешные, бывает, что и после пьянки в воздух поднимаемся, но при этом харчами никогда не хвалимся.

Он сделал паузу и голосом, полным разочарования, добавил:

— Все-таки горько ошибаться в людях. Чувствуешь себя невестой, на которой отказались жениться в день свадьбы.

Он нахмурился, отошел от вертолета и закурил, устремив взгляд в даль.

На родной аэродром вертолет со сборным экипажем прибыл только под вечер следующего дня. Игорь вернулся домой и по привычке открыл дверь своим ключом. Дети дружно смеялись в детской, а Люда колдовала на кухне, откуда доносился волшебный запах домашнего рагу.

«Как приятно возвращаться домой, когда тебя там ждут» — подумал Чернов, снимая в коридоре обувь. Он хотел войти незаметно, чтобы сделать сюрприз для своих девчонок, но дверь шкафа предательски скрипнула. И первой на звук выскочила старшая дочь Оля. Она выбежала в коридор и, широко раскинув руки, с криком «Папа приехал», бросилась к нему.

В этот вечер они долго все вместе сидели за столом, а потом, уложив детей спать, Игорь с Людой почти до утра не могли сомкнуть глаз.

Утром Чернов в хорошем настроении направился на службу. За столь не продолжительный период его отсутствия, в отделе опять произошли очередные изменения. На должность заместителя начальника приехал из Южной группы войск майор Нещерет Юрий Иванович. Он был на четыре года старше Игоря, ростом выше среднего с мягким доброжелательным лицом и огненно рыжими волосами. Родом он был из Луганска и в гарнизон приехал из аэропорта вместе с семьей Чернова. Поэтому в день знакомства они часто общались на внеслужебные темы, находя все новых и новых общих знакомых. Горобченко готовился уехать на сессию в Высшую школу КГБ с последующим отпуском, поэтому был занят сдачей дел и должности вновь прибывшему заместителю.

В полк вернулась авиагруппа с боевой службы. Там не обошлось без ЧП. Одному из офицеров в драке сломали челюсть, якобы из-за того, что тот отказался списывать спирт. Командование не пожелало выносить сор из избы и поэтому всех участников похода сразу же отправили в отпуск.

Что касалось оперсостава, то майор Мухин со дня на день должен был вернуться из отпуска, а майор Дубовик уйти. На боевом посту оставался старший оперуполномоченный майор Пшениный, потому как любил лето проводить в Заполярье, занимаясь рыбалкой и сбором грибов. В отпуск он предпочитал уходить в апреле, чтобы продлить для себя летний период. Игорь Пшеничный по-своему, был своеобразным человеком. Он учился в Армавирском летном училище, хотя после третьего курса был переведен на штурманский факультет Ставропольского училища. От рождения он был левша и при поступлении скрыл эту особенность, а в дальнейшем, когда начались полеты, он так и не смог освоить тонкости пилотирования, держа штурвал правой рукой. Зато он добился успехов у другой области. С детства его привлекали восточные единоборства. После окончания высших курсов военной контрразведки он попал на курсы усовершенствования оперсостава в г. Балашихе, где готовили кадры спецназа КГБ на особый период. Свое истинное предназначение он видел именно в последней специальности, поэтому нынешнюю свою должность воспринимал, как временное состояние, с которым успешно мирился. Для своего профессионального совершенства он делал все от себя зависящее. Пшеничный никогда и ни при каких обстоятельствах не употреблял спиртного, ежедневно посещал спортзал, самостоятельно изучал немецкий язык и психологию. Помимо этого, ни с кем не поддерживал близких дружеских отношений вне службы. О возможных внебрачных связях с женщинами вообще не было и речи. Он не мог допустить ничего такого, что могло бы его в дальнейшем

скомпрометировать. В коллективе он общался с офицерами только по мере необходимости, не допуская никого в свою личную жизнь. Однако из любого правила иногда бывают исключения.

После того, как Чернов рассказал о своей командировке, Пшеничный подошел к нему с предложением:

— Игорь, ты не составишь мне компанию в воскресенье съездить за грибами? У жены начался учебный год, а мне одному скучно.

Чернову, после разлуки с женой тоже не очень хотелось оставлять ее одну дома в выходной день. Но короткое северное лето подошло к концу и для сбора грибов оставались считанные теплые дни. Надо сказать, что на Севере сбор грибов и ягод был не просто отдых, а настоящий промысел. Ни одно застолье не проходило без жареных или маринованных грибов и чаепития с вареньем из местных ягод.

— Конечно, поеду, — после некоторого колебания, ответил Чернов, — Когда и где встречаемся?

— Я в шесть утра за тобой заеду.

Пшеничный всю свою офицерскую службу прослужил на Севере. Он давно получал полагающиеся ему полярные надбавки и поэтому сумел накопить за эти годы деньги на личный автомобиль.

Утром следующего дня, как и договаривались, Пшеничный заехал за Черновым рано в условленное время. Они выдвинулись в южном направлении, где начинались хвойные леса. Первую половину пути диалог между коллегами не получался. Пшеничный молча слушал рассказы Чернова, периодически выдавая короткие реплики. Любые вопросы со стороны Чернова он воспринимал настороженно или открыто их игнорировал. После получаса такого общения, Чернов отвернулся к окну и стал рассматривать местные ландшафты. Вдруг неожиданно автомобиль наклонился вправо, и послышались легкие хлопки. Пшеничный вышел из машины и стал со всех сторон ее осматривать. Чернов в знак солидарности также вышел из автомобиля, хотя вряд ли мог чем-то помочь товарищу, с автоделом у Игоря всегда были проблемы. Как и ожидалось, спустило переднее правое колесо. Пшеничный открыл багажник, вытащил домкрат и стал откручивать крепежные болты. Затем, он попытался снять колесо, но оно как будто прилипло. После минуты тщетных попыток, он вытащил из багажника две пластиковые бутылочки. Понюхав одну из них, он прикрутил к ней съемную пробку с трубочкой от коктейлей и, немного нажав на мягкий корпус, направил тонкую струйку жидкости на диск. Чернов не имел собственного автомобиля и поэтому с любопытством наблюдал за манипуляциями Пшеничного. Через минуту колесо без усилия было снято.

— А чем ты брызнул, — спросил Игорь.

— Керосином, — ответил Пшеничный, прикручивая запаску.

— А во второй бутылочке что? — вновь поинтересовался Чернов.

— А там спирт, — пояснил коллега, — На Севере без этого никак нельзя. Здесь все водители всегда возят с собой этот набор. В дороге всякое бывает. Если какая-то гайка прикипит или ржавчиной ее прихватит, керосин сделает свое дело. Если что-то примерзнет, надо спиртом брызнуть и сразу все оттает.

— Какой ты предусмотрительный, — сделал ему комплимент Игорь.

— Да, причем тут я. Здесь каждый владелец автотранспорта возит у себя в багажнике

такой джентльменский набор, — скромно ответил офицер и тут же посоветовал:

— Так что когда, купишь себе машину, начинай именно с этих мелочей. А все излишества — потом.

Пшеничный оставшийся участок пути продолжал давать советы Чернову по уходу за автомобилем, но мысли Игоря были заняты другим. То, что он узнал в этой поездке, было тем недостающим звеном, которого не хватало для расследования всей цепи поджогов, произошедших в этом году на аэродроме. Сбор грибов уже мало интересовал Чернова. он механически кидал в ведро все подряд, иногда даже не срезая ножки, а порой, не задумываясь о съедобности найденных трофеев.

На обратном пути Пшеничный периодически кидал косые взгляды на Чернова, недоумевая о причинах его подозрительной молчаливости.

На следующий день, Чернов взял в строевой части несколько личных дел офицеров, хотя интересовало его только одно из них. Он не выходил на обед, а продолжал делать пометки в рабочей тетради и напряженно писать. К концу дня к нему в кабинет зашел майор Нещерет:

— Игорь, а что это ты сегодня, как мышка заперся в кабинете и никуда не выходишь?

— Озарение наступило, Юрий Иванович, — пошутил Чернов, не отрываясь бумаг.

— Так ты хочешь сказать, что мы стоим на пороге открытия мирового значения? — в тон Чернову ответил майор.

— Мирового, не мирового, но, по крайней мере, значимого, — уклончиво ответил Игорь и протянул ему стопку письменных запросов.

Нещерет присел на стул и стал бегло читать документы. Закончив их изучение, он отложил в сторону бумаги и спросил Чернова:

— Ты что этого кадра в органы готовишь или в отряд космонавтов?

— Нет, — ответил Игорь, — У меня есть основания предполагать, что этот офицер — диверсант.

— Ты в отпуске давно был? — настороженно спросил заместитель начальника.

— Юрий Иванович, я в порядке. Вы просто не в курсе, что у нас в первом полугодии была серия поджогов. Вот у меня теперь есть подозрения в отношении этого человека. — Игорь ткнул пальцем в личное дело, лежащее у него на столе.

— Серьезная заявка, — задумчиво произнес Нещерет, — А если ты ошибаешься?

— А если ошибаюсь, то запросы уничтожу по акту, и всю проверку начну сначала, — парировал Чернов.

— Ну, ты меня заинтриговал. Ладно, — сдался Юрий Иванович, — зарегистрируй запросы у секретаря. Пока Горобченко нет, подпишу их я, а потом посмотрим, как будут разворачиваться события.

Нещерет усмехнулся и, не спеша, вышел из кабинета.

Прошло два месяца, а ответы на запросы не возвращались. К этому времени в ряде бывших советских республик была провозглашена независимость. Там были созданы свои государственные службы безопасности. Да и в России Комитет Государственной безопасности стал называться Агентством федеральной безопасности. Учитывая реалии последних месяцев, надежды Игоря получить ответы на свои запросы, из теперь уже соседнего государства, оставалось совсем мало. Да и на фоне новых перемен в стране, разговоры о поджогах ушли далеко на задний план. Уже не было «руководящей роли КПСС» ни в стране, ни в войсках. В гарнизоне в последний раз скромно отпраздновали очередную годовщину Великой октябрьской революции, хотя былого ощущения праздника никто не испытал. Некогда один из самых знаменательных дней в году и жизни каждого советского человека, стал просто выходным.

Утром 9 ноября, Чернов как всегда к восьми часам следовал на службу. На входе в штаб он лицом к лицу столкнулся с командиром полка.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — поприветствовал его Игорь.

— Как хорошо, что я тебя встретил, — протягивая руку оперу, сказал Масюнин, — Поехали со мной на аэродром. У нас опять ЧП.

— Неужели опять что-то подожгли? — спросил Чернов.

— Слава богу, нет. Но пытались, — на ходу ответил командир, направляясь быстрым шагом к служебному УАЗу, — В прокуратуру я позвонил, так что следаков подождем на месте. На этот раз я эту ситуацию с тормозов не спущу.

Он решительно стукнул кулаком о свою ладонь и заскочил в машину. Чернов поспешил занять место на заднем сиденье.

На аэродроме к командиру подбежал дежурный по стоянке подразделения старший лейтенант Игнатов и начал докладывать.

— Опять ты? — удивился командир, — Ты мне лучше объясни. Почему все ЧП в полку у нас связаны с тобой.

— Так, я же наоборот, предотвратил его, — стал оправдываться офицер.

— Ладно, — взял себя в руки Масюнин, — Докладывай, но только по существу.

— Утром, — начал рассказывать Игнатов, — Как только караул сменился, я пошел осматривать целостность печатей на вертолетах. Когда дошел до борта № 39, то обратил внимание, что грузовая кабина не плотно закрыта. Я ее дернул, дверь и открылась. А там канистра и прогоревший шнур.

— Пойдем, покажешь, — буркнул командир и строго посмотрел на дежурного.

Втроем они подошли к вертолету, который стоял ближе всех к эскадрильскому бараку и замыкал веренице винтокрылых машин. Дверь вертолета была открыта полностью. Командир и особист по очереди заглянули внутрь. Там, за пилотским креслом стояла пластмассовая канистра зеленого цвета, к ней тянулся прогоревший след от шнура. Край горловины канистры был оплавлен, на котором остался кусочек прилипшей стропы. Ничего не трогая руками, офицеры отошли от машины.

— Иди, занимайся по плану, — скомандовал Игнатову командир, и, обратившись к Чернову, спросил:

— Ну что ты думаешь по этому поводу?

— Я думаю, это продолжение старых поджогов, — ответил Чернов.

— Очень мудрый вывод, — с сарказмом заявил Масюнин, — Зря я тебя в прошлый раз послушал. Нужно было этого Игнатова выгнать с Флота к чертовой матери. Сейчас бы забыли обо всех этих ЧП.

— Валерий Сергеевич, — попытался возразить Чернов, — посудите сами. Какой смысл Игнатову все это начинать? Чтобы в очередной раз вызвать к себе подозрения? По логике вещей, он мог бы вообще не докладывать по этому факту. Закрыть плотнее дверь и пойти домой.

— А я думаю иначе, — повышая голос, начал командир, — Ты обратил внимание, где стоит канистра?

Не дожидаясь ответа, продолжил:

— Так точно. За сидением командира. Именно там расположены топливные баки. А расстояние между вертолетами видел какое? Около двадцати, максимум тридцати, метров. Если б этот вертолет взорвался, за ним бы, по принципу домино, стали по цепочке взлетать на воздух все остальные. И так весь полк.

— Последствия взрыва я представляю, но при чем здесь Игнатов? — спокойно возразил Чернов.

— А при том. Вероятнее всего, он хотел поджечь вертолет после того, как заступит в наряд, но канистра не взорвалась. Так бы он списал все на действия караульных. И что ему

делать? След от прогоревшего шнура остался, тросик, закрывающий грузовую кабину изнутри, перерезан. Как бы он объяснил все эти вещи после сдачи дежурства? Вот и рассказывает, что, якобы, это сделал кто-то другой, а он такой бдительный, вдруг все это заметил и доложил.

Масюнин бросил строгий взгляд на Чернова. Игорь опустил глаза, не зная, что ответить командиру.

— Не верю я ему, — подвел итог своим умозаключениям полковник.

В этот момент на аэродром заехали «Волга» военной прокуратуры и УАЗ инженера полка. Из первого автомобиля вышли заместитель военного прокурора подполковник юстиции Мельников и два офицера в капитанских погонах. Подполковник дал команду своим офицерам начать осмотр места происшествия, а сам подошел к стоящим возле ангара Масюнину с Черновым. Он поздоровался с ними и сказал, обращаясь к командиру полка:

— Военный прокурор гарнизона передал, что по данному факту будет возбуждено уголовное дело. Поэтому будьте готовы предоставить нам всех подозреваемых на допрос. Кстати, кто закреплен за этим вертолетом?

— Вас интересует командир или старший техник? — уточнил командир полка.

— Меня интересует тот человек, кто опечатывает вертолет своей печатью.

Из УАЗа в этот момент вышел заместитель командира по инженерно-авиационной службе подполковник Литовкин и направился в сторону офицеров.

— Николай Федорович, кто из техников у нас закреплен за этим вертолетом? — крикнул Масюнин инженеру, показывая на борт № 39.

— Капитан Ковальчук, — без заминки ответил Литовкин.

— Час от часу не легче, — вздохнув, ответил Масюнин и вопросительно посмотрел на Чернова.

Игорь отвел взгляд в сторону, но ничего не ответил.

Мельников, вопросительно посмотрел на обоих и спросил:

— Я вижу, у вас по поводу этого офицера есть какие-то подозрения?

— К этому офицеру у меня нет никаких претензий. Отличный специалист и порядочный офицер. А вот к тому, — Масюнин кивнул в сторону Игнатова, — у меня есть масса вопросов. Более того, я предполагаю, что это именно он мстит Ковальчуку за то, что на боевую службу послали Ковальчука, а не его.

— А это уже серьезный мотив, — заметил заместитель прокурора, — А что говорит по этому поводу сам Ковальчук.

Масюнин перевел взгляд на инженера и спросил:

— А кстати, где он?

— На построении доложили, что вчера у него был сердечный приступ, — ответил подполковник Литовкин, — В настоящее время находится в санчасти в стационаре.

— Не полк, а пансион благородных девиц, — выругался командир, — Скоро в обморок начнут падать. Нажрут с вечера спиртяги, а на следующий день у них, видите ли, с сердцем плохо.

Масюнин выругался и плюнул на снег.

— Тогда, я хотел бы лично опросить этого Игнатова. Снимите его с наряда и пришлите ко мне в прокуратуру, — безапелляционно потребовал подполковник.

— Надолго? — поинтересовался командир.

— Как посчитаю нужным, — ответил зампрокурора и направился осматривать

вертолет.

Один из офицеров прокуратуры оказался криминалистом. Он обработал канистру парами йода, чтобы снять отпечатки пальцев и принялся собирать в конверт остатки пепла от сгоревшего шнура. Игорь подошел к нему и, назвав себя, попросил:

— Вы не могли бы мне показать маркировку на этой канистре?

— Пожалуйста, — ответил капитан и поднял вверх канистру, чтобы можно было прочитать надпись снизу.

Чернов записал все, что было указано в маркировке. Из всего отмеченного там, он понял только название изготовителя: «Казанский завод полимерных изделий».

Учитывая, что почти треть гарнизона были выходцами из Приволжских областей и автономных Республик, эта надпись мало повлияла на оптимизм Чернова. Таковую канистру мог купить любой офицер или прапорщик, находясь у себя дома в отпуске. Пользуясь тем, что технический состав еще не прибыл на аэродром, он прошел по стоянке и проверил надежность закрытия всех дверей на вертолетах. В целях предотвращения возможного угона авиатехники, грузовые кабины и дверь штурмана закрывались изнутри на трос. Двери, как в купе ездили по полозьям и на всех вертолетах были закрыты плотно без люфта. Игорь вернулся к вертолету под номером 39 и обратил внимание, что внутренний трос был перерезан чем-то очень острым, так как на его волокнах не осталось следов растяжения. Чернов огляделся по сторонам. Возле здания технико-эксплуатационной части он увидел матроса — дневального.

— Боец, подойди сюда, — подозвал его Игорь.

Матрос нехотя, изображая бег трусцой, направился к оперуполномоченному.

А ну-ка, дай мне на минуту свой штык-нож, — попросил его Чернов.

— Товарищ, майор, я не имею права передавать кому-либо свое оружие, — растерянно произнес парень.

— Знаю-знаю, но я никто-либо, а старший оперуполномоченный особого отдела КГБ СССР и прошу у тебя штык-нож не для того чтобы колбасу нарезать, а провести следственный эксперимент.

Матрос, молча с обреченным выражением лица передал свое оружие Чернову. Тот сложил ножны и клинок в виде кусачек и попытался отрезать кусок троса. Однако, он не поддавался.

— Товарищ, майор, — жалобно взмолился матрос, — Сломаете сейчас клинок, я же потом неприятностей не оберусь.

Чернов еще раз попытался перекусить трос, но и вторая попытка оказалась не удачной. Игорь отдал штык-нож матросу. Тот схватил свое оружие и мигом побежал к месту несения службы, видимо опасаясь, что еще кто-то из офицеров пожелает попробовать свои силы.

Чернов вернулся к стоявшим поодаль офицерам.

— Ну что, удалось перерезать трос? — спросил заместитель прокурора.

— Нет, — с сожалением ответил Игорь, — Даже края не мнутя.

— Значит, это дело рук не матросов, — констатировал подполковник, — Видимо, тот, кто это сделал, использовал специальный инструмент и знал, что обычными кусачками этот трос не перекусишь.

Он посмотрел на Чернова, и, вспомнив, что они не знакомы, протянул ему руку и представился. Игорь в свою очередь назвал свое имя и должность.

— Ну, что ж, майор, пока мы будем выносить постановление о возбуждении уголовного

дела и производить необходимые экспертизы, у тебя будет время опросить всех действующих лиц и исполнителей. Я думаю, следующая наша встреча будет более плодотворной.

Он посмотрел в сторону своих работающих сотрудников и крикнул:

— Вы долго еще собираетесь копать?

— Уже заканчиваем, — ответил криминалист, складывая вещдоки в чемодан.

— Хорошо, — удовлетворенно буркнул прокурор и, махнув рукой на прощание всем присутствующим, не спеша, направился к своей «Волге».

— Барин, да и только, — бросив косой взгляд в сторону прокурорского начальника, полушепотом сказал Масюнин, — Такое ощущение, что все мы здесь преступники. А он — олицетворение правосудия. Даже, руки никому не подал на прощание.

Подполковник Литовкин только пожал плечами по этому поводу и еле заметно улыбнулся.

— Подумаешь! Пришлите мне его на допрос, — почти по-детски передразнил подполковника юстиции командир, — Я ему что, почтальон? Я командир полка и целый полковник. Мое дело «полеты летать», а его дело преступления раскрывать. Вот пусть приезжает сюда на аэродром и опрашивает, кого считает нужным, а у меня нет оснований снимать офицера с наряда.

— Владимир Дмитриевич, — обратился он к заместителю по ИАС, — Игнатова с наряда не снимать. Более того, пойди, поговори с ним спокойно, если надо, успокой, скажи, что погорячился командир. Ну, найди, что сказать. А то у нас все сейчас впечатлительные, легко ранимые. Еще застрелится, ни дай бог.

Он перевел взгляд на Чернова и, ожидая от него поддержки, спросил:

— Ну что я, не прав?

— Правы, Валерий Сергеевич. Поэтому, если Вы не возражаете, я пойду в казарму опрашивать матросов, стоявших в карауле на праздники, — ответил Игорь.

— Удачи, — махнул на него рукой командир и направился опять в сторону вертолета.

— Ты где ходишь? — спросил встревоженный Нещерет, увидев вошедшего в отдел Чернова, — Руководство отдела ВВС, все телефоны оборвало по поводу поджога, а я даже не знаю, где тебя искать.

— Я был на аэродроме, осматривал место происшествия, — устало ответил Игорь.

Они вместе зашли в кабинет Чернова, и оперуполномоченный доложил начальнику все обстоятельства данного происшествия.

— Да-а, — протянул Нещерет, — За восемь лет службы в органах, у меня ничего подобного не было.

— Зато у меня, только за этот год, хоть лопатой гребь, — усаживаясь, за стол ответил Чернов.

Начальник сидел напротив и что-то бессистемно рисовал на листе бумаги.

— Какие есть версии по этому поводу? — наконец спросил он.

— Я думаю, вот что, — начал Чернов, — Эта попытка поджога напрямую связана с прошлыми пожарами в гарнизоне. То, что матросы к этому не причастны, я уверен на все сто процентов.

— Обоснуй, — произнес Нещерет.

— Матросы не могли пронести канистру, тем более с керосином, на аэродром во время караула. Слишком рискованно и каждый это понимает. Перерезать стальной трос им также было нечем, штык-нож его не берет. Нужны специальные ножницы. Теперь, для того, чтобы все это организовать, нужно было найти вертолет, где дверь была бы закрыта не плотно. Я попробовал найти на аэродроме аналогичный, но у меня не получилось. На всех вертолетах полка двери закрыты плотно. Только на этом, причем самом крайнем, оказалась щель, через которую получилось добраться до троса. Не проста это. Так что, я думаю, злоумышленника нужно искать среди офицеров или прапорщиков.

— И что планируешь предпринять? — вновь поинтересовался начальник.

— Для начала опросить всех матросов караула, кто стоял на этом посту. Благо на праздники караул был от нашего полка. Затем, еще раз опрошу Игнатова. Ну, а когда прокуратура даст заключение, буду искать орудия взлома, то есть специальные кусачки и показывать всем канистру. Может, найду ее хозяина, — без энтузиазма ответил Чернов.

— А почему ты считаешь, что это происшествие имеет отношение к прошлым поджогам? — не унимался Нещерет.

— На первый взгляд, никакого. А вот накануне последней боевой службы, именно в редуктор этого вертолета подбросили болт. А этот случай прошел на одной волне с предыдущими пожарами, — попытался аргументировать свои предположения Чернов.

Чувствовалось, что Нещерет пытался найти какую-то взаимосвязь между этими событиями, но без материалов предыдущих расследований, ему было сложно понять, о чем идет речь.

— Так, все-таки, какие у тебя версии относительно мотивов? — вновь повторил он свой вопрос.

— Общие версии, как всегда, стандартные: месть, зависть, ревность, долги, деньги, карьера и, наконец, подрывная деятельность иностранных спецслужб.

Последнюю фразу он произнес с улыбкой, а затем добавил:

— А если серьезно, то, как и раньше, версий никаких нет. Точнее версии были, но они рассыпались, как карточный домик.

— Это и хреново. Поэтому, перед тем, как пойти опрашивать матросов, занеси мне все материалы по предыдущим ЧП. Может у меня на свежую голову, появятся какие-нибудь идеи.

Он, улыбнувшись, подмигнул Чернову и тихо вышел из кабинета.

Чернов зашел в казарму, когда прапорщик Солоха завершил построение личного состава. Увидев Чернова, он подбежал к нему, браво представился, а затем спросил:

— Товарищ, майор. Цель Вашего прибытия.

— Николаевич, — без церемоний обратился к нему Игорь, — Мне нужно опросить твоих бойцов, которые стояли в карауле по охране аэродрома на праздники.

— Да, я слышал об этом ЧП, — показывая свою осведомленность, произнес старшина. Он сложил руки за спиной и озабоченно помотал головой, а затем, с выраженным беспокойством на лице, добавил:

— Я сейчас посмотрю, кто там стоял на посту и сразу их Вам предоставлю. Проходите в канцелярию.

Он пропустил майора вперед, указав на открытую дверь кабинета. Прапорщик открыл постовую ведомость, провел пальцем сверху вниз и сделал записи на листке бумаги. Затем, подняв глаза на Чернова, предложил:

— Геннадьевич, Вы только скажите, что Вы хотите от них узнать, я их так подготовлю к беседе, что они, как миленькие, все расскажут, даже того, чего не было.

В качестве демонстрации своего боевого настроения, он поднял кулак и насупил брови.

— Спасибо, Николаевич, — улыбнулся Чернов, — Мне как раз нужно, узнать то, что было, а не то, чего не было. Поэтому я сначала попробую сам, а если не получится, то воспользуюсь вашей помощью.

— Ну, как знаете, — разочарованно произнес старшина, — Если вдруг что, я буду у себя в баталерке.

Игорь одобрительно кивнул головой и стал снимать шинель. В этот момент в канцелярию зашел один из матросов. Он поднес руку к головному убору и с легким акцентом доложил:

— Товарищ майор, матрос Латыпов по Вашему приказанию прибыл.

Парень был высокого роста, крепкого телосложения с широким скуластым лицом и миндалевидными глазами. По всей вероятности он был либо башкиром, либо татарин по национальности.

— Тебя, как зовут, — спросил юношу Игорь.

— Тимур, — теребя в руках шапку, сказал матрос.

— Присаживайся, Тимур, и расскажи мне очень подробно, как прошло твоя служба в карауле в праздничный день. Только очень подробно. Где и что видел, что показалось тебе подозрительным. Может быть, кто-то из офицеров просил тебя пропустить на стоянку, под предлогом, что забыл что-то. Только очень тебя прошу, рассказывай откровенно. Я не командир. Я разыскиваю преступника, который хотел взорвать вертолет, а, возможные, нарушения Устава караульной службы с твоей стороны меня не интересуют.

Матрос положил шапку на колени и, немного подумав, начал рассказывать:

— Ничего подозрительного на посту я не заметил. Как всегда, принял вертолеты,

проверил целостность печатей. Все, как обычно, никаких замечаний не было. Начальник караула может подтвердить. Никаких «ходаков» на аэродроме в этот день тоже не было. Каких-либо подозрительных звуков или следов я не видел.

Еще около десяти минут Чернов задавал ему наводящие вопросы, но ничего ценного для себя не услышал. Аналогичная ситуация сложилась и с опросом еще четверых последующих матросов. Игорь стал терять интерес к этому общению, пока в канцелярию не зашел последний из караульных. У парня бегали глаза и заметно дрожали руки. Он явно волновался и не мог скрыть своего состояния. Матрос стоял в дверях и молча смотрел на офицера.

— Как зовут тебя, — строго спросил Чернов.

— Матрос Корнеев, — заикаясь, представился тот.

— Расскажи мне, матрос Корнеев, что подозрительного видел во время несения службы в карауле, — устало спросил его Чернов.

— Ничего подозрительного не видел. — сразу ответил тот.

— А почему тогда так волнуешься?

— Я не волнуюсь, — не поднимая глаз, ответил матрос.

— Не хочешь мне что-то рассказать? — повысив голос спросил Чернов.

— Нечего мне вам рассказать, товарищ майор. Если б что-то видел, я бы не скрывал.

— Ну что ж. Не хочешь говорить, не надо. Завтра поедешь со мной в военную прокуратуру, может быть там, что-то вспомнишь. — решил использовать «тяжелую артиллерию» Чернов. Он демонстративно встал с места, и сделав вид, что собирается уходить, начал медленно надевать шинель.

— Завтра я не могу, — встрепнулся Корнеев.

— Что значит, не могу? — удивился Игорь, — Ты думаешь, тебя кто-то будет спрашивать?

— Я завтра в отпуск еду. Уже и билет домой купил.

— Тогда расскажи мне, что ты видел и езжай в отпуск. В противном случае, завтра вместо отпуска поедем в военную прокуратуру. — категорично заявил Чернов, вновь усаживаясь за стол.

— Даете слово офицера? — неожиданно спросил парень.

Игорь удивленно посмотрел на него и заявил:

— Ты еще поторгуйся со мной. Рассказывай, а там посмотрим. Если все скажешь, то поедешь, если что-то не договоришь, тогда пеняй на себя.

Какое-то время матрос молча рассматривал свои ладони, не поднимая глаз. Игорь уже хотел его поторопить, но тот сам начал рассказывать:

— Вчера, моя смена была с 12 до 14 часов. Я следовал по маршруту вдоль стоянки вертолетов. Когда проходил мимо третьей эскадрильи, то сначала ничего подозрительного не заметил. А когда сделал круг и вернулся к тому же месту, то на снегу увидел свежие следы. Они тянулись из оврага. Но людей на стоянке не было, это точно. Я еще раз походил возле домиков и там никого не обнаружил. Потом осмотрел печати вертолетов, все было на месте. Поэтому ни кому и не доложил. Вот, в общем, и все. — Матрос тяжело вздохнул, и, бросив жалобный взгляд на опера, спросил:

— Так что с отпуском? Я поеду или завтра в прокуратуру.

Игорь немного подумал и сказал:

— Поедешь, я же обещал.

Матрос отдал честь и быстро выскочил из канцелярии.

Игорь подошел к окну и стал смотреть, как за стеклом медленно начал срываться небольшой снег. Он с минуту простоял так, как вдруг резко подскочил к телефону и набрал номер заместителя начальника особого отдела.

— Юрий Иванович, мне срочно нужно на аэродром. Машина есть в отделе? — не скрывая волнения, спросил Чернов.

— А что случилось? Что за срочность? — спокойно переспросил Нещерет.

— Некогда объяснять, сейчас каждая минута работает против нас. Приеду, расскажу. Я в казарме.

— Сейчас вышлю, — недоумевая, ответил начальник и положил трубку.

Чернов выскочил на улицу. Уже смеркалось. Он, чертыхаясь, ходил по плацу в ожидании автомобиля. Наконец, через пять минут, которые показались вечность, приехал служебный Газ-66. Игорь заскочил в кабину и сказал водителю:

— Коля, пулей гони на аэродром к третьей эскадрилье.

Водитель особого отдела был по национальности киргизом и на самом деле его звали Кылычбеком, но когда в отделе к нему обращались офицеры на русский манер, он не обижался. Тем более, что не у каждого с первого раза получалось выговорить это имя. Получив команду, он быстро развернулся и до отказа нажал педаль газа. Машина, выбросив из-под колес столб снега, с ревом рванулась с места.

Через десять минут Чернов уже был на стоянке. К автомобилю сразу же подошел старший лейтенант Игнатов, продолжавший нести службу в качестве дежурного по стоянке подразделения. Игорь не обращая внимания на него, сразу побежал в сторону служебной застройки. Снегопад уже образовал новый покров, но между контейнерами Чернов все же смог различить в сугробах вмятины от вчерашних следов. Взяв в руки полы шинели, он последовал туда, куда они вели. Игнатов безотрывно следовал за ним. Игорь оглянулся к нему и спросил:

— У тебя фонарь есть?

Дежурный утвердительно кивнул и протянул карманный фонарик майору. Чернов быстро выхватил его из рук и стал удаляться в сторону оврага. Как и в прошлый раз, на самом его дне оказалась запорошенная снегом лыжня. Различить очертания следов уже было невозможно, потому что падающий снег поглотил былые улики. Но, по крайней мере, это обстоятельство уже давало уверенность в том, что поджог домика с формулярами первой эскадрильи и попытка поджога вертолета — дело рук одного и того же человека.

Игорь вновь поднялся на стоянку. Едва переводя дыхание от подъема по глубокому снегу, он подошел к Игнатову и протянул ему фонарь.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил тот, — Что-нибудь нашли?

— Существенного ничего, — не посвящая дежурного в детали, ответил Чернов.

— Товарищ майор, — обратился старший лейтенант, — Вы так же, как и командир считаете, что это дело моих рук?

— Сергей, — улыбнувшись, произнес Чернов, — По-моему, мы еще в прошлый раз перешли на «ты». Отвечаю тебе прямо — нет, не считаю. Тебе не было смысла так дешево подставляться. Я уверен, что ты здесь не при чем.

Лицо техника заметно потеплело.

— Более того, мне нужна твоя помощь, — обратился к нему Игорь.

— Спрашивай, — опять перейдя на «ты», ответил Игнатов.

— Утром, когда ты принимал стоянку, кабина вертолета N 39 была опечатана или нет.

— Конечно, опечатана, — ответил техник, — печатью Ковальчука. Да я случайно заметил, что грузовая кабина не заблокирована. Я обычно, когда заступаю в наряд, всегда трогаю двери. В этот раз тоже, автоматически ее дернул, и она поехала. Заглянул туда, а там канистра. Вот сразу и доложил дежурному.

— Кстати, ты это канистру у кого-нибудь раньше видел? — спросил Чернов.

— Видел, но у кого, и при каких обстоятельствах, не помню. Опять же ее или нет, на сто процентов сказать не могу, — извиняющимся тоном ответил Сергей. — Таких канистр много. Даже у Ковальчука в машине такая есть, только, по-моему, у него синего цвета.

— А ты Ковальчука когда последний раз видел?

— Позавчера, — сразу ответил Игнатов. — Мы у них в гостях с женой были по случаю праздника. Мы часто встречаемся семьями, как никак, одно училище заканчивали, правда, в разное время. А его жена изысканная кулинарка. Она очень вкусно готовит куропаток в кляре. Я такой вкуснятины, нигде кроме, как у них, не ел. Это у нее фирменное блюдо.

— А где они берут куропаток, Василий, вроде, не охотник? — удивился Чернов.

— Еще, какой охотник, — усмехнулся Игнатов. — Только охотится он без ружья.

— Это как? — не понял Игорь.

— Все примитивно просто, — начал рассказывать Сергей, — он берет большой термос с горячей водой, и пустую бутылку из-под шампанского, выходит куда-то в сопки, там наливает кипяток в бутылку и опускает в снег. Горячее стекло делает в сугробе своеобразный шурф. На морозе растаявшие стенки быстро покрываются льдом, и получается в снегу твердая труба. Потом, он насыпает на дно зерно, сушеную рябину и уходит. Когда возвращается, куропатки торчат из этих труб задом кверху. То есть, проваливаются туда, а назад выбраться не могут. Так и замерзают. А дальше, он приходит и собирает свежемороженую дичь.

— А в какое время вы встречались 7 ноября? — поинтересовался Чернов.

— Мы пришли около 13 часов, как раз на обед, — он сделал паузу и с улыбкой добавил: — Правда, плавно переходящий в ужин.

— Так долго засиделись?

— А мы всегда, если гуляем, то до ночи, — с гордостью отметил Сергей.

Игорь протянул ему руку.

— Спасибо за помощь, Сергей.

— Это тебе спасибо, — ответил техник.

— А мне за что? — удивился Чернов.

— За веру и поддержку.

Они пожали друг другу руки, и Чернов направился к машине.

Майор Нещерет ходил по коридору отдела, не находя себе места.

— Ну, наконец-то, ты приехал, — с надеждой воскликнул он, увидев на пороге Чернова, — У меня здесь настоящий Смольный. Откуда только не звонили и все требуют сиюминутного доклада.

— На то оно и начальство, чтобы требовать, — снимая шинель, уставшим голосом ответил Игорь.

— Ну не томи, Касатик, рассказывай, — в предвкушении сенсации, попросил начальник.

— В общем, картина такая, — выдерживая театральную паузу, начал Чернов, — Один из матросов мне сознался, что 8 ноября в районе обеда заметил на стоянке свежие следы, тянувшиеся из оврага. Он осмотрел все в округе, но никого не увидел. Затем проверил печати на вертолетах. Там также оказалось все в порядке. С учетом того, что завтра у него начинается отпуск, он никому об этом не доложил. В этом плане я понимаю пацана. Тогда я проехал на стоянку и нашел эту дорожку следов. Ее к тому времени присыпало снегом, но я прошел туда, куда она вела. Она привела меня к лыжне в овраге.

Игорь победно посмотрел на Нещерета, ожидая его реакции. Тот понял, что Чернов от него чего-то ждет, но не понял хода его рассуждений.

— И о чем это говорит? — спросил он.

— А это говорит о том, что именно по этой же схеме был совершен поджог домика с формулярами в первой эскадрилье. Там тоже, поджигатель прошел на стоянку по оврагу на лыжах.

— Я, к сожалению, не успел перечитать материалы по предыдущим ЧП, — попытался оправдаться Юрий Иванович, — Сам понимаешь, звонки одолели. А кто в том случае был главным подозреваемым?

— В том случае, наши подозрения пали на штурмана вертолета из соседнего полка капитана Козака. Дело в том, что след лыжни был специфический, не спортивных лыж, а охотничьих, широкий и короткий. Пока известно, что только у него есть такие лыжи в гарнизоне. Во всяком случае, опрос охотников и агентуры других результатов не дал. Да, и мотив у него определенный был. Он раньше служил в нашем полку, но за нарушение порядка нахождения за границей был переведен из корабельного полка в смешанный. Дело в том, что в палубной авиации воинские звания на ступень выше, чем в обычных авиационных полках. И, как результат, застопорился в звании капитана.

— Хлипковатый мотив, — заметил Нещерет, — Я тоже второй год переживаю майором, но мстить руководству не собираюсь.

— Да, я и сам это понимаю. Более того, по следам я определил, что тогда злоумышленник надевал лыжи на унты. Причем на поношенные унты, так как на них не было протектора, — начал рассказывать Игорь.

— Вот здесь, пожалуйста, поподробнее, — перебил его собеседник, — Я на Севере недавно, поэтому ваших особенностей еще не понимаю.

Игорь тяжело вздохнул, и в который раз начал рассказывать Нещерету об особенностях эксплуатации специальной обуви летным и техническим составами в зимний период времени.

— Так что, штурман никак не мог быть в унтах, они их не носят. Значит, остаются только техники, — завершил свою теорию Чернов.

— Теперь ясно, — признался Юрий Иванович и, немного подумав, добавил, — А может быть, все-таки есть смысл проверить, где этот Козак был в праздничные дни. Я думаю, если он охотник, то у него должны быть унты. В берцах по снегу много не выходишь.

— Для самоуспокоения, конечно, можно, но толку от этого никакого, — уверенно заявил Чернов.

— Обоснуй, — попросил начальник.

— Представьте себе картину. Штурман в выходной день идет три километра на лыжах с канистрой керосина на стоянку чужого полка. Поднимается из оврага и начинает дергать двери на всех вертолетах подряд, пока не нашел одну единственную, которую можно приоткрыть и добраться до блокирующего троса. Маловероятно. В нашем случае он точно знал, на каком борту дверь приоткрыта и точно к нему вышел. Иначе, он мог быть обнаруженным часовым. Да и, по словам матроса, дорожка следов вела только к этому вертолету. То есть, он не метался, ничего не искал, а сразу вышел туда, куда ему было нужно. — Игорь откинулся на спинку стула и добавил, — Не логично это все. С учетом того, что стоянка была под охраной караула, у поджигателя было очень мало времени, поэтому он должен был действовать наверняка и заблаговременно все предусмотреть. И канистру принести на борт незаметно, и дверь изнутри закрыть так, чтобы был люфт.

— Ну, тогда это мог сделать только старший техник вертолета, — логично констатировал Нещерет.

— Согласен, но у него полное алиби, — ответил Чернов.

— Какое?

— Седьмого ноября они отмечали праздник вместе с Игнатовым семьями, и пили до ночи. В результате чрезмерного употребления шила, восьмого ноября, Ковальчука госпитализировали с сердечным приступом. А в случае с весенним поджогом, он, вообще, был в отпуске. Так что Ковальчук отпадает, это точно.

В кабинете повисла тишина, каждый из офицеров обдумывал, что делать дальше.

— Да, ситуация патовая, — нарушил молчание Нещерет, — Кстати, пришли ответы на запросы, которые ты направлял в отношении него. Там тоже ничего интересного. Подтвердить копией актовой записи рождение Ковальчука наши коллеги на Украине не смогли, так как в райцентре, где он родился, ЗАГС сгорел. И учебу в интернате тоже не могут подтвердить, так как интернат закрыли еще в 1976 году, а архивы пропали при переезде в другой город.

Он встал с места и подошел к окну, затем, не оборачиваясь, продолжил:

— Я изначально считал, что с этими запросами — глупая затея. На Украине сейчас формируется своя Служба национальной безопасности, и ждать от них реального ответа, как при КГБ, пустое дело. Вот они и прислали отписку.

— И что теперь будем делать, — растерянно спросил Чернов.

Направляя запросы в отношении Ковальчука по месту его рождения, он не ждал чего-то сверхъестественного в ответ. Отправил скорее для порядка, чтобы предотвратить лишние вопросы со стороны руководства. Однако, с возвращением ответов, вопросительных знаков в этом деле оказалось еще больше.

— В его личном деле есть характеристика из интерната за подписью директора. Может, давайте пошлем туда телеграмму, под уголовное дело накрутим «контрразведывательные

клубни», нагоним жути, вдруг что-то и ответят интересное? По большому счету, нам нужно только официальное подтверждение его места учебы и кое-какие сведения об особенностях личности, — с надеждой предложил Чернов.

— И что ты хочешь, чтобы они тебе сообщили? — с иронией в голосе спросил начальник.

— Ну, мало ли. К примеру, вдруг он с детства страдал пироманией. При этом заболевании человеку не нужен мотив для поджога. Он получает удовольствие от самого процесса.

Нещерет серьезно посмотрел на подчиненного и сказал:

— А что, может ты и прав.

Он сел за свой стол, потянулся к трубке телефона, но передумал. Затем, постучав костяшками пальцев по столу, сказал:

— В общем, так, я доложу твои версии и предложения руководству, телеграмму на родину Ковальчука направлю сам. А ты сейчас занимайся проверкой его алиби.

Он посмотрел на часы, поднял брови и удивленно произнес:

— Хотя, уже давно рабочий день закончился, и все нормальнее люди разошлись по домам.

Будем считать, что сегодня ты и так славно поработал. Иди домой отдыхать, а завтра с утра начинай копать. Ты мне здесь в отделе не нужен. Только периодически звони, чтоб я знал, где ты находишься. Ну, и соответственно, если что-то интересное накопишь, немедленно звони.

Чернов встал с места, пожал руку начальнику и вышел из кабинета.

Следующим утром, Игорь, не дожидаясь окончания построения полка, сразу же направился в гарнизонную санчасть. Постучав в дверь, он зашел в кабинет начальника лазарета. Молодой, но уже достаточно располневший капитан медицинской службы, пил чай и рассказывал что-то веселое молоденькой медсестре. Увидев, Чернова он, продолжая улыбаться, воскликнул:

— О, контрразведка пожаловала! Какими судьбами, неужели заболели?

— Слава, богу, нет. Поговорить нужно, — ответил Чернов и еле заметно покосился на девушку.

— Шурочка, — обратился тот к медсестре, — Пройдись по палатам и передай, чтобы все оставались на местах, я скоро буду проводить обход.

Проводив ее взглядом, он поправил очки и, сделав серьезное лицо, спросил:

— Чем могу быть Вам полезен?

— Я хотел бы побеседовать с врачом, который дежурил в санчасти 8 ноября, — ответил Чернов.

— Считайте, что Вам повезло. Он перед Вами. Я всегда попадаю на дежурства в праздники.

— Я хотел бы у вас уточнить, с каким диагнозом в лазарет поступил капитан Ковальчук? — обозначил цель своего визита Чернов.

— Вообще-то, мы хоть и военные врачи, но все же врачи. У нас не принято разглашать врачебную тайну, — заявил капитан, но, заметив, как у майора заиграли желваки на скулах, смягчил выражение лица и уже доброжелательным тоном добавил:

— Но, исключительно из уважения к Вам и вашей службе.

Он открыл медицинскую книжку Ковальчука и зачитал диагноз:

— Приступ пароксизмальной тахикардии на фоне гипертонического криза.

— А можно более доходчиво? — попросил разъяснений Чернов.

Врач, не скрывая удовольствия от произведенного эффекта, улыбнулся и сказал:

— Ну, если уж совсем проще, то у него поднялось давление до 200 на 130 и пульс был 150 ударов в минуту в лежачем положении.

— И что, он сам пришел в таком состоянии? — удивился Чернов.

— Нет, конечно, — усмехнулся капитан. — Где-то в районе обеда или чуть позже, в санчасть позвонила его жена и сказала, что он задыхается, испытывает сильные боли в области грудной клетки. При таких симптомах, я, конечно же, выехал на санитарной машине к больному.

— И что вы увидели, когда приехали? — вновь спросил Чернов.

— Как что? — удивился врач, — Увидел больного, лежащего на диване со всеми явными признаками.

— А он возражал по поводу госпитализации?

— Не очень. Он сначала даже не хотел, чтобы вызывали скорую помощь. Жена пыталась подручными средствами его поставить на ноги. Но потом, по ее словам, он сам попросил вызвать врача.

— А чем жена пыталась его лечить? — продолжал опрашивать Игорь.

— Ну, известно чем. Что ему может дать не сведущий в медицине человек? Валидол и волокардин. Я там, на столе, правда, заметил пустой пузырек из-под настойки элеутерококка, но женщина заверила меня, что муж ее не принимал. Хотя, если б в том состоянии он выпил это средство, то может быть, я не успел бы его спасти, — с гордостью заявил капитан.

— А что в этой настойке такого коварного? — спросил Игорь, — Я сам периодически ее пью, когда чувствую усталость.

— Настойка элеутерококка полезна гипотоникам и здоровым людям, как общеукрепляющее средство. А при повышенном давлении в большом количестве она может спровоцировать инфаркт. — Капитан вновь взял в руки медицинскую книжку и стал ее листать. Затем, увидев то, что искал, сразу же озвучил прочитанное:

— А, я вот смотрю, гипотонией наш пациент никогда не страдал. Более того, в последнее время, судя по данным медосмотров, давление у него было пограничное — 140 на 90 и выше.

Он поднял глаза на Чернова и с интересом спросил:

— А можно полюбопытствовать, почему Вас интересуют эти детали.

— Вчера пытались повредить его вертолет на аэродроме, поэтому военная прокуратура собирается вызвать его к себе на допрос, а я обязан его доставить.

— Это исключено, — возмутился начальник лазарета, — Ему нужен покой и режим. В течение трех-четырех дней мы за ним понаблюдаем, если динамика выздоровления будет положительная, то мы его выпишем, и тогда допрашивайте его сколько хотите. А пока, я как лечащий врач, не могу этого позволить.

— Хорошо, я передам Ваши рекомендации следователю. А от себя скажу: большое Вам, спасибо, за помощь! — Чернов крепко пожал руку капитану и вышел из его кабинета.

— Обращайтесь, — растерянно произнес врач, когда дверь уже захлопнулась.

Войдя в штаб, Игорь направился в свой кабинет, но в последний момент передумал и, развернувшись на 180 градусов, пошел в строевую часть. Как всегда на рабочем месте оказалась только машинистка Светлана Быстрова. Он улыбнулся майору и подошла почти вплотную к нему. Пользуясь отсутствием посторонних, она томно спросила:

— Игорек, что-то ты к нам зачастил? Наверное, по мне соскучился?

— Светочка, к сожалению, по делу, — сделав грустное лицо, ответил Чернов.

— Вот так всегда, — обиженно произнесла молодая женщина, — Вас, особистов что, женщины вообще не интересуют? Только дело?

— Ты не права, — улыбаясь, стал шутить Игорь, — Я всегда, когда захожу к вам в отдел, и вижу тебя, то просто забываю, зачем пришел. И только благодаря немислимым усилиям воли потом вспоминаю. Просто мы особисты, редкие особи, у нас чувство долга перед Отечеством забывает все другие чувства.

— Бедная твоя жена, — с наигранным сожалением произнесла Светлана, а затем, более снисходительным тоном добавила:

— Ладно, редкая особь, говори, что тебе на этот раз нужно.

— Мне нужно полистать папку с рапортами на отпуск офицеров, — сняв с лица улыбку, попросил Игорь.

— Одну минуту, — сказала Быстрова, и демонстративно покачивая бедрами, подошла к шкафу с документацией. Взяв оттуда увесистую стопку бумаг, соединенных скоросшивателем, она вернулась к Чернову и положила ее перед ним на стол. При этом, она излишне низко наклонилась, чтобы в очередной раз продемонстрировать свое пышное декольте. Добившись желаемого результата и поймав на груди взгляд Игоря, она удовлетворенно улыбнулась, а затем, как ни в чем не бывало, направилась к печатной машинке.

Игорь без труда нашел интересующий его рапорт. В нем было указано, что капитан Ковальчук планирует провести свой отпуск по месту рождения в г. Шостка Сумской области. В деле к рапорту был приложен отпускной билет, в котором был указан срок с 22 января по 8 марта, однако на обратной стороне, отметок о постановке на учет в этом городе не было. Не было вообще никаких отметок о том, что он где-то становился на учет. Более того, на внешней стороне отпускного билета была пометка о том, что Ковальчук проездными документами не пользовался и возвратил их назад. Игорь закрыл папку.

— А могу я посмотреть аналогичные папки за предыдущие года, — поинтересовался у Светланы Чернов.

— Можешь, — ответила машинистка, и, указав рукой на несгораемый шкаф, сказала: — Возьми в том сейфе, там все разложено по годам.

По предыдущим годам картина оказалась аналогичной. Капитан Ковальчук никогда не пользовался проездными документами и никогда не становился на учет в месте проведения отпуска. Данный факт насторожил майора Чернова. Конечно, офицеры на Севере получали достойное жалование, но добровольно отказываться от проездных документов к месту проведения отпуска, было непозволительным расточительством.

После общения с врачом и просмотром отпускных документов у Игоря появилось больше вопросов, чем ответов. Он зашел в отдел и в коридоре лицом к лицу столкнулся с

заместителем начальника.

— Что-то не вижу оптимизма на лице, — произнес майор Нещерет.

Игорь подробно рассказал ему о результатах визита к врачу и сведениях, полученных в строевой части, а также тех сомнениях, которые возникли у него основе новых данных.

Нещерет, около минуты молча смотрел на Чернова, а затем сказал:

— Первое обстоятельство, что его госпитализировали именно 8 ноября в районе обеда, подтверждает его алиби. Хотя, было бы не лишним точнее выяснить время вызова. А вот второе обстоятельство, можно объяснить лишь тем, что он либо скрывает от жены место проведения отпуска. Либо вообще никуда не выезжает. Может быть, у него есть где-то любовница.

Он встал с места, походил немного по кабинету и спросил:

— У него этот брак первый или он ранее был женат?

— Второй, — ответил Игорь.

— А где проживает его первая супруга?

— Судя, по личному делу, в Североморске.

— Отлично, — оживился начальник, — Тогда выясни ее адрес, бери машину и езжай к ней. Опроси обо всем, о чем считаешь нужным.

— А именно? — попытался уточнить Чернов.

— А это уже тебе решать. Ты опер, лицо творческое. А я пока начальник, мое дело маленькое, либо дать тебе добро, либо не дать, — в очередной раз отшутился Нещерет.

Игорь вернулся к себе в кабинет, посмотрел в рабочей тетради записи из личного дела Ковальчука и выписал на отдельный листок адрес его первой жены. В Североморске интересующую его улицу и дом он нашел достаточно быстро. Поднявшись на второй этаж, он позвонил в квартиру под номером 5. Почти сразу ему открыла дверь неестественно худая женщина, одетая в бесцветный застиранный халат, с неопрятно заколотыми волосами и сигаретой во рту.

— Вам кого? — строго спросила она.

— Мне нужна Тамара Александровна Ковальчук, — ответил Игорь.

— Томка, — крикнула женщина, не сводя глаз с нежданного гостя, — К тебе морячок пришел.

Она еще раз оценивающе посмотрела на Чернова, затем усмехнулась и, не спеша, удалилась. Через несколько секунд в коридор вышла миловидная женщина лет тридцати, очень похожая на предшественницу, но только более ухоженная и аккуратная. Видимо они были сестрами. Она с интересом посмотрела на Игоря.

— Я Тамара Ковальчук — представилась она, кокетливо улыбаясь, — А Вы кто?

— Я старший оперуполномоченный Особого отдела майор Чернов Игорь Геннадьевич.

Лицо женщины мгновенно стало серьезным.

— А что случилось? — спросила она.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов относительно вашего бывшего мужа. — пояснил Чернов.

— Он что-то натворил?

— Тамара Александровна, — обратился к ней Игорь, — Вы предпочитаете разговаривать на лестничной клетке?

— Извините, проходите, пожалуйста, — женщина посторонилась, пропуская Чернова в квартиру.

Жилье двух одиноких женщин оказалось более, чем скромным. Обветшалая мебель, местами потертые обои, грубо сколоченные гвоздями стулья, все это свидетельствовало об отсутствии в доме мужской руки и недостатка средств.

— Так что же все-таки случилось? — спросила женщина, указывая Игорю на свободный стул и присаживаясь напротив него.

— На праздники на аэродроме был выведен из строя его вертолет.

— Не понимаю, чем я могу вам в этом помочь? — удивилась хозяйка дома.

— Я бы хотел узнать кое-какие моменты из вашей совместной жизни, но больше о нем, как о человеке.

— А что его новая супруга ничего о нем рассказать не может? — усмехнулась женщина.

— Я, наверное, не правильно выразился, — стал объяснять Чернов, — Меня интересует Ваш бывший муж, как возможный подозреваемый. Я повторяю, возможный. Судя по личному делу, вы прожили вместе почти 8 лет, поэтому, как никто другой, знаете его привычки и особенности.

— Ну, если Вы считаете, что я смогу чем-то помочь, то спрашивайте, что Вас интересует, — согласилась она.

— Расскажите, как вы познакомились и поженились.

Тамара удивленно посмотрела на собеседника, пожалала плечами, затем, немного подумав, начала рассказывать:

— Я окончила медицинское училище. По направлению попала в военный госпиталь. Он как выпускник военного училища проходил комиссию на пригодность несения службы на авианесущих кораблях. С этого начинается служба у всех офицеров, кто попадает в корабельные полки. Так, в госпитале и познакомились. Потом он почти каждый день стал ездить ко мне в Североморск. Всегда был таким внимательным, щедрым. Никогда не приходил с пустыми руками, то дарил цветы, то конфеты, иногда приглашал в кафе. Все было очень красиво и романтично, а через полгода сыграли свадьбу.

— Где отмечали свадьбу? — уточнил Чернов.

— Естественно, в Североморске, — удивилась Тамара. — Я ведь местная. У меня здесь в этой квартире жила мама. Она умерла в прошлом году. Отца я помню плохо, он был подводник и погиб, когда я еще в школу не ходила.

Ее глаза покраснели, она взяла платок и вытерла набегающую слезу.

— Извините, я отвлеклась, — она тяжело вздохнула и продолжила: — На свадьбе были все его друзья со службы и мои подруги.

— А родственники? — вновь спросил Игорь.

— Родственники с моей стороны, естественно, были, а с его — нет. Он же сирота.

— И что не было никаких ни братьев, ни сестер, ни дедушек, ни бабушек? — удивился Чернов.

— Никого.

— Извините, Тамара, а в отпуск вы куда ездили?

— Это отдельная тема, — женщина стала нервно теребить в руках носовой платок, — Может быть, потому и развелись. Мы вместе никуда в отпуск не ездили. Он обычно уезжал сам, говорил, что едет на могилу родителей. Всегда, правда, возвращался домой с кучей подарков, дефицитными вещами, парфюмерией. Он ведь родом из города Шостка — это же город химиков, и по его рассказам, там очень хорошее снабжение. Я просилась с ним, но он всегда мне отказывал, хотя я очень хотела посмотреть Украину. Там говорят очень красиво,

сосновые и дубовые леса, речка с таким же названием и грибов, не меньше, чем у нас. Сколько я не пыталась завести разговор на эту тему, он сразу начинал злиться и в итоге, все заканчивалось скандалом. Иногда, во время отпуска, он оставался дома, хотя, периодически, не объясняя причин, уезжал на 3–4 дня неизвестно куда. В конце концов, мне это надоело, я поставила вопрос ребром: или мы едем в отпуск вместе к нему на родину, и знакомимся с его дальними родственниками или разводимся. Мне тогда показалось, что он меня либо стыдится, либо там, в Шостке у него кто-то есть. После моего ультиматума, он сильно вспылал, стал упрекать меня, что у меня и так есть все, о чем не могут мечтать мои подруги. Что он ни в чем мне никогда не отказывает, но я тогда уже пошла на принцип. Короче, после этого мы не долго прожили. На первый взгляд может показаться, что повод для развода надуманный, но согласитесь, это же не нормально, за восемь лет семейной жизни ни разу вместе никуда не поехать в отпуск.

— Да, действительно, странно, — согласился с ней Чернов. — А в дальнейшем, вы так и не узнали истинную причину его отказов?

— Нет, я просто вырвала его из своего сердца и не хочу о нем ничего знать, — у нее вновь появились слезы в глазах, и женщина отвернулась.

Игорь хотел извиниться и выйти, но решил задать ей последний вопрос.

— Тамара, — обращаясь просто по имени, спросил Чернов, — А за эти годы, вы не замечали никаких странностей в его поведении.

Женщина вновь повернулась лицом к гостю и после небольшой заминки ответила:

— Да он весь состоял из странностей. Я до свадьбы всегда считала, что воспитанники детских домов в большинстве своем вырастают грубыми, хамоватыми, лишенными элементарных манер.

Она замолчала, обдумывая, как объяснить свою мысль, а затем продолжила:

— А Вася, был настоящий гусар, со всеми присущими светскими манерами. Он был очень обходительным, всегда подавал руку, выходя из автобуса, умел красиво говорить комплименты. Кушал исключительно с ножом и вилкой. Не помню случая, чтобы он утром не побрился или сел завтракать в майке. Его раздражало, когда в разговоре, я в отдельных словах не правильно ставила ударение. Я, тогда шутя, спрашивала у него: Ты учился в интернате или в кадетском корпусе? А он отвечал, что всю жизнь мечтал стать офицером и поэтому с детства зачитывался военными рассказами Куприна, Толстого и хотел подражать их героям.

На секунду на лице женщины появилась грустная улыбка. Так улыбаются люди, когда вспоминают что-то чистое и светлое в своей жизни, чего уже невозможно вернуть. Она замолчала, устремив взгляд в одну точку, а затем, тяжело вздохнув, продолжила:

— А иногда, у него без причины наступала депрессия. Он мог неделями со мной не разговаривать. В этот период его было страшно о чем-то спрашивать. Любое мое слово он моментально воспринимал, как повод для скандала. Правда, потом просил прощения, но мне от этого было не легче.

— А какие-то вредные привычки или склонности у него были? — уточнил Игорь.

Женщина опять на минуту задумалась, пожала плечами и сказала:

— Он почти не курил. Выпивать стал только тогда, когда в полк попал, а ничего другого я за ним не замечала.

Женщина умышленно рассказывала о своем бывшем муже в прошедшем времени, лишней раз подчеркивая, что связь между ними утрачена окончательно и бесповоротно.

— Тамара Александровна, большое Вам спасибо, за то, что уделите мне время и извините, если я невольно причинил Вам боль, — поблагодарил Тамару Чернов.

Он встал и прошел в коридор. Женщина продолжала сидеть в прежнем положении.

— Всего Вам доброго, — на прощание сказал Игорь.

— И вам того же, — смахнув набежавшую слезу, ответила Тамара.

В гарнизон Игорь вернулся в непонятном для себя состоянии. С одной стороны, он получил интересную информацию. С другой стороны, осознание того, что он невольно причинил душевную боль женщине, не давало ему покоя. Но еще больше его волновал вопрос, где все-таки находился Ковальчук во время всех произошедших ЧП. На этот вопрос могли ответить только соседи, обойти внимание которых в гарнизоне было практически не реально. Чернов заскочил в отдел, в двух словах доложил начальнику о результатах общения с Тамарой Ковальчук, и, оставив его переваривать новые сведения, поспешил в домоуправления, чтобы получить список соседей проверяемого.

Не прошло и получаса, как он вернулся.

— Что случилось, — удивился Нещерет.

— Я все узнал. Но появились новые вопросы, — Чернов положил на стол поквартирный список соседей Ковальчука.

Нещерет внимательно перечитал его дважды, а затем, отбросив список в сторону и, подняв глаза на Чернова, спросил:

— Козак Александр из соседней квартиры — это тот самый, кого вы подозревали в организации предыдущих поджогов?

— Именно, — тихо ответил Чернов.

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны, — тяжело вздохнув, произнес Нещерет и, вновь взял в руки список.

— Товарищ, начальник, — иронично обратился Чернов к старшему коллеге, — Пока Вы будете принимать командирское решение, я с Вашего позволения, опрошу одного негласного источника. Вдруг что-то интересное сообщит.

— Только, будь другом, хватит новых вопросов. Узнай от него что-нибудь конкретное. А то мой мозг не выдержит такой нагрузки. Закипит, — улыбаясь, попросил Нещерет.

— Тут уж, как карта ляжет, — ответил Игорь, вновь выходя из кабинета.

Чернов шел на вычислительный центр для встречи с капитаном Бондаренко. Тот много лет сотрудничал с Особым отделом КГБ, но в последнее время эти контакты стали происходить реже, потому что круг его общения агента значительно сузился. Благодаря новому месту службы, на аэродроме он практически не появлялся. В силу преклонного для младшего офицера возраста, дружеские отношения он сократил до минимума, отдавая предпочтение семье и домашнему хозяйству. На свой страх и риск, Владимир Федорович держал в заброшенном сарае за пределами гарнизона несколько свиней и очень гордился своими фермерскими успехами. Помимо этого, он промышлял ловлей зайцев петлями, хотя старался не распространяться на эту тему.

— Какими судьбами? — воскликнул старый капитан, увидев на пороге Чернова.

— Шел мимо, дай думаю, зайду, — традиционной фразой ответил майор.

— Не надо мне рассказывать сказки. Ты часто мимо ходишь, а вот заходишь редко.

— Вы правы, Владимир Федорович. Каюсь, грешен. Захожу только по необходимости. Рутину затянула и никак не могу с ней разделаться, — попытался оправдаться Игорь.

— Хорошо, можешь считать, что извинения приняты, — улыбнулся капитан, — Рассказывай, что тебя привело ко мне?

— Вы, наверное, слышали, что в третьей эскадрилье пытались поджечь вертолет?

— Слышал, — ответил Бондаренко, — Но боюсь, что вряд ли тебе чем-то смогу помочь. Мне никто никаких подробностей не рассказывал.

— Мне нужна ваша консультация, — пояснил майор и сразу же продолжил, — На вертолете кто-то перерезал блокирующий трос на грузовой кабине. Я пробовал его перерезать штык-ножом, но безрезультатно. Чем его можно перекусить?

Бондаренко молча, не вставая со стула, открыл ящик стола, вытащил оттуда специальные кусачки и тонкий стальной тросик, напоминающий тот, которым была заблокирована дверь вертолета. Он, также молча, практически без усилий, отрезал два небольших кусочка и протянул их Игорю. Затем улыбнулся и сказал:

— Чудак-человек, и за этим ты ко мне пришел? Да эти кусачки есть у любого техника в наборе инструментов.

— А Вам они зачем? — поинтересовался Игорь.

— Как зачем? Петли на зайцев делаю, — спокойно ответил тот и предложил, — Чаю хочешь?

Чернов отрицательно покачал головой. Затем, подошел к окну и стал молча смотреть в окно. На улице уже было темно и кроме своего отражения в стекле ничего не было видно. Бондаренко не спеша, налил кипяток в кружку, положил туда три куска сахара и опустил ситечко с заваркой. Периодически он посматривал на гостя, но не мешал ему собраться с мыслями.

— А когда на зайцев петли ставите, Вы в сопки на лыжах ходите? — выйдя из состояния замешательства, спросил Игорь.

— Да делать мне больше нечего, — удивился капитан, — Я их ставлю сразу за свинарником. Зайцы — зверьки не глупые. Они к человеческому жилью тянутся, потому что там всегда зимой корм найти можно. Их даже вокруг аэродрома больше, чем кошек на помойке.

— А куропатки? — неожиданно поинтересовался Игорь.

— Что куропатки, — не понял Бондаренко.

— Куропатки тоже к человеческому жилью тянутся?

— Да, ну что ты, — протянул капитан, — Куропатки — птицы пугливые и осторожные. Они человека близко к себе не подпускают. Вот их нужно подальше от гарнизона искать.

— Спасибо, Федорович, — радостно воскликнул Чернов, — Ты не представляешь, как ты мне помог.

Он схватил свободную руку капитана и стал ее трясти так, что собеседник разлил чай на стол. Затем, схватив шапку, бегом выскочил из его каморки. Бондаренко посмотрел ему в след, вытер рукавом стол и произнес:

— Какие ж они все чокнутые эти особисты. Хоть бы раз нормальный попался.

Подойдя к штабу, Чернов вспомнил, что сегодня даже забыл пообедать. Заходить в отдел, и в который раз рассказывать Нещерету о результатах проведенных бесед у Игоря желания не было. Нужно было связать воедино все, что было получено за последние дни. Он решил пойти домой и там все спокойно обдумать. В последнее время, как ни странно, но именно дома, а не в рабочем кабинете, Игорю приходили в голову самые неожиданные решения. Вечером он долго не мог заснуть, в его, казалось бы, стройной цепочке рассуждений не хватало одного или двух звеньев для того, чтобы быть абсолютно уверенным в правоте своих предположений. Так, незаметно, он погрузился в сон.

Утром он проснулся позже обычно, и наскоро приведя себя в порядок, выдвинулся на службу. На удивление, в кабинете начальника с утра оказалось достаточно многолюдно. Там уже сидели секретарь отдела прапорщик Гринчик, майор Мухин, майор Дубовик и представитель военной прокуратуры, которого ранее Игорь видел на аэродроме.

— Очень хорошо, что ты подошел, — не обращая внимания на опоздание подчиненного, обратился Нещерет к Чернову, — К нам приехал товарищ из военной прокуратуры с очень серьезными намерениями.

Гость встал с места и представился:

— Капитан Максимов Алексей Михайлович, старший следователь военной прокуратуры.

В ответ Чернов назвал себя и протянул ему руку.

Моим руководством, — начал капитан, — принято решение о возбуждении уголовного дела по последнему факту. — Он вытащил из папки и показал всем постановление, — В связи с этим, у меня есть санкция на проведение обысков в гарнизоне. Фамилии в постановлениях не указаны, поэтому обыскивать будем тех, кого вы посчитаете нужным. У нас подобное не практикуется, чтобы на месте решать кого обыскивать, но, учитывая, что в этом году аналогичные ЧП уже имели место, военный прокурор пошел на такой беспрецедентный шаг и взял на себя полную ответственность.

— 37 год отдыхает, — тихо шепнул Мухин Дубовику и улыбнулся.

Представитель прокуратуры никак не отреагировал на эту реплику, а только вытер платком пот со лба и продолжил:

— Нами проведены экспертизы изъятых с места происшествия вещественных доказательств. В результате установлено, что в канистре находился керосин. В качестве бикфордова шнура использовалась парашютная стропа, пропитанная тем же керосином. Возгорание не произошло только из-за того, что оплавилась горловина канистры и жидкая пластмасса залила горящий шнур. В результате низкой температуры воздуха, испарения керосина были незначительными, поэтому не произошло ожидаемого возгорания. Если бы вместо керосина в канистре находился бензин, то взрыв произошел бы в считанные секунды. У преступника не было бы даже времени скрыться с места преступления.

Капитан положил заключение на стол, и, обращаясь ко всем присутствующим, спросил:

— Ну, с кого начнем?

Не успел Чернов предложить свою кандидатуру, как его перебил Нещерет:

— Мы с офицерами посоветовались и решили, что в первую очередь необходимо

провести обыск в гараже у капитана Козака.

Чернов с Мухиным удивленно переглянулись и одновременно перевели взгляд на начальника.

— Что Вы на меня смотрите? — спросил Нещерет, — Вы сами говорили, что в обоих случаях были следы охотничьих лыж. И сами меня уверяли, что такие лыжи есть только у Козака.

— Я вас ни в чем не уверял, — буркнул Мухин.

— Ну, какая разница, кто мне об этом говорил. Вы оба его проверяли. И Вы, Виктор Николаевич, не представили мне никаких данных, которые бы свидетельствовали о невинности этого офицера.

— Я не пойду на обыск, — категорично заявил Виктор, — Мне с этим человеком еще служить. Вдруг ничего не найдем, как я потом людям в глаза смотреть буду.

— А, кстати, что будем искать? — вмешался в разговор следователь.

— Как что? — удивился Нещерет, — Сами лыжи, керосин, стропы и все остальное, что может иметь отношение к поджогу. Виктор Николаевич, — обратился он к Мухину, — вызывайте в отдел Козака.

Тот, тяжело вздохнув, набрал номер телефона командира полка и передал тому просьбу своего руководителя. Затем, вытащив пачку сигарет и, вспомнив, что заместитель начальника не курит, спросил:

— Вы не против, если я выйду покурить?

— Я тоже, — вскочил со стула капитан юстиции.

— Травитесь на здоровье, — разрешил хозяин кабинета.

Гринчик и Дубовик вышли вслед за ними. Как только закрылась дверь, Нещерет посчитал нужным, дать кое-какие пояснения Чернову.

— Провести обыск у Ковальчука мы сейчас не можем, так как он лежит в санчасти. Версию об его причастности я не отбросил. Более того, отправил его фотографию и запрос в Шосткинский горотдел милиции, чтобы нашли его одноклассников и опросили в отношении него. Я не думаю, что все они разъехались по стране, наверняка кто-то остался в городе. А дальше, будем смотреть по обстоятельствам.

Не прошло и пятнадцати минут, как в отдел прибыл капитан Козак. Он вежливо поздоровался со всеми присутствующими и вошел в кабинет начальника.

— Козак Александр Васильевич? — официально обратился к нему представитель военной прокуратуры.

— Так точно, — ответил офицер, оглядываясь по сторонам.

— Вы подозреваетесь в покушении на умышленный вывод из строя боевой техники..., — стал зачитывать капитан все статьи, по которым возбуждено уголовное дело.

— Вы в своем уме? — переходя на крик, возмутился Козак, — Какое покушение, какие статьи? Я не имею никакого отношения к этому поджогу.

— А что Вы так нервничаете? — перебил его следователь. — Мы вас не обвиняем, но у нас есть основания Вас подозревать.

— Что Вы от меня хотите, — обречено произнес капитан, присаживаясь на стул.

— Нам нужно провести обыск в Вашем гараже, — вмешался в разговор Нещерет.

— Да, пожалуйста, с вызовом ответил офицер, — Но я не могу утверждать, что все предметы, находящиеся там, принадлежат мне.

— Это как? — не понял его следователь.

— А так. Гараж у меня есть, а вот автомобиля нет. Поэтому я его сдаю в аренду своему соседу капитану Ковальчуку. А вот что он там хранит, я не знаю. Моя там только картошка.

— В любом случае, официально гараж Ваш, поэтому проводите нас туда, — стал настаивать сотрудник прокуратуры.

— Как хотите, — согласился Козак, — Пойдемте, проведу.

Он встал со стула, надел шапку и, со злой ухмылкой, спросил:

— Мне как идти, руки за спиной держать или мне наручники наденут?

— Если хотите, можно и в наручниках, — невозмутимо ответил капитан юстиции.

Козак хмыкнул и, развернувшись, последовал на выход.

— Иди вместе с ними, — обратился Нещерет к Чернову, — За одно и двух зайцев убьешь, узнаешь, что там Ковальчук хранит. По пути возьми в казарме пару матросов в качестве понятых, чтоб потом на месте их не искать.

— Хорошо, — ответил Игорь, и последовал за следователем.

Во время пути, Козак не проронил ни слова. Также молча, подойдя к гаражу, он снял замок, включил свет в помещении и пропустил туда Чернова с Максимовым, матросы — понятые остались стоять на входе.

Основное пространство гаража занимал автомобиль Ваз-2106. В помещении был спертый воздух, пахло бензином и гнилым картофелем.

— Перед началом обыска, я предлагаю Вам добровольно выдать все предметы, имеющие отношение к делу, — официальным тоном предложил следователь.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — категорично ответил штурман и демонстративно закурил сигарету.

Максимов присел на табурет и стал писать протокол. Чернов прошел внутрь гаража и стал осматривать его содержимое. В углу за шкафом, он увидел пару охотничьих лыж. Они, действительно, были необычные. Чуть более полутора метра в длину и сантиметров пятнадцать в ширину. Игорь покрутил их и увидел на полу под ними небольшую замершую лужицу.

— Как давно Вы ими пользовались? — спросил он у Козака.

— А с тех пор, как Вы у меня винтовку забрали, так и перестал. Надобность в них отпала, — с вызовом ответил капитан.

— А мне кажется, что ими пользовались совсем недавно. Иначе бы за лето вода успела высохнуть, а тут, наоборот, замерзла, — заметил Игорь.

Козак с недоверием посмотрел на оперуполномоченного и подошел ближе к лыжам, чтобы проверить его наблюдение. Он присел на корточки, пальцем потрогал лед, и недоуменно произнес:

— Понятия не имею. Я, действительно, ими не пользовался с самой весны. Может быть, Ковальчук брал?

— А Вы ему разрешали? — уточнил следователь.

— Да, он никогда и не спрашивал. Хотя, что ему мешало бросить их в машину, выехать за гарнизон походить по сопкам, а потом вернуть на место. Что с этими лыжами случиться?

В это время Чернов продолжал осматривать гараж. За ширмой на стеллажах, он нашел пластмассовую канистру, точно такую же, какую обнаружили на вертолете, только синего цвета. Он взял ее в руки и показал Козаку.

— Ваша канистра?

— Нет, Ковальчука, — не задумываясь, ответил штурман.

— Вы в этом уверены? — уточнил Максимов.

— Конечно, уверен. Я сам ему привез ее из командировки, когда вертолет гоняли в ремонт в Уфу. А что здесь такого? Я и себе такую же купил, только зеленую.

— Вы можете ее показать? — попросил следователь, взглянув на Чернова.

— Конечно, — ответил Козак, и стал ее искать за той же ширмой. Не обнаружив емкости в основном помещении, он спустился в подвал. Через минуту, он вылез из погреба и удивленно произнес:

— Ее нигде нет.

— А может быть, Вы ее кому-то отдали? Или у Вас, ее кто-то одолжил на время? — спросил Чернов.

— Да, никому я ее не отдавал, я в ней керосин держал на всякий случай.

— А давай посмотрим, что там, в багажнике автомобиля Ковальчука? — предложил Чернов следователю, — может быть, она там?

— Не имеем права, это собственность Ковальчука, а у нас нет ордера на обыск его автомобиля, — категорично ответил Максимов.

— А мы не для протокола, а для самоуспокоения, — сказал Чернов, открывая багажник.

Возражать было поздно. Все трое заглянули внутрь багажника. Там находились: запасное колесо, ящик с инструментами и две пластиковые бутылочки. Чернов поочередно открыл каждую из них и понюхал. Как и в автомобиле у майора Пшеничного в одной был спирт, в другой керосин.

— «Джентльменский набор» заполярного автомобилиста, — усмехнулся Козак, наблюдая за действиями Чернова.

Игорь открыл ящик с инструментами и сразу же его закрыл. Прямо сверху лежали точно такие же кусачки, какие ему совсем недавно показывал капитан Бондаренко.

Все, что хотел увидеть в этом гараже Чернов, он увидел. Надев перчатки, он вышел на свежий воздух и стал терпеливо ждать, пока следователь закончит писать свой протокол. Козак, подписав документ, подошел к Чернову.

— Меня сейчас должны взять под арест?

— Почему ты так решил? — удивился Игорь.

— Ну, как же. Судя по вашим лицам, вы нашли то, что искали. Я, конечно, ничего не могу понять, я не знаю обстоятельств поджога вертолета, но, у меня появилось предчувствие, что сейчас все сходится на мне, — глядя прямо в глаза, спросил Козак.

Чернов отвел взгляд и, немного подумав, сказал:

— Знаешь, Саша, в мою версию случившегося, ты однозначно не вписываешься. Но кто-то тебя, очень грамотно тебя подставляет. Поэтому, в твоих интересах сейчас воспринимать нас не как сатрапов, а как своих адвокатов. Поверь, мне или Мухину не будет легче от того, если тебя посадят. Для нас сейчас вопрос чести найти настоящего преступника, а без твоей помощи это будет очень сложно сделать.

— Что от меня нужно? — решительно спросил капитан.

— Для начала, когда из санчасти выйдет Ковальчук, прийти к нему и выяснить, брал ли он твои лыжи, куда пропала твоя канистра, и вообще, что он думает по поводу поджога на своем вертолете. А там дальше посмотрим.

— Черт, — выругался Козак, — все так не вовремя. Я только что договорился с командиром полка о переводе в корабельный полк, а тут опять, вляпался. Да, ладно, был бы виноват, а то так, за здорово живешь.

— Ты раньше времени не паникуй, еще никто никаких выводов не делает, — посоветовал ему Чернов.

В этот момент следователь закончил свое дело. Он закрыл папку с документами и обратился к Козаку:

— Закрывайте гараж, но мы с вами не прощаемся. Мне еще нужно официально Вас допросить?

Козак тяжело вздохнул, посмотрел на Чернова и произнес:

— Я к Вашим услугам.

Когда все трое вернулись в особый отдел, майор Нещерет предоставил свой кабинет следователю, а сам переместился к Чернову.

— Ну, рассказывай, что нашли у него в гараже? — не скрывая интереса, спросил он.

Игорь подробно рассказал, обо всем, что там было найдено, и какие пояснения при этом дал сам Козак.

— Вот, видишь, — победно произнес Юрий Иванович, — интуиция меня не подвела. Я как чувствовал, что это его рук дело.

— Но, он все отрицает, — возразил Чернов, — И я почему-то ему верю.

— А ты надеялся, что он сразу во всем сознается? — усмехнулся Нещерет, — Просто ты по натуре своей человек мягкий и продолжаешь людям верить на слово. А в нашей работе нужно верить только фактам. С таким отношением к людям тебе надо было в замполиты идти, а не в КГБ.

— Хорошо, а как тогда объяснить, что грузовая кабина вертолета Ковальчука была не плотно закрыта? Как это мог сделать Козак, если вертолет закрывает только старший техник, — возразил начальнику Чернов.

— Очень просто. Я уже думал над этим. Козак мог проходить мимо вертолета, когда там двери были открыты, и в этот момент положить на полозья какой-нибудь предмет. Например, болт. Ковальчук, закрывая дверь изнутри, мог его и не заметить. Таким образом, образовалась щель.

— Хорошо, — не унимался Чернов, — А цель этих действий? В чем заключается мотив?

— А вот на этот вопрос вы с Мухиным должны мне ответить, — серьезно заявил Нещерет, — Может быть, Ковальчук спит с женой Козака, и тот, узнав об этом, решил отомстить ему. Может быть, Ковальчук задолжал Козаку деньги и не хочет отдавать? Да, вариантов куча. Поэтому я гадать не буду, выясняйте характер их взаимоотношений, а потом будем делать выводы. Пока, все улики против Козака: найденная в вертолете канистра с керосином принадлежит ему, след от охотничьих лыж — тоже его, стропа, которую использовали в качестве бикфордова шнура — ее можно взять где угодно, благо в авиации этого добра хватает. Если я ошибаюсь, убедите меня в обратном. Подтвердите его алиби, которого пока у него нет. Я нормальный человек, но верю фактам, а не эмоциям. Если я окажусь не правым, то не постесняюсь это признать.

Он вопросительно посмотрел в глаза Чернову. Чернов, не стал долго выдерживать паузу и предложил:

— Юрий Иванович, у меня есть предложение, как внести ясность в этот вопрос.

— И каким же образом?

— Мы устанавливаем с Козаком, так называемый, ложный оперативный контакт и даем ему задание выйти на разговор с Ковальчуком. Сами, в тайне от проверяемого, будем контролировать их разговор через возможности оперативно-технического отдела областного Управления. Ни Козак, ни Ковальчук об этом знать не будут, поэтому мы сможем быстро проверить характер их отношений, а также выясним, насколько откровенен с нами Козак.

— Мысль, хорошая, — согласился Нещерет, — Вот только где ты предлагаешь установить прослушку?

— Я думаю, будет лучше, если на квартире у Ковальчука, желательно на кухне. Обычно

там проходят все разговоры.

— А если они решат поговорить в гараже? Что тогда? — резонно заметил руководитель.

— Для этого Козаку сразу отработаем линию поведения, чтобы он взял бутылку и вечером зашел домой к соседу. Тем более, что повод для разговора есть, и повод серьезный. Как никак прошел обыск в их совместном гараже.

— Логично, — опять согласился Нещерет, — Но ты должен понимать, что вопрос о проведении оперативно-технического мероприятия за один день не решается. Необходимо время.

— Ковальчук будет находиться в лазарете, как минимум еще 4 дня. Если надо, я договорюсь с начмедом, чтобы его продержали еще пару суток.

— Принимается, — ответил Нещерет, — В таком случае не будем терять времени. Вы с Мухиным занимайтесь проверкой их взаимоотношений, а я вспомню молодость, поеду в Мурманск решать вопрос по использованию техники.

— Тогда, к Вам еще одна просьба, — произнес Игорь.

— Говори.

— Решите вопрос со следователем, чтобы военная прокуратура не принимала пока никаких мер пресечения по отношению к Козаку, иначе у нас ничего не получится, — попросил Чернов.

— Само собой, — уверенно ответил начальник.

Он хлопнул ладонью по колену и решительным шагом вышел из кабинета.

В течение четырех дней Чернов и Мухин с помощью своих негласных помощников, восстанавливали историю взаимоотношений между капитанами Козаком и Ковальчуком. В результате, всплыло несколько интересных моментов из прошлой жизни каждого. В частности, оказалось, что в лейтенантские годы они сожительствовали с сестрами официантками из летной столовой, хотя каждый из них в то время уже был женат. Одно время Ковальчук и Козак были закреплены за одним вертолетом и числились в одном экипаже. Даже имел место случай драки между ними на День военно-морского флота и много других курьезов. Но все это у них было в молодости. Ничего такого, что могло бы повлечь конфликт в последние годы, негласные помощники вспомнить не могли.

Вместе с тем, на согласование и подготовку проведения оперативно-технического мероприятия ушло 5 дней. Как всегда не обошлось без накладок. В тот день, когда в квартире Ковальчука устанавливали прослушивающее устройство, последнего неожиданно выписали из лазарета. Поэтому Чернову пришлось перехватывать хозяина квартиры на подходе к подъезду дома и везти на служебной машине в Североморск в военную прокуратуру на допрос. С его женой получилось проще. Ее заблаговременно вызвали в гинекологический кабинет на плановый осмотр, где по стечению обстоятельств работала супруга майора Мухина. А тем временем, Виктор Николаевич инструктировал капитана Козака в отношении предстоящей встречи с соседом и давал последние наставления по линии поведения. Результат предстоящей беседы все ожидали с большим нетерпением.

* * *

Как и было обговорено заранее, капитан Козак сидел вечером возле окна и ждал

приезда домой своего соседа. Его жена несколько раз пыталась выяснить причины столь нехарактерного поведения мужа, но тот принципиально молчал. В конце концов, женщине надоело задавать ему одни и те же вопросы, и она удалась в комнату, где села смотреть нескончаемый сериал «Рабыня Изаура». Наконец, в половине восьмого вечера, на аллее ведущей к дому, показалась фигура капитана Ковальчука. Козак терпеливо выждал рекомендованные 15 минут и, завернув в газету бутылку спирта, вышел на лестничную клетку. Его жена настолько была увлечена фильмом, что даже не заметила ухода мужа.

После звонка, дверь почти сразу же открыл хозяин квартиры.

— Саня, что случилось? — спросил Ковальчук.

— Надо поговорить, — полушепотом произнес Козак.

— Может в другой раз, — извиняющимся тоном предложил Ковальчук, — Я после больнички хотел помыться, тем более, сегодня еще и на допросе был. Поверь, устал, как собака.

— Вася, дело серьезное, ждать не могу, — настаивал штурман.

Ковальчук тяжело вздохнул и посторонился, пропуская гостя в коридор. Козак прошел прямо на кухню и демонстративно поставил бутылку на стол.

— Нет, нет, нет, — возмутился Ковальчук, — Я с этим делом пас. И так еле оклемался.

— А я выпью, — сказал Козак и налил себе четверть стакана. Не произнося никакого тоста, он молча выпил и занюхал кусочком хлеба, лежащим на столе. Ковальчук, стоя в дверном проеме, молча наблюдал за гостем.

— Так, что у тебя за дело ко мне? — спросил он, — Компанию некому было составить?

— Мне не до смеха? — начал Козак, — Меня тоже на допрос вызывали и более того, теперь я у них главный подозреваемый.

— Ты? — удивился Ковальчук, — Почему именно ты, а ни кто-то из нашего полка?

— Да потому что они нашли следы охотничьих лыж, сразу же после попытки поджога.

— А с чего они решили, что это следы твоих лыж, а не чьих-то других. Они что у тебя, какой-то специфический след оставляют?

— Да, в том-то и дело, что охотничьи шире спортивных, а как оказалось, такие в гарнизоне только у меня одного. Более того, в гараже под ними во время обыска обнаружили замерзшую лужу воды.

— Ну и что? — возразил хозяин, — Ты мог на них пройтись. После прогулки они оттаяли, а потом лужа на морозе замерзла. Что, это криминал?

— Да, в том то и дело, что я с весны на лыжах никуда не ходил? — ответил Козак.

— Так ты хочешь сказать, что это я их брал? — с обидой спросил Ковальчук, осознав на что намекает гость, — Я никогда без спроса чужого не беру.

— А как тогда, моя канистра с керосином оказалась у тебя на вертолете? — согласно полученного инструктажа, продолжал задавать вопросы Козак.

— Какая канистра?

— Та самая, которую я привез тебе из Уфы. Я помню, что в гараже они были за ширмой рядом. А во время осмотра оказалось, что твоя на месте, а моей нет.

— А, ну, я ее брал. Мне нужно было набрать керосина для промывки двигателя на автомобиле, — сбиваясь, ответил Ковальчук.

— Ну и брал бы свою, что ж ты мою взял?

— Моя была полная, а твоя пустая, вот я ее и взял, — стал оправдываться Василий.

— Не хитри, моя тоже была с керосином и как ты объяснишь, что потом она оказалась у

тебя на вертолете, тем более при таких обстоятельствах?

Ковальчук замолчал на целую минуту, Козак не моргая смотрел на своего собеседника и терпеливо ждал ответа.

— Не хотел тебе говорить, — после паузы начал говорить Ковальчук, — Но свою канистру я как-то брал домой. А когда появилась необходимость промыть двигатель, лень было возвращаться за ней. Вот я и взял твою, но не успел набрать керосина, как там же, на аэродроме, у меня ее и украли. Я тебе об этом не сказал, но подумал, что если тебе понадобится канистра, то отдам свою. Это что, проблема? — взяв себя в руки, ответил Ковальчук.

— Для тебя может быть и не проблема, а мне дело шьют, — обиженно произнес Козак.

— Ерунда, это все, Саня, домыслы все это. — Ковальчук попытался улыбнуться и продолжил. — Не бери дурного в голову. Для выдвижения обвинения по этому поджогу нужны серьезные аргументы. А это все ерунда, на канистре отпечатков пальцев ничьих нет, поэтому может быть это и не твоя даже. Мало ли таких канистр по Союзу ходит. А лыжи, они тоже могут быть не твоими. Никто ведь экспертизу следа не проводил.

— А откуда тогда лед под ними мог взяться? — не унимался Козак, — С весны, за лето вода давным-давно бы высохла.

— Ты намекаешь, что это я их брал? — начал возмущаться Ковальчук, — Ты раскинь мозгами. Сейчас зима и в гараже всегда минусовая температура, откуда там возьмется лужа?

— А лужа там может взяться только в одном случае. Если ты, сняв лыжи, положил их в машину и поехал в гараж. В салоне они оттаяли, поэтому в гараже и образовалась лужа.

— Уходи, — категорично заявил Василий, — Не ожидал я, что ты меня, своего друга, начнешь подозревать в таких вещах. Я не хочу больше с тобой разговаривать.

Он повернулся в дверях и, освобождая проход, дал понять, что разговор закончен.

Козак вышел не прощаясь, оставив початую бутылку на столе.

Когда за ним закрылась дверь, Козак вернулся на кухню, устало опустил на стул и налил себе стакан спирта. В этот момент к нему тихо подошла жена.

— Вася, не надо, у тебя же сердце?

— Да, какое сердце, ты же знаешь, что я здоров, как бык. Надо стресс снять, а то день был очень тяжелым, да еще этот придурок, со своими разборками, — он мотнул головой в сторону двери.

— Вася, — не унималась жена, — А вдруг они все узнают?

Женщина тихо всхлипнула и обняла за плечи мужа.

— Заткнись, дура, — резко оборвал ее Ковальчук, — Никто ничего не узнает. Нет у них против меня ничего.

Он встал, прошелся по коридору, затем, взяв себя в руки, прижал жену к груди и уже более спокойным голосом произнес:

— Извини, все это нервы. Нам нужно переждать недельку пока все уляжется. Зато потом, остаток жизни мы проживем в Канаде, ни в чем себе не отказывая.

— А вдруг все же особисты что-то найдут? — не унималась жена.

— Ничего они не найдут. Они меня даже не подозревают. Если б что-то было, мне бы Горобченко уже сказал.

— А ты думаешь, он скажет? — с надеждой спросила женщина.

— Конечно, скажет, — гордо заявил Ковальчук, — он мне обязан по гроб жизни. Только я один в гарнизоне знаю, что у него в Североморске есть вторая семья и ребенок. У

особистов знаешь, как строго с этим делом. Если его руководство об этом узнает, его сразу же с должности снимут. Он и так, сначала пытался меня выжить из гарнизона, но я начал его шантажировать. В конечном итоге договорились, что я молчу, пока у меня все хорошо. А так, сколько раз он пытался решить эту проблему с выгодой и для меня и для себя, даже пытался перевести меня на Черноморский флот. Однажды предлагал мне свою протекцию для поступления в академию, но я опять отказался.

— А что произошло между Вами? Ты мне раньше никогда об этом не рассказывал. — поинтересовалась жена.

— Это длинная и не интересная история, — ответил муж, — Просто по молодости лет Горобченко захотел под меня копнуть. Я об этом узнал и сразу же поставил его на место.

— А Горобченко из гарнизона никуда не перевели? — с тревогой в голосе поинтересовалась женщина. — Я давно его не видела. А на его служебной машине какой-то рыжий майор разъезжает.

— Нет, — ответил муж, — Рыжий — это его заместитель. А сам Сергей Дмитриевич был то ли на сессии в Москве, то ли в отпуске. Но уже должен быть на месте.

На следующий день Нещерет и Чернов, закрывшись в кабинете начальника, слушали запись вечерних диалогов.

— Да, занятно, — протянул Юрий Иванович, когда лента закончилась. Он подошел к зеркалу, поправил волосы и с улыбкой спросил:

— Ну, какой же я рыжий? Я контрастный блондин. Да и жене моей цвет волос нравится.

— Это все, что Вы почерпнули из этой записи? — не без иронии спросил Чернов.

Нещерет улыбнулся и вновь подошел к столу.

— Должен признать, что ты был прав. Козак, видимо, действительно не причем, а вот Ковальчук еще тот жук. Выкручивается из любого положения. Я даже не знаю, как его опрашивать. Насчет Канады, он, возможно, выразился фигурально, хотя с чем черт не шутит. Но в одном он прав. Реально нам зацепить его не за что, и предъявить ему нечего. Признаков много, но все они косвенные. Хотя, если честно, я уже не знаю, что в этой ситуации можно еще предпринять. Разве что ждать очередного ЧП с его участием.

— Дорогое удовольствие, — буркнул Чернов.

— Ладно, — вновь встал с места Нещерет, — Возьми кассету с записью, прослушай ее еще раз. Может быть, что-то мы упустили. А я поеду в аэропорт «Мурмаши» встречать Горобченко. Слава богу, закончился период моего царствования, пусть теперь Сергей Дмитриевич решения принимает.

Он надел шинель, опечатал кабинет и вышел из отдела. А Чернов, вернувшись к себе, вновь сел за магнитофон слушать полученную запись. Прослушав ее еще раз, он набрал номер телефона следователя военной прокуратуры капитана Максимова.

— Алексей Михайлович, добрый день, — поздоровался Чернов, — Можно Вам задать один вопрос?

— Здравствуйте, — ответил следователь, — Конечно, если смогу ответить.

— Я хотел у Вас уточнить, во время допроса Ковальчука, Вы ему говорили, что на канистре не обнаружено отпечатков пальцев?

— Нет, конечно, — удивился Максимов, — Я наоборот, официально откатал его пальчики. Но должен отметить, что к этой процедуре он отнесся очень спокойно. А что у Вас появились какие-то новые сведения?

— Да, — подтвердил Чернов, — Но, это не по телефону. Я бы Вас попросил завтра в срочном порядке провести обыск в автомобиле Ковальчука.

— И что мы там будем искать? — поинтересовался капитан.

— Если помните, во время обыска гаража, я открывал багажник автомобиля?

— Не помню, — явно слукавил сотрудник прокуратуры, видимо опасаясь возможного прослушивания телефона.

— Ну, не важно, — продолжил Чернов, — В ящике с инструментами я увидел кусачки, которыми можно перекусить стальной трос. Было бы очень кстати, если бы вы их изъяли и провели экспертизу, на предмет их соответствия срезу на тросе.

— Это не проблема, но к чему такая срочность? — поинтересовался Максимов.

— Есть основания предполагать, что Козак поделился с ним впечатлениями о ходе обыска в гараже, поэтому не исключено, что Ковальчук попытается избавиться от лишних

улик, — пояснил Чернов.

— Хорошо, — ответил капитан, — Завтра с утра я буду у вас в гарнизоне.

Он попрощался и первым положил трубку.

Домой Игорь вернулся в предчувствии скорой победы и оттого был, как никогда весел.

Люда удивленно посмотрела на него и спросила:

— Тебя что, повысили в звании или назначили начальником? Я тебя давно таким цветущим не видела.

— Ни то и ни другое. По-моему, я нашел виновника всех поджогов в нашем гарнизоне, — улыбаясь, ответил Игорь.

— И что, его уже арестовали? — поинтересовалась жена.

— Нет, пока, но все к этому идет?

— Тогда не надо ничего рассказывать, чтобы не сглазить. Переодевайся и иди ужинать, я сегодня приготовила рыбу по новому рецепту, тебе должно понравиться, — улыбнулась Люда и вновь скрылась на кухне.

Ночь выдалась бессонной. У младшей дочери начали резаться зубы, и она проплакала до самого утра. Около 6 часов она успокоилась и Люда заснула вместе с ней. Игорь вышел на кухню. Пытаться заснуть в такое время, уже не было смысла. Он захотел достать пачкупельменей из ящика всеящего за окном, и вдруг заметил, как в здании штаба, в районе его кабинета, горит свет. Он быстро накинул на плечи меховую куртку и побежал в штаб. Дежурный по штабу, никогда не видевший Чернова в спортивных брюках и в технической куртке, удивленно окинул его взглядом, но ничего не сказав, молча отдал честь. Игорь зашел в отдел, дверь в его кабинет была открыта настежь. Он осторожно заглянул в помещение и увидел там подполковника Горобченко. Тот закрывал сейф Игоря и не слышал шагов Чернова.

— Здравия желаю, Сергей Дмитриевич, — громко произнес Игорь, — Чем вас так заинтересовало содержимое моего сейфа.

Горобченко вздрогнул от неожиданности и, развернувшись спиной к сейфу, начал растерянно бормотать:

— Да, вот после отпуска решил приехать на службу пораньше и посмотреть, как личный состав соблюдает режим секретности.

— И для этого нужно было вскрывать мой сейф? — решительно, глядя в глаза начальнику, спросил Чернов.

— Я хотел прослушать кассету, — стал оправдываться начальник, но затем взял себя в руки и совершенно другим тоном произнес, — Но ее почему-то у Вас в сейфе не оказалось. Где кассета, товарищ майор?

Он двинулся навстречу Игорю.

— А это мы выясним, но только позже, когда все придут на службу, — не двигаясь с места, произнес Чернов, До Вашего появления в моем кабинете, она была в сейфе.

— Майор, ты что, с ума сошел? Ты с кем там разговариваешь? Под трибунал захотел?

Чернов продолжал стоять каменным исполином в дверном проеме, загоразивая своим телом проход.

— Пропусти, — сквозь зубы процедил Горобченко.

— Вы отсюда не выйдете до прихода свидетелей, — Чернов пододвинул стул к двери и сел в проходе.

— Нет, ты явно с ума сошел, — начальник подошел к Чернову и, взяв его за воротник куртки, попытался оттолкнуть. Однако, Чернов был гораздо выше и плотнее начальника, поэтому с места не сдвинулся. Тогда Горобченко сделал шаг назад и с силой двинул Чернова в грудь обеими руками. Игорь упал на пол, но, быстро вскочив на ноги, неожиданно для себя, нанес ему мощный удар в подбородок. Начальник рухнул на стоявшие под стенкой стулья, развалив один из них. Он пролежал несколько секунд без движения, а затем стал медленно подниматься. Вытерев ладонью кровь с губы, он злобно произнес:

— А вот теперь ты точно у меня сядешь, уж я об этом позабочусь.

Не успел он закончить фразу, как в кабинет вошел майор Нещерет.

— Что здесь происходит? — удивленно спросил он.

— А вот, Юрий Иванович, вы стали свидетелем неуставных взаимоотношений между подчиненным и начальником. Разъясните ему, — он показал пальцем на Чернова, — какие статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации он нарушил.

Нещерет перевел вопросительный взгляд на Игоря.

— Он украл кассету с записью разговора Ковальчука, — пояснил свой поступок Чернов и рукой указал в сторону открытого сейфа.

Теперь заместитель начальника вновь вопросительно посмотрел на своего шефа.

— Что ты на меня смотришь? — закричал Горобченко на Нещерета, — Я здесь начальник и все будет так, как я считаю нужным.

Он сделал ударение на слове «Я». Затем, выйдя в коридор, заявил:

— Я поехал в отдел Флота, писать рапорт о проведении служебного расследования, — И, развернувшись, быстро вышел из помещения.

Нещерет и Чернов молча посмотрели ему в след.

— Напрасно ты его ударил, — не поворачивая головы, сказал Нещерет, — Конечно, никто по этому факту уголовного дела возбуждать не будет. Ни один из начальников не пожелает иметь такое ЧП в своем коллективе, а вот в должности или в звании тебя понизить смогут.

— А я тоже не буду молчать, — возразил Игорь, — Я напишу рапорт по поводу хищения им кассеты, имеющий гриф «Совершенно секретно».

— Ну, это еще надо доказать? — не уверенно произнес Нещерет.

— А что тут доказывать, — успокоившись, ответил Чернов, — Ключ от моего кабинета он мог взять только у секретаря отдела.

Он подошел к двери секретариата и легко ее толкнул. От прикосновения она со скрипом открылась.

— Пользуясь тем, что сегодня Вы еще исполняете обязанности начальника отдела, я напишу рапорт на Ваше имя по поводу незаконного проникновения в мой кабинет, вскрытия сейфа и хищения «сов. секретной» кассеты, а когда придет прапорщик Гринчик, то, я думаю, он напишет Вам подобный рапорт по поводу незаконного вскрытия секретариата.

— Ишь, как ты все разложил, — протянул, улыбаясь, Нещерет, — Да, ты оказывается коварный парень.

— С волками жить, по волчьей выть, — ответил Чернов, беря в руки лист бумаги и ручку, — Я защищаться буду до последнего.

Ровно через час аналогичный рапорт от секретаря отдела прапорщика Гринчика также лег на стол заместителю начальника отдела. А вместе с тем, телефон прямой связи с Особым отделом ВВС Флота молчал. Ближе к десяти часам в отдел приехал капитан Максимов. С

ним были двое мужчин в гражданской одежде, которых он представил, как понятыми. Чернов в этот момент позвонил командиру полка и попросил вызвать в отдел капитана Ковальчука. Полковник Масюнин, уставший от всех разбирательств, уже не задавал никаких вопросов, а молча исполнял все просьбы и требования военной прокуратуры. Через двадцать минут в отдел прибыл второй подозреваемый. Он был явно взволнован, его глаза бегали, не здороваясь ни с кем, он с порога спросил:

— Подполковник Горобченко здесь?

— Нет, — ответил Нещерет, — А зачем он Вам?

— Мне нужно с ним поговорить.

— Я его заместитель, можете поговорить со мной, — предложил свои услуги Нещерет, делая вид, что не в курсе их взаимоотношений.

— Нет, мне нужен Сергей Дмитриевич. Я могу его подождать? — спросил Ковальчук.

— Не можете, — за руководителя отдела ответил следователь прокуратуры, — У нас есть ордер на обыск Вашего автомобиля. Поэтому не будем терять времени, пройдемте.

На этот раз следователь пошел досматривать автомобиль с майором Пшеничным, который сам изъявил желание поучаствовать в следственном действии. Во время обыска, следователь принял решение изъять все содержимое багажника автомобиля. По словам, Пшеничного, Ковальчук держался относительно спокойно, не высказывал никаких претензий и не возмущался. Единственным его требованием было, вернуть весь инструмент в целостности и сохранности.

В течение трех последующих дней подполковник Горобченко на службе не появлялся. На четвертый день позвонила его жена и попыталась узнать, где находится ее муж.

— А кстати, куда он делся? — спросил Игорь Юрия Ивановича.

— Понятия не имею, — ответил тот, но, улыбнувшись, продолжил, — Я звонил полковнику Иващенко и спрашивал, когда мне сдавать полномочия начальника. Тот лаконично ответил, что пока начальник в запое, работать должен заместитель.

Он засмеялся от такой постановки вопроса и добавил:

— Все-таки начальником быть лучше, чем заместителем. Заместителя бы сразу сняли за пьянку, а запой со стороны начальника — это уважительная причина, к которой нужно относиться с пониманием.

В этот момент, неожиданно зазвонил телефон.

— Слушаю, майор Нещерет, — ответил он.

— Добрый день, это подполковник юстиции Мельников, — на другом конце провода прозвучал знакомый голос заместителя военного прокурора, — Обеспечьте явку в штаб, капитана Ковальчука. Есть основания взять его под стражу. И потрудитесь, чтобы он по пути никуда не сбежал.

— С нами не хотите поделиться, что же повлияло на это решение. Все-таки работали вместе, — попросил Нещерет.

— Нами установлено, что трос, которым блокировалась грузовая кабина вертолета, был перерезан именно теми кусачками, какие были изъяты у Ковальчука во время обыска. Плюс ко всему, среди инструментов у него обнаружен стеклорез и кусок пластилина. Кажется, один из Ваших подчиненных допускал версию, что при первом поджоге злоумышленник использовал именно эти предметы?

Подполковник сделал паузу и уже не терпящим возражения тоном продолжил:

— К приезду моих офицеров, Ковальчук должен быть в штабе. У нас мало времени майор. Поторопитесь.

Заместитель военного прокурора отключился, не дожидаясь очередных вопросов Нещерета. Юрий Иванович положил трубку на рычаг аппарата и обратился к Чернову:

— Ищи благовидный предлог, чтоб вызвать в отдел Ковальчука. Сейчас приедет прокуратура надевать ему кандалы.

Он дословно передал информацию, полученную от военного прокурора Игорю. Не долго думая, Чернов, набрал телефон дежурного по третьей эскадрилье и попросил позвать к аппарату капитана Ковальчука. Ждать пришлось около пяти минут. Наконец, в трубке послышался голос капитана:

— Ковальчук слушает.

— Василий Федорович, — как можно доброжелательнее начал Чернов, — Вы не могли бы подъехать сейчас к нам. Следователь привез Ваши инструменты и должен передать их лично Вам по описи.

— Хорошо, буду ехать на обед, зайду к вам, — ответил капитан.

Вы меня не поняли Василий Федорович, следователь уже здесь, ему нужно возвращаться, а расписку о возврате инструментов он хочет взять с собой.

На несколько секунд на другом конце провода повисло молчание.

— Вы меня слышите? — переспросил Игорь.

— Да, — наконец, ответил Ковальчук, — буду через пятнадцать минут.

Игорь положил телефонную трубку на рычаг и уткнулся не моргающим взглядом в стену. Как обычно, в предстоящей беседе, самым сложным бывает начать разговор. Конечно, хотелось бы, чтобы Ковальчук сам начал комментировать происшедшие события, но вряд ли стоило на это надеяться. Поэтому Чернов терялся в догадках, с чего начать. В этот момент в кабинет вошел Нещерет.

— Хорошо сидишь? — интригуяюще спросил он, и, присаживаясь напротив, протянул Чернову лист бумаги, — Вот почитай, что нам ответил Шосткинский райотдел милиции.

Руководитель с легкой ухмылкой смотрел на Чернова, отмечая, как у того по мере изучения текста округлялись глаза, и вытягивалось лицо.

— Этого не может, — откладывая в сторону документ, произнес Игорь, — Я мог предполагать все, что угодно, но этот вариант я рассматривал, только, как самый фантастический.

— И, тем не менее, в нашей работе всегда нужно быть готовыми к самым неожиданным поворотам, — заметил Нещерет и добавил, вставая с места, — Когда придет Ковальчук, ты сразу его не шокируй, постарайся протянуть время до приезда военной прокуратуры, а там пусть они сами с ним разбираются. Хотя, — он приостановился в дверях, — В свете последних событий, я чувствую, его опять вернут нам.

Он вышел из кабинета, тихо закрыв за собой дверь. Не прошло и пяти минут, как в кабинет вошел дежурный по отделу и доложил, что прибыл капитан Ковальчук. Чернов вышел в коридор, чтобы встретить посетителя. Тот пытался казаться беззаботным и спокойным, но его состояние выдавали бегающие глаза.

— Ну, так, где мой инструмент, — с порога спросил он, — а то мне нужно торопиться на стоянку.

— У начальника в кабинете. Сейчас он общается со следователем. Заходите пока ко мне, и подождите, пока они освободятся, — как можно любезнее предложил Чернов.

Ковальчук оглянулся назад на дежурного, и, постояв неподвижно несколько секунд, все же вошел в кабинет.

— Присаживайтесь, Василий Федорович, — указал Игорь на кресло, а сам сел за свой рабочий стол.

Игорь пытался сделать вид будто что-то пишет, но не смог сосредоточиться, так как гость непрерывно молча на него смотрел. Наконец, он не выдержал и первым задал вопрос Чернову:

— Могу я узнать, чего или кого мы ждем?

— Я же сказал, — подняв глаза, невозмутимо ответил Игорь, — Ждем, когда освободятся начальник со следователем.

— Опись инструмента я мог бы подписать и у Вас, — резонно заметил Ковальчук, — Это, что такая проблема? Вы мне что-то не договариваете.

— Ну, и вы нам много чего не договорили, — сорвался Чернов.

Он не ожидал от себя подобной реакции и пожалел, что вступил в словесную перепалку с посетителем, но отступить было поздно.

— И чего же я Вам не договорил? — улыбнувшись одними губами, спросил капитан.

— Ну, хотя бы то, для чего Вы сделали все эти поджоги? — напрямую спросил Игорь.

— Ах, вот Вы о чем? — наигранно засмеялся Ковальчук, — А хотелось бы услышать,

что дает Вам основания меня подозревать?

— А мне хотелось бы послушать Вас, но если Вы собираетесь все отрицать, то извольте, — майор отложил авторучку в сторону и, скрестив пальцы в замок, стал рассказывать:

— В феврале, когда сгорел домик с формулярами в первой эскадрилье, я, осматривая место происшествия, нашел в снегу обломок оконного стекла, с бороздкой от стеклореза и пятном, напоминающим след от пластилина. Стеклорез и пластилин обнаружили у вас в ящике с инструментами.

— Это серьезные улики, — перебил его Ковальчук, не скрывая сарказма, — Учитывая, что все вертолеты и двери опечатываются у нас именно пластилином, то это действительно, серьезно.

Он наигранно засмеялся и свободно откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу.

— Не перебивайте меня, если хотите дослушать до конца, — произнес Чернов.

— Извините. Я Вас внимательно слушаю.

— Помимо этого, — стал продолжать Чернов, — я обнаружил в балке след лыжни от охотничьих лыж. Как выяснилось позже, такие лыжи в гарнизоне имел только капитан Козак и Вы их периодически брали у него, когда ставили ловушки на куропаток.

В этот момент, Ковальчук удивленно поднял брови, но промолчал.

— Таким образом, — не обращая внимания на его реакцию, продолжил Чернов, — В тот февральский день, Вы положили лыжи в автомобиль и выехали на окраину гарнизона. Там, возле речки, где начинается овраг, Вы оставили машину и на лыжах пошли по балке в сторону стоянки. Поднявшись к служебной застройке, вы дождались, когда дежурный удалится на другой край стоянки, вышли из укрытия и подошли к домику. Стеклорезом вырезали край стекла, пластилином его зафиксировали, чтобы оно не выпало и не разбилось, создавая лишний шум. А затем, выбросили осколок подальше от домика. Вы надеялись, что он провалится глубоко в снег, но он остался на поверхности. Затем, Вы взяли одну из бутылочек с горючим, которые всегда возите с собой в багажнике, и прыснули из нее жидкостью в помещение. Учитывая, что там находились формуляры, другими словами — бумага, то возгорание произошло относительно быстро. Когда к домику подбежал дежурный, потушить пожар уже было невозможно, а Вам хватило этого времени, чтобы вернуться в овраг, да и дежурному некогда было смотреть по сторонам.

— Bravo, товарищ майор, — театрально захлопал в ладоши Ковальчук, — Но в этой истории есть одна нестыковочка. Я в феврале был в отпуске.

— Согласен, что были в отпуске, — парировал Чернов, — Но только из гарнизона никуда не выезжали.

Ковальчук попытался ему возразить, но Чернов вышел из-за стола и стал рассказывать дальше, прохаживаясь по кабинету:

— В случае с попыткой поджога склада противолодочного вооружения, именно Вы привезли туда на своем автомобиле капитана Лукьянова и, дождавшись, когда часовой пойдет на осмотр периметра, опять использовали бутылочку с горючим. Вы полили бревенчатую стену спиртом или керосином, прикрутили пластырем зажженную сигарету к зажигалке и положили под стену. Когда Лукьянов вышел из склада, сигарета к тому времени еще не прогорела до зажигалки и возгорания не произошло. Но, как только вы удалились, она истлела до пластмассы, расплавил корпус зажигалки и газ, находящийся в ней, вспыхнул. От образовавшегося пламени загорелась жидкость на стене, но к вашему

разочарованию, она быстро прогорела. Здание не загорелось только лишь потому, что древесина была обработана противопожарной специальной смесью. Когда загорелся на аэродроме модуль, именно вы с Игнатовым последними заходили штаб. Вы знали, где обычно хранится баллон с керосином после мытья полов, бросили туда тлеющую ветошь, скрученную узлами, и вышли. При закрытой двери шкафа, ткань продолжала тлеть, не задымляя коридор. Затем, она начала гореть по принципу керосиновой лампы, а дальше она упала внутрь баллона, и произошел пожар.

Перед боевой службой кроме Вас некому было бросить болт в редуктор. Я выяснил, на крышу кабины в тот день поднимались только Вы и зачехляли вертолет тоже Вы. С Вашим опытом работы, нельзя было не заметить отсутствия щупа. Но, тем не менее, это произошло. Вы специально доложили об его отсутствии, потому что вам не выгодно была катастрофа вертолета. В этом случае Вы автоматически стали бы главным подозреваемым по делу или даже обвиняемым. Поэтому, Вам нужно было только одно — снятие техники с боевой службы и отвод Вас от участия в ней.

— Глупости. Какой же техник не хочет пойти на боевую службу? Опять нестыковка, — тихо усмехнулся Ковальчук.

— Как мне показалось, боевые службы не очень-то вас интересовали в личном плане. Но об этом позже. — Чернов присел на край стола и, глядя в упор на собеседника, продолжил:

— И, наконец, попытка последнего поджога. В день обнаружения канистры в вертолете, я проверил плотность закрытия дверей на всех бортах полка. На всех вертолетах, без исключения, они были закрыты плотно. Я уверен, что и Вы ранее всегда закрывали их, как положено, кроме последнего случая. А все потому, что в тот день случай был особый. Как никак, праздник Великой Октябрьской социалистической революции. Это было бы очень символично, в такой день ознаменовать развал СССР уничтожением целого вертолетного полка, причем в мирное время.

Нужно было отдать должное терпению Ковальчука. Он смотрел на Чернова спокойным взглядом, не перебивая его. Иногда, снисходительно улыбался, но в целом держался спокойно и невозмутимо. В какой-то момент Игорь начал сомневаться в целесообразности начатого разговора, но давать обратный ход уже было поздно, поэтому он продолжал:

— Вы очень грамотно все посчитали: 6 ноября, умышленно оставили щель в дверях. Даже, если б ее кто-то и обнаружил, то не стал бы никому докладывать, потому, как нарушения никакого не было. 7 ноября Вы приглашаете в гости Игнатова, и вместе с ним отмечаете праздник. Тем самым, обеспечиваете себе алиби. 8 ноября так же, как и в случае с поджогом домика с формулярами, только светлым днем, выдвигаетесь на стоянку на лыжах, которые самовольно взяли у хозяина гаража. Там также дожидаетесь, пока из виду не скроется часовой, перерезаете кусачками трос и поджигаете шнур на канистре, а затем возвращаетесь в овраг, где оставили лыжи.

Судя по опросам Ваших сослуживцев, Вы всегда часто приезжали на стоянку на своем автомобиле, так что 6 ноября канистра, скорее всего, находилась в багажнике автомобиля. Вы умышленно взяли не свою канистру, а канистру Козака, потому что Вашу, некоторые офицеры могли видеть у вас в машине. Расчет был на то, что возгорание произойдет по тому же сценарию, как и в эскадрильском модуле с баллоном керосина, но вы не учли, что в помещении было тепло, а в вертолете была отрицательная температура, и керосин не загорелся.

— Вы знаете, Игорь Геннадьевич, мне так интересно Вас слушать, — с вызовом заявил Ковальчук, — Как какой-то детектив в стиле Агаты Кристи. Вот только ко мне это все привязать сложно. В последнем случае, я никак не мог 8 ноября осуществить попытку поджога вертолета, так как в этот день попал в лазарет с сердечным приступом, и Вы об этом знаете.

— Это тоже часть инсценировки, — возразил ему Чернов, — 8 ноября в районе обеда, вы вернулись в гараж, поставили лыжи на место и поспешили домой. Уже дома Вы искусственно спровоцировали сердечный приступ. Вам даже не пришлось сильно переигрывать. Во-первых, после употребления спирта накануне, да плюс физическая нагрузка 8 ноября, все это само по себе уже дали организму определенную встряску. Но Вы еще выпили целый пузырек настойки элеутерококка, чем умышленно усугубили свое состояние, вызвав повышенное давление и тахикардию. Врач мне рассказал, что видел у вас дома пустой флакон от этой настойки.

Игорь сделал паузу и вновь сел за стол. Он посмотрел на Ковальчука, тот сидел с безмятежным выражением лица.

— И последнее, — произнес Чернов. — Прокуратура провела экспертизу кусочек, обнаруженных у вас в инструментах. Доподлинно установлено, что трос в грузовой кабине вертолета перерезан именно ними. Теперь я Вас хочу спросить, по чьему указанию Вы стремились систематически подрывать боевую готовность полка?

Ковальчук молча сидел в кресле, опустив глаза, и не шевелился. На минуту Игорю показалось, что тот уснул. В кабинете повисла гробовая тишина. Наконец, Чернов прервал молчание и вновь обратился к Ковальчуку:

— Вы слышали мой вопрос, Василий Федорович? — он сделал паузу и, глядя на собеседника, добавил: — Или как там вас зовут на самом деле?

— Не понял? Что вы имеете ввиду? — поднял голову Ковальчук.

— У меня вот лежит ответ из Шосткинского горотдела милиции на мой запрос. Мне захотелось навести о Вас справки за период учебы и жизни в интернате. Вы не поверите, но заместителем этого отдела оказался ваш одноклассник. Судя по Вашему личному делу, вы вместе с ним проучились на протяжении десяти лет. Так вот, он утверждает, что во время его учебы и жизни в этом заведении учащегося по фамилии Ковальчук и имени Василий Федорович, не было никогда. Это подтверждают и другие выпускники этого интерната, закончившие учебу в тот же год, что и Вы. И даже по Вашей курсантской фотографии, которую мы взяли из Вашего личного дела, Вас также никто из «одноклассников» не опознал. Директор школы-интерната, который подписал Вашу школьную характеристику, по стечению обстоятельств, умерла сразу после Вашего выпуска, от инфаркта. Теперь я понимаю, почему Вам «не везло» с поступлением в Академию. Вам нельзя было допустить ситуацию, чтобы наша служба в отношении Вас провела полную спецпроверку.

Игорь не успел договорить последнюю фразу, как Ковальчук резко сорвался со своего места и с криком «Ненавижу», как зверь кинулся на него. Чернов не успел ничего предпринять, как тот повалил его на пол и стал душить. У Ковальчука оказалось преимущество, сработал фактор внезапности, да и Чернова не был готов к подобной реакции со стороны своего собеседника. Игорь изо всех сил пытался нанести своему противнику удары по корпусу, но лежа на полу это было малоэффективно. Постепенно он почувствовал, как силы стали его покидать, а в глазах потемнело. В этот момент, как во сне прозвучал глухой стук, напоминающий хруст сухого дерева. На лицо Игорю посыпались щепки.

Ковальчук внезапно обмяк и стал скатываться на бок. Наконец, как в тумане, Чернов увидел перед собой майора Дубовика. Тот испугано смотрел на обоих, не выпуская из рук доски от нардов, а точнее того, что от нее осталось.

— Будешь должен, — показывая на разбитую доску, улыбнулся Евгений Герасимович, — Вовремя я зашел перекинуться с тобой в нарды.

На шум прибежали Нещерет и, только что вошедший, следователь. Сознание к Ковальчуку вернулось быстро, он окинул всех злобным взглядом и произнес:

— Ненавижу, как я вас всех ненавижу.

Капитан юстиции ловким движением надел на него наручники, и, посмотрев на взъерошенного Чернова, сказал:

— Напрасно Вы его так били, мы бы и сами его в прокуратуре раскрутили.

Дубовик посмотрел на следователя и громко рассмеялся. Тот, в свою очередь, окинув всех недоуменным взглядом, взял под руку Ковальчука и в сопровождении матросов повел к дежурной машине.

На следующий день, после обеда, когда Чернов прибыл в отдел, его вызвал к себе Нещерет.

— Бери машину и езжай в особый отдел ВВС Флота. Полковник Иващенко сейчас в Североморске, поэтому иди сразу к заму, он будет на месте.

— А по какому поводу? — спросил Чернов.

— Не знаю, — отводя глаза в сторону, ответил Нещерет, — Может, поощрят, а может, накажут. У нас ведь ничего загадывать нельзя.

Через полчаса майор Чернов вошел в кабинет полковника Бевзы.

— Товарищ полковник, майор Чернов по Вашему приказанию прибыл, — доложил Игорь.

— Здравствуй, Чернов, — протягивая ему руку, поздоровался заместитель начальника Особого отдела ВВС, — Есть, как обычно две новости, хорошая и плохая. С какой начинать?

— Все равно, — насторожился Игорь.

— Во-первых, Ковальчук вчера сознался во всех поджогах. С чем я вас и поздравляю. А вот сегодня стал подавать все признаки психического расстройства, и его вынуждены были отправить на психиатрическое обследование.

— И в чем же это выразилось?

— Представляете, когда его попытались обвинить в частности, в подрыве обороноспособности полка и в целом — Родины, он заявил, что СССР никогда не был его Родиной. А дальше стал плести всякую чушь, что, якобы, родился в США и все свои деяния вершил во имя независимой Украины.

— А Вы думаете, что это, действительно, чушь?

— А как можно это заявление воспринимать всерьез? — вопросом на вопрос ответил Бевза, — Он с курсантских времен находился под контролем командиров. Не ребенком же его к нам забросили. Это, действительно, у человека произошло психическое отклонение. Возможно, это последствие падения с кабины вертолета. Возможно, тогда, это ни как не отразилось на его поведении и поступках, а с годами проявилось. Все-таки мозг — это непредсказуемый орган.

Игорь не стал дискутировать на эту тему с начальником, может быть, он был и прав.

— А какая тогда хорошая новость? — поинтересовался Чернов.

— Это и была хорошая новость, — ответил Георгий Маркович и, встав с места, продолжил, немного понизив голос:

— Видишь ли, Игорь, нам поступил рапорт от подполковника Горобченко о том, что ты нанес ему физические увечья и в госпитале ему диагностировали сотрясение мозга. Сейчас он находится там на лечении. Майор Нещерет мне рассказал все, что произошло между вами. Как человек и как офицер, я на Вашей стороне, но как начальник обязан принять меры. Горобченко все же вернул кассету, правда, половина записи там уже стерта и мы уже ничего не докажем. Но, тем не менее, ему мы указали на неполное служебное несоответствие. Теперь должны принять решение по Вам. Учитывая Ваши заслуги, могу предложить только один компромиссный вариант.

Он посмотрел прямо в глаза Чернову:

— Сейчас и здесь Вы пишете рапорт о переводе на Украину, откуда прибыли. В настоящее время там создали свою Службу национальной безопасности, и адмирал дал команду никого не держать из тех, кто пожелает перевестись туда для продолжения службы. В этом случае, мы не будем выносить сор из избы и в кратчайшие сроки переведем Вас домой с самыми хорошими характеристиками и аттестациями. В противном случае, нам придется проводить служебное расследование и, возможно, принимать в отношении Вас самые радикальные меры. Лично мне, этого не хотелось бы.

Игорь подумал около минуты и произнес:

— Знаете, Георгий Маркович. Я думаю, что раздел Союза надолго не затянется и скоро все вернется на круги своя. Поэтому я думаю, будет лучше наблюдать за всеми этими перипетиями из окон своей квартиры на Украине. Да, и Люда не хочет быть для своих родителей иностранкой. Мы уже обсуждали этот вопрос дома.

Выдав из себя улыбку, он взял лист бумаги и размашистым почерком написал рапорт. Затем, передав его полковнику, тихо добавил:

— Хотя, здесь осталась часть моей души и за эти годы, Север для меня стал родным.

Чернов встал с места, отдал честь и вышел из кабинета начальника. Впереди предстояла неизвестная, новая жизнь, уже в другом государстве и совсем другая служба.

Генерал — лейтенант Джеймс Клэппер, совсем недавно занявший пост Директора РУМО США, внимательно читал докладную записку руководителя разведки Атлантического Флота Томаса Уилсона о провале агента «Генри» в одной из частей Северного Флота России. Подняв взгляд на стоявшего рядом помощника, он обратился к нему:

— Передайте генералу, что меня сейчас больше волнует ситуация в Персидском заливе и странах — членах бывшего Варшавского Договора. Поэтому для нас приоритетными становятся именно эти направления. Что же касается этого агента, — он указал пальцем на документ, — То подготовьте соответствующее опровержение, на случай, если Правительство России выдвинет нам претензию. Да, и позаботьтесь, об его семье.

— У него нет семьи в США, родители умерли еще в 80-х годах, — ответил помощник.

— Тем лучше, — произнес генерал и вновь углубился в изучение документов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net